

W

$\frac{475}{25}$

B. 2

ОСЕТИНСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
..... ИНСТИТУТ КРАЕВЕДЕНИЯ

ПАМЯТНИКИ НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА О С Е Т И Н

ВЫПУСК 2

ДИГОРСКОЕ НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО
В ЗАПИСИ МИХАЛА ГАРДАНТИ

Предисловие, перевод на русский язык и примечания Г. А. ДЗАГУРОВА
(Губади Дзагурти)

НАПЕЧАТАНО ПО ПОСТАНОВЛЕНИЮ УЧЕНОЙ КОЛЛЕГИИ ОСЕТИН-
СКОГО НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА КРАЕВЕДЕНИЯ.

Директор Д. А. ДЗАГУРОВ.

ОСЕТИНСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
..... ИНСТИТУТ КРАЕВЕДЕНИЯ

ПАМЯТНИКИ НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА О С Е Т И Н

ВЫПУСК 2

ДИГОРСКОЕ НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО
В ЗАПИСИ МИХАЛА ГАРДАНТИ

Предисловие, перевод на русский язык и примечания Гр. А. Дзагурова
(Губади Дзагурти)

ВЛАДИКАВКАЗ

1 9 2 7

НАПЕЧАТАНО ПО ПОСТАНОВЛЕНИЮ УЧЕНОЙ КОЛЛЕГИИ ОСЕТИЧ-
СКОГО НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА КРАЕВЕДЕНИЯ.

Директор Д. А. ДЗАГУРОВ.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

В предисловии к первому выпуску „Памятников устного народного творчества осетин“, изданному Осетинским Научно-Исследовательским Институтом Краеведения в 1925 году, я писал, что Институт решил издавать имеющиеся в его распоряжении материалы по народному творчеству в хронологическом порядке, т. е. в порядке их записи. Ввиду этого в настоящем втором выпуске издаются материалы на дигорском языке, собранные народным учителем Михалом Гарданти (Михалом Гардановым—Mihal Gardanti). Дигорский язык и дигорцы составляют западную ветвь осетинского народа и языка. В настоящее время всех дигорцев насчитывается приблизительно до 50.000 душ. Дигорцы проживают, главным образом, в Дигорском округе Северо-Осетинской Автономной Области, а также в двух станицах, Ново-Осетинской и Черноярской, Прохладненского района, Терского округа. Дигорский язык, как показывает сравнительное его изучение, отличается по сравнению с иронским большей архаичностью своих форм. На этом языке до сих пор изданы только следующие памятники устного творчества:

1) Вс. Миллер. „Fünf Ossetischen Ersählungen in Digorischen Dialekt“, Petersburg. 1891

2) Вс. Миллер. „Дигорские сказания“ (перевод и примечания), издание Лазаревского Института Восточных языков, Москва, 1902 г.

3) М. Туганов. „Digoron kadængitæ“, Владикавказ 1911 г.

Кроме того, необходимо отметить текст посвящения, опубликованный тем же Вс. Миллером в первой части „Осетинских Этюдов“.

Собирание памятников устного народного творчества на дигорском языке имеет свою несложную историю, на которой необходимо остановиться. Первым собирателем памятников устного дигорского творчества был Соломон Алексеевич Туккаев (Tugkatî Gæbudî), учитель Вс. Миллера по дигорскому языку. Его записи изданы частью на дигорском языке, частью же только на русском языке (см. предисловие Вс. Миллера к

„Дигорским сказаниям“, изд. Лазаревским Институтом Восточных языков). Он происходил из жителей с. Христианского, Дигорского Округа. Отец его был рядовым горцем-хлебопашцем и пчеловодом; мать его, которая жива еще и до сих пор, неграмотная осетинка. Родился он 16 декабря 1857 г. и умер преждевременной смертью от туберкулеза 29 марта 1890 года. Первоначальное образование он получил в начальной

Tugkati Gæbudi

школе с. Христианского, среднее—во Владикавказском реальном училище, а высшее—в Петровской Земледельческой Академии. О времени с 1 октября 1886 года и по 1 октября 1888 года имеется отрывок автобиографии С. А. Туккаева следующего содержания: „До 1 января 1886 года проживал в Москве и писал отчет о практических занятиях в имении. С

1 января 1886 года был зачислен кандидатом на должность податного инспектора на Кавказе, вследствие чего был командирован Департаментом окладных сборов в Московскую Казенную Палату для ознакомления с податным делом. Так как введение податных инспекторов на Кавказе было отложено на неопределенное время, то мне пришлось пробыть в Палате до 1 августа 1887 года. Первые три месяца, когда был в Палате в качестве ученика, вознаграждения не получал. С четвертого же месяца стал получать по 25 рублей в месяц в качестве вольнонаемного служащего. В этот же промежуток времени, т. е. летом 1887 года был командирован Комитетом шелководства, состоящим при Московском Обществе сельского хозяйства, на средства Министерства Государственных Имуществ, в Херсонскую губернию для ознакомления с состоянием шелководства в этой губернии. С 1 августа 1887 года по 1 декабря того же года служил по вольному найму, пока не был исключен из крестьянского сословия, в Департаменте окладных сборов на жалованье в 40 рублей в месяц. В декабре того же года уехал на Кавказ для поправления расстроенного здоровья. До 1 октября 1888 года лечился в Кисловодске. 1 октября, когда вводили инспекторов на Кавказе, был назначен Податным Инспектором 3-го участка Кубанской области. Эту должность занимаю до настоящего времени. Страдаю неизлечимым хроническим воспалением легких. Состою действительным членом отделения пчеловодства общества акклиматизации животных и растений и Комитета Шелководства в Москве. Как видно из предписания Начальника Владикавказского Округа приставу 2 участка Владикавказского округа от 28 ноября 1887 года, за № 17161, С. Туккаев окончил Петровскую Земледельческую и Лесную Академию со званием действительного студента 3 мая 1886 года, вследствие этого он был освобожден от отбывания натуральных и иных крестьянских повинностей. Начальник Владикавказского Округа по последнему вопросу писал следующее: „Директор Петровской Земледельческой и Лесной Академии отзывом от 4 сентября с. г., за № 3637, уведомил Терское Областное Правление, что Вольно-Христианского Осетинского прихода рожdestва пресвятой богородицы церкви Соломон Алексеевич Туккаев Советом названной Академии, в заседании 3 мая прошлого года, удостоен звания действительного студента Сельского Хозяйства с присвоением ему, на основании 6 ст. высочайше утвержденного в 16 день июня 1873 года устава Академии всех прав и преимуществ, предоставляемых действительным студентам Российских университетов. В виду чего Терское Областное Правление дня 20 сего ноября, за № 14086, сообщая мне об этом, предложило освободить Туккаева

от отбывания тех повинностей, от которых свободны вообще лица привилегированных туземных сословий.

Об этом дано знать вашему высокоблагородию для сведения и надлежащего исполнения, по предмету освобождения С. Туккаева от приведенных выше повинностей. Подлинный подписали: Начальник Округа полковник Голубов и секретарь Микеладзе“ (копия с предписания Начальника Владикавказского Округа приставу 2 участка Владикавказского Округа от 28 ноября 1887 года за № 17161). Перу С. Туккаева принадлежат две статьи краеведческого характера: „О состоянии пчеловодства в окрестностях Владикавказа“ и „О пчеловодстве в Осетии.“ Обе статьи напечатаны в „Известиях Общества Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии“ за 1885 год, т. 2, вып. 1. Вот все данные, какие мы имеем о первом собирателе памятников дигорского народного творчества. Возможно, что о нем имеются более подробные и точные данные в архивах Христианской сельской церкви, Московской Петровско-Разумовской (теперь Тимирязевской) Академии и б. Терского Обл. Правления, а также среди рукописей Вс. Ф. Миллера, хранящихся в Союзной Академии Наук. К сожалению, нельзя сейчас установить, чем был вызван глубокий интерес к памятникам устного народного творчества у С. А. Туккаева, когда по своей специальности он далеко стоял в стороне от так называемых гуманитарных наук; возможно, что на него в этом отношении оказал большое влияние Вс. Миллер, который в свою очередь учился у него дигорскому языку и пользовался его знаниями этнографии Осетии, в частности дигорского народа. Во всяком случае, за С. А. Туккаевым необходимо признать право первого собирателя памятников народного творчества на дигорском языке.

Вслед за С. А. Туккаевым идут два собирателя Михал Гарданти и Инал Сабити (Михаил Гарданов и Инал Собиев). Они оба почти одновременно стали заниматься собиранием памятников народного творчества. Кроме них, необходимо назвать еще Муха и Тарко Гардановых (Muxa ta Tærkho Gardanti) и Филиппа Такоева (Tækhotti Dzotdzæn). Этим последним принадлежит запись нескольких дигорских сказаний частью на дигорском языке, а частью на русском языке. (см. Вс. Миллер „Дигорские Сказания“ и „Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, вып. 27, 3 отд. стр. 49—58).

Биография Михала Гарданти, собирателя настоящего сборника, такова: он родился 2 февраля 1870 года в с. Христианском. В 1880 году поступил в Христианскую сельскую церковно-приходскую школу. В 1887 году поступил в Ардон-

ское Осетинское духовное училище, которое окончил в 1893 году. С этого времени Мих. Гарданти состоит народным учителем. Более десяти лет М. Гарданти был учителем в Махчешской школе, в горной Дигории, и по праву считается одним

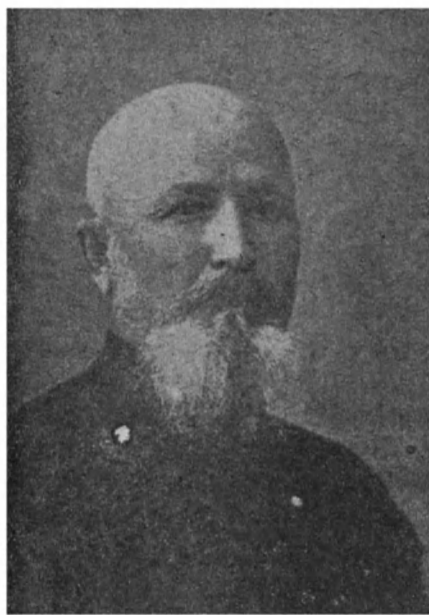

Sobiti Inal

из просветителей Дигории. Как педагог, М. Гарданти всегда стоял на уровне современности. Участие в революционной деятельности М. Гарданти начал с 1902 года. В 1906 году после подавления первой русской революции М. Гарданти был арестован и полгода просидел в тюрьме. После освобождения из тюрьмы за М. Гарданти был учрежден полицейский надзор. В 1908 году М. Гарданти был снова арестован и выслан из пределов Терской области. Через некоторое время ему было разрешено вернуться во Владикавказ, но без права выезда из Владикавказа и въезда в осетинские села. После отбытия полицейского надзора М. Гарданти снова учительствует. Начиная с 1917 г. после февральской революции, М. Гарданти занимал ряд ответственных должностей в разное время; так, напр., состоял членом Гражданского Комитета Владикавказского округа, то-

варищем Председателя С.-Осетинского Училищного Совета, членом Ревкома Дигории, Зав. ОкрОНО Дигории и т. д. В 1919 году, после утверждения власти Добровольческой Армии, отступил вместе с другими в Грузию и вернулся обратно в первых числах февраля 1920 г., т. е. за некоторое время до окончательного утверждения советской власти на Тереке.

Перу М. Гарданти принадлежит несколько печатных работ: „Селение Христианское“ („Известия Осетинского Научно-Исследовательского Института Краеведения, вып. I, 1925 г.), Дигорский букварь и др. В рукописи имеются, кроме печатаемых в настоящем выпуске народных сказаний, следующие работы: 1) „Дигорское обычное право“ (на дигор. языке); 2) „Религия осетин“ (на дигор. языке); 3) „Древняя Нарта и современная Осетия“; 4) „Алдарство в Осетии“; 5) 1 и 2 книги после букваря на дигорском языке; 6) Драма „Кандалы“ (Qadamatæ—на дигор. языке) и др.

Mixal Gardanti

В продолжение долгой своей учительской службы М. Гарданти работал в селах Христианском, Махческе, Дарг-Кохе, Хумалаге, Галиате, Тибе и в Гизели. Везде он, как учитель-общественник, пользовался любовью и уважением как со стороны учащихся, так и всего взрослого населения.

Собиранием памятников народного творчества Мих. Гарданти начал заниматься более 30 лет тому назад. Не имея под руками программ по собиранию памятников народного

творчества, Михал Гарданти мечтал создать нечто в роде „Одиссеи“ и „Илиады“, потому записывал не весь цикл нартских сказаний, а только те сказания, которые ему почему-либо казались наиболее интересными или оригинальными. На этом же основании он не записывал сказания цикла о Дареджанах, так как они являются заимствованными. В этом подходе к народным сказаниям и их записи заключается самая слабая сторона М. Гарданти. Большинство сказаний, помещаемых в настоящем выпуске, записаны Михалом Гарданти со слов и с напева известного народного певца Кертиби Кертибити (Kertibi Kertibiti), а небольшая часть от других лиц, в том числе от деда своего Баззе Колойти (Bazze Kholojti), Инала Базити (Inal Baziti) и др. Наиболее известным и замечательным певцом, знатоком и хранителем устного народного творчества был Кертиби Кертибити. В виду этого, а также в виду того, что тип осетинского народного певца пока не получил своего отображения в науке, необходимо остановиться на личности этого в своем роде замечательного человека.

Кертиби Келеметович Кертибити (Kelemeti furt Kertibi Kertibiti) родился в 1834 году в маленьком горском селении Вакац (Uæqæc) Дигорского ущелья и умер там же в январе 1914 года. Мать Кертиби Дзотдзо, урожденная Дзагурова, была замужем за Келеметом Тугановым; со стороны бабушки он был в родстве с фамилией Загаловых, а со стороны прабабушки — с фамилией Цакоевых. В те времена баделяты, т. е. представители привилегированного сословия в Дигории, имели по несколько жен, при чем одна из жен баделята должна была происходить обязательно из другой привилегированной фамилии (кабардинской, балкарской или осетинской в большинстве случаев) и только она считалась действительной женой. Дети от этой жены считались представителями привилегированного сословия, а дети от остальных жен, происходивших из простых крестьян (færsag adæm, adæmi xadt), в привилегированный род или фамилию не принимались, а считались рабами своего отца. Жены баделятов, происходившие из крестьян, назывались qumajag uostitæ (жены-кумиачки) а дети их, qumajag furttæ и qumajag kizgudtæ (сыновья и дочери кумиаки). Одной из таких жен баделята Келемета Туганова, которые происходили из среды трудящихся крестьян, была и мать Кертиби Дзотдзо. Она была дочерью Миоста Дзагурова, который погиб вместе с женой и семьей сыновьями от холеры. Дзотдзо оказалась круглой сиротой. Каким образом Дзагуровы выдали ее замуж за Келемета Туганова в качестве наложницы (qumajag uosæ), об этом сам Кертиби со слов матери передавал следующее: после того, как Дзотдзо потеряла своих родителей, братья ее

отца постарались поскорее избавиться от нее, как единственной наследницы зажиточных родителей, и выдали ее за Келемета Туганова в качестве *qumajag uosæ* (т. е. наложницы), а имущество ее родителей поделили между собой; этим самым они подняли выше свое материальное благополучие. К сожалению, не удалось установить более точно родословную Кертиби со стороны матери; удалось узнать только то, что те

Kertibi Kertibiti

Дзагуровы, от которых происходила мать Кертиби, переселились затем в с. Магометанское. Таким образом, Кертиби имел отца бадеята в лице Келемета Туганова, но так как он происходил от простой жены (*qumajag furt*—сын кумиак), то Келемет и другие Тугановы на него не обращали никакого внимания, и он воспитывался бедной, но зато очень заботливой матерью Дзотдзо. Еще в детстве мать внушила ему ненависть

к роду отца. Эту ненависть к баделятам Кертиби питал до самой смерти. Отец Кертиби Келемет Туганов был убит Митдзиевым из-за того, что Митдзиеву надоело следовать за Келеметом везде и всюду и даже в уборную с кувганом; Митдзиева баделяты приговорили за оскорбление, нанесенное им, к наказанию: всю жизнь следовать за Келеметом Тугановым. Митдзиев отбывал наказание, пока это не надоело ему; когда наказание оказалось более невыносимым, то он убил из кремневки Келемета Туганова. Как Кертиби никакого значения не имел для своего отца Келемета, так и смерть Келемета для Кертиби не имела никакого значения, так как Келемет не хотел его и видеть, и знать, как сына, так же, как и других детей от остальных жен (*qumajag uostitæ*). С 14 лет, когда Кертиби уже стал осмысленно сознавать окружающее, он перестал носить фамилию Тугановых и образовал фамилию от своего имени Кертибиевы (*Kertibitæ*).

Еще в раннем детстве Кертиби мать его Дзотдзо с детьми образовала самостоятельную семью, которую она питала своим личным трудом; одевала и обувала благодаря умению особенно хорошо ткать осетинские сукна разного качества (тонкие и грубые). Земли у нее не было, и она за сукно, сотканное ею же, купила несколько клочков пашни в горах. В те времена хлеб в горы таскали с плоскости на себе по зигзагообразной тропе (*æfscægi pad*), но несмотря на это, Дзотдзо удалось воспитать и вырастить своих детей: сына Кертиби и двух дочерей. Она оказалась энергичной женщиной; никогда она не сидела даром, а всегда была занята каким-нибудь делом по хозяйству. В момент образования самостоятельной семьи у матери Кертиби не было никакого имущества, а потому ей подарили ее родственники Цакоевы двухлетнего бычка. С этого началось ее хозяйство. Из этого бычка вышел хороший рабочий вол, которого можно было использовать в союзе с кем-нибудь (*Cædes, galvars; galvarsæj kosun raidædtoncæ*) и этим постепенно поднимать свое хозяйство. Благодаря особенному трудолюбию и умению вести хозяйство в горной обстановке Кертиби впоследствии имел крепкое хозяйство: до 60 голов крупного рогатого скота, пару лошадей и 6 нив (пашен). В детстве Кертиби отличался своим баловством, и матери стоило больших усилий следить за ним. Уже в детстве и в особенности в юношестве Кертиби стал выделяться среди своих товарищей и сверстников силой, умом и мужеством. Рассказывают такой случай из его молодости: однажды на свадьбе у Гадаевых ему и Басиату Киргуеву удалось выхватить из-под горевших угольев лучший пирог, который состряпали себе молодые женщины, и скрыться с ним. Это в те времена считалось особенным молодечеством. Баделяты, в осо-

бенности род его отца Тугановы, которые в те времена, в момент утверждения русского владычества на Кавказе, были в силе и угнетали народ, видели в нем своего непримиримого врага, но чувствуя в нем большую силу, а также и то, что масса на его стороне, по внешности оказывали ему знаки внимания. Кертиби отвечал тем же. Из общественной работы Кертиби самым большим делом необходимо признать проведение в Дигорском ущелье первой колесной дороги. Ему доверялись все общественные суммы. Кроме того, Кертиби неизменно являлся в роли медиатора, примирителя брата с братом, фамилии с фамилией, села с селом. Никто не мог сравниться с ним в этом деле, так как в те времена не было более находчивого, остроумного и красноречивого оратора не только в Дигории, но и во всей Осетии.

Необходимо отметить также и то, что Кертиби за отказ принять христианство (тогда принято было называть это ренегатством) отбывал вместе с другими лицами ссылку на острове Чечень в Кизлярском районе. Товарищи его почти все погибли в ссылке; он уцелел только благодаря своему крепкому здоровью.

У Кертиби было две сестры; одна из них Керти, которая считалась первой мастерицей в Дигории по шитью и рукоделью, была замужем за Дзарахматом Хамилоновым; после их смерти остались беспризорными сиротами от них Оразби и Аруказ. Кертиби взял их к себе против желания фамилии Хамилоновых, воспитал их и завещал им все свое имущество, так как у него у самого от двух жен (первая урожденная Алцагарова, вторая урожденная Тамаева) не было детей. Племянник Оразби Хамилонов принял фамилию Кертибиева. Как хозяин, крестьянин, Кертиби был также передовым; он отличался особенным знанием земледелия в Дигории. Он знал наперечет все сорняки и все другие травы, деревья, кустарники, а также почвы Дигории. Хорошо знал дело разведения крупного рогатого скота, осетинских овец, а особенно отличался знанием практического коневодства; за советами к нему обращались со всей Дигории.

Что касается Кертиби, как певца, то про него удалось установить следующее:

Народные сказания он знал в большом количестве; воспринял их частью от своей матери, которая, по преданию, была большой любительницей народных сказаний, а частью от стариков; больше всего воспринял он в детстве и юношестве. В своих сказаниях Кертиби давал много сведений из средней

истории осетинского народа, а особенно хорошо он знал историю Дигории во времена владычества кабардинцев на Северном Кавказе. Свои сказания Кертиби обыкновенно исполнял зимой в сопровождении игры на фандуре (fændur—осетинская двухструнная скрипка). Рассказ Кертиби, мастерски владевшего дигорским языком, всегда бывал богат содержанием; слог у него был необыкновенно легкий. Когда Кертиби излагал нартские сказания, то целое село Вакац (Uæqæc) собиралось на нихас. Собирались не только мужчины, но и женщины и дети, чтобы послушать Кертиби. Особенно много бывало народу, когда он сопровождал рассказ игрой на фандуре. Сказания Кертиби передавал так увлекательно, что люди по целым дням не уставали его слушать и высказывали сожаление, когда Кертиби вследствие усталости прекращал рассказывание и игру.

—Больше всего Кертиби любил воспевать нартских героев: Сослана, Хамица, Батраза, Урузмага, Маргуза, Афсадага, Сирдона и др.

Таков один из тех народных певцов, хранителей памятников народного творчества, которые сошли со сцены. Остается высказать сожаление о том, что, во-первых, Михал Гарданти не записал от него всего репертуара, каким он владел, и, во-вторых, отдельно—всего цикла нартских сказаний. В 1910 году я имел намерение восполнить этот пробел, но Кертиби был уже настолько стар и хил, что отказался передавать что бы то ни было: ænsuvær næ ci xucau iskodta, uoĵ istæn, neci bal zonun, feronx dæn sæ!“ („именем бога, сделавшего нас братьями, клянусь, ничего больше не помню, забыл их“). Это был его ответ на мою просьбу. Таким образом, приходится довольствоваться только тем, что записал от него Михал Гарданти и что входит в настоящий сборник.

В настоящем выпуске всего помещено 106 номеров, из которых тексты под №№ 69, 74, 77, 81, 97 и 106 включены мной из своих рукописей, при чем № 69 передан мне К. А. Гатуевым из архива отца своего; № 74—доставлен мне из Дурдура; № 77—доставлен мне студентом Рабфака Георгием Толасовым; № 81—передан мне Шамилем Абаевым; № 97—записан по моей просьбе студентом (теперь уже ветеринарным врачом) Георгием Иналовичем Базиным и № 106 записан мной самим. Все остальные сто номеров записаны исключительно Михалом Гарданти. Все материалы мной разделены на 11 разделов: 1) нартские сказания; 2) сказания об Ахсак-Темуре (Тамерлане); 3) сказания об Одинокое; 4) сказки (исторические, нравоучительные и детские); 5) песни быто-

вые, исторические, юмористические); 6) детские песни (колыбельные); 7) причитания (заплачки); 8) причитания при совершении обряда *mærdæhdau* (ирон. *maroj*); 9) посвящение; 10) заговоры (заклинания) и 11) детские игры. Ко всем этим сказаниям, в особенности к нартским сказаниям, необходимо было указать варианты, уже опубликованные в печати. За недостатком времени, а также во избежание задержки самого издания, пришлось от этой части работы отказаться до более благоприятного времени, когда эту работу возможно будет выполнить более полно и более внимательно. До этого же времени приходится отложить и анализ всех сказаний и песен по содержанию. Для того, чтобы читателю легче было разобраться в публикуемом материале, назову некоторые издания, в которых возможно найти параллели:

- 1) Шифнер „Осетинские тексты, собранные Дан. Чонкадзе и Вас. Цораевым“. СПб 1868 г., изд. Академии Наук;
- 2) Вс. Миллер „Осетинские Этюды“, 3 части;
- 3) Вс. Миллер „Дигорские сказания“;
- 4) Вс. Миллер „Дигорские сказки“, (изд. Дашковского Музея);
- 5) „Сборник сведений о Кавказских горцах“ (9 выпусков);
- 6) „Сборник для описания местностей и племен Кавказа“ (44 выпуска, изд. Кавказского Учебного Округа);
- 7) „Памятники устного народного творчества осетин“, выпуск I, изд. Осетинского Научно-Исследовательского Института Краеведения и др.

Моя работа при издании настоящих текстов состояла в том, что я их дважды переписал правильной орфографией: первый раз—в 1918 г. старой графикой, чтобы предохранить их от возможной гибели, а второй—в этом году новой графикой; кроме того, подготовил перевод их на русский язык, а также примечания к различным местам и различного характера. При переводе на русский язык я старался, по примеру Вс. Миллера, Шифнера и других, как можно ближе держаться дигорского текста с той целью, чтобы перевод мог дать более ясное понятие о характере и строе дигорской речи, так как иной способ передачи текстов извратил бы смысл и значение народных сказаний. Ясно, что к такому переводу нельзя предъявлять строгих литературных требований. Издание текстов на двух языках (дигорском и русском) объясняется желанием Института сделать их достоянием не только осетин, для которых они составляют одни из элементов национальной их культуры, но и широких масс нашего Союза.

Портрет С. А. Туккаева и некоторые документы, проливающие свет на его личность и жизнь, предоставил в мое распоряжение брат его Данел Туккаев, проживающий в настоящее время вместе с матерью в с. Христианском, Дигорского Округа, Северо-Осет. Авт. Области.

Портрет и сведения о жизни Кертиби Кетибити собраны по моей просьбе агрономом Афако Кертибити.

Обоим этим лицам я приношу свою благодарность за доставленные сведения и материалы, давшие возможность осветить хотя бы отчасти жизнь двух замечательных дигорцев.

Гр. Дзауров (Губади Дзаурти).

*Владикавказ,
14 июня 1927 года.*

MIXAL GARDANTI.

**DIGORON ADÆMI TAUÆRÆQTÆ, ZARTÆ,
HARÆNGITÆ ÆMA FÆLDISTITÆ.**

I.

F I T D Z A G S Æ R

NARTI TAUÆRÆQTÆ.

1. Æxsaræ æma Æxsærtægk.

Ustur i Nartmæ bærægdær adtæj duuæ mugkagi: Boriataæ æma Æxsærtægkatæ¹. Boriataæ adtæncæ beræ mugkag, Æxsærtægkatæ ba adæmæj minkhij, æxsaræj ba iting mugkag².

I duuæ mugkagi xucau kærædzemæ fæjjeris kodta³.

Jeu xadt kæmi adtæj, uomi⁴ Boriataæ niccudæncæ Æxsærtægkatæmæ ma si nælistægæj mugkag næ bal niuuxtoncæ, Bahodzajæj⁵ fæstæmæ.

Je ba adtæj, jeu dæxuædæg kud zonaj⁶, uæxæn næbæzzon⁷ iruhdgomau kævdæsard⁸.

Fal ma Æxsærtægkatæn sæ uostitæj jeu, mæguri kizgæ, æ cægatmæ randæj zærdæ'xsajgæj⁹.

Ci racudæj, xucau æxuædæg zonuj, uædta jin raigurdæj fæzændtæ duuæ læquæni.

Næmdtæ sæbæl isævardtoncæ Æxsaræ æma Æxsærtægk. Racæppo-læppo æncæ i bitdzeutæ, hazunhon fæcæncæ æma ængarti rafxuærioncæ. Jetæ ba sin rafedis kænioncæ, kæmæj ajtæ, uoj ku næ zonetæ, zæhgæ¹⁰.

Jeu bon i bitdzeutæ sæ madæmæ bacudæncæ ma'j bafarstoncæ, kæmæj an, zæhgæ.

Sæ madæ dær sin radzubandi kodta: „Uæ mugkag—Æxsærtægkatæ; ba-ma-ui-izadæj Bahodza, zæhgæ, jeu, inneti ba Boriataæ niccaxtoncæ“.

Duuæ læquæni fæjnæ bæxi isjeftong kodtoncæ; cæuun rai-dædtoncæ ma Bahodzaj duarmæ ærlæudtæncæ. Bahodza sæ ba-iuazæg kodta; iuazgutæ dær in sæxe bafæsmærun kodtoncæ, ma bazonun kodtoncæ, jetæ Æxsærtægkati baizajægtæ ke adtæncæ uoj.

Bahodza dær sæbæl niccijnæj, uædta sin ærdzurdta æ cardi hudtægta ma iuazægi fælæntæ¹¹.

Ærizæræj. Æxsævæ i kæstær Æxsaræ zaxta: „Aci æxsævæ æ fætthu bælasæ æz kud hæuaj kænnon uotæ!“

I fætthu ba adtæj Bahodzajæn æ turhi.

Izæræj tala rauadzidæ, æ dedenæg rafadidæ,¹² rafætthu uidæ, sæumæmæ ba æhzælun raidajidæ¹³.

Jeu marh in ibæl bahompalæj ma'j cædtæ kænun næ bal uaxta: æxsævæ jimæ ærcæuidæ ma'j niccæhdidæ.

Bahodza dzurd ravardta: „luazægæj mæmæ kadær cæua, je æj hæuaj kænun ku næ bafæraza, uæd in æ sær kud ærkænon uotæ!“

Jeci dzurdmæ gæsgæ¹⁴ sædæ særi ærkodta ma sæ zildægæj æ kehogi kærændti xameci mextæbæl ærcasta.

Uomæ gæsgæ,¹⁵ Bahodza, ci dær adtæj,¹⁶ næ arazi kodta Æxsaræn, uotemæj ku næ bafæraza, uæd mæxe fid ku baxuærdzænæn, zæhgæ¹⁷.

Na'dtæj'j uædtær¹⁸ Æxsaræ ne'skomkastæj ma æxsævæ bælasasi buni badun raidædta.

Fæbbadtæj; bonivajæn ærdæmæ ba rafunæj æj.

I marh ærtaxtæj ma niccaxta i fæfkhu.

Bahodza dær, cæmæj æ somijæn æcæg adtajdæ, uomæj jin æ jeu ænguldzæ ærkhuærdta.

Dugkag æxsævæ ba hæuaj kænun raidædta Æxsærtægk.

Rast bonivajæni ræstægi ba jeu cidær marhi xuzi i bælasæmæ ærtaxtæj ma'j kud niccaxta, uotæ ba'j Æxsærtægk dær fexsta ma'j fæccæf kodta.

Je dar niqqes—qes kodta ma fæstæmæ randæj.

Æxsærtægk jeu bælasasi sifæbæl togi ærtæx isserdta, ba'j-tuxta, æ kisi'j nivvardta, sæumæ ba zaxta Bahodzajæn: „Me'rvadi dæumæ uadzun, æz ba cæuun, ci niccafton, uoj babæræg kænunmæ“.

Æ duuæ jegarej xætdzæ ranæxstæræj; ali rauæn¹⁹ dær agurdta ma'j nekæmi jirdta.

Uædta jeu xani hæumæ baqærttæj.

I xænæn ba æ kizgæ æ uodæj hasta²⁰ ma jibæl adæm æmburdta kodtoncæ; i kizgæ ba adtæj, Æxsærtægk i' xsævæ ke niccasta je.

Æxsærtægk adæmi kæronmæ bastadæj, i togi ærtæx æ kisæj bælasasi sifæbæl isista, uomæj jin æ cæf baisarsta æma i kizga æ madæj raigurgau²¹ issæj.

Xan in æj binontæn ravardta.

Æxsærtægk xanmæ cærun raidædta. Adtæj cauæjnon læg; æ duuæ jegarej xætdzæ fæccæuidæ ma uotemæj æxe sirdi fidæj dardta. Uotemæj cardæj Æxsærtægk. Cauæni jeu ku cæuidæ, uæd in niffædzæxsioncæ jeu komæj uotæ, uordæmæ ma baco, zæhgæ.

Jeu bon Æxsærtægk fæxxadtæj²² ma nekæmi neci issirdta, izær ærdæmæ ba jeci kommæ baftudæj.

Uoj medægæ ba sægtæ æruæztæj xistæncæ, sæ astæu ba uors hæuanz.

Æxsærtægk fexsta uors hæuanzi. Hæuanz zelun raidædta ma komi dumægi jeu ændzæri nillæudtæj.

Ni-jjimæ-cudæj Æxsærtægk ma'j i ræbun jeu lægæti bafsnajdta.

Æxsævæ art nikkodta ma fezungutæj duuæ uxsti bajdzag

kodta.

Uæd imæ lægæti xurfæj jeu uosæ æracudæj ma jimæ dzoruj: „Mæ fons min cæmæn fæccaxtaſj?“

Æxsærtægk dær in zaxta: „Dæ fons næ'ncæ, fæl æraco ma jesti baxuæræ!“

Uosæ isbadtæj arti farsmæ, æxuædæg ba jin æ jegærdti quri æ dzigkoj xalæ babædtun kodta, æ toppi kærôn bæ l ba æ uædærtæ bakænun kodta. Uædta uxstæltæmæ ravna l dta ma sæ æ hælæsi bakal dta, uoj fæste ba Æxsærtægki xætdzæ fællægæj-læg mæ æncæ²³.

Uosæ jibæl fæqqæbærdæræj, bujnagin æxsæj æj ærcaxta ma æxecæn kud xuarz,²¹ uotæ'j festun kodta.

Æxsaræ ænhæl kæsun²⁵ raidædta je'rvadæmæ.

Ua-næ-ua²⁶ ku nekæmi zindtæj, uædta jimæ agoræg ran-dæj ma, cidær adtæj, i xanmæ niqqærttæj.

„Maxa dæ fesæfun ænhæl ku adtan,“ zæhgæ, jibal niccijnæ'-ncæ, Æxsærtægki ræuagi.

Æxsævæ'j uatmæ bakodtoncæ. Æxsaræ balædærdtæj, je'rvadæ ke fesavdæj uoj ma je dær uosæj æxe astæu æ kard nivvar-dta.²⁷

Uosæ jibæl fæddes kodta.

Æxsaræ ma Æxsærtægk ænxuzæn adtæncæ ma'j næ bafæs-mardta.

I bonæ Æxsaræ cauæn raidædta æ duuæ jegarej xætdzæ ma'j xucau jeci kom mæ baxasta; ramardta je dær jeci uors hæu-anz; jeci lægæti'j bafsnajdta; ni'j-art kodta ma fezongutæ isrævdzæ kodta.

Ualængi jimæ lægætæj i uosæ æracudæj, hærtæ gængæ:²⁸ „Mæ fons min cæmæn fæccaxtaſj?“

—„Dæ fons næ'ncæ, fal raco ma jesti baxuæræ!“

—„Ma mæbæl dæ jegærdtæ fæxxuæcdzænæncæ, dæ topp ba mæ niccævdzænæj ma mænæ dæ jegærdtæbæl mæ dzigkoj xalæ baftauæ, dæ toppbæl mæ uædærtæ bakænæ!“

Æxsaræ dær in æ dzigkoj xalæ artbæl bagælsta, æ uædærtæ ba jin kholi razildta.

I uosæ jimæ dzoruj: „Ci'j je? Cæj cæx-cæx æj ma cæj thuppitæ'ncæ?“

—„Cæstitæ dæbæl næ jes? Fezongutæ cæx-cæx kænun cæ. Thuppitæ bæ ævædzi æruæztæ dortæ zeluncæ ma uordægæj cæuuj“.

Uosæj baruagæsæj; ærbacudæj; arti farsmæ isbædtæj ma fe-zongutæ æ hælæsi bakal dta, uædta Æxsaræmæ æxe bagælsta ma fæhhæbesæj æncæ.

Uosæ qæbærdær kænun raidædta. Æxsaræ dær æ jegærdtæ-bæl fæhhær kodta.

Jegærdtæ fællæburdtoncæ ma uosæn je'skhelti rafedaræncæ, topp ba'j fexsta.

Ma i uosæ rauælgomæj ma lixstæ kænun raidædta, mæ uod de'uazæg, zæhgæ²⁹.

„Me'rvadæ min kud adtæj, uotæ festun kænæ ma din xatir fæuuæd!“

Uosæ jin bujnagin æxsæj sæ astæutæ ærcafta ma Æxsærtægk kud adtæj, uotæ festadæj æ jegærdti xætdzæ.

Uædta Æxsaræ ma Æxsærtægk i uosæmæ bazdaxtænca ma'j færki færkgaj nikkodtoncæ³⁰.

Xanmæ ærcudænca.

Xan, duuæ'rvademæj ka siaxs adtæj, uoj næ bal zudta.

Ærixsævæ'j ma læquæn æ uatmæ bacudæj.

Æ uosæ bolat kærdæn ærista ma'j sa'stæu ærivardta³¹.

Ærbonæj ma læquæntæ sæ xædzaræmæ ranæxstærænca, xan sin læværdtæ dær rakodta.

Nadbæl Æxsærtægk gurusxæ kænun raidædta³² je'rvadæbæl.

Æxsaræ sahadaqbæl fat isæmgon kodta ma zaxta: „Kæd maxmæ jesti chumurdzijnadæ ærqærttæj, uæd aci fat jeuemæj fæccæuæd, duuemæj ba ærizdæxæd ma mæ særi astæu nixxæs-sæd, ke næ ba duuemæj ærizdæxæd, ma min mæ rastdzijnadæ kud bazonaj du, uoj bakænæd!“

Sahadaq duuemæj ærizdaxtæj ma Æxsærtægkæn je'nguldzæ khoxæj fæxxauun kodta.

Æervadtæltæ kæræbzebæl bauuændtænca.

Æxsærtægk æma Æxsaræj babæj næuægæj isaxidtænca Æxsærtægkati mugkag.

Mæxčesg, 30 sentjabur 1903 anz. Kertibij dzurdtæj finst.

2. Bolat-Xæmic.

Bolat-Xæmicæn ba adtæj duuæ uosi.

Jeu bon³³ in sædæ hunemæj nimæt kodtoncæ ma jibæl alli zari sær xastoncæ.³⁴ „Aci nimæt uæxæn nivgun nimæt uodzænæj ma nin næ særi xecau³⁵ Auarmæ cæudzænæj; Auari ræsuhd qumæctæj nin æ næxæt bæstæ idzagæj xæssdzænæj; Auari ræsuhd kizgæ ba nin ærtigkagæn xondzænæj.³⁶

Xæmic ba æxe isxussæg kodta khelabæl ma sæmæ fehusta, uædta sin zaxta: „Xucau uin ma bakomæd! Mæ zærdi ka ne'ftu-dæj, uoj min mæ zærdi æriftudtajtæ“.³⁷

Bolat Xæmic Auaræj qumæctæ xæssun raidædta, uædta Aua-ri ræsuhd kizgæ uosæn rakurdtæ.

Uostitæj ba ne'ruagæs kodta.

Ua-næ-ua æj isxonuj, uoj ku bazudtoncæ, uædta cæxgun ærtæ khorej rakodtoncæ, tuppurmæ rauadæncæ ma iskuftoncæ, afæj sæjgæ ma nekæd rabadgæbæl,³⁸ æ afædzi boni ba æ mælæt kud fæcajdæ uobæl.

I kizgæ nadbæl fæssæjgæj, æ afædzi bonmæ fæssadæj, ma nur mældzænæn, zæhgæ, uædta zaxta Xæmicæn:³⁹ „Mæ qiamæ-tæj dæbæl neci jes, fal mæ ærtæ æxsævi bahæuaj kænæ!“

Auari kizgæ ramardæj.

Xæmic æj hæuaj kænun baidædta, je'stur kærcæ iskodta uælæftauæj, æ cerq⁴⁰ ba uoj medægi barimaxsta.

Duuæ æxsævi bahæuaj kodta; ærtigkag æxsævæ ba rujmon ærbalæstæj uobaji duari chasæj ma i mardmæ æ hælæs kud fæx-xæleu kodta, uotæ ba'j æ cerqæj rasærfta.

Rujmon duuæ' mbesi raxaudtæj ma fitdzag ærdæg læsun raidædta ma jeu færdug ærxasta.

I duuæ luxi jeumæ bakodta uotemæj ma sæbæl æj ærsærfta ma niccæfstæncæ.

Xæmic fællæuirdta ma færdug baræmuxta ma'j mardbæl særfun baidædta ma mard ærabadtæj⁴¹.

Uædta æ fijjag lædzægbæl jeu særi qabolæ bakodta, i kizgi dzigkotæj ba jin tæntæ iskodta, ma jibæl uotemæj cahd iskodta i uobaji xurfi.

Uæd izæræj uostitæ sabatizæri⁴² ærcudæncæ ma fænduri⁴³ cahd uobaji xurfæj ku fehustoncæ, uædta fæstæmæ fællihdæncæ.

Adæm dessagmæ ærcudæncæ ma uordigæj Auari kizgæbæl dugkag alaj nikkodtoncæ⁴⁴.

I duuæ uosej ba ænædændti dumgutæbæl nibbastoncæ, se'-stægi qazala ba sin basuxtoncæ.

(Bolat Xæmic sin uoj ærdzurdtæ, uædta zaxta: „Uoj cacægæj zæhun, uacægæj æj⁴⁵ mæ læquænæn radtetæ!“)

3. Soslan æma Sirdoni raiguruni tauæræq.

Narti Alægæn insæj læquæni raigurdæj.

Uonæn sæ kæstær xundtæj Sosæg-Ældar.⁴⁶

Æ fidæ'j necæbæl isaxur kodta fonsæj ændær⁴⁷ ma Sosæg-

Ældar uoni xætdzæ xadtæj ma cardæj.

Sosæg-Ældar ma bitdzeu ku adtæj, uæd æj æ fidæ æskhæti bakodta, æ xætdzæ ba ma ærtæ fusi ænæ furæj.

Jetæ jeunæg anzbæl sædæ fusi bacæncæ.⁴⁸

Sosæg-Ældar æ fonsi xætdzæ uotærdti cardæj.

Ci jibæl racudæj,⁴⁹ xucau æxuædæg zonuj, ma æ fons uoramun næ bal færasta.

Jeu bon kæmi adtæj, uomi ba sæ Terk uordgutæ isæskhardta ma sæ hæuaj kodta, læg jeunæg fus kud hæuaj kæna uotæ.

Æxsijni unæut fælgæsænæj rakastæj ma zaxta: „Auæxæn dessag nekæd fæjidton: dælæ i budurtæ fonsæj basauæncæ, hæuaj ba sæ jeunæg læg kænuj!“

Æxsijnæ rakastæj fælgæsænæj ma i fijjau i ku fæjdta, uædta uærdun rajeftindzun kodta ma Terki bilæmæ niccudæj.

Uomi ba æxe madiard bæhnæg⁵⁰ iskodta.

Sosæg-Ældar silæstæg bæhnægæj nekæd fæjdta ma fæddes kodta, uædta jeu dorbæl rafunæj æj ma fe'rtajunagæj.⁵¹

Æxsijnæ'j kud næ balædærdtæjdæ ma niffardægæj.

Sosæg-Ældar dær æxe ni'rtadta ma randæj æ fonsi xætdzæ.

Ci dær adtæj, Æxsijnæ i bandtæ nimajun raidædta i doræn.

Æ afonæ ku ærqærttæj, uædta dor bakhært kodta ma jimæ dori nafæj bitdzeu nixxudtæj.

Bitdzeu jin zaxta: „Dæ qiamæt ma bal fædzdzæhæl kænæ. Nur ba min lilahz iskænæ ma mæ Kurd-Ala-Uærgonæn baiisærun kænæ, je ba ajdah bolat ison.“

Æxsijnæ duuadæs uærduni dorin ævzalu ærbalasta, lilahzi don nikkodta ma'j kuncgomi istævdæ kodta, uædta'j i bitdzeu nivvardta ma jin æ uæragisærtæ næ rambarstæ.

„Dæ qiamæt dzæhæl kænuj, ræxgi don ærbadavæ,“ zæhgæ, ma Æxsijnæ æxuædæg donmæ rauadæj.

Dongæs in don næ lævardta ma Æxsijnæ bauæzzauæj. Ærægiau ba ærbacudæj ma uædmæ i bitdzeu rauazalæj ma æ uæragisærtæ ænæ isærd baizadæncæ.

Uæd Æxsijnæ æ dumægkægtæ bacaxta ma Sirdon ællæuirdta. Ralihdæj.

Bitdzeu imæ dzoruj: „He mæ bærcæg⁵² ærvadæ, kumæ ledzi? Natar-Uatari furt Sirdon dæ nom fæuuæd!“

Sirdon ba jin zaxta: Sosæg-Ældari furt sos doræj xuærzigurd⁵³ Soslan ba dæu nom fæuuæd!“

Jeci bonæj ba sæ ramælæti bonmæ Soslan æma Sirdon kæ-rædzej fædbæl nekæd racudæncæ⁵⁴.

Mæxčesg, 28 sent 1903 anz, Kertibi.

4. Oræzmægi⁵⁵ kuvd.

Narti Oræzmæg⁵⁶ kuvd kodta ma jimæ Narti dzæbæxtæ⁵⁷ ærimburdæncæ.

Calimmæ agæ funxtæj, uædmæ æmburdi adæm Oræzmægi ustur jeuvarsugtoxona xædzari sire khelataëbæl rabadtæncæ.⁵⁸ Æmburdi særi ba Oræzmæg æxuædæg.

Uæd Oræzmæg turhæmæ racudæj æma sogfadæni sogtæ æ qæbesi kud curxta, uotæ ba æ særti jeu ustur cærgæs ærbatxtæj, æxe jibæl niccafta, æ duuæ nixi jin æ khæredi æ roni fæjnæ farsmæ nissaxta ma'j æ nixtæbæl rajsta, ma'j xæssuntæ raidædta.⁵⁹

Ci'j fæxxasta, uædta'j jeu dengizi sakhadaxi bærzond sau khædzæxbæl nivvardta, æxuædæg ba fæstæmæ fættaxtæj.

Nur i æmburdi adæmtæ ba baduncæ, Oræzmægmæ kæsuncæ, nur ærbacæudzænæj, uæd ærbacæudzænæj, zæhgæ,⁶⁰ ma dzubanditæ ma dzubandij særtæ xæssuncæ.⁶¹

Agæ dær isfunxæj.

Art ærnidænæj, uæddær Oræzmæg nekæmi zinnuj.

Kæmi'j, ci fæcæj sæhgæ ba, kæstær adæm ændeugæ næ kodtoncæ ma sin baduntæ rajeudahæj.⁶²

Nur Oræzmæg ba talingæ æxsævi kæni jeu ærdæmæ fæccæuuj, kæmi inne'rdæmæ æma i khædzæxæj nillægmæ ærxezuni madzalæj neci jeruj.

Oræzmægi zæronð⁶³ nikkæuidæ, nidzdzinazidæ: „Mæ zæruæ min xojtæ dær ma bazudtoncæ ma mæbæl girizmæ æriftudæncæ.⁶⁴ Ci kodton xucauæn, cæmæn mæmæ aci æfxuærd ærcudæj!“

Uotæ kud sahæstæ kodta, uotæ ba mæjæ iskastæj ma Oræzmæg khædzæxi særi xusæ æzmesæbæl jeu suvælloni fædta fæjdta.

Cæuun raidædta i fædtæbæl ma jeu naræg khaxnad isserdta khædzæxbæl.

Jeci nadbæl ærxistæj Oræzmæg khædzæxi særæj.

Ærxistæj ma uoj buni ba fæjdta xædzaræ. Ba-jimæ-kastæj duaræj ma din uomi ba zæronð læg ma uosæ, sæ razi ba jeu minkhij bitdzeu hazuj.

Beræ fæssahæs kodta ma sæmæ fækkastæj, uædta bacudæj ma sæmæ dzoruj, uæ bon xuarz, zæhgæ.

Jetæ dær in festadæncæ,⁶⁵ uædta ænæneci dzorgæj fæstæmæ isbadtæncæ.

Duargæron khelabæl isbadtæj Oræzmæg dær.

Minkhij saxat, uædta jin fingæ ali xuarz æma dzæbæxæj-dzagæj ærbaivardta zæronð uosæ.⁶⁶

Je dær niccijnæj ma xuærunmæ fevnaldta.

Xuæruj Oræzmæg, i bitdzeu ba xædzari zænxi hazuj, gæp-
pitæ kænui, jeu ærdæmæ fæuuajuj, inne'rdæmæ fæssemuj.

Uædta Oræzmæg æ kardi fijbæl jeu xunæ⁶⁷ isista ma dzoruj
bitdzeumæ:—„Ærua, mæ xor, mæ xunæ raxuæræ!“

Bitdzeu xælæfæj bauadæj ma kardbæl baxaudtæj.

Kard æ zærdi fæxxæsstæj ma i bitdzeu æ tæppæztæ bacax-
ta⁶⁸ ma æ uod isista.

Zæronð læg æma uosæ dær festadæncæ ma jeci ænæ is-
dzorgæ rajstoncæ i mard ma'j baivardtoncæ.

Oræzmæg dær næuægæj festadæj, khædzæxi særmæ isxistæj ma
uomi kudtæj æ mægur bændtæbæl,⁶⁹ qæbærdær ba jeci zæronði
qurmæbæl.

Uotæ ræxgi ba jeci cærgæs babæj ærtaxtæj ma Oræzmægi
khæredi æ nixtæ nissaxta, rajsta æj ma'j æ turhi astæu sogfa-
dæni ærivardta, æxuædæg nijjauuonæj.

Oræzmæg sogtæ rajsta ma bacudæj æ xædzaræmæ.

Uomi ba Nartæ cælxæmburdæj baduncæ.⁷⁰

Æ sogtæ nivvardta Oræzmæg ma dzoruj adæmmæ: „Ragon
tauæræq uin rakænon⁷¹ ævi ærigon?“

Jetæ ba zæxtoncæ: „Ragon tauæræq ma fehustajanæ, fal nin
ærigon dzubandi rakænæ!“

Oræzmæg sin ærdzurdta, cærgæs æj dengizi sakhadaxmæ
kutemæj fæxxassta uoj ma uomi ba jeu zæronð uosæ æma lægi
jeunæg bitdzeui ke ramardta, uædta'j i cærgæs næuægæj æ
turhæmæ kutemæj ærxasta, uoni se'ngkætej dær.

Nartæ destæ, tæmæstæ kodtoncæ.

Æxsiijnæ'fsiijnæ ba jeci xabar ku fehusta, uæd innæ xatænæj
nihharængæ kodta: „Ma mæbæl fæxxodetæ, Narti dzæbæxtæ ma
næ xecauti zærændtæ, uæ razi chux ixaldæj ke kæuun uomæj!⁷²

Ævddæs læquæni jin adtæj ma si æxsærdæs æxe armæj
mærdtæmæ bacudæj, æ fæstag furt ba jin mæ cægatmæ Don-
bettirtæmæ xæssunmæ ravardton, kæd æj uomi ba ne'sseridæ,
zæhgæ, ma je dær babæj æ armæj bacudæj. Kud ma cærdzinan,
æ zæronð in ka fæddardzænæj?“

Uoj harængæmæ ba ægas æmburd axxæj nikkudtæj. Uote-
mæj Oræzmægæn æ kuvd kæunmæ racudæj.

Cidær adtæj, æmburdi adæm raxæleuæj.

Oræzmæg dær xodægmæ næ bal xudtæj, dzorægmæ næ bal
dzurdta, uotemæj uontæ bærzond ma særguburæj xattæj.⁷³

Æ mast æ gubuni ku næ bal cæuidæ, uædta Narti nixæsi
fudironvgænæn chæx dori særbæl æxe niddælgommæ kænidæ
ma uotemæj cardæj.

Jeu xadt kæmi adtæj, uomi khæsibadæg uosæ uotemæj
fæjidta Oræzmægi ma jin zaxta: „Ci dæxe henchunæj maris,
Narti xuarz Oræzmæg? Dæuæj usturdær fudtæ dær ma jeskæbæl

ærcudæj.⁷⁴ Narti Xiriu-Fij Saulæg ændær fudtæ næ fæjdta, madta je ba uæd kud cæruj?⁷⁵

I uosæ rajevhudæj ma Oræzmæg dær æxebæl ærxudtæj⁷⁶ ma jin xucau Xiriu-Fij Saulægi agorun æ zærði bauaxta, mænæj ma usturdær fudtæ kæbæl ærcudæj, je ci uavær æj, zæhgæ, uoj fæuinun xuarz uidæ.

Dugkag bon Oræzmæg je'stur ærfænbæl æ sarh bangon kodta⁷⁷ ma randæj æ særi'sæftmæ.

Ci fæxxattæj, xucau zonuj, uædta jeu æxsævæ ba jeu fijjauti bunatmæ je'xsæveuat ærtuxstæj.

„Fons beræ, fijjau“, zæhgæ, jimæ dzoruj Oræzmæg.

„Fons din xucau radtæd“, zæhuj i fijjau. „Idardæj cæuægi xuzæn dæ, rafestæg uo, fussun din an!“

Oræzmæg rafestægæj.

Fijjau dær æ fustæ ærduxta ma sæ bafsnajdta, uædta iuazæ-gæn kosart⁷⁸ rakodta ma arti duuæ farsemæ uxstæltæ fezonæ-gæj' dzagæj ærsaxta.

Cæxcæx kodtoncæ.

Fijjau dær arti færstæmæ zelæntæ kodta.

Oræzmæg imæ næ bal fællæudtæj ma jimæ dzoruj: „Xuarz læg, xodujnag ku ua, uæddær dæ færsdzænæn, zæhæ min: dæ fij ci kodta?“

—„Me'uazæg ku na'dtajsæ, uæd din jesti adtajdæ, fæl din nur ba xatir fæuuæd!“

Oræzmæg dær æj næ bal uaxta, æxe dær in baamudta, cæj tuxæj xætuj ma ke agoruj, uoj dær in zaxta.

Na-næ-ua-dær æj ku næ bal uaxta, uadta jin zaxta i fijjau: „Madta æz du ke agoris, jeci læg dæn ma dæ mænabæl ka isardudta, uomæj xucau ma isbozuæd: mæ ragon fudtæ min isnæuæg kodta.⁷⁹ Ävd furti min adtæj, jeu innemæj uàjagædær, jeu innemæj lægihædgundær, kondgindær uotemæj. Is-min-lægtæ'ncæ; cauæn cæuunhom racæncæ.

Jeu xadt kæmi adtæj, uomi ba i avdej dær mæ xætdzæ rajston ma uotemæj cauæni randæ dæn.

Bon sau izærmæ⁸⁰ fæxxattan ma neci isserdtan. Izæræj ba næ xucau jeu xonxi ræbun lægætæmæ ærxasta. Lægæti ærincadan, ærtdzux bakodtan, uotæ ba æ tærnixi astæu jeunæg cæstæ uæ-xæn uæjug ustur dzogæ æ razæj, æ usqi ædkhuala bælasæ uotemæj æskhodtitæ gængæ ærbacudæj max ci lægæti adtan uordæmæ.

Uæjug i bælasæ zænxæbæl niccafta ma cirahæn ægær æstavd, ændzarunmæ ba ægær listæg, uotæ nibburojnæj; i lægæti duar-bæl jeu ustur khædzæx ærbaxatta ma næmæ æxuædæg ba dzoruj: „Ægas cotæ, me'uazgutæ! Ci xucau uæ ærxasta ardæmæ, xuænxag cheutæ?“

Max dær in raarfæ kodtan.

Æxsævæ nin kosart rakodta, xuarz næ fæjdta, sæumæ ba raskhardta æ dzogæ, maxbæl ba i lægæti duar ærbaivardta ma niffardægæj.

I bon nin ci ænxæstæj, uomæj max dær i lægæti duarbæl fæjjarxajdtan ma jin fezmælun færæznæ ne'sserdtan: du babæj xonx raqankænunbæl arxajæ!

Izæræj babæj ærcudæj i uæjug ma nin kosart nikkodta, uotemæj næ finddæs æxsævi ma finddæs boni ænæ ændæmæ rauadzgæj fæxxinsta.

Uædta min jeu æxsævæ ba i uæjug uotæ: „Iuazæg sauængæ iuazæg næ uj, nur ba nin du dær jeu æxsævær iskænæ! Iuazæg jeu æxsævæ'j iuazæg, uædta je dær fusun æj“.

— „Æz ba dæ cæmæj baiuazæg kænôn, ci mæmæ uinis?“

„Mænæ nin dæ læquæntæj jeuej ravgærdæ!“

Fæ-ssæmækastæn ma si mæ khox kæmæ tastajdæ, uædta i xestær zaxta: „Uæddær æz fitdzagdær boni roxs fæjdton, cærgæ dær fuldær rakodton ma mæn nivgærdæ, baba!“

Kæstær ba uotæ: „Na, mæn nivgærdæ, baba! Xestærtæ dæ jestæbæl bauolæfun kodtoncæ, æz ba din ne'rænma neci isahaz dæn, ma din uomæj uæddær kæd jestæmæn isbæzzinæ!“

Zin min kud na'dtajdæ mæxe tog, mæxe fid xuæruh, fal min gænæn næ bal adtæj ma sæmæ rakæstitæ kodton, uædta i xestæren æ khæxtæ ma æ khoxtæ isbaston æma'j ravgarston.

Ba'j-hud kodton, is-æj-funxton æma'j i uæjug ma mæ furtti xætdzæ baxuardtan.

Innæ æxsævæ ba nin i uæjug fus ravgarsta, uædta æz dugkag xestær.

Uotemæj i avdej dær æxsævæ coxæj mæxe khoxæj bafsnajdtan, sæ fid dær sin baxuardton.

Æstæjmag kezuj ba mæmæ neci bal adtæj ma min i uæjug cærdodæj mæ duuæ uæragemi ærtikhaxug xuæd-zelgæ uxst bacafta, arti farsmæ mæ ærsaxta, æxuædæg ba rafunæj æj. Æz dær ærdægsuhd, arudtitæj, mæ fij dær raxaudtæj, mæ khax æfsæn thæræmæ fæbbucæu kodton ma mæxe uxstæj tuxæj raftudton.

Uædta i uxst issurx-zing kodton ma jin æj æ cæsti uotemæj racafton.

Je dær nijjax kodta, ra-mæ-agurdta ma din uoj razi bادتæn? mæxe fusti astæu isrimaxston.

Uæjug dær kæmi zustæj, kæmi lihæj mæ æxemæ sajuj ma jin æz dær kom næ lævardton.

Sæumæ ba uæjug æ fusti dzogæ æ cæui jevged bakodta ma sæ uotemæj æ sagæxti jeugajæj rauaxta.

Ci racudæj, uædta mænæn dær mæ suxtæltæ badzæbæxtæncæ, mæxe hud kænunhon fædtæn æma i uæjug ku niffunæj uidæ,

uædta æz dær mæxecæn nijjart kænina, fus ravgærdina ma uotemæj cardtæn.

Jeu xadt ba mæmæ i uæjug dzoruj: „Nur mænæn uæddær card fæjnæn næ bal jes, nur ba mæ tuxæ, mæ amond mænæ aci muxuri æj ma'j dæ khoxbæl bakænæ,“ zæhgæ, mæmæ æ khox-daræn ragælstæ.

Æz dær din æj cijnæ gængæ me'nguldzæbæl næ rakodton næ?! Ma din i khoxdaræn „mænæ'j, mænæ'j“ kænun raidædta.

Uæjug dær ragæpp kodta ma mæ jeu ærdæmæ, inne'rdæmæ fæssorida.

Æz dær æ razæj i lægæti khunti raledzæ-baledzæ kodton.

I muxur ba „mænæ'j, mænæ'j“ kænui.

Kud xucau xuærzgænæg, uotæ ba mæ razi færet fæcæj; æruadtæn uordæmæ, me'nguldzæ udarnæbæl fevardton ma'j fæ-rætæj ærkhuærdton.

Aci ænguldzæ dær min he uæd raxaudtæj.

Sogfadæni ænguldzi luxdzagi xætdzæ „mænæ'j, mænæ'j“ kænui ma jibæl uæjug dær æxe niccafta ma æ furmæstæj i khu-duron fæffunuk kodta.

Uoj fæste ba, ci madzalæj rajervæzon, zæhgæ, ma i cæu-bodzo ravgarston, mæxælæsthihd æj nikkodton, æ fidæj jin mæ-xc isæfsaston, sæumæ ba jin æ car mæ uæle iskodton æma fusti razæj racudtæn.

Uæjug dær duarbæl xæbætdzæ ærlæudtæj, ra-mæ-daudta: „Cogæ, cæu-bodzol Dzæbæx sæ ærxezæ, izæri ba afonæbæl ærco,“ zæhgæ.

Tuxxæj, fudtæj fe'ndæduar dæn æma jimæ uordigæj ba ær-badzurdton: „Dæ lævar beræ,⁸¹ aci xadt min xuarz lævar rakodtaj.“

Cæmænnæ ramæstgun adtajdæ i uæjug ma mæ rasurda.

Æz dær jeu bilæ'rdæmæ ralixtæn.

Uæjug bilæ næ bal rahudi kodta æ mæstæj æma zust uadi xætdzæ uordægæj raxaudtæj ma nixxærnæhæj.

Æz ba jeci fusti xætdzæ racudtæn.

Zin mænæn adtæj ma qurmæ bon æz fæjdton, ændæra dæu-æn ba ci adtæj? Margæ sæ rakodtaj, sæ fid ba sin uæddær næ baxuardtaj“.

Oræzmæg dær æ guzavvæ kænun niuuxata: dujnebæl ma uomæj qurmædær bændtæ beretæ fæjdta.

Sumax dær ma qurmæ kænætæ, uæ cæstisug nissærfetæ: su-max xuzændtæ, sumaxæj qurmædærtæ a dujnebæl sædæ ma min-gæjdtæ.

Mæxcesg, 8 okt. 1903 anzi.

Kholojti Bazze æma Gecajtj Babaji dzurdtaej finst.

5. Soslan æma Totrazi furt Alibeg.

Soslan uelvændagæj fongænæg adtæj, dælvændagæj fons-
amondgun.⁸²

Jeu xadt Soslan cauæni fæccudæj. fæxxattæj æma nckæmi
neci isserdta.

Jeu bon kæmi adtæj, uomi ba Bestaui bærzondmæ isxistæj
ma uordægæj Qumi budurmæ fækkastæj.⁸³

Kæsuj ma din uomi ba jeu cidær sauændar zinnuj,⁸⁴ æ
fæste ba saugængæ goton auædzau cæuuj.⁸⁵

Soslan imæ beræ fækkastæj, ci uodzænæg cuma, zæhgæ,⁸⁶
uædta jimæ cæuun raidædta ma jimæ niqqærttæg ma din je ba
læg æ bæxi rahi xusgæ cæuuj,⁸⁷ æ bæxarcæ ba zænxæbæl lasuj
ma'j goton auædzi bærcæ khaxgæ cæuuj.⁸⁸

Soslan imæ æxe æriskhardtæ, fons min xucau ærxasta, zæh-
gæ, æ cerq felvasta, ni'j-siq lasta ma fæstæmæ fesqiudtæg. Jeu
ma jimæ æxe ærxadta, sahadaq in æ tærnixmæ isarasta, is-ibæl-
æg-uaxta ma jin je ba æ tærnix jeu minkhij bachæræmuxst kodta.

Xussæg læg xussihældzgutæg æxe rasærtitæg kodta,⁸⁹ aci dzin-
gataæ ba mæ xussun ku næ bal niuudadzænæncæ, zæhgæ, ma
rakastæg.

Soslan dær xuarzau næ bal adtæg.⁹⁰

I læg æ bæx ærbamburdta kodta ma iskhuærdta Soslani
bæxi æ sinækæg.

Soslan æ bæxæg fesqiudtæg ma æ usqæg kæsgon xumæ'n-
dærxæ xanxæ gængæ racudæg.⁹¹

Dærxæ zamanati,⁹² uædta æxe barævdzitæg kodta.

I bæxgin dær æ næxæt bosæg æ bæxarcæ raixaldta ma'j
Soslanæn æ sarhæg je'ftauguti astau racafta ma'j æ fæsabærcæmæ
ærbajsta, mænæ min xucau cæxæn xuænxag cheu ravardta, zæhgæ.

Soslan dær imæ æ kælmøn ævzag islasta, lixstæ kænun in
raidædta ma'j zænxæmæ æruaxta.

Kærædzej rafærsæ-bafærsæ kænun raidædtoncæ' ma kæ-
rædzej ærzudtoncæ: „Madta du ba æz ragæg ke agurdton, je
ku dæ“ zæhgæ, jin zaxta Totrazi furt Alibeg. „Kæd du Soslan
dæ, uædta min me'xsæz ænsuværi du ku baxuardtaj ma din nur
ba ænæ ramarun næ bal jes“.

Soslan korun rajdædta, næ xædzaræmæ mæ rauadzæ, uomi
ma mæ cidær huddægtæg adtæg ma uoni bakænnon, uostitæg jes-
kæbæl bafædzæxson, uædta din Narti uasxæ dædtun khuærej boni
Uærppi buni Xærani⁹³ tuppurbæl dæ razmæ kud racæudzænæn
uobæl.⁹⁴

Ragændtæg sæ dzurdæn æcæg adtæncæ, ma jibæl Totrazi
furt Alibeg bauuændtæg, ra'j-uaxta ma si alke æ xædzaræmæ
randæg.

Soslan uontæ bærzond ma særguburæj Æxsijnæmæ ismedægæj ma jin ærdzubanditæ kodta, Alibegæn uasxæ kud ravardta uoj.

Æxsijnæ dær jin zaxta: „Xucaui ku fændæua, uæd din je neci kændzænæj: cæugæ ma mæmæ beræhdzærdtæj kærçxuar ærqærtun kænæ, uædta xucaui ka fændæua, je uodzænæj!“

Soslan dær Terki sindzæmæ niccudæj ma uomi dujne be-ræhtæ niccaxta; is-sæ-xasta Æxsijnæmæ.

Je dær in si khuærej bonmæ kærçæ rakodta.

Se'nhudi bon ku'rqærttæj, uædta jin Æxsijnæ æ bæxi bar-cæbæl sædæ muri ma sædæ qudasi nibbasta;⁹⁵ beræhdzar kær-cæ jin usqunmæ iskænun kodta ma jin bafædzaxsta: „Cogæ, Xæ-rani tuppurmæ du barazdær uodzænæ ma dæ bæx isuadzæ; dæ-xuædæg ba uomi Alibegi ærbacæuunmæ dæ hos daræ,⁹⁶ æz ba mæxe mehi chopp festun kændzænæn ma dæ nijjauuon kændzænæn. Alibeg ku'rbacæua, uæd dæmæ hær kændzænæj: „Soslan, kæmi dæ?“ Ærtæ xadti jimæ maci isdzoræ; je'ruх ku razdaxa æ xædzaræ'rdæmæ,⁹⁷ uædta dæ bæxbæl baduni koj kænæ ma dæ læghædæ ma dæxuædæg,⁹⁸ ma jibæl baauærdæ!“

Soslan dær, Æxsijnæ jin kud fæjjamudta, uotæ bakodta.

Ualængi Totrazi furt Alibeg ærbaqærttæj ma hær kænuij: „Soslan, kæmi dæ? De'nhud ma basajæ!“ Ku neci jimæ dzurdtæ, uædta æ bæxi khembur rakuærdta:⁹⁹ „Madta dæ uasxæ dæ fæste æftud fæuuæd!“¹⁰⁰ zæhgæ ma æ xædzaræ'rdæmæ je'ruх raxatta.

Soslan dær æ bæxbæl æxe bagælsta ma jimæ dzoruij: „Mæ-næ dæn, dæ uasxæ ma fæssajæ, ba-mæ-xezæ,“ zæhgæ.

Alibegi bæxæn beræhdzari æsmag æ findzi iscudæj¹⁰¹ ma'j tænti rajsta,¹⁰² uoj xætdzæ ba ma jibæl sædæ muri ma sædæ qudasi fæjnæ'vzagemæj dzænhæl-munhulæj uastoncæ ma i bæx teh-tehæj xaudtæj, bæstæ'ngæron næ bal cudæj, uoramun næ bal kumdtæ.

Totrazi furt Alibeg dær in fitdzag je'donæ ærbatudta, uædta jin æ hostæ ma jin æ barçæ ærbasthixta; uæd dær in ku næ læudtæj, uædta jin æ bærzæj ærbasasta ma i bæx æ buni ærmardæj.

Uædmæ ba jin Soslan fatæj isidzag kodta æ fæson-tæ ma æxuædæg dær ramardæj.

Æ tonautæ jin æ bæxbæl ærcurxta ma, uotemæj ustur nad-mæ ærcudæj; uomi ba jeu læg duuadæs qadirebæl sog xasta Totrazi furtæn:

Alibegi ixuærst æj, uoj jin ku ærzudta Soslan, uædta jin zaxta: „Cogæ Urunduq-Æfsijnæmæ ma jin zæhæ: „Dæ xuærzæn-gorægkag mæn:¹⁰³ dæ furt Soslani ramardta ma dæ sautæ jesun-mæ xist cædtæ kænæ“, a xærsæntæ ba mæ baræ uadzæ“, zæhgæ.

I læg qadirtæ Soslani razi fæuuaxta, uajun raidædta, Urunduq-Æfsijnæmæ niqqærttæj ma jin raxabar kodta æ nistauæn.

„Uæd dæ xærsæntæ ba kæmi'ncæ?“ zæhgæ'j rafarsta Urunduq-Æfsijnæ.

„Dæumæ xuærzængorægkagi ka cudæj, jeci lægæn æ bæx bastadæj ma sæ je ærbatæruj saburæj.“

— Ci xuzæn læg adtæj, zæhgæ, babæj æj færsuj Urunduq-Æfsijnæ.

Je ba jin zaxta: „Uontæ bærzond, særgubur, khuppæ tær-nix, xaradzast, æ jeu uonæbæl kiunugfinst, je'nnebæl-dziuaræ; æ uonti astæu sajnæg æsthalu, urux cæstæ læg, minkhi bor ala-sabæl badtæj“.

— Madta mæ art bauazalæj.¹⁰⁴ je ba Soslan æxuædæg ku adtæj ma babæj min mæ jeunægi dær ku baxuardta, zæhgæ, ma nihharængæ kodta.

I læg dær xuarzau næ bal adtæj ma æ baivad fæffæstæ-mæj.¹⁰⁵

Nadmæ rauadæj, ma kæmi bæxgin, ma kæmi qadir! Soslan sæ æ xædzaræmæ niffardæg kodta.

Adæm fæffædesi æncæ ma sin Urunduq-Æfsijnæ zaxta:

— Mæ furttæj fæstegæj cæf nekæd neke adtæj; amæn ba razæj cæfæj mælun na'dtæj ma'j fæjnetæ, kæd fæstegæj cæf ua, uæd qærabuha adtæj ma'j uomi baiværetæ: uælmærdti baiværun agkag in næ'j. Na ma kæd razæj cæf ua, uædta qazauati mard fæcæj ma'j ærxæssætæ je'rvadtælti razmæ ma'j uoni rænhæbæl baiværetæ!

Fædes ærcudæj ma jin bæxi mard ku fæjidta, uædta'j ful-dæretæ bazudtoncæ, bæxi fidbiliz ibæl ke sæmbaldæj uoj ma'j sæ uælmærdtæmæ ærxastoncæ. Uomi ba'j citginæj baivardtoncæ.

Mæxčesg, 27 okt. 1903 anz. Kertibij dzurdæj.

6. Soslani mælæt æma Ojnoni Calx.

I Nartæ ustur nixæsi cælxæmburdæj badtæncæ ma sin Soslan zaxta: „Cauæni fæccæuæn“, zæhgæ.

Narti dzæbæxtæ isarazi æncæ æma Xuzæ dzægatmæ cauæni randæncæ.

Æstæmæj-astmæ fæxxattæncæ ma neci jirdtoncæ. Nartæ razdaxtæncæ. Soslan ba ma æ uælastæn¹⁰⁶ xætun raidædta.

Ci fæxxattæj, uædta Qumi buduri jeu cidær uors fæjidta; cæuun imæ raidædta; ni-jimæ qærttæj ma din je ba uors hæuanz.

Fexsta æj ma i hæuanz ralihdæj. Soslan dær kumæ fexsta, uordæmæ bacudæj ma uomi ba togi kælæntæ.

Æhzælbæl cæuun raidædta Soslan æma'j dengizi qæzæmæ baxasta. Uomi ba jeu ustur ærdozæ, æ astæu ba æ kond, æ uindæn næ, uæxæn kizgæ.

Soslan imæ dzoruj: „Ami jeu sird niccafton ma neci fæjiddaj?“

Je ba'j færsuj: „Ka dæ, uoj min zæhæ“.

— „Narti Soslan dæn, fal mæ cæf sird ami fesavdæj ma'j kæd jeskæmi fæjiddaj, uæd min æj baamonæ!“

— „Madta kæd Soslan dæ, uædta acal-aual¹⁰⁷ boni æz dæu ku agurdton ma mæ dæxecæn bijnontæn agkag iskænæ, æz ba dæn Fid-luanej kizgæ (uælarvon Marsugi kizgæ).“

Soslan ba jin zaxta: „Dæu xuzæn cadi badæg cubur dzærhita Soslan beræ fæjidda ma uoni ængkætej bijnontæn næ xasta,“ zæhgæ, ma æ bæxi khembur rakhærdta.

I kizgæ dær æ cæstisugtæ ærkaldta ma æ fidæmæ iscudæj ma jin rahast kodta, Soslan mæbæl næ barvænstæj, zæhgæ.

Ma jin je ba zaxta: „Næ din zaxton, jeci lægmæ dæxe kha-xæj ma co, næ dæbæl barvænsdzænæj“, zæhgæ. Uædta æ fæsdzæuijnæ Ojnoni Calxæn zaxta: „Co æma Soslanbæl kud razelaj uotæ,“ zæhgæ.

Kurd-Alæugon æj næuægæj baisardta ma Ojnoni Calx Soslani marunmæ ærcudæj.

Soslan æj ku ravidta, uæd æj soruntæ raidædta ma'j sau hædæmæ batardta.

I Calx fitdzagidær færbunbæl balihdæj ma'j færakæ gængæ bacudæj; neci jin istuxæ kodta ma'j Soslan dær ralhista: „Ke læg læhuz, ke gal læhuz, uoj xaj fæuu!“

Uædta fadqædbunbæl balihdæj ma jin je dær neci isbildoh kodta.

Uoj dær ralhista Soslan: „Arti basodzunmæ dæ kud agorncæ, uotæ dæ xucau iskænæd!“

Uordægæj ba æxsærbunmæ ratuxstæj. Uomi ba i cilpæ xumællægi xætdzæ isjeuæj ma calxbæl tuxsun raidædta ma'j Soslan bajjafta.

„Adæmæn uæ xucau xuasæ fækkænæd,“ zæhgæ, raarfæ kodta fitdzag æxsæræ ma xumællægæn, uædta Ojnoni Calxæn qamuciæj æ bærzæj nilqifta ma jin æ sær cerqæj ærkhuæron, zæhgæ, kud zaxtæ, uotæ ba jimæ i Calx isdzurdda: „Uasxæ næ astæu, ærtæ bonemæ Uærppi buni Xærami tuppurbæl dæ razi ke uodzænæn, uobæl; nur ba min aci nadbæl mæ uodi mondi ma baco!“

Uasxæ næ radtun ba fitdzag adæmæn na'dtæj ma'j Soslan rauaxta.

Ojnoni Calx mæthælæj razdaxtæj æ xædzaræmæ.

Ci razildæj, uædta jibæl Sirdon rambaldæj ma'j færsuj: „Cæ-

bæl uotæ mæthælæj cæuis,“ zæhgæ.

Je ba jin zaxta: „Soslanæn uasxæ ravardton ærtæ bonemæ Xærami tuppurbæl ke uodzænæn uobæl ma mæ margæ kændzænæj ma uobæl mæthæl dæn. Mæxe bon ba neci bal æj, mæ Calxi kom bahzaldæj.“

„Dæu ku isardta Kurd-Alægon, uæd æz dær uomi adtæn ma din de'fsæjnagæj jeu khærtxuar radafton; nur ba din æj dædtun ma næuægæj dæxe baisærun kænæ, dæ khærdtitæ dær uomæj bamphozun kænæ ma Soslan uomi xusgæ kud kænæ, uotemæj jin æ uærgutæbæl razelæ, ændæra boræmæzæj¹⁰⁸ isard æj ma'j næ nikkærddzænæ.“

Ojnoni Calx isarazæj. Sirdon dær in æ khærdt fevardta.

I Calx Kurd-Alægonmæ isqærttæj ma'j je dær næuægæj ba-isardta.

Ojnoni Calx æxebal æ zærdæ ku badardta, uæd razildæj æma Xærami tuppurbæl Soslani xusgæ æriijafta ma jin æ duuæ uæra-gebæl razildæj.

I uærgutæ raxaudtæncæ ma ma Soslanæn ajdah æ khuduron ærizadæj.

Ojnoni Calxi ma idardmæ ravidta ma æ uærgutæbæl mudzuratæ rabasta ma'j sorun raidædta; ær-æj-xæstægutæ kodta ma jimæ (Ojnoni Calxmæ) Sirdon dzoruj, xungondmæ æftauæ, zæhgæ.

Ojnoni Calx dær xungondi zelun raidædta ma'j Soslan næ bal æjjafta; xungondi æ mudzuratæ xæssun raidædtoncæ ma raqanæj.

Æ tog ali phæzbunæj kaldæj, uotemæj kædmæ xumi qanæj læudtæj Soslan.

Uotæ ba æ særti jeu xalon ærtaxtæj ma kæuuj Soslanbæl: „Ho, næ ali boni idzag fingæ, ali kom nin fidæjdzag ka dardta, kud cærdzinan!“

Soslan dær imæ dzoruj: „Rauaj, mænæ ci fidtæ æmbujdzænæj, uonæj jestitæ raxuæræ, kenæ ka nixxæstæj jeci togi gærpæltæj!“

Xalon dær imæ æxc ærbalasta ma'j uædta Soslan dær ralhista: „Bonizærmæ adæmi kud ælhetaj, je ba sæbæl kud næ cæua, du ba uobæl dæ mæstæj æxsævæ bonmæ dæ khaxæj bælası khadobæl auihdæj kud læuuaj uotæ!“

Uædta jimæ robas ærcudæj; fæqqondz kodta, uædta Soslani togtæmæ æxe balasta ma'j je dær ralhista: „Adæm dæ dæ car-mæ soræntæ, dæ fid ba kujtæn dær xæran fæuuæd!“

Ærægiau ba jimæ beræh ærcudæj ma jibæl je ba zærdæj fækkudtæj.

Soslan dær in xuærun kodta æ fidæj, niuazun in kodta æ tog ma i beræh buntun nikkæuidæ, nidzdzinazidæ.

Je'cægakadæ jin ku bazudta Soslan, uæd in raarfæ kodta: „Ba-

cæuunmæ din mæ zærdæ kud ua, razdæxunmæ ba ænækurd tæ-ton kizgi zærdæ uotæ!“

Uædta Sirdon felvæstæj ma idardæj kæugæ ærbacudæj: „Narti xuærzigurd Soslan! Dæuæn auæxæn ægadæ mælætæj ramælun agkag bærgæ na'dtæj!“

Soslan ba jin zaxta: „Dæ kæuun niuudazæ, fal min Nartæmæ hærgænæg fæcco!“

— „Festægæj kæd uodzænæn ma dæ bæxbæl cæuon!“

— „Mæ cæstæuingæj mæ bæxbæl somigond dæn ma jibæl jeu auuoni rabadæ ma co!“

Sirdon dær æj jeu tærfæmæ balasta ma jin je'ftaugiti bu-ni kokojni sindzitæ bakodta, uotemæj jibæl rabadtæj ma'j Soslani ræzti ærbatardta qillippitæ gængæ.

— Ci ænaqæl æj dæ bæx, Soslan, zæhgæ, jimæ dzoruj.

— Hoj, ci'j fændi dær uæd, tahd co æma Æxsijsnæn feho-sun kænæ!

Sirdon i bæx nixxuasta ma jeci jeu uadæj Narti ustur nixæsi ræzti iscudæj.

I bæxæn æ xed æ fæsqostæj kaldæj qoppæhtæj, æ tog ali phæzbunæj kaldæj ma uotemæj Narti Alægma ismedægæj.

Uomi ba Nartæ kuvdi badtænæ.

Soslani xabar ku fehustoncæ Nartæ, uæd imæ qændzalgun uærduntæ rakodtoncæ, xuarz in cirt isdastoncæ ma Soslan cærdæj æ cirtmæ bacudæj, æ cirti xicæmæ.

Æ cirtmæ cæuunbæl ba bauosiat kodta: „Mæ cerq, me'sqær, mæ sahædaq-uoni Dedenægi furt Jeræxcæuæn radtetæ ma min je mæ tog rajsæd Ojnoni Calxæj. Mæ bæx ba min afæj isxæs-setæ, uædta'j Sirdonæn radtetæ, je ba jibæl æxecæn jestitæ kosa!“

Æxsærtægkatæj ma ka'dtæj, jetæ isænxæst kodtoncæ Soslani uosiat.

Dedenægi furt Jeræxcæu dær Ojnoni Calxi fæste zelun ra-idædta ma'j nekæmi jirdta, uædta'j khæsibadæg uosi amundæj zæronnd uælmærdti jeu ixald uobaji isserdta Narti ustur boha ma jibæl isæmbuxta.

Jeræxcæu dær imæ niccudæj ma'j uomi listæg khuæxtæ nik-kodta.

Sirdoni ba Soslani bæx, donmæ'j kud lasta, uotemæj nic-cafta æ zæbætæj ma je dær ramardæj.

Maxčesg, 1903 anz 23 okt.

7. Soslan mærdtæmæ kutemæj cudæj.

Ojnoni Calx Soslanæn æ zængitæ ku raxauun kodta, uæd in Nartæ xuarz cirt isarastoncæ ma Soslan cærdæj cirtmæ bacudæj.

Soslanæn iskurdiadæ adtæj ma rakurda xucauæj, ali fædesi dær in racæuuni baræ kud adtajdæ uotæ.

Ma fædes ku fæccæuidæ, uædta æ cirtæj ralæboridæ ma uotemæj Nartæn ahaz kodta mærdtæj dær ma.

Jeu xadt ba Narti xugæs Soslani cirti ræzti ærcudæj ma fæfædes kodta: „Hæj, Soslan, næ fons nin fættardæuuj!“

Soslan dær ragæpp lasta, rakæsæ-bakæsæ rakodta ma dzoruj xugæsmæ: „Ci'rdæmæ fædes?“

Je ba jin uotæ: „Fædes næ jes, fal dæ nekæd fæjdton ma uoj tuxxæj fæhhær kodton, kæd dæ fæjininæ“, zæhgæ.

Higæ jin kud na'dtajdæ ma Soslan rakurda xucauæj, mærdtæj æzdæxun in kud na'dtajdæ uotæ.

Mærdtæj æzdæxun in næ bal adtæj, fal mærdtæmæ cæuun dær ne'ndiudta æ toggin Totrazi furt Alibegæj.

Narti dzæbæxtæj uomi ka'dtæj: Saulægæj, Xuarz Xiriu-Findz, Khantdzi furt Sæuuaj, uadmeritæ, gumeritæ, sædsærontæ ma ævdsærontæ jimæ cudæncæ ma jin razæhiuoncæ: „Max dæ dzenetmæ baxondzinan, næ bon din alkæmændær isuodzænæj, jeunæg Totrazi furt Alibegæn din næ bon neci'j“.

Soslan dær sæmæ fehositæ, uædta sæ æxecæj ratæridæ:

— Randotæ, bullijitæ! Æz dær uomæj tærsun ma sumax Soslani mærdtæmæ ka baqærtun kæna, uæxændtæ na'jtæ!

Ærægiau ba jimæ Sajnægi furt Alij ærcudæj ma uoj xætdzæ ranæxstæræj.

Cæuun raidædtoncæ ma mærdtæmæ ku baqærttæncæ, uæd Soslanmæ fitdzagidær, kizgæj, uosæj kæmæn batuxæ kodta, jetæ sæ sodzindtæ, sæ kærdæntæ sæ razæj xæsgæj, sæxe raskhardtoncæ.

Sajnægi furt Alij dær sæmæ rauozgældtæltæ kodta ma kizgæj dær, uosæj dær banæluægutæ'ncæ.

Uoj fæste ba sæ æruidta Totrazi furt Alibeg ma sæmæ je rauadæj.

Alij dær ibæl fæhhær kodta ma Alibeg fæssaburdæræj; jeu ma jibæl fæhhær kodta ma babæj raguburdæræj; ærtigkag xadt ibæl fæhhær kodta ma uædta æ uærægi særmæ zænxi raxastæj Alibeg.

Soslan æma Sajnægi furt dær bacudæncæ ma zindoni cadibilæbæl ærlæudtæncæ.

Uomi ba Soslan je'næ nijjergæ madi Æxsiini fæuuidta.

Soslan imæ fællæboruj ma'j i cadidon innæ bilæmæ rajsuj, uotemæj nur dær ma arxajuj uoj isesunbæl ma jin æntæsgæ ba næ kænuj.

Axæri qiamæt ku ærcæua, uædi uængæ Soslanæn dær, æ madæn dær uomæj bancajæn næ jes. Uædta axæri boni fitdza-gidær Totrazi furt Alibeg æma Soslanæn tuhd uodzænæj.

Bæx fældist kæmæn adtæj, æ xisti doh kæmæn uadæj, cirt-dzævæn, qabah kæmæn adtæj, jetæ ka æ bæxi særæj, ka æ cirtdzævænæj, ka æ qabahi særæj kæsdzænæj jeci tuhdma.

Uoj fæste ba axær racæudzænæj ma Æxsijnæ ænosmæ zin-doni baizajdzænæj, Soslanæn ali fudjeuægdzijnadæbæl ke ahaz-kodta uoj tuxæj.

Mæxčesg, 27 okt. 1903 anz. Kæluxti Xamæzaj dzurdtaej.

• 8. Batrazi raigurun.

Narti næرتون Bolat-Xæmic jeu xadt kæmi adtæj uomi cauæ-ni fæccudæj.

Æstæmæj-astmæ fæxxattæj ma necæbæl rambaldæj.

Sudæj mælætmæ æriftudæj zæronð Xæmic, uotemæj æ uæ-lastæn ærtæ boni xætun baidædta.

Fæstag bon izærærdæmæ jeu sau hædæmæ raftudta. Jeu khuldunbæl fæccæuuj, kommæ kæsuj næرتون Xæmic æma uinuj: adagi medæg jeu læg sag ramardta ma'j kæstau kænuij.

Cæmænnæ niccijna'dtajdæ i sudæjmard læg?! Ni-jimæ-cudæj ustur Xæmic; kæsuj jimæ ma din je ba dærhcæmæ ulinkhæ, uærxcæmæ idzestæ, uæxæn læg.

Xæmic imæ dzoruj:

— Uæ, beræ din xucau radta, zæhgæ.

— Jeumæ nin æj xucau ravardta, zaxta Ulinkhæ; rabadæ, nurtægkæ næ kosart cædtæ uodzænæj!

Xæmic isbadtæj ma sahæstæ kænuij: æxuædæg min mæ uo-sæn xælajfag, æ sirdi mard ba min fændagkag; æxuædægka dzoruj Ulinkhæmæ:

— Badgæ bærgæ iskodton, fal mæ istun kændzænæ dæ sagi mard xatunmæ!

Mænkhiij mærzduq læg dær sagi mardæn æ jeu fars rasthix-ta, uædta'j æ jeunæg khoxæj innæ'rdæmæ fesxusta ma i sa-gi mard jeci'rdæmæ baqanæj.

— Ci dær æj, uæddær aci xadt mæ agkagi lægbæl fem-baldtæn! Sagi mard uotæ ræuæg ka raxatæ-baxatæ¹⁰⁹ kænuij, je min jesti zamana kændzænæj-dzoruj æxecæn ustur Xæmic.

Ulinkhæ dær æ sagi mard rafsnajdta, duuæ uxsti fezongu-tæj raidzag kodta, xuskh sogtæj cirh art rakodta ma i fezongutæ uoj færstæmæ ærsaxta. Ustur gurgur gængæ arti færstæmæ cæx-

cæx kænuncæ sird fidi fezongutæ. Xæmic baduj arti farsmæ ma ænkhard huditæ kænuj:

— Aci lægi xætdzæ jesti xæstægdzijnadæ næ astæu ku næ ua, uæd min jesti fidbiliz arazdzænæj. Ærægi-durægi ba jimæ dzoruj:

— Næ dæ zonun, mæ xuarz fusun, fal dæ xætdzæ xæstæg ku uajnæ, uotæ mæ fænduj.

— Æz dæn Tætæraj furt, Tætæratī avd ærvadej kæstær; jes nin maxæn jeunæg xuæræ; ærvænsis ibæl bijnojnagæn, uæd din æj dædtæn!

Uomæn æ dugkag bon, sæumæ ragi, Tætæratī avd ærvadej kæstær Ulinkhæ æma Nartī nærtō Bolat-Xæmic ranæxstæræncæ æma rast duuæ izærej astæu ærbaxætdzæncæ Tætæratæmæ.

Izæræj Ulinkhæ Xæmici bakodta sæ xuæri uatmæ.

Uati medæg sire khela, uoj uæle ba gorche æma bunbuli baz. I bazi særbæl ba xæfsæ baduj; toxonaj ræbun dællag thæræbæl ba zæronð uosæ, i kizgi madæ.

— He, je din næ xuæræ, zaxta Ulinkhæ; næ madæ jin xori uindæ æma zænxi uazal nindæ kænuj. Xælar din uæd!

Nærtō Xæmic sahæsti bacudæj:

— Nartī'xsæn mæ xæfsæ uosæn kud fæxxondzænæn æma'j kud fæddardzænæn, xucau mæ ku fæjdta, zæhgæ.

— Dæ bon xuarz, kizgaj, zæhgæ, isdzurðta Xæmic.

Xæfsæ dær fezmaldæj; æ car ralasta ma din je ba suhzærijnæ æstugkin kizgæ.

Kizgæ je'ndærxcæ festadæj, æ duuæ suhzærijnæ dzigkoj æ razmæ ærgælsta; æ sau ærfgutæ sunti bazurtau; æ dæluaqurtæj ba xortæ-mæjtæ xoduncæ,-he i kizgæ ba din uæxæn adæjmag.

Xæmic æ fur cijnæj kæfojni zæronð festadæj (jeu rauæn næ bal læudtæj).

— Kud æj næ xuæræ æma dæ bijnontæ, dæ zærdæmæ cæuuj, zæhgæ, dzoruj mænkhi j Ulinkhæ Bolat-Xæmic mæ.

— Æ madi fændæuagæ uæd, zaxta jin Xæmic æma fæsdUAR siaxsi bunati islæudtæj.

— Madta næ xucau fesgun xæstæg iskænæd! Nur ba din æz mæ kizgæ jeci æhdauæj dædtun æma din æj zænxonug adæjmagæj kud neke fæuuina æma bazona uotæ. Ci bon æj Nartī adæm bazononcæ, jeci bon ba min æj fæstæmæ mæ khox kud isserun kændzænæ uobæl ba min uasxæ zæhæ,-zaxta i madæ.

Xæmic dær uasxæ ravardta ma i xæfsi æ dzippi nivvardta ma uotemæj niffardægæj Nartī ustur hæumæ.

Ci racudæj, xucau zonuj, uæd Nartī æfsijnæ Satana ægas Nartæn kuvd isarasta.

Nartæj æ khaxbæl cæuunhon ka adtæj, mænkhiæj, usturæj, lægæj, uosæj, jætæ jeuguræj dær jeci kuvdi adtæncæ.

Læquæntæ, kizgudtæ kafgæ kodtoncæ; Æxsiǵnæ-Æfsiǵnæn æ zærdæ ælxædtoncæ; lægtæ ma uostitæ ba khuargæjdtæj æmburdi badtæncæ.

Xæmic dær, Auari ræsuhd Agunda æ dzippi, uotemæj jeci æmburdi badtæj.

Æmburdi sinonxast ba Narti xijǵnæ Sirdon adtæj.

Sirdon æmburdmæ ku racudæj, uæd æ sinon Narti zærændti særtæbæl nippurx kodta ma hærtæ kænun raidædta:

— Nartæ! xucau uin ma bakoma, uostiti Narti zærændti rænhæbæl sæ dzippiti ka daruj ma uotemæj ædnæuægcud nos-tæltæ kuftitæbæl ka xætuj!

Uæd Xæmicæn æ uasxæmæ gæsgæ, kænæn næ bal adtæj ma jeci hæjt saxat festadæj ma æ uosi Tætæratæmæ fæxxasta ma'j æ madi khox isserun kodta.

I uosi æ cægatmæ ku xudta, uæd in æ duuæ uonej astæu balistuq kodta, uobæl i uosæ bauæzzauæj.

I uosæ æ bændtæ nimajun raidædta ma je'nhud ku'rqærttæj, uædta Xæmicmæ rarvista; æ uonti astæu bakhærdt kænun kodta ma uordægæj ba suvællon fæxxudtæj; i suvællon ba adtæj Batraz.

Xæmic i suvællon rajsta ma'j sæxemæ isxasta.

Auari ræsuhd Agunda ba uoj adæbæl uati baxaudtæj ma ramardæj. Æ mard in Xæmic Nartæmæ islasta, æma'j æxecæn ci næuæg uobaj iskodta, uomi baivardta.

Kholojti Bazzej dzurdæj.

9. Narti sind.

Jeu bon kæmi fæuuj, uomi Uærppi bærzondæj ærtæ lægi bærgæ racæuuj: Xæmic, Soslan, Khantdzi furt Sæuuaj.

Xæmici furt Batraz xuænxag læg adtæj; Uazaj bærzondæj sin kæstæræn xattæj.

Narti guppurgintæ Bestau i bærzondmæ bærgæ æræmburd-æncæ; ustur sindbæl bærgæ nixxuæcuncæ.

Semuncæ, kafuncæ Narti guppurgintæ, Akula ræsuhti rafe-caunmæ ænhæl kæsuncæ.

Ualængi sæbæl Narti nærton zæronð Uoruzmæg je'stur ær-fænæl bærgæ ærbahazuj.

— Cæbæl kafetæ, cæbæl semetæ, revæd uæjrauæj bæstæ uæ særbæl cæmæn xæssætæ?

— Cæbæl kafæn, uoj ba din kud næ zæhdzinan: Qara-den-giz æma Aq-dengizi astæu cæruj bæstæbæl xuarz Akula ræsuhd; ali bon dær arvi kærandtæbæl ærtæ zelæni kænuj; kædimajdima

æ jeu razildi æ cæsti ængast max fæuuianæ ma ni jeskæmæ ær-xicæ kænæ!

— Uæ, kujti Nartæ! Ci min dædtetæ æz uin Akula ræsuhti ku fæinun kænnon aci saxatbæl?

— Mæ uajgæ bæx din æz ku dædtædzænæn!

— Me'xsagæ topp æz uæd dædtædzænæn!

— Mæ kærðagæ kard din bærgæ radtinæ,-dzoruncæ kafgæj Narti guppurgintæ, kærædzej chuxæj dzurdi šær jesgæj.

— Uæj, tæxodu! Uoruzmægi zæronð ma uæxæn læg ku uajdæ, Akula ræsuhti ardæmæ ka ærsaja, me'xsagæ sahædaq in næ bævau kænina,-uotæ jin zæhuj minkhij Batraz.

Uoruzmægi zæronð uajuntæ, ledzuntæ uæd ku raidaju.

Qara-dengiz æma Aq-dengizi i sakhadaxi Tamani buduri arvæj zænxi astæu ærxi mæsug bærgæ bauinuj.

Cæuuntæ, uajuntæ uomæ bærgæ baidaju; duuæ izærej astæu jimæ xæstægutæ kænun bærgæ raidaju.

Uoruzmægæn æ bæx adæjmagi ævzagæj ænxæst ku adtæj.

— Kujtæ dæ baxuæræd, mæsugi razmæ ku niccæuaj, uæd ma min tærun ku rakomaj uæd.

Nændzænæn dæ, zæhuj Uoruzmæg, ali fud kakola din æz ku kændzænæn, du ba dæxe iskhulux kænæ, dæxe raqan kænissæ, kædimajdima Akula ræsuht dæu tærehædmæ gæsgæj mæsugi særæj ærakæsidæ!

I bæxæn Uoruzmæg kud bafædzaxsta, rast xajuan uotitæ bærgæ nikkænuj.

Uoruzmæg næmuaj æ uarzon bæxi; dærxcæj, uærxcæj arxaju, fal bæx ne 'nkhusu.

Akula ræsuht kæsuaj khærazæj; des, tæmæstæ kænui i zæronð lægbæl. Ualengi jimæ æ fæsdzæuijnæ bærgæ rarvetuj, fæg-gædzæ kænun næ bal fæраста.

— Co, kizgæ, jeci zæronð læg du bauoramæ! Je ustur mast kæmæ jes, uæxæn læg ku æj; je fud rasug æj, je uosænsast æj æ card; æ xuærði bæræg ka næ bal nimaju, uæxæn læg ku æj; æ bæræg in, mæ xor, du ærbaxæssæ!

I fæsdzæuijnæ kizgæ Akulaj dzurdmæ kud næ ihustajdæ. Koruj Uoruzmægæj ærincojnæ un.

— Dæ bon bakalaj, mænæ qal kizgæ! Fusunmæ cæuun ræstæg min ku adtajdæ, uæd ardægæj uælæmæ dær sumax xuzæn tapga jeskæmi isserdtajnæ, fal uobæl næ bal dæn: Argan-Aurgen (Agez-Biaurgen)¹¹⁰ æfsædtæ kænui Qara-dengizi bilæmæ, mæ xuæri hæumæ; axsævi jeci æfsadæn ænæ ærbaqærtun næ jes, he ma uoj fædesi mæ xuæræmæ cæuun, kædimajdima'j rafæfxæssinæ!

I fæsdzæuijnæ kizgæ Akula ræsuhtæn jeci xabærdtæ kud næ rakodtajdæ.

Akula ræsuht ba æfsadi xabaræj kud næ fættarstajdæ ma

Uoruzmægi zærondmæ mæsugi særæj kud næ raxistajdæ!

— Axsævi ami læuuæ, xuarz zæronð læg! Dæ bæx dær bauolæfun kænæ, ison ba xucaui ka fændæ ua, je uodzænæj, koruj Akula ræsuhd.

Uoruzmægi zæronð isaraziæj, xuæzdær ma xucauæj ci rakurdtajdæ.

Sæumæ ragigomau bærgæ festadæj; æ kæsæncæstlita Qara-dengizmæ ku sarazu; destæ, tæmæstæ kænun je ku sidajuj æcægi xuzæn:

— Xucauæn tabu, Argan-Aurgeni æfsædtæ sauxal ænvætænæj ærbalæsuncæ, dujne budurtæ ærimbarstoncæ, mæ xuæri hæu dær min nippurx kodtoncæ! Alke ui æ særæn ci madzal, uoj kænæd, æz fæstæmæ cæuun!

— Madta mæn dær dæ xætdzæ xonæ! ær-imæ-xattæj¹¹¹ Akula ræsuhd.

— Kumæ dæ xonon, mæxuædæg isælgæ gængæj, dæ qurmædzijnadæmæ kutemæj kæson, ku neci zonun!

Ærægi-durægi nijjaraziuj zæronð Uoruzmæg, xucauæj ke kurda, jeci huddag kud næ rajstajdæ!

Akula ræsuhd qændzalgun uærdunbæl æxsæz bæxi bajeftindzun kodta; Uoruzmægi æ farsmæ isbadun kodta ma uotemæj ranæxstæræj.

Ci racudæncæ, xucau dæsni æj, uædta Bestaui bærzondæj Narti semgutæ zinnun raidædtoncæ.

Akula ræsuhd dær dzoruj Uoruzmægmæ:

— Ci uodzænæj cuma jeci sau ændarg?

— Ævædзи Narti qalaurtæ'ncæ, æfsadi xabar fehustajoncæ! Is-sæmæ-qærttæncæ ma din jetæ ba Narti guppurgintæ ka-funcæ, semuncæ Bestaui bærzondbæl.

Qændzalgun uærdun sæ razi ærlæudtæj.

Akula ræsuhd sæmæ khærazgæj kæsuj.

Næræmon¹¹² Soslan næ bal fællæudtæj, je'uængtæ iscaxta ma dzoruj:

— Acal-aual boni max ami dæu tuxæj ku kafæn, nur ba di korun, mæ xætdzæ rakafæ!

— Bærgæ xuarz læg dæ, dæ xætdzæ dær rakafinæ, fal xuænxag læg dæ ma din de'rkheti fæsalæ ku næ barævdzæ kænun, uæd næræmon dæ ma mæ bæxuærdzænæ!

— Me'rkhej bunæn fæqau fæuuo, zæhgæ, jimæ je'rkhej bun fæxxatta Soslan, æxuædæg ba uontæ bærzond æma særguburæj semun raidædta.

Uoj fæste ba jimæ Uoruzmægi zæronð æ uontæ iscaxta:

— Rauaj-ra,¹¹³ kizgæ, mæn xætdzæ iskafæ!

— Neci rakafdzænæn dæu xætdzæ dær: ualdzigon kærdægau dæ uors æma dæ sau isxælæmulæ'ncæ.

Uædta jimæ Khantdzi furt Sæuuaj æxe baxatta:

— Ærico madta mæn xætdzæ iskafæ!

— Dæu xætdzæ ba bærgæ rakafinæ, fal din ustur lægtæj jeske. mæ khoxi ræuagi dæ khox ku felqeva, uæd din fælliqa uodzænæj.

Ængkætej fæstag ba jimæ dzoruj Xæmici furt minkhij Batraz:

— Madta mæn xætdzæ rakafæ, kizgæ!

— Haj-haj rakafdzænæn dæu xætdzæ ba: Narti æxsæn æna'j-jepp jeunæg du ku dæ! Fal dæumæ dær jeu ajepp ba jes ma uoj ku bafærazisæ isserun, uædta min æmbæluj dæ xætdzæ kafun: Qændzærgæs bazurgin ævdsæron uæjug din dæ fidi fidi Uoni fæsxonxmæ fæxxasta, æxecæn æj bæxgæs iskodta, æ bajragdzar khæredæ jibæl nissistæj, nilliskhæj; xor boni jibæl nimpuluj, uarun boni ba jin raivuluj, uotemæj cæruj. Uoj uordægæj ku raxæssaj, uæd min tægkædær æmbæluj dæ xætdzæ kafun, zaxta Akula ræsuhd ma æ uærduni khærazgæ æ fæste raxgædta.

— Uæ, kujti Nartæ! Dodoj min uæ særtæ kænuij, uæ sind ku fexalajtæ, mæ bijnojnagi ba min jesti zulun dzurdæj ku iszærdixudt kænajtæ uæd!

Xæmici furt minkhij Batraz æ bæxbæl æxe bagælstæ æma æ xædzaræmæ ærbacudæj ma dzoruj æ madæmæ:

— Nana, uæ, nana! Narti xætæg adæm xætunmæ cæuuncæ æma næ fidæj je kardi zæronð, je bæxi zæronð, je sarhi zæronð kæd jeskæmi baizadæj, uæd' min sæ baamonæ, je ba æz dær æmbalxaj ærxæsson!

— Uæ, nana dæ runtæ baxuæra, du min darunhom, ke næ ba xætunhom ku uajsæ, uædta din dzaumautæ ba bærgæ isserianæ.

Uærtæ næ medæggoni æfsæn kiræ dæ fidi fidi dzaumautæj xuarz idzagæj læuuj; ba-jimæ-co; xatiagau jimæ isdzoræ; baigom din uodzænæj æfsæn kiri duar ma dæ ci hæua uoni rajsæ.

Xæmici furt minkhij Batæraz medæggonæmæ bacudæj; xatiagau isdzurðta i kiræmæ.

Zællang gængæ baigomæj i kiri duar.

Æsqæræj, cerqæj æ zærdæ kæmæ æxsajðta uoni æ uæle æræftudta Batraz æma uotemæj æ madæmæ racudæj.

— Nana, uæ, nana! Zæhæ min, kud mæbæl fedauuncæ mæ fidi dzaumautæ?

— Uæ, nana dæ runtæj bafsæda! Kud dæbæl fedauuncæ: xor xuænxtæbæl kud fedauuj, uotæ dæbæl de'sqær fedauuj; ual-dzigon ærtæx næuæg kærdægþæl kud æjjeva, uotæ ba dæ ronæþæl dæ cerq, ændæra dæbæl kud fedauuncæ?

— Madta min, nana, rahæn ræuæg, qæstæn dzæbæx, uæxæn xuallag rakænæ: balci cæuun! Dæxuædægka min næ fidi fidæj je sarhi zæronð, je bæxi zæronð kæd jeskæmi baizadæj, uæd min uoni baamonæ!

— Uærtæ iuazægdoni dæ fidi fidi sarh æma idonæ i rahæn-bæl, rajsæ sæ ma sau hædi darhdær ci sibuldzæ bælasæ jes, uomæ isxezæ æma uordigæj dæ idonæ batelæ, uædta dæmæ xælxælgængæ felvæsdzænæj dæ fidi fidi uors ærfæn æma dæ lægihædæ æma dæxuædæg, badun ibæl bafærazæ, uædta din je bæxæn bæzdzænæj; na æma jibæl badun næ bafærastaj, uædta jimæ ma bal ænhæl kæsæ!

Batæraz fehusta æ madi dzubanditæmæ; rajsta æ fændagmæ rahæn ræuæg, qæstæn dzæbæx ka adtajdæ, uæxæn fændagkæg ma uotemæj randæj æ rævdzæj sarhæj, idonæj.

Mænkhiy Batæraz¹¹⁴ sau hædi usturdær ci sibuldzæ bælasæ adtæj, uomæ isxistæj; uoj særæj ba je'donæ nittildta ma jimæ Uoni uors khoda alasa uælvidæntæ æruaxta, uotemæj xælxæl gængæ ærqærttæj.

Batæraz dær imæ curt læudtæj, idonæ jibæl raftudta, sarh ibæl fengon kodta ma jibæl æxe bagælstæ.

I qal bæx dær æxe ærtæ xadti fexsta ma sau hædi bælästæj mehi astæu rahazidæ.

Batæraz dær ærtæ cæfi uæxændtæ fækkodta ma i bæxæn æ færstæj ærkhexuartæ isxauidæ, uædta'j ærbamburdtæ kodta, ni'j-hazuntæ kodta ma jimæ dzoruj:

— Xærægi khæläu! Du bal mænæn mæ'dzalthommæ uarh-xæssænæn isbæzdzænæ!

— Du ba, kholibadæg, mænæn badægæn bæzdzænæ ma'dzalthommæ,-fækkomægi jimæ'j i uors ærfæn.

Xæmici furt minkhiy Batæraz æxe barævdzitæ kodta ma rænæxstæræj.

Cudæj ma dærhcæ uærhcæmæ ævgarsta.

Ci racudæj, xucæu zonuj, uædta jimæ i bæx fækkomægi'j:

— Nur kumæ cæuis, fændag zonun xuarz æj?

— Mæ fidi fidi min Qændzærgæs ævdsæron uæjug fæxxasta xonxi fæstemæ ma uoj agorunmæ cæuun.

— Je do armi kæmi baftujdzænæj, zaxta i bæx, æxuædæg ba æ cæstisugtæ ærkaldta; dæ fidæ dær jeci uæjugbæl beræ sæjjar-xajdta ma jin neci færaznæ isserdta, æ bacæuænbæl i uæjugæn duuæ xonxi furau toxuj. Uonæn sæ fæxxecæni ærtæ cæfi uæxændtæ ku bafærazaj ma mæ færstæj ærkhexuartæ kud isxaua, dæxe ærmitæj ba uæfsægtæ, uæd feuordæg uodzinan, kena ba æz dær æma du dær isævd. Jeu xadt dæ fidi fidæ mæ ænxæst cævun næ bafæраста ma min xuænxtæ mæ dumæg ærbarhaftoncæ, uædæj ardæmæ fækhkhoda dæn.

Jeci dzubandi gængæj, cidær adtæj, isqærttæncæ xuænxtæ furau kæmi toxuncæ uordæmæ.

Xæmici furt Batæraz dær æ bæx nihhazuntæ kodta, ærba'j-æmburdtæ kodta, xonx ærdæmæ'j fezdaxta ma i duuæ xonxi kæ-

rædzemæj kud fæxxecænæncæ, uotæ ba jin ærtæ cæfi uæxændtæ fækkodta ma i bæxæn æ færstæj ærkhexuartæ isxaudtæj, Batærazi armi thæpænæj ba uafsxuærdtæ.

Bæx dær ratærræst lasta, xonx uordæg fæcæj.

Xonx uordæg zænxæ lihz khulduntæ-khulduntæ raxasta; uonæbæl ba jeu ærdægæg bæxærhæudtæ ma hogærhæudtæ xalæ pixsau jeci jeu æzmæld kodtoncæ; innæ farsæj ba i listæg fonsæj dujne j bæstītæ basauæncæ ma dæræz-bæræz kodtoncæ. Ærhæudti særhi læuuj jeu zæronð læg. Batæraz imæ bacudæg æma jimæ dzoruj:

— Fons beræ, xuarz zæronð læg!

— Fons din xucau radtæd, dzæbæx læquæn, zæhgæ, ma i bæxbæl razelæn kodta zæronð læg æma æ hælæsīdzag axæg nikkuðtæg.

— Ci'j a, cæbæl kæuis, xuarz zæronð læg, mæ fæuīndæ din uotæ hulæg adtæg?

— Cæbæl kæuun... necæbæl... mænæn dær jeu auæxæn ærfæn adtæg læquænæg, je mæ zærði ærbaftudæg æma uobæl iskudtæn.

— Madta a bæx dæ bæx æj; æz mæxuædæg dæ furti furt, Xæmici furt Batæraz; xucaui ka fændæ ua, je uodzænæg, ma bal tærsæ zæronð læg!

— Kæd maxæg dæ, ardæmæ ærco, æz ba din de'uængtæ fæjnon.

Xæmici furt Batæraz imæ bacudæg. I zæronð læg in je'uængtæbæl æ khox ærxasta æma axxæg nikkuðtæg:

— Æz ke fesaftæn, je beræ ku æj, uæd ma du ba kumæ cudtæg?

— Ma ko, mæ fidi zæronð! Kæuunæg neci bal fæcan, fal min i uægugi cæræn amongæ bakænæ, uædta, xucaui ka fændæ ua, je xuarz.

Uon dær in i uægugi xædzaræ nijjamudta.

Batæraz i xædzaræmæ ismedægæg ma din uomi ba uægug xurxuræg xussuj, æ hælæsæg æxsedæn zingitæ kaluj, caræbæl jætæ sau funuk kænunæ ma uotemæg zænxæmæ kælunæ; æ dælfædtæ i uægugæn xori kizgæ, æ særhi ba mæji kizgæ. Kæuuncæ kizgudtæ; kæuuncæ ma sæ cæstisug nalqut-nalmaz cæppozurtæg æhzæluj; urux xædzari zænxi ba jætæ kærtæ-kærtæ badunæ.

— Uæ, uæ bon xuarz, kizgudtæ, -zæhgæ, sæmæ dzoruj Xæmici furt minkhij Batæraz. Cæbæl kæuætæg?

— Dæ huddag rast ua, Xæmici furt minkhij Batæraz! Max ke fesavdan, je beræ ku adtæg, uæd ma du ardæmæ cæmæn ærcudtæ dæ særi isæftmæg? Mænkхий ma hæuuj, næ særi xecau raihal uodzænæg ma nin ne'skheltæg næ tog ischirdzænæg. Næ kudt uobæl æj. Koræn di, dæxe rajsæ, dæu dær baxuærdzænæg!

— Æ adzal cæmæj æj, uoj min zæhetæ, uædta xucaui ka fændæ ua, je uodzænæj.

— Mænæ næ fæsduar æfsæn kiræ ærxugondæj læuuj, æ xur-fi ba ustur cerq (æ raxatunmæ sædæ khambeci hæuuj); uomæj æj ku næ ramaraj, uæd in adzal næ jes: kard æj næ kærduj, topp æj næ xezuj.

Batæraz dær i kiræmæ bacudæj ma 'jimæ xatiagau isdzurda. Kiri duar baigomæj.

Uordægæj i uæjugi cerq isista; ra'j-saudor kodta ma uomæj uæjugæn æ sær æsærfta.

Qændzærgæs ævdsæron uæjugæn æ bærzæjæj je'xsæz særi rataxtæj æma dzoruj:

— Xæmici furt Batæraz! Xussæg lægmæ bavnalun din agkak na'dtæj nur ba di korun, cæmæj ræxgidær ramælon, uomæj mæ cævæ dugkag xædt.

— Jeliajau jeucæfon dæn, dugkag, cæf nikkænun din mæ bon næ bal æj. Dæ xusgæmæ ba din uomæn bavnaldton æma min mæ fidi fidi ægær ægadæ badardtaj. Uoj mæstæj ba mæ tog næ bal bauorædton, ændæra min ajjepp adtæj, sædtun ibæl.

Uæjug ramardæj æma i kizgudtæ rakurdtônæ Batærazæj, dæ xætdzæ næ fæxxonæ, zæhgæ.

Je dær sæ uasxæj bauuændun kodta.

Uæd in i kizgudtæ zaxtoncæ:

— Ami jeu sujnag jes, uomæj cidæriiddær isbædtaj, je neci bal uæzæ kænuj; jes ma si jeu uafs; uobæl ba ægas dujne j ædes- bes bacæudzænæj; næ Qændzærgæsi bazurtæbæl ba ci dær nivværaj, uoni xænxtæ, hædti særti raxæsdzænæncæ. Uædta ma uærtæ xonxi dahi jes æxsiri cadæ; uomi æxe ka nirtaja, je æ fitdzagi xuzon læquæn festdzænæj.

Batæraz dær æ fidi fidi æxsiri cadi nirtadta, æma Uon, læquænæj kud adtæj, uotæ festadæj.

Uædta æ culuq baidzag kodta, æma'j æ dzippi nivvardta.

Uoj fæste ba i uæjugi jes-bes ramburd kodta i uafsmæ; sujnagæj sæ babasta ma si xumællægi pakhu j uæzæ dær næ bal adtæj.

Uotemæj Qændzærgæsi bazurtæbæl rabadtænæ i adæm ædfons æma xuænxti særti rataxtænæ.

Fæsxonx Batæraz i sujnag raixaldta æma i uafsæj ci fons racudæj, jetæ dujne j bæstitæ nimbarstoncæ.

Uordægæj Uon æ uors ærfæn bæl æ xædzaræmæ niffardægæj; Batæraz ba i fons æma i uostiti xætdzæ afædzi-afæjmæ ærxattæj.

Æ uæle daræstæ æ uæragi særtæmæ isqærttænæ, uotemæj æ afædzi boni ustur dzogi xætdzæ Bestaui bærzondmæ ærqærttæj.

Uomi ba i Narti guppurgintæ cælxæmburdæj sindtoncæ; Akula ræsuhd ba qændzalgun uærduni khæræzgitæ æxebæl isæx-

gædta ma Batærazæn je'rcudmæ æ khaxæj-khoxmæ fælust iscæd-
tæ kodta.

Batæraz æ dzaumautæ rajifta ma jin Narti guppurgintæ
alaj-bulajæj Akula ræsuhi uosæn isxudtoncæ.

Batæraz Xæmici jeci æxsiri isærtadta æma Xæmic isnæuægæj.
Xori kizgæ Xorčeskæ æma mæji kizgæ Misirxan ba Uon
æma Xæmicæn isagkag æncæ.

Batærazæj fæstæmæ æ fidæ æma æ fidi fidi xætdzæ jeu fæn-
dagbæl uosæ nekæd neke ærxudtæ.

Kholojti Bazzej dzurdtaej, 10-11 fevr. 1904 anz.

10. Dedenægi tauæræq.

Narti æmbes xaj Dedenægi adtæj; zænæg ba jin na'dtæj ma
Narti Uaciroxs¹¹⁵ ka xundtæj, uoj æxecæn dugkag uosæn ærxudta.

Uaciroxsæn æ kond æ uindæn na'dtæj.

Jeu xadt kæmi adtæj, uomi Uaciroxs donmæ racudæj ma jin
Soslani xucau æ razmæ fækkodta.

Næræmon læg æj næ bal uaxta, fenbælæn, zæhgæ, ma jin
Uaciroxs kæmi sastajdæ; kænægoj¹¹⁶ adtæj æma Acæti Teuvezi
(Teruezi) xætdzæ xattæj.

Na-næ-ua¹¹⁶ æj ku næ bal uaxta Soslan, uædta jin Uaciroxs
dær zaxta:

— Ci mæmæ ærlæudtæ, Acæti Teuvez min'ku næ festadta,
uoj fæuindæ min rauaj!

Soslan dær ma ci isdzurdtajdæ ma mæstæjdzagæj razdaxtæj.

Uoj fæste ba i Nartæn Axkemaj ustur sind adtæj ma De-
denæg dær uordæmæ semunmæ ærcudæj.

Soslanæn ba ma Uaciroxsi æfxuærd æ zærdi adtæj ma Xæ-
mici furt Batærazæn balædærun kodta æ zærdiuag.

I duuæ isfændæ kodtoncæ Dedenægi bafxuærunbæl ma sin-
di æ fæjnæ farsemæ nixxuæstæncæ.

Nur Uaciroxs æma Adækezæ ba Narti sindmæ bilæj kas-
tæncæ.

Soslan sæ cæmænnæ batergadi kodtajdæ ma uoni'rdæmæ
se'ruv ku raxationcæ sindi zildi xætdzæ, uædta duuæ bædæjnag
lægi Dedenægi istelioncæ, sæxuædtæ ba iszarioncæ:

— Uæ, Dedenæg, kænæg xusgæ!

Izæræj i sind raxæleuæj ma Dedenæg dær sæxæmæ iscudæj
ma jin Adækezæ uotæ zæhuj:

— Dessag aci boni sindi narti læquæntæ, uæ, Dedenægi,
kænæg xusgæ, zæhgæ, uotæ cæmæn iszarioncæ?

Dedenæg ba æmbargæ læg adtæj ma jin uotæ:

— Æmburdi qal læquæntæ kunæg jestitæ næ fæzzaruncæ ma uonæmæ ihosæ, uædta jestitæ dzordzænæncæ.

Kunæg uæxæn zartæ næ fækkænuncæ læquæntæ, uobæl babæj mæ ci færsis?

— Uobæl i uostiti zærdæ bancadæj, fal Dedenæg ba fæg-gurusxæj: cidær æj, uæddær Uaciroxs jeske xætdzæ xætuj, Narti læxæjdzag suvællændtæ mæbæl zar xumætægi næ raskhardtoncæ, zæhgæ, ma'j æ hædin mæsugi særgkagi bakodta, æxuædæg ba Adækezi xætdzæ bungkægti cardæj.

Uotemæj cærun raidædtoncæ.

Uaciroxs ænæ boni roxs fæjingæ, ænæ arvi chæxmæ iskæsgæj badtæj æ uati æma jimæ uordæmæ ba ali æxsævæ dær cudæj Acæti Teuvez.

Uomæn ba gædiæj bazurtæ adtæj ma ærbatæxidæ mæsugi særti, khærazgæbæl babadidæ, æ bazurtæ uomi isesidæ. Uaciroxs dær æj bazonidæ ma jin khærazgæ ærbaigon kænidæ ma æxsævæ-bonmæ uomi fæuuiuncæ; sæumæ'rdæmæ ba Teuvez æ bazurtæ babædtidæ ma fæstæmæ randæuidæ.

Uotemæj ci racardæncæ, uædta Uaciroxs bauæzzauæj. Nur koj kændzænæn, zæhgæ, uædta zaxta æ særi xecau Dedenægæn:

— Ami cærun næ bal færazun: boni roxs næ uinun, adæjmag næ zonun, uotemæj ma jeci card æma ræsuiddzjnadæj æz ci kænun? Nur ba mæ dzæbæx daræs dær næ bal hæuuj, fal ma mæ dæxecæn nurmæ kud agkag kodtaj, uotæ kæd agkag kænis, uæd min furdzartæj læmæh kærca iskænæ ma mæ bungkægti cærun uadzæ. Æz dær mæxe næ bal æfsnajdzænæn ma mæmæ kæd neke bal xicæ kænidæ.

Dedenægma æ dzubanditæ rast fækkastæncæ ma jin kud zaxta, uotæ æ nad æ baræ rauaxta.¹¹⁷

Uaciroxs dær æ bændtæ nimajun raidædta æma æ boni radæ ku ærqærttæj, uædta Acæti Teuvezæn lilahz iskænun kodta, mudadzæj æj xuarz baisarsta, uædta i suvælloni dzedzejæj bafsasta ma'j dengizi bagælsta.

I lilahz dær læsun raidædta.

Uæd jeci dengizbæl xucau balerdzautæ fækkodta. Ægas bon fæxxadtæncæ i balerdzautæ ma necæbæl xuæst kodtoncæ. Bafælladæncæ i balerdzautæ ma dengizi bilæbæl sæ xiztæ ma sæ bæləhtæ kud ragælstuncæ ma ræftadbæl kud ærbadtæncæ, uotæ ba sæbæl Soslan, Uoræzmæg, Xæmic æma Dedenæg is-cudæncæ.

— Bairajajtæ ma uin beræ xucau radta! Ci'j, ci mæthæl badt kæntæ, zæhgæ, sæmæ dzoruncæ Narti dzæbæxtæ.

Jetæ ba sin:

— Ci ahazi mæthæl badt æj! Ægas bon fæxxattan a dengizi æma jeunæg kæsalgæ dær næ armi næ baftudæj, nur ba sexuar kænunmæ babadtan ma næmæ rafestæg uotæ, zæhgæ, ma sin sæ bæxti idændtæbæl ærxuæstæncæ.

— Farnæ uæmæ rafestæg uæd, fal ui koræn æma max nombæl dær uæ xiztæ jeu gælst bakæntæ, kædimajdima jesti nijja-xæssijajtæ max nivæj.

Balerdzautæ dær fevnaldtoncæ ma sæ xiztæ bagælstoncæ ma neci.

Sæ jeuej xizi ba xucau Uaciroxs ci lilahz bagælstæ, uoj baftudta.

— Uæ nivæ amæj xuæzdær na'dtæj, zæhgæ, ma balerdzautæ nixxuæstæncæ ma i lilahz sæ jeuemæ dær daruncæ, se'nne-mæ dær ma'j neke komuj. Uædta Dedenæg uotæ:

— Ra'j-xæssætæ mæmmæ, æz æj xæsdzænæn!

Uoræzmægetæ dær ibæl fæxxudtæncæ:

— Amæn ba cidær fæjñā, uoj korun je'hdaū æj. Ænosi koragæ æj.

Cidær adtæj i lilahz Dedenægma bacudæj ma uotemæj rænæxstæræncæ.

Nadbæl ba sæmæ dzoruj:

— Ci dessag æj: uærtæ sau xonxbæl cheteti ræbun næzi hædæ sodzgæ ærbacæuu!

Jetæ xonx ærdæmæ kæsuni ku fæcæncæ, uæd Dedenæg ba lilahz fæzziqir kodta ma jimæ uordægæj ba bitdzeu nixxudtæj. Fæ'j-ængom kodta, Nartæ min æj ma bazononcæ, zæhgæ, ma sæxemæ uotemæj iscudæj.

Cijnæ gængæ ismedægæj æ mæsugi ma Adækezæn radzurdta i suvælloni xabar.

Je dær æxebæl festæltæ, cidær buzhurtæ æ qæstæbæl istuxta ma rakojaej:

— Dedenægi uosæ Adækezæ zæruæ'rdæmæ bauæzzauæj!

Dugkag bon ba Dedenæg suvælloni Adækezi farsmæ nivvardta, æxuædæg ba sinxændtæmæ radzurdta:

— Ne'fsijnæ cidær kænui ma jimæ bakæsetæ!

Sinx ærimburdæncæ ma kærædzemæ xuærzængorægkægti uadæncæ:

— Dedenægæn læquæn raigurdæj, zæhgæ.

Narti dzæbæxtæ jimæ arfæmæ cæmænnæ cudajuoncæ ma jimæ uotemæj ustur æmburd issæj.

Æmburdi adæm ibæl isævardtoncæ Jeræxcæu.¹¹⁸

Adækezæn dzedze na'dtæj ma jin xæssæg agorun raidædtoncæ.

Nartæ'j sæ kærædzemæn næ uodænstæncæ. Alkedær uotæ fænda'dtæj ma uoj jenceg kud adtajdæ uotæ, fal æj kadær fæx-

xasta, uonæj jin æ dzedze darun neke bafæраста: Jeræxcâu dzedze ku isævazidæ, uæd in æ zærði auindzæntæ tonunmæ baha-vidæ ma'j fæstæmæ ærxæssidæ.

Ærægiau ba Uaciroxs uotæ:

— Æz ba'j mæxe dzedzebæl baftauon, kædimajdima jin dzedze æriftauinæ, -ma'j æxemæ rajsta.

Uaciroxsmæ ba dzedze kud na'dtajdæ ma'j uajtahddær racæppo-læppo kodta.

Uajtahddær Dedenægi furt Jeræxcâu xætunhon fæcæj ma æskhuæxt læg æj, zæhgæ, Narti astæu æ koj racudæj.

Soslan in æ xabærdtæ kud næ ihustajdæ ma jin fæsauuonmæ xælar razaxta.

Jeræxcâu dær Soslani næ zudta, fal in fæsauuonmæ ba li-mænjeuæg kodta.

Kertibij dzurdtæj. 26 okt. 1903 anz.

11. Narti mægur bændtæ.

Beræ mægur bændtæ fæjdtoncæ i Nartæ, fal sin homurun æma æstong anzæj qæbærdær ba sæ zærdæ neke basasta.

Jeu kæmi adtæj, uomi i Narti læhuz jexæn zumæg nikkodta ma æ xætdzæ ba ma sæ fonsbæl fud homurun ralæudtæj ma sæ dzurunæ kodta.

Fons nekæmæ bal adtæj; kæmæ bacæuidæ, uomæ jeunæg æstor dær kævdæsbæl næ bal niuuadzidæ.

Ægas Narti ma baizadæj jeunæg Subælcij holon gal; uoj ba Subælci homuruni razæj barimaxsta æ bungkag zænxi buni aværdti ma'j ænæ ændæmæ rauadzgæj medægdon æma medægxuaræj xasta.

I ualdzæg homurun ku bancadæj, uæd Subælci dær æ gal rauaxta.

Xuma'fonæ ærcudæj æma Subælci æ galæn khox æfsoj iskodta, uotemæj æxecæn dær æma Nartæj kæbæl qærttæj uonæn dær ærxumæ kodta ma sin baitudta mugkag.

Uæd xucâu fæxxortæ kænun kodta æma dujnei basuhdæj: zænxæj kærdægi xalæ dær næ bal istaxtæj.

Ærfæzzægæj... Nartæ sæ zæronð tillæg baxuardtoncæ, næuæg ba ne'rxastoncæ ma sudæj mælætma æriftudæncæ.

Kosun ma ke armi æftudæj? Nixæsti qantæj læudtæncæ æma xucaumæ dzinastoncæ.

Adæmæj festunhon neke bal adtæj, uomæ æriftudæncæ i Nartæ.

Sirdon ba Subælcij jeunæg gal radafta; uomæj fezonægægj æxe isæfsasta, æxuædæg ba æ duuæ bechojebæl duuæ æxsærfæmbali isbasta, æ gatdzajæn ba æ fars fækhkhærdt kodta ma'j æ xælærdtæ æ sidzæbæl davgæ Narti ustur nixæsmæ islasta.

Uomi ba Sirdon æfsesæg ustur dzurdtæ kodta, adæmi mæstæg mardta; i gatdzaj xælærdtæ sin sæ biltæbæl ralasæ-balasæ kodta; æxuædæg ba kæmi æ jeu rexi farsmæ, kæmi je'nne rexi farsmæ je'vzagæg ravnalidæ ma æxsærfæmbal ærbachiridæ, uotemæg æj Narti ustur Uoræzmæg fæjdta. Ci jimæ isdzurdtajdæ ma mæstgunæg æ xædzaræmæ bazdaxtæg; holgun urunduqbæl zugomau ærbabadtæg ma i suhærijnæ urunduq æ buni færki færk-kaj raxaudtæg.

— Ci kænīs, cæbæl babæg ismæstgun dæ, zæhgæ, jimæ dzoruj Æxsijnæ.¹¹⁹

Je ba jin zaxta:

— Ma cæbæl ismæstgun dæn! I Nartæ sudæg mæluncæ, ni-xæsi niqqantæncæ; Sirdoni nalat ba sin sæ biltæbæl æ gatdzaj xælærdtæ ralasæ-balasæ kænuij ma kud næ ma mæstgun kænō?

— Madta sin dæ zærdæ uotæ kæd æxsajuij, uædta mæmæ avd medæggoni xuærzidzagæg læuij ali dzæbæx xuærdæ ma niu-æstæg, ær-sæ-xonæ ma sæ bafsadæ! Uæxæn bonmæ din sæ ba-ivardton, zaxta Æxsijnæ ma Uoræzmægi æ æværentæ uinunmæ baxudta.

Uoræzmæg dær sæ fæuuidta, niccijnæg, æ duuæ hungun sau ærfugi uæliaumæ isista ma uotemæg Narti nixæsmæ racudæg.

Uadta Narti fedeugutæn dzurd ravardta:

— Fæhhær kænētæ: æ khaxbæl cæuunhom ma ka'j jetæ Uoruzmægmæ cæuæntæ: ægas Nartæn khuære mijnasæ kænuij!

I fedeugutæ fæhhær kodtoncæ.

Nartæg cæuunhon ka'dtæg, jetæ ærcudæncæ ma æstæmæg-astmæ Uoræzmægi xædzari fæmmijnasæ kodtoncæ; ka næ bal færasta, uonæn ba sæ xædzærdtæmæ xæjdtæ ærvistoncæ.

Æstong adæm ægær zudæg ku færresoncæ, zæhgæ, ma sin Æxsijnæ æxe khoxæg xalthamadon fællævardta; niquærun ka næ bal færasta, uonæn ba æ jeu'khoxi fingæ, je'nne khoxi ba jedug uotemæg xuærun kodta.

Khuærej uængæ æstong adæm rafedaræncæ, cæuunhon racæncæ ma alke æ særæn ci madzal uoj kænun raidædta.

Uotemæg i Nartæ sudæg mælætæg rajervastæncæ.

Kholojti Bazzej dzurdtæg. 8 okt. 1903 anz.

12. Narti sau robas.

Ustur i Nartæ isfændæ kodtoncæ: „Færuæ sog sodzun næ bal færæzæn, nur ba ison uælboni skondi Tægæri Thæpænmaæ toldzæ sog lasunmaæ ka næ fæccæua, je qodi fæuuæd!“

Sæumaæ dællag sinxi fedeuæg Sibeka, uællag sinxi fedeuæg ba Tærazon sæbæl fæhhær kodtoncæ.

Nartæ ranæxstæræncæ Tægæri Thæpænmaæ.

Sog ærcædtæ kodtoncæ; æxsævæ sæxebæl uærdun buræu ærkodtoncæ ma sæbæl zauti met niuuardta.

Alke æxe ænxuærsun næ bal færæsta.

Sæ sogtæ rakaldtoncæ.

Nur ba næ xædzærdtæmaæ ci madzalæj baqærtæn, zæhgæ, ma Uoræzmægi duuæ uors siuæ sau gali sæ razæj rakodtoncæ.

Æstavd lædzæg Almutalq ba sæ galdæræg adtæj.

Ranæxstæræncæ; uotæ ræxgi ba sæ razæj i arf metæj sau robas fæggæpp lasta.

Almutalq dær æralæuirdta æ fæste ma' i robasæn æ dumæg suhzærinæ metbæl raizadæj, æxuædæg ba niffardægæj.

Uoruzmægi galtæ dær næ bal færæstoncæ.

Aci furt Acæmæzmæ ba adtæj toturigurd sau siuæ duuæ uors gali ma uoni sæ razæj rakodtoncæ, uotemæj isqærttæncæ.

Almutalq dzorægmaæ næ bal dzurda, xodægmaæ næ bal xudtæj.

Æxsijnæ jin tumbul fingæ dardta, uæddær næ xuardta.

Uædta radzubandi kodta je, cæbæl næ xuardta uoj.

Æxsijnæ jin zaxta:

— Jeci robas næ fiddtæltæ sæ bitdzeuæj ardæmaæ ke agurdtoncæ je ku adtæj, nur ba baxuæræ, uædta jin jesti madzal kændzinan.

Æxsijnæ rarævdzæ kodta Uoruzmægi, Xæmici ma Soslani.

Cæuun raidædtoncæ jetæ æma niqqærttæncæ dengizi bilæmaæ.

Agorun æj raidædtoncæ dengizi sindzi; fæ'j-agurdtoncæ æstæmæj-astmaæ ma'j næ jirdtoncæ; xuallag dær sæmaæ næ bal adtæj, uæddær ma sæ uælastæn ærtæ boni xætun raidædtoncæ ma sæ bæxtæ bastadæncæ.

Jeu sæumaæ Soslan ragigomau rauælæj æma robas sæ uosongi coræj fæggæpp lasta.

Sorun æj raidædtoncæ ma sæ bæxtæ bastadæncæ.

Uoræzmæg æj æ ærfænbael sorun raidædta æma'j Uærppi buni bajjafta ma'j ramardta.

Nartæ æxsævæ baizadæncæ sæ bunati ma sudæj mælætmaæ æriftudæncæ.

Soslan ærtæ uxsti baidzag kodta robasi fidæj.

Fezongutæ isfunxæncæ ma Soslan dzoruj Uoruzmæg æm a Xæmicmæ, baxuæretæ, zæhgæ.

— Max robasi fid baxuærunmæ neci bakændzinan!

Næ bakumntoncæ ma Soslan æxuædæg xuærun raidædta, uædta inneta dær raidædtoncæ.

— Uæddær Nart robasi fidxuar, zæhgæ, ma'j ihaugidær næ bal jes.

Fal kærædzemæn ba niffædzaxstoncæ:

— Make maci zæhæd, zæhgæ; ændæra næ Sirdon card næ bal niuuadzdænæj.

Sæumæ ranæxstæræncæ ma robasdzarbæl næ fedudtoncæ.

Uoruzmæg uotæ zaxta:

— Mænæn mæ bæx dær fæqqiamæt kodta, mæxuædæg ba uæ xestær ma jin mæmmæ æmbæluj i caræn.

Xæmic ba uotæ zaxta:

— Æz ba astæugkgag dæn ma mænbæl æmbæluj!

Soslan babæj zaxta:

— Æz ba uin kæstærjeuæg dær ku fækkodton ma mænbæl æmbæluj.

Na'dtæj, adtæj, uæddær æj Soslan æ fæsabærcæ nibbasta.

I Nart sæ xædzaræmæ iscudæncæ ma i carbæl næ fedudtoncæ.

Sæ tærxon Narti ustur sudtæmæ racudæj.

Sudtæj ka ke uarsta, uoj fars dzurda. Sæ tærxon raluxæj:

— Ka si xuæzdær tauæraq rakæna, i robasdzar uoj fæuuæd!

Uoruzmæg xestær adtæj ma fitdzagidær zæhuni baræ uoj adtæj.

— Zæhæ, Uoruzmæg, dæ kezu æj, zæhgæ, zaxtoncæ Nartæ.

a) Uoruzmægi dzubandi.

Uoruzmæg zaxta:

— Ci mingij mæbæl racudæj, uomi mæbæl dessagdæræn ærcudæj aci huddag.

Randæ dæn jeunægæj cauæni; fæxxattæn ma nekæmi neci isserdton; xuallag dær mæmæ næ bal adtæj, uæddær uælastæn ærtæ boni xætun baidædton. Uædta mæ izær jeu xædzaræmæ ærxaston. Avari isbadtæn ma mæ zærdæj zaxton:

— Tæxoduj, art mæ ku adtajdæ!

Art min festadæj. Uædta uotæ bakodton:

— Tæxoduj, aci arti farsmæ min tumbul fingæ idzagæj ku festidæ!

Fingæ min festadæj ma mæxe bafaston.

— Hæj, gidi! Nur ma mæ aci æfsesæj uat ku uajdæ!

Uat min festadæj ma nixxustæn.

Uædta jeu uosæ ærbacudæj ma mæ dællæj urunduqi nix-
xustæj.

Xussæg mæmæ næ bæl cudæj, mæxe rarhufton ma uosæ
isdzurdta:

— He, me'fses iuazæg, sabur!

Dugkag xadt dær uotæ; ærtigkag xadt ba æ særhi balæudtæn.

— Xucau din ma bakomæd, zæhgæ, bujnagin æxsæ æ ni-
værzænæj isista ma mæ uomæj ærsærfta:

— Mænæn kud xuarz, uotæ Begendij gal festæ!

Gal festadtæn.

Mæ uæzæg min rafxælidæ mæ zund ba ma mæxemæ adtæj
ma æfsoj æværun næ bal uaxton.

Uædta mæ bæx festun kodta.

Fæ-mmæbæl-kusta, caldæn mæ rah rafxaldæj uædi ualdæn;
uædta mæ kuj festun kodta.

Kuj æj jin kosun raidædton, mæ lægi zund mæxemæ uogæj.

Mæ xuarzi xabar raihustæj.

Jeu kæmi adtæj, uomi jimæ jeu fijjautæ ærcudæncæ mæn
korunmæ.

Uonæn mæ ravardta.

Zældagin bændæn mæ quri, uotemæj mæ fællastoncæ jetæ.

Kosart min nikkodtoncæ ma min æj mæ razi seburi æri-
vardtoncæ.

Æz dær jeu iuong isiston ma'j baxsidton, uædta babæj in-
nej, uotemæj mæxe bafaston; æxsævæ ba kæronmæ nillæudtæn,
mæ buni bujnag niytudtoncæ uotemæj.

Uæd din beræhbal ærbacudæncæ.

Æz dær sæ rasurdton ma ke kud rajjafinæ, uotæ jin æ xa-
kholæ istoninæ; uotemæj i dzogæ fæjjervæzun kodton æma mæ
i fijjautæ boræ nælfusi xætdzæ i uosongæmæ fæstæmæ ærla-
stoncæ.

Dugkag xadt mæ ændær fijjautæ fællastoncæ; hesin bæn-
dæn min mæ quri baftudtoncæ.

Æz dær mæxe fæstæmæ nijvazinæ ma min mæ khudi nin-
næmioncæ.

Ærqærttæn bunatmæ ma min qæsqaer cælæ nikkodtoncæ,
sæxuædtæ ba mæ lædzægdzæftæj ratardtoncæ kæronmæ.

Fijjautæ mæn ustur zærdæj ænæ sahæsæj isxustæncæ.

Beræhtæ dær æz uomi ke adtæn, uoj kud næ zudtajoncæ
æma tehtæj niudtoncæ:

— Uoruzmæg, geruz niuuaj næ tærehædæj! Max qurbæl ka
nixxuæstæj ma din dæ agkagi cælæ dær bærgæ nikkodtoncæ!

Æz dær sæmæ ninniudton:

— Mænæj ma tærsetæ, racotæ, uæ tærehæd uæxe!

Æstong beræhbal ærcudæj æma sin mæxuædæg ahazgæ-
næg uotemæj niccaxta i fusti dzogæ.

Sæumæ mæ fijjautæ ninnadtoncæ, uotemæj i uosæmæ
ærcudtæn.

Næ bal færaston jeu rauæn badunæj.

Jeu kæmi adtæj, uomi ba khæsibadæg uosæmæ raftudtæn.

Khæsibadæg uosæ ba cardæj xæmpæli.

Jeu bon kæmi adtæj uomi uordæmæ niccudtæn; bacudtæn
in æ xædzaræmæ ma æxuædæg uomi na'dtæj, afædzi xuallagæn ba
jin adtæj ærtæ guduni. Uoni ærlaston ma sæ mæ buni ærkod-
ton. Uotæ ræxgi ba khæsibadæg uosæ ærbacudæj ma nirdeuagæ
kodta:

— Dæ buni baizajæ, kæd kuj næ dæ, uæd din ci zæhon!
Mæ afædzi xuallag min ku næ baxuardtajsæ, uæd din jesti ad-
tajdæ, nur ba din ci kænon!

Æz dær festadtæn ma khæsibadæg uosæ æ guduntæ ku'rui-
dta, uædta zaxta:

— Co uæxemæ ma dæxe iskhulux kænæ. Axsævi ba uæ urun-
duqi buni balæsæ æma din cidær kæna, uordægæj ma bal rako-
mæ! Uomi qes-qes kænæ ma'j xussun ma niuudæzæ. Sæumæ'rdæ-
mæ rafunæj uodzænæj ma æ hælæsæj calinmæ æxsedærftæ (æx-
sedæn zingitæ) kala, uædmæ di æ funæj ma baruagæs uæd!
Uædta æ niværzæn bujnagin æxsæ ma uomæj dæxe ærsærfæ,
uædta xucaui ka fændæ ua, je uodzænæj.

Æz dær khæsibadæg uosæ min kud baamudta, uotæ mæxe is-
khulux kodton æma i uosi urunduqi buni balæstæn. Æxsæv æn-
dærhcæ'j xussun næ niuuxton: qesqes kodton. Uosæ ku'rfælladæj,
uoj ku bazudton, uædta ær-saburdær dæn.¹²⁰ Bonivajæntæbæl issæj,
uotæ ba i uosæ tarf rafunæjæj. Æz dær bujnag æxsæ æriston,
mæxebæl æj ærxaston ma ci adtæn, uoj festadtæn. Uædta uosi
ærsarfton:

— Mænæn kud xuarz, uotæ jegar gatdza festæ, zæhgæ, ma
jegar gatdza festadæj. Mæ duuæ jegari uomæj raigurdæncæ.
Uædta'j æfsæ bæx festun kodton ma mæ ustur ærfæn uomæj
raigurdæj. Uoni kud æcæg zæhun æma radzurdton, uacægæj ro-
basi car mæn æj mæ'j mænæn radtetæ!

b) Bolat-Xæmici dzubandi.

Bolat-Xæmic zaxta:

— Duuæ uosi min adtæj.

Jeu bon min sædæ hunemæj nimæt kodtoncæ ma mæbæl
ali zari sær xastoncæ: „Aci nimæt uæxæn nivgun nimæt uodzæ-
næj ma nin næ særi xecau Auarmæ cæudzænæj; Auari ræsuhd
qumæctæj nin æ næxæt bæstæ idzagæj xæsdzænæj. Auari ræsuhd
kizgi ba nin ærtigkagæn xondzænæj.“

Mæxe isxussæg kodton khelabæl ma sæmæ fehuston, uædta sin zaxton:

—Xucau uin m abakomæd! Mæ zærði ka ne'ftudæj, uoj min mæ zærði æriftudtajtæ!

Auaræj qumæctæ xæssun raidædton, uædta Auari ræsuhd kizgæ uosæn rakurdton.

Uostitæj ba ne'ruagæs kodta.

Ua-næ-ua isxonuj æj, zæhgæ, uoj min ku bazudtoncæ, uædta cæxgun ærtæ kherej rakodtoncæ, tuppurmæ rauadæncæ ma iskuf-toncæ afæjsæjgæ ma nekæd rabadgæbæl, æ afædzi boni ba æ mælæt kud fæcajdæ uobæl.

Auari ræsuhd nadbæl fæssæjgæj; æ afædzi bonmæ fæssadæj ma, nur mældzænæn, ræhgæ, uædta min raxta:

—Mæ qiamætæj dæbæl neci jes, fal mæ ærtæ æxsævi bahæuaj kænæ!

Auari kizgæ ramardæj; hæuaj kænun æj baidædton; me'stur kærce iskodton uælæftauæj, mæ cerq ba uoj medægi barimaxton.

Duuæ æxsævi bahæuaj kodton; ærtigkag æxsævæ ba rujmon ærbalæstæj uobaji duari chasæj ma i mardmæ æ hælæs kud fæxxæleu kodta, uotæ ba'j mæ cerqæj rasærfton.

Rujmon duuæ'mbesi raxaudtæj ma fitdzag ærdæg læsun raidædta ma jeu færdug ærxasta. I duuæ luxi jeumæ bakodta uotemæj ma sæbæl æj ærsærfta ma niccæfstæncæ.

Æz fællæuirdton ma færdug baræmuxton ma'j mardbæl særfun baidædton ma mard ærabadtæj. Uædta mæ fijjag lædzægbæl jeu særi qabolæ bakodton ma jibæl uotemæj cahd iskodton uobaji xurfi.

Uæd izæræj uostitæ sabatizæri ærcudæncæ ma fænduri cahd uobaji xurfæj ku fehustoncæ, uædta fæstæmæ fællihdænca. Adæm dessagmæ ærcudæncæ æma uordigæj Auari kizgæbæl dugkag alaj nikkodtoncæ. I duuæ uosej ba ænædændti dumgutæbæl nibbaston, se'stægi qazala ba sin basuxton.

Uoj cacægæj zæhun, zaxta Bolat-Xæmic, uacægæj æj mæ læquænæn radtetæ!

c) Soslani dzubandi.

Soslan zaxta:

—Æz ba mæ jenceg ærvadi xætdzæ Fæs-Nart-Xuzæ dzægatmæ cauæni fæccudtæn.

Æstæmæj astmæ fæxxattan ma nekæmi neci isserdtan.

Uædta ma uælastæn ærtæ boni ærxattan ma jeu tærqos ramardtan. Næ bunatmæ'j ærxastan, ba'j-hud kodtan.

Uædta æz rafunæj dæn, mæ jenceg ærvadæ ba uxstitæ ba-idzag kodta fidæj; is-sæ-bor kodta ma sæ müldzug bærzi nikkhuaærdta.

Tærqos fæggæpp lasta ma niffardægæj.

Æz dær cæj bærcæ xustajnæ ma ærihal dæn; færsum mæ jenceg ærvadi, kæmi'j næ tærqos, maxa jesti baxuæræn, zæhgæ.

Je ba min uotæ: „Mænæ'j muldzug bærzbæl baivardton fezonægæj ma ragæpp lasta ma niffardægæj.“

Kæmi mi baruagæs adtajdæ ma ramæstgun dæn, æstong lægi bæstæ ku næ hæuuj, ma'j ramardton.

Xæsson æj, zæhgæ, kud zaxton, uotæ ba muldzugi bærzmæ batuxstæj i mard æma ærigasæj.

—Cæmænnæ mæ bauaxtaj, mærdti din uosæn ku kurdton Baruasturi kizgi!

—Madta min mæxe ramaræ, zaxton in æz dær.

Æ khox mæmæ næ batastæj ma mæxuædæg mæxe ramardton.

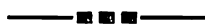
Mærdtæmæ bacudtæn ma mærdti Baruasturi kizgi uosæn rakurdton. Uomæn min læquæn raigurdæj. Uædta mæ mæ jenceg ærvadæ muldzug bærzmæ batulda ma æraigas dæn.

Uobæl Soslan æ jenceg ærvadi ævdesænæn badardta ma zaxta:

—Nur ba min a sau robasdzar uomæn xoddagæn radtetæ!

Soslan ædævdesæn ke radzurda, uomæj Narti ustur sudtæ i robasdzar uomæn isagkag kodtoncæ.

Kertibij dzurdtaej, 26 sent. 1903 anz. Mæxčesk.

13. Boriatae ma Æxsærtægkatae.

Boriatae ma Æxsærtægkatae duuæ mugkagi adtæncæ ma sæ raidajænæj dær sæ kærædzemæ ba gegæ gængæ cudæncæ.

I duuæ mugkagej xucau kærædzemæ fæggegæ kænun kodta ma togæj tog æxsnængæ cudæncæ; bafedauiioncæ, kærædzemæj jencegtæ isxæssioncæ; kajjes æxsæntæ dær bakænioncæ togbæl, uædta babæj næuægæj kærædzemæ bavnalioncæ ma uotemæj sæ kærædzej fid xuardtoncæ, kærædzej iræzun næ uaxtoncæ.

Boriatae adæmæj fuldær adtæncæ; Æxsærtægkatae bæ, kæd særæj uoj bærcæbæl ivuld na'dtæncæ, uæddær æxsaræj ba uajægdær adtæncæ ma sin fud bændtæ uinun kodtoncæ.

Jeu kæmi adtæj, uomi Boriati kæstærtæj jeu Kurd-Alæugon (Kurd-Alægon) Uoræzmægi furti Ajsanaj jenceg xasta.

I bitdzu ku rahombælæj, uæd Boriatæn æznagkadæ kænun raidædta ma jibæl jetæ dær ramaruni fændæ iskodtoncæ, fæl æj ravgi næ irdtoncæ, Kurd-Alæugon sin æj næ lævardta.

Uæd Boriatæ Kurd-Alæugonmæ sæ kælmōn ævzag islaston-
cæ ma'j basajdtoncæ.

Ajsana bæ je'sxæssægi uotæ beræ uarsta ma sæumæ ku fe-
stidæ, uæd Kurd-Alæugonmæ æ kurdbadzæmæ ænæ bauajgæ ma
jin ænæ færsaxuajæ ragængæ nekæd fæcajdæ.

Uoj jin zudtoncæ Boriatæ ma fæstkust i kurdbadzi kæmi
babadidæ, uomi duuadæs cængærijni jeu ærdæmæ, fondz ivæzni
innæ ærdæmæ, uæxæn uærmæ iskhaxtoncæ, æ sær ba jin mæng
azhunst bakodtoncæ.

Jeu sæumæ Ajsana Kurd-Alægoni kurdbadzæmæ ragison xu-
arzmæ bacudæj ma æ axur bunati ærbabadtæj. Æ bunat ba saj-
næ azhunst adtæj ma'j fæssajdta.

Uotemæj Ajsana uærmī radælæj.

Boriatæ dær ibæl ali læxæ-marg nikkaldtoncæ uordæmæ
ma'j uotemæj uomi ænodæj ramardtoncæ.

Uoj fæste ba raxabaræj, Kurd-Alægoni jenceg Ajsana fesav-
dæj, zæhgæ, ma'j Æxsærtægkatæ agorun raidædtoncæ.

Uoræzmæg, Xæmic æma Soslan arvi kærændti fæxxattæncæ
ma jin æ bæræg bælvurd xabar nekæmi ihustoncæ; sæ fæstag ba
khæsibadæg uosæmæ ærcudæj.

Je ba sin zaxta:

—Sirdoni gatdzaj quri bændæn baftauetæ ma'j uoj hæuaj
kænun bafærazetæ, uædta uin æj je jerdzænæj.

Jetæ dær gatdzaj quri bændæn nibbastoncæ ma uoj fædbæl
zelun raidædtoncæ.

I sudæj mard gatdza dær kæmi jeu rauænmæ fæuuajidæ,
kæmi innæ rauænmæ; ærægiau ba Kurd-Alægoni kurdbadzæmæ
ismedægæj ma uomi Ajsanaj badæn æzgelun baidædta.

Æxsærtægkatæj æruagæs dær næ kodta, fal uæddær i gat-
dza kæmi razgildta, uoj khaxun raidædtoncæ ma'j Ajsanaj mard
isserdtoncæ.

Ci gænæn ma sin adtæj ma mard baivardtoncæ, sæxuædtæ
ba Boriatæmæ hizun raidædtoncæ.

Adæm sæ astæu bacudæncæ ma Æxsærtægkatæj korun ra-
idædtoncæ, kud bafedudtajuoncæ uoj.

Ængkætæmæj qæbærdær ba si kurdta, sæ xuæræ Uadæxez¹²¹
Boriati uosæ adtæj, ma je.

Æxsærtægkatæ adæmi zærdiuag ku bazudtoncæ, nur næ næ
bal niuadzdzenæncæ ænæ bafedauun gængæ, uæd ratærgajæncæ
Kænti Sær Xuændonæmæ¹²² ma Boriati ræzti khærdzdzitæ gæn-
gæ ærcudæncæ.

Uadæxez uoj ku bazudta, uæd sæ isælhista:

—A xucauti, mæxe xuçaul! Æxsærtægkatæj læg kumædær
bacæua, uomi kudzægadæ kud kæna anzi uængæ; sæ dzurdi ka-
dæ kud næ ua; sæ kærdagæ kard kud næ bal kærda; se'xsagæ

topp kud næ bal jesa; sæ uajagæ bæx kud næ bal uaja, uæxæn fæandarast sæ fækkænæ!

Æxsærtægkatæ Kænti Sær Xuændonæmæ ærcudæncæ ma sæmæ je'ruX necæmæj dardta.

Iuazægdoni badun raidædtoncæ; nur næmæ racæudzænæj, uæd næmæ racæudzænæj'æj¹²³ sæbæl anzmaæ xæstæg racudæj.

Uædi uængæ ba Kænti xistitæ, qabahta, dohtæ kud na'dtajdæ ma fitdzagidær baræ ba Æxsærtægkati uidæ, iuazæg adtæncæ ma uomæn.

Jetæ dær dzorun dær cæmænnæ ævzurstajoncæ, sæ bæx dær dohi uaxtoncæ; qabah dær æxstoncæ; sæ kard dær uoj xuzæn, ma nekæd nekæmi isbæstænæncæ.

I anzi bændtæ ku rajevhudæncæ, uædta jeu dohi Uoræzmægj ærfæn rauaxtoncæ.

Uoræzmæg in æ badægæn bafædzaxsta, i dohæj bon fæstagdær raco, zæhgæ.

Je dær, Uoræzmæg in kud bafædzaxsta, uotæ racudæj; uædta sæ sorun raidædta ma si ke kud æjjafta, uotæ kæmæn æ hos, kæmæn æ dumæg, kæmæn æ barcæ istonidæ, uotemæj i dohi ænhudæj ma bon razdær ærbacudæj.

Adæm ibæl destæ kodtoncæ: „Aci bæx nurmæ xaj dær ku ne'jjafta, uæd nur ba uoj bærcæ razdær kud ærbacajdæ, æ badæg sin innætæn jesti xijnæ kæd ne'skodta uæd?“

Je ba sin zaxta:

—Bon fæstagdær racudtæn i dohæj, uobæl ba bæxtæ ku ærbacæuoncæ, uæd bafærsetæ.

Cægæj, i bæxtæ hosojtæ ma khodataj cæuun ku raidædtoncæ, uædta si baruagæsæj.

Jeci xisti gal ævgærdunbæl ba jeu læg Xæmici kard galbæl ægær ærbadardta ma jin æ zængitæ raxauun kodta.

Uotemæj Æxsærtægkatæn sæ huddægtæ rævdzæ kænun raidædtoncæ.

Jeu bon kæmi adtæj, uomi ba Soslan iuazægdoni a cerq færsinsæd kodta ma æ mednimær dzurdtæ:

—Ison Kænti Sær Xuændonæmæ ragison xuarzmæ cæudzænæn ma ma næ uæddær ku næ færsa, kæmi adtan uobæl, uædta dæ uoj bærzæjbæl ævzardzænæn. Ku næ min æj nikkærdaj, uæd ami Kænti suvællændtæn kærdxuærdtæ ma ærtxuærdtæn baizajæ! Æz uotæ ku næ bakænon, uædta mæn xucau i Narti astæu nalatæj fæxxætun kænæd!

Jeci dzubanditæ kadær fehusta ma sæ Kænti Sær Xuændonæmæ baqærtun kodta.

Uoj dær xucau fættærsun kodta ma i sæumæ ba ærbarvista Æxsærtægkatæmæ.

Jetæ dær imæ bacudæncæ ma sæ Kænti Sær Xuændon bafarsta, kæmi adtæncæ, ci sæ hæuuj uobæl.

Jetæ ba jin zaxtoncæ:

—Boriatæ næ bafxuardtoncæ, nur ba næ hæuuj æfsad.

Kænti Sær Xuændonæ ba sin zaxta:

—Cotæ æima sau ajnægi æfsæn duarmæ xatiagau isdzoretæ; ba-uin-igom uodzænæj ma calinmæ fæstæmæ rakæsajtæ, ualinmæ jibæl cæudzænæj æfsædtæ, uædta fexgændzænæj ma min sæ nimædzæ ba zæhetæ: ka ramardæj ma ægas ka'rqærttæj, uoj bæ-ræg kud zonon uotæ.

Ranæxstæræncæ Æxsærtægkatæ ma sin i sau ajnægi æfsæn duar baigomæj.

Cæuun raidædtoncæ, sæ fædbæl ba æfsædtæ læstæj.

Ci racudæncæ, xucau zonuj, uædta Soslan næbal fællæudtæj ma fæstæmæ fækkastæj.

Æ fækkasti xætdzæ æfsæn duar æxe fexgædta, fal æfsadæn ba ælh-dungæ næ bal adtæj ma sin sæ nimædzæn issæruni fæ-ræznæ næ bal adtæj:

—Æxsijnæ-Satana ku næ ua, uæd anæn max neci amal isserdzinan, zæhgæ, ma Uoræzmæg uomæ uajun raidædta; baqært-tæj i Nartæmæ; ærdzubanditæ kodta jin æ huddægutæ.

Æxsijnæ dær in zaxta:

—Axsævi bal baxussæ, sæumæ ba, xucaui ka fændæ ua, je uodzænæj.

Æxsævæ Satana ærtikhaxug uors xælaf raxudta, sæumæ ba'j raxsnadta ma'j xori ærbakasti kauæbæl uindtug rauæn raitudta.

Uotæ ræxgi ba Sirdon kæcæjdær felvæstæj ma i xælaf rauidta.

De'gær fækkalaj, Æxsijnæ'fsijnæ Satana, kæd ærtikhaxug xælafæj babæj uæd ci kænīs? Æxsærtægkati æfsædtæ ærzæ [ærdzæ] ma ærzæ mini æncæ, sædæ sæ uældaj¹²⁴ ma uonæmæ ærtikhaxug læg næ jes! Satana ba razdær ærtikhaxug xælæftæ kænun raidædta!

Satana dær jeci dzurd khaxta ma'j Uoræzmægæn radzurda.

Je dær bacudæj ma i cædtæ dzubandi Kænti Sær Xuændonæn zaxta.

I æfsad ranæxstæræncæ ma Boriatæbæl ærbadtæncæ.

Ængkætej razæj ba Soslan æ bæx khærtdzitæ gængæ Boriatæ rætti iscudæj. Je'xsi hæræj Boriatæn sæ xædzari æskhærtæ ærkaldæncæ ma Uadæxezæ ændæmæ rauadæj:

—A ba Æxsærtægkati æxsi hær ku æj ma kæmi adtajdæ, zæhgæ.

Uadæxezæ æfsædtæ ku æruidta, uæd Narti dzæbæxtæn lixstæ gængæ ma uotemæj Æxsærtægkati ærsabur kænun kodta.

Boriatae ma Æxsærtægkatae bafedudtoncæ, togbæl kindzæ sæ astæu kud racudajdæ; kizgæ Æxsærtægkatae kud ravardtajoncæ, xongæ ba'j Boriatae kud fækkodtajoncæ uotæ, ma i æfsad razdaxtæj.

Kindzi ænhud dær ærqærttæj ma Æxsærtægkatae dær Uoræzmægi radastoncæ ma sin uoj rarvistoncæ.

Æxsævæ læquæn xussæni æxe rauaxta, æ gærztæ ba æ razi nivvardta, Uoræzmæg ba æxe iszelængænæg kodta, Boriataej jin ænbal ci kizgæ adtæj uoj xætdzæ.

Ci racudæj, uædta i læquæn rafunæjæj.

Uoræzmæg dær sin æ kard islasta ma jin æ sær ærkhuærdta, i kizgæmæ ba sabur, zæhgæ, banqeræn kodta, uædta jin batuxæ kodta.

Uoj fæste ba i mard æraxasta ma sin æj sæ adzatxanaj særmesindzægmæ niggælstæ, æxuædæg ba niffardægæj.

Je ku randæj, uæd i kizgæ badzurdta:

—Uomæj fesgundær nostæ uæmæ ma'rcæuæd: uæ lægi uin ramardta, mæn dær fæxxodujnag kodta, ændæmæ rakæsetæ!

Uoj fæste ba Æxsærtægkatae barvistoncæ Boriataemæ:

—Næ lægi mardmæ ui læg ramardtan, uæ kizgæ ba ma uælænxasæn. Nur ba uæ lægihædæ ma uæxuædtæ!

23 okt. 1903 anz. Xadati Gamosi dzurdtej.

14. Kurd-Alægon.

Kurd-Alægonæn adtæj ræsuhd kizgæ ma'j uoj xætdzæ balci randæj Qumi budurmæ. Uomi jeu rauæn ærincadæncæ ma i kizgæ dzoruj Kurd-Alægonmæ:

—Dæ farn, dæ farn, de'zædistæn! Uærtæ Qumi budurti dengizi biltæbæl jeu bæx ærbacæuuj ma fondz uodi ærbaxæssuj, Kæd di ne'ruagæs kænuij, uæd dæ fælgæsæntæj dær rakæsæ!

Kurd-Alægon dær ibæl fætturg kodta ma i kizgæ dær nihhosæj. Æxuædæg ba nikkufta:

—A xucauti, mæxe xucau! aci saxat uæxæn bon ci nikkæna æma arf met ci niuuara, je ba chæx jex ci niuua æma jeci bæxgin ardæmæ ci ærtuxsa maxmæ!

Jeci saxatbæl dungitæmæ fevnaldta ma arf met niuuardta. Uobæl nihhistæj æma i met nijjexæj:

Ci racudæj, uædta Kurd-Alægonmæ ærbadzurdæj:

—Uæ turhi iuazgutæ æma nin fusun fæuuotæ!

—Iuazæg xucaui iuazæg æj, zæhgæ, ma sæ baastoncæ.

Jetæ ba din læquæn, æ kond, æ uindæn næ, uæxæn adæj-mag; æ fæsabærcæ ba kizgæ; je ba uomæj dær ændaxdær.

Ni-ssæbæl-cijnænæ; xuarz sæ fæjhtonæ. Xussun afoni ba i læquæn zaxta:

—Jeu xædzari nin uat nikkænætæ!

Ni-ssin-uættæ kodtonæ ma sæmæ æxsævæ ba kæsgutæ isko-tonæ.

Adæm ærincadænæ, zæhgæ, uædta i kizgæ ma i læquæn dær jeu uati isxustænæ, innæ uat ba revædæj baizadæj.

Rast æmbes æxsævi ba i kizgæn suhzærijnæ æstugkin læ-quæn raigurdæj ma i læg badzurdta Kurd-Alægonmæ:

—Xodujnag ma uæd, uærtæ me'mbal cidær kænui!

Ni-ccirah kodtonæ; ba-jimæ-cudænæ ma i suvælloni bahud kodtonæ.

Zartæ ma zari særtæ uoj jelqinabæl cæmænnæ xastajonæ,¹²⁵ uotemæj bonmæ fæzzardtonæ ma fækkaftonæ.

Æmbes boni ba i bæx saulox bajrag nizzadæj.

I kizgæ dær kud næ niccijnæ adtajdæ, æ dzurd ke sænxæst-æj uobæl.

Kurd-Alægon dær æj balædærdtæj ma ma jin nikkufta:

—Xucau dæ bæstæn xuarz ærdæmæ fækkænæd, zæhgæ.

Ci racudæj, xucau zonu, uædta i bitdzu, i bajrag dær racæppo-læppo æncæ ma i læg æma uosæn dær sæ xædzaræ sæ zærdi æriftudæj.

Kurd-Alægon sin ustur læværdtæ rakodta ma sæ uotemæj rarvista.

8 okt. 1903 anz. Mæxčesk.

15. Gori fedari æfsædtæ.¹²⁶

Narti nærtan Jelæxsærdton Gori fedari cardæj ma jin adtæj ræsuhd kizgæ Agunda, zæhgæ.

I kizgi xucau Soslanæn bauarzun kodta ma'j koruntæ isamadta.

Narti dzæbæxtæ jimæ radugaj fervista ma jin Jelæxsærdton neci bærag dzuapp lævardta (kom fasta).

Uæd je Soslanmæ xard kæsun baidædta ma fedog fæhhær kænun kodta:

— Soslan Gori fedarbæl æfsædtæ kænui, nur ba je'fsadi xædzaræn lægæj ka næ cæua, je æxsæz udzesti (idzesti) uacajragæj qodi!

Æfsædtæ æmburd kænun raidædtonæ ma sin ælh-dungæ næ bal adtæj, uoj bærcæ issænæ.

Sæ hongæs ba jeunæg læg adtæj ma ke rarvistajdæ, uæxæn in na'dtæj, jeci æxsævæn ci bitdzeu raigurdæj uomæj ændær ma guzavvæ kodta:

— Æfsadi cæuun ma Narti fonsæn ci kænön? hongæs cæuun ma Soslani qodi, æxsæz udzesti uacajrag kæcæj ærxæsson, zæhgæ. Uotemæj jibæl æxsævæ næ bal bon kodta. Bonivajæn ærdæmæ ba sæmæ i bitdzeu dzoruj:

— Baba, cæbæl guzavvæ kænīs? Æz fæccæudzænæn Soslani æfsædti.

Æ fidæ ba zaxta:

— Ma min du, Zimajxuæ, æfsadi cæuunhom ku uajsæ, uædta Ærzæmajxuæ mægurdær næ uidæl!

Jeu saxat, uædta i bitdzeu æxe raberixtitæ kodta ma æ avdæni færstæ ratudta.

— Ræxgitæ, æstong dæn, zæhgæ, dzoruj æ madæmæ.

Je dær je'ndærhcæ ma je'nuærxæcæ zugul rakodta.

Bitdzeu æj raxuardta ma duuæ uoj asi racæj ma dzoruj æ fidæmæ:

— Nur ba, baba, æz æfsadi cæuun. Soslan jesgæmi ku rafestæua, uæd in cid æz ba æ bæxi idonæbæl fæxxuæcdzænæn.

Bitdzeu cæuun raidædta ma Soslani æfsædtæmæ niqqærttæj. Soslanmæ bacudæj, æ dumægkag in ærivasta ma jimæ isdzurdta:

— Soslan, æz dær de'fsadi cæuun, zæhgæ.

Soslan dær ibæl fætturg kodta:

— Narti qumuzdæj suvællændti æfsadi næ xondzænæn, zæhgæ.

Ma jimæ i bitdzeu dzoruj:

— Jesgæmi ku rafestæg uaj, uæd din cid dæ bæxi idonæbæl dær næ fæxxuæcdzænæn? xonæ mæl!

— Ma din mæ bæx je'donæ ku ratona, uædta?

— Uædta jin æ barcæbæl fæxxuæcdzænæn.

— Ma din æ hos dær ku ratona uædta?

— Uædta jin æ dumæggbæl fæxxuæcdzænæn.

— Ma din æ dumæg dær ku ratona, uædta?

— Uædta jin æ fæstag khaxbæl fæxxuæcdzænæn.

— Ma din æ khax dær ku ratona, uædta?

— Uædta i Narti astæu du ærtikhaxug, ænæ barcæ, ænæ dumæg, hosoj bæxbæl ci fæbbadaj ma æz dær jeci xodujnagbæl gædzæ kændzænæn?

Soslan nissahæsti'j ma zaxta:

— A xumætægi bitdzeu næ uodzænæj, zæhgæ, ma'j æ xætdzæ fæxxudta.

Æfsædtæ Gori fedari razmæ iscudæncæ.

Soslan æ bæx bitdzeumæ ravardta, æxuædæg ba toxgutæmæ randæj.

Jelæxsærdton dær æfsadi xabar ku fehusta, uæd galauoni duærdtæ isæxgædta; ændæmæ cheu æzmælæg dær næ bal cudæj Gori fedaræj.

Soslani æfsædtæ dær tuxtænæ galauoni færstæbæl ma sin khærdt chola dær næ xaudtænæ.

Zimajxuæ sæmæ fækkastæj bæxti razæj, uædta i hædi æstavddær ci uestag adtæj, uoj ærtasun kodta ma Soslani bæx uoj særbæl æ cuppar khaxemæj ængom isbasta, æ sær idonæj bast xærdmæ, uotemæj æj rauaxta i bælasî.

Bæxi i bælasæ æ xætdzæ rajsta.

Æxuædæg ba i bitdzeu uajun raidædta ma Soslanmæ isqærttæj.

Soslan æj ku ravidta, uæd imæ dzoruj:

— Mæ bæx ba kæmi'j uæd?

Je ba jin zaxta:

— Uærtæ din æj bælasæbæl babaston, macæmæj jin tær-sæ, næ fællædzdænæj, fedar bast æj, fal mæn rauadzæ toxunmæ.

Soslan dær rakastæj ma æ bæx bælasî særbæl nijjïdta.

--- Xuarz lægi xætdzæ næ baftudtæn, zæhgæ, Soslan sahæsi baftudæj.

Nur i bitdzeu ba næ bal uadzuj Soslani mæn rauadzæ, mæn rauadzæj.

Soslan dær in isarazîæj.

Zimajxuæ ranæxstæræj ma bafædzaxsta Soslanæn.

— Nur æz cæuun Gori fedari astæu i bærzond sau ajnæg-mæ ma'j uoj mæ zæbætæj ixaldzænæn, fal mæ Jelæxsærdton æxsdzænæj je'rtæ fatemæj jeuemæj; je ba me'skheli isæmbældzænæj, ajnægi særæj raxaudzænæn ma mæ zænæbæl æmbælun ma'ruadzæ, uotemæj mæ avd sauædonej særti raxæssæ, uædta xucau ke zæha, je uodzænæj; Gori fedar dær basætdzinan, Agunda ræsuhi dær din raxæsdzinan. Uoj næ bafærastaj, uædta æz dær isævd ma dæ huddag dær ne'suodzænæj!

Cidær adtæj, Zimajxuæ isvistæj Gori fedari astæu sau ajnægi særmæ ma jibæl uoj ixalun raidædta.

Jeu sinx khædzæxi ixældæn fesæfun kodta.

Uotæ ræxgi ba'j Jelæxsærdton fæjdta, fæ'j-æxsta ma æ khax kud ferhufta, uotæ i fat je'skheli isæmbaldæj ma i bitdzeu kuresau zurzuræj ajnægi farsbæl ratuldæj.

Soslan dær æ duuæ uacaxæssæn¹²⁷ congebæl sau nimæt ratitdta ma'j uotemæj, ænæ zænæxæmæ æruadzgæ, raaxæsta.

Davun æj raidædta ma ærtæ sauædonemi baxistæj; uotæ ba Sirdon, zæronð lægi xuzi, khæssaj zæronð je'usqi, paxsatæ, sagojni sastæltæ, uotemæj ærbacudæj.

— Kumæ xælæfæj uajis, zæronð læg, zæhgæ, færsuj æj Soslan.

—Nartæ Gori fedar basastoncæ ma mæ kæd uomi jesti fæuidæ ma tuzmun. Uæd du ba Soslani xuzæn ku dæ ma i mardi xætdzæ ma kumæ cæuis? Agunda ræsuhti Dedenægi furt Jeræxcæu ku fæxxæssuj!

Soslanæj næ baruagæsæj ma uajun raidædta.

Jeunæg sauædoni ma'j kud hudæj, uotæ ba Sirdon zæronð uosi xuzi. ælxujnæ gængæ, ærbacudæj ma Soslanbæl niddestæ kodta:

—Du ba Soslan ku dæ ma a mardi xætdzæ ci arxajis? Nartæ Gori fedar ku basastoncæ, Agundaj ba de'væsmard ængaræ Dedenægi furt Jeræxcæu uosæn ku fæxxæssuj!

Soslanæj i uosi dzurd baruagæsæj ma i bitdzeui mard jeu tuppurbæl nimætbael fæuuaxta, æxuædæg ba uajun raidædta ma je'fsædtæmæ ærbaqærttæj ma din jetæ ba æncad baduncæ, Soslani bærag xezuncæ.

Soslan dær æ rædud bærgæ ralædærdtæj ma ma bærgæ fæffæstæmæj ma i bitdzeui mardæj bajjafta: Sirdon ibæl mardi sikhit bakaldta.

Uomæj je'nhæl bazudta ma Soslan je'fsædtæ rarvista, axuædæg ba jeu gal ravgarsta, æ xurfi dzaumauti jin rakaldta ma uoj xurfi bacudæj tæggkæ amistolæj sosæni astæu.

Uotemæj Gori fedari donxæssæni qumi bilæbæl æxe niqqan kodta.

Gali mard ibæl nikkælmæj.

Dondzau uostitæ jimæ ku ærqærtiuoncæ, uæd in kusindtæj æ dændægutæ nixxuajiuoncæ:

—Azujmagi læxtæ fæxxuæræ, du maxæn beræ zintæ fæuuinun kodtaj, zæhgæ.

—Soslan i dongon mardæj baizadæj jeu gali mardi buni ma'j kælmætæ baxuardtoncæ, zæhgæ, Gori fedari ratausæj.

Agunda ma'j Jelæxsærdton dær fehustoncæ.

Uæd Agunda zaxta æ fidæn:

—Ba'j-bærag kænaj, cuma cægæj Soslan æj?

Jedær ibæl fætturg kodta:

—Du æj babærag kænæ, nalat silæ, ali zintæ dæu tuxæj fækkodta ma'j æz ba næ bærag kænun!

—Hæj-hæj, æ mardæj uoj bærcæ kæmæn tærsis, uomæn je' gasæj ba kunæg næ tarstæ ma uoj bærcæ xuarz ka'dtæj, uomæn ba mæ dædtun hudæj, zæhgæ, ma jimæ necibal isdzurdta.

Jelæxsærdton dær æncad kæmi adtajdæ ma i mardmæ rarvista:

—Cotæ ma uxst surx zing iskæntæ ma jin uoj je'skheli iscævetæ! I uxst æ uæragi særæj ku iskæsa ma ku næ fezmæla, uæd ramardæj, ændæra mi uoj ramælæt næ baruagæs uodzænæj.

Ni-jjimæ-cudæncæ ma sin Jelæxsærdton kud zaxta, uotæ bakodtoncæ.

Soslan dær æxe niffedar kodta ma ægas adtæj, uoj ne'sbæræg kodta.

Ke rarvista, jetæ isæzdaxtæncæ Jelæxsærdtonmæ ma radzur-toncæ, kud fæjdtoncæ uoj.

Jelæxsærdton ba sin zaxta:

—Rakænajtæ-ra i uxst!

Uxst imæ ravardtoncæ; jedær imæ isæsmusta ma zaxta:

—I xucaui ælhistæ ma ægas æj, ænædzurdæn mælæt næ jes, zæhgæ.

Je ci xard fækkastæj Agundamæ ma æ duuæ uors congī fæstæmæ bakodta, uotemæj jimæ idardæj mærdæhdau æma haræn-gæ gængæ bacudæj:

—Uæ, mægurdær fæuuaj, Soslan! Ci hezæmaræj ramardtæ! Uoj din ku zudtajnæ, uæd dæmæ cogæ doni dær mæxe bærgæ bagælstajnæ! Uotæ ægadæj ramælnmæ ævhajuag din bær-gæ adtæj!

Ma jimæ uotemæj xuajgæj bacudæj ma jibæl æ khox ba-ivardta.

Soslan dær æxe niffedar kodta ma æzmælgæ dær ne'skodta.

Kizgæ Agunda ku'rbazdaxtæj, uæd Jelæxsærdton racudæj Soslani mardmæ.

Je dær æj æxemæ cæuun ærbauaxta, fal imæ ænxæst næ fællæudtæj.

Ku jimæ ærbaxæstægæj, uæd imæ næ bal fællæudtæj ma jimæ ragæpp kodta.

Jelæxsærdton dær ralihdæj.

Soslan æj sorun raidædta ma Jelæxsærdtonæn dær Gori fedari duari æ særæn æ racævun, Soslan dær æj uotæ bajjafta ma jin cerqæj æ særi gæxcæ fæxxauun kodta; uotemæj fæmme-dægduaræj ma duærdtæ æxebæl isæxgædta:

Jelæxsærdtonæn Kurd-Alægon æ særæn ærxijæj kæxcæ is-kodta ma uotemæj cardæj.

Jeu xadt ba'j Soslan jeu ænædon buduri isserdta ma'j ramardta.

Jelæxsærdton æ særi tævdæn næ bal buxstæj ma raqanæj.

Kertibij dzurdæj, 18 okt. 1903 anz. Mæxčesg.

16. Narti sælf xodæ.

Aci furt Acæmæz dengizi bilæmæ sau robasi fædbæl cauæni randæj.

I Nartæ ba uoj ærcudmæ Gori fedar basastoncæ ma jin æ jes, æ bes raxastoncæ; iuarunbæl ba næ fedudtoncæ.

Sæ jeu dær, se'nnæ dær uotæ zaxta:

—Æz Gori fedarmæ fitdzagidær bacudtæn ma hæuama iuaræg dær æz uon, xuæzdæri xaj dær mæn ua!

Uotemæj qauhataæ kodtoncæ ma necæbæl fedudtoncæ.

Ualængi Aci furt Acæmæz dær ci fæxxattæj, xucau zonuj, je'fsæn gebuntæ æ uæragi særtæmæ bafexsudæncæ, uædta sau robas ramardta ma uotemæj æ xædzaræmæ ærbaqærttæj.

—I Nartæ Gori fedar basastoncæ, æ jes, æ bes in iuaruncæ, æz ba ænæxaj fædtæn, zæhgæ, kud næ nigguzavvæ adtæjdæ Aci furt Acæmæz.

Narti Uadzæftauæ ba jin uosæn adtæj ma jin zaxta:

—Uobæl guzavvæ ma kænæ, fal co ma i Nartæ Gori fedaræj jeu zæronð uosæ sæ xætdzæ rakodtoncæ, nur ba'j bæhnægæj qamilti ragælstoncæ ma uomæ baco; a sau robasi dumæg ba dæ xodi æskheli ærcævæ ma'j zæbolæj uadzæ; dæxuædæg ba i uosi daræsæj dær, xuallagæj dær xuarz fæjnæ, uædta xucau ke zæha, je uodzænæj.

Narti adæm sær-æz-dænbæl ma sær-mænbæl¹²⁸ ci fæqqauha kodtoncæ, xucau zonuj, uædta sæ fæstag ba, ci zæronð uosæ raxudtoncæ, uomæ fæstæmæ ærcudæj.

I uosæmæ jeugajæj cæuun raidædtoncæ Narti dzæbæxtæ ma'j farstoncæ:

—Gori fedarmæ razdær bacæugæ ke fæjdtaj, zæhgæ.

Je dær sæ jeuemæn dær, se' nnemæn dær, næ dæ fæjdton, zæhgæ, razæhidæ.

Uotemæj ægas Narti dzæbæx adæmæj fæstag neke bal baizadæj, uæddær si je ba neke baamudta.

Uæd Nartæ isguzavvæncæ:

—Madta ma razdær Gori fedarmæ ka bacudajdæ, zæhgæ. Acæmæz zæhæn, ma je ba næ xætdzæ dær ku na'dtæj?

Ærægi, dūrægi ba Acæmæzi barvistoncæ i uosæmæ.

Je dær zaxta:

—Hæj, uæ buni baizaja, kæd aci lægæj razdær Gori fedarmæ neke bacudæj uæd!

Nartæ fæddes kodtoncæ, fal sin gænæn næ bal adtæj ma Aci furti iuaræg iskodtoncæ ma Sirdonæn zæxta:

—Khahdmæ nixxæzæ ma si rimæxsæntæ iskænæ dæxecæn: iuarun ku raidajon, uæd xuarz xæznajæj ke dær uinon, uoni uor-dæmæ gældzdzænæn ma sæ du ba æsqot kænæ!

Sirdonæj baruagæsæj ma i khahdmæ nixxistæj.
Aci furt Acæmæz dær ibæl sikhit nikkalun kodta.
Iuarun raidædta ma sæ isxæjdtæ kodta, æxecæn ba sælf xodæ, sujnag ma jeu uafsi zæronð rajsta ma niffardægæj.
Nartæ xæjdtæ jesunbæl issæncæ ma Sirdoni isuaxtoncæ.
Je dær jeu xaj æ arcij fijæj fæqqel kænida, innej dær uotæ ma sælf xodæ, sujnag ma i uafsi ku nekæmi isserdta, uædta sin zaxta:

—Uæ xæjdtæj irajgæ uotæ, kujti Nartæ! Ka'dtæj, uoni Aci furt niffardæg kodta!

Sælf xodæmæ uæxæn qarua adtæj æma'j ka nikkænida, uoj tuhdi kard næ karsta, topp næ xistæj æma'j æznagi cæstæ næ axæsta.

Sujnagæj ba cidær rabastajdæ, pakhuj uæzæ dær æj næ bal uida.

I uafs ba cidær donbæl, kenæ ba dengizbæl bagælstajdæ, xed festidæ.

Uæxæn xæznatæ adtæncæ.

Ci gænæn ma sin adtæj Nartæn ma i xæznatæ Aci furt Acæmæzæn baizadæncæ.

Kertibij dzurdtæj. 3 okt. 1903 anz. Mæxčesg.

17. Adækezi kizgæ Uadzæftauæ.¹²⁹

Adækezæn adtæj sedzær kizgæ, æ nom ba adtæj Uadzæftauæ.

Æ kond, æ uindæn na'dtæj Uadzæftauæn.

Narti dzæbæxtæ jibæl-nizmaldæncæ ma nekæmæ kundta; alkæmædær jeu ajjepp isseridæ.

Æxsærtægkatæ uoj ku bazudtoncæ, uæd zaxtoncæ:

—Maxbæl ci fau isæværdzænæj, zæhgæ; nur ba'j rakoræn næ xestær Uoræzmægæn.

Ba'j-rævdzitæ kodtoncæ; Narti xæznatæ: cerqæj, uormegæj-uoni jibæl iskodtoncæ; æ ustur ærfæn bæl æj rabadun kodtoncæ ma'j rarvistoncæ uosgor duuadæs æmbalej xætdzæ; ærqærttæncæ hæumæ; bafusun kodtoncæ jeu bongin xædzaræmæ; sæumæ ba sæ fusunæn zaxtoncæ sæ huddag.

Sæ fusun sin kehære, uotëmæj i khuari duuæ axsgiaqidær ka'dtæj, uoni baminævar kodtoncæ Adækezæmæ.

Xuarz sa cæmænnæ fæjdtajdæ iuazguti.

Baxuardtoncæ, banuastoncæ, uædta ærdzubandi kodtoncæ Adækezæn sæ huddag.

Je ba sin zaxta:

—Æz arazi dæn, fal mæ kizgæn æxe bafærsetæ; Æxsærtægkatæ bafauujnag næ'næ; jeci ærvadtæltæj arv nærun ku ne'ndeuuj, Narti æxsæn sæmæ uæxæn qarua ku jes. Jetæ min mæ kizgæ agorgæj, æz in xuæzdær neke agorun, fal in fidæ, ærvadæ næ baizadæj ma jin æxe bafærsetæ.

Kizgæ sæmæ fehusta, sæ særhi læudtæj ma uædta sin zaxta:

—Rast zæhuj mæ madæ: Æxsærtægkatæ ærvadtæltæ bafauujnag næ'næ; æz dær sæ mæ særæn agkag iskodtajnæ, fal sæ jeu huddagæj ba næ kænun: kuj ku bazæronð uj, uæd jegarti fæste uajun næ bal fæffærazuj; je'fsærtæ næ bal fengom kænuij ma kujfædesi dær næ bal fæccæuuj.

Uoruzmæg dær uoj xuzæn: je'fsærtæ uoramun næ bal færazuj, bazæronðæj, adæmi tonxi næ bal cæuuj ma uomæ fæccæuun mæ særæn agkag ne'skændzænæn.

Minæværdtæ ærizdaxtæncæ ma Uoræzmægæn radzurdtoncæ i kizgi dzuapp.

Mast in kud na'dtæj ma uontæ bærzond ma sær guburæj æ xædzaræmæ ærbazdaxtæj.

Narti astæu raxabaræj: Uadzæftauæ Uoruzmægmæ næ bakumda, zæhgæ.

Uoj fæste ba Æxsærtægkatæ rarvistoncæ Xæmici.

Je dær bacudæj, baminævar kodta ma ucmæn ba dzuappæn zaxta:

— Uadzæn (uas-æn, uasxæn, somiæn) Æxsærtægkatæ Xæmic zahdæuuj, kud næ jimæ fæccudajna ajdah æ suhzærijnæ dændæguti tuxxæj uæddær, fal imæ næ fæccæudzænæn: æ suhzærijnæ dændægutæbæl izgæ badun baidædta ma uonæmæ kæsunmæ neci bakændzænæn!

Razdaxtæj je dær ma jimæ næuæg æmbalti xætdzæ Soslan baminævar kodta.

Minæværdtæ radzurdtoncæ:

— Uoræzmæg æma Xæmici zæronði tuxæj ne'sagkag kodtaj, Uadzæftauæ, fal dæ nur ba Æxsærtægkatæ Soslanæn agoruncæ.

Je ba zaxta: „Soslan lægihædgun ke'j, uoj æz zonun, uingæ'j kæd nekæd fækkodton, uæddær in æ xabar ihosun: ægas Narti æxsæn uomæj æskhuæxddær næ jes,“ zæhgæ.

— „Fal tæbæhi donau racæqal-bacæqal læg æj: dzurd, somi jin næ jes ma min uomæj ka ravzura, jetæ dær uotæ ænædzurd, mængart uodzænæncæ ma sin i art sæ fæstag basodzdænæj. Ævæstag kæmi uon, uordæmæ ba zongæ-zongæj ne'sarazi uodzænæn.“

Minæværdtæ radzurdtoncæ Soslanæn i dzuapp ma uontæ bærzond, sær guburæj æ xædzaræmæ niffardægæj.

Uoj fæste ba Æxsærtægkatæ ærimburdæncæ æma bafændæ kodtoncæ: Uoruzmægi furt Ajsanajæn ʔej rakoræn, zæhgæ. Uon æj

ba ma ci zæhdzænæj: æ kond, æ uindæn ku næ jes; dondzau uostitæ æ uindæj sortæ ku kænuncæ, uæd imæ kud næ bakomdzænæj?

Uotemæj Ajsanaj isarastoncæ, duuadæs bæxginej xætdzæ'j rarvistoncæ.

Ærqærttæncæ, bafusun kodtoncæ, i dugkag bon ba sæ fusuni kehære rajstoncæ ma uotemæj baminævar kodtoncæ Uadzæfta-uæmæ.

Je ba sin zaxta:

—Bærgæ xuærzkond læg æj Ajsana, fal ægær kizgægond æj. Nuri uængæ Narti astæu ænænomæj, ænæ jesti fonsikond fæk-kængæ ku cæruj, je mæn darun dær næ bafærazdzænæj ma jimæ næ fæccæudzænæn.

Uotemæj Ajsana dær razdaxtæj.

Se'ngkætej fæste ba jimæ rarvistoncæ Xæmici furt Batrazi duuadæs æmbalej xætdzæ.

Minævar tog tædzgæ ærdzurdta Æxsærtægkati huddægtæ, festudta Xæmici furt Batrazi dær.

Adækezæ dær uoni fars fæcæj.

Dzurd ku fæcæncæ, uædta jimæ i kizgæ bakholæ kodta:

— Sumax ka fænda'dtæj, uoj zaxtajtæ, nur ba mænæn dær jeu dzurdi baræ radtetæ, zæhgæ.

Dzurdi baræ jin bauaxtoncæ ma sin zaxta:

— Xæmici furt Batraz bafauujnag læg næ'j; jeu dær aci ræstægi næ fæsevædmæ uomæj ægasdær læg næ jes, fal imæ æz ba næ fæccæudzænæn: Idili don ku nijjexuuj ma Narti bitdzeutæ uobæl ku fæhhazuncæ, uæd je ba æxe sau robas festun kænuij ma sæ jeugaj-dugæjdtæj jexi bunmæ lasuij ma sin uotemæj sæ tog se'skheltæj chiruij. Ka'j zonuij, ma uotemæj jeskæd ramæstgun uogæj mæn dær ku baxuæra, uomæj tærsun ma jimæ næ fæccæudzænæn: æxe mælæt ke bafændæ uodzænæj?

Uotemæj Uadzæftauæ razdaxta Xæmici furt Batrazi dær.

Se'ngkætej fæste ba jimæ ærcudæj Khantdzi furt minkhij

Sæuuaj, ba-jimæ-minæværdtæ kodta.

Uadzæftauæ ba jin zaxta:

—Cæmæ cudtæ, Khantdzi furt minkhij Sæuuaj, nurtægki dæmæ mæxuædæg ku cudtæn? Narti astæu aj saxat dæuæj lægkonddær ku næ jes uæd, fal dæmæ neci fæccæudzænæn: dæ chifxuar madæ uællæj i kholi særi duuadæs ræxisemæj bastæj læuuuij, æ hælæsæj æxsedæn zingitæ kaluij, zænxæmæ ba uazal jexæj xauuncæ ma mæbæl jesti ku ærxaua, uæd ramældzænæn. Kenæ ba uomæn ci næ dæ, uoj mænæn fæuuodzænæ?

Sæuuaj razdaxtæj.

Narti æxsæn rakojaej:

—Æxsærtægkatæ fondzemæj kurdtoncæ Uadzæftau i ma si ne-kæmæ bakumdtæ, zæhgæ.

Uæd Acæti Acæmæz æ bæxuærdun rajeftixta ma Narti hæu-
ungti særdt-særdtæj æruadæj.

— Ci'rdæmæ, zæhgæ'j rafarstoncæ.

Je ba sin zaxta:

— Cæuun Adækezæmæ: Uadzæftauī mæ furtæn uosæn korun,
zæhgæ, ma rajevhudæj.

— Lævard din fæcæj nur, zæhgæ, giriz kodtoncæ qaltæ
Narti nixæsi.

Acæmæz dær Adækezi mæsugi xorauuon æ bæxuærdun ba-
basta, æxuædæg ba xædzaræmæ bacudæj.

Ra'j-badun kodtoncæ; xuærujnag in ærivardtoncæ.

Je dær æxe rafsasta, uædta sin zaxta:

— Æz dæn uosgor, sumax xuzæn jeunæg adæjmag. Dæuæn,
Adækezæ, jes jeunæg kizgæ, mænæn ba jeunæg læquæn; nur ba
dæ kizgi mæ læquænæn isagkag kænæ!

Adækezæ ba jin zaxta:

— Korgutæ'j adtæj ma jin æz ne'sunaffæ kodton, nur dær
uotæ; æxe jin bafærsæ, mænæ dæ særhi'j æma.

Acæmæz dær i kizgæmæ dzoruj:

— Æz Acætæj dæn, nur ba næ dæxecæn isagkag kænæ!

Uadzæftauæ ba zaxta:

— Xodujnag ma uæd, jesti ku zæhon uæd: du dzuapp ago-
ris ma din jesti zæhun hæuuj. Nur ba tægkæ mæn dær fænduj,
mæ madæ, Acætæmæ ku uajinæ, hema dæu dær fændæd. Mæxe
min uomæj farstaj ma min mæ zærdiuag zudtaj: mæxe kæmæ
næ fænda'dtajdæ, uomæ ke næ fæccudajinæ uoj. Nur ba arazi
max: xucaui xæstæg ma næ xæstæg.

— Madta uotæ næ, dæxe rarævdzæ kænæ ma nur ba cæu-
gæ, zaxta Acæmæz.

Kizgæ dær æxe rarævdzæ kodta; æ goban charæ, ænæ uoj
xussæntæ uærduni æ buni bakodta æma ranæxstæræncæ.

Izær ærdæmæ Acæmæz Uadzæftauī xætdzæ Narti ustur ni-
xæsti ræsti singk-singkæj iscudæj.

Uotemæj Uadzæftauæ Acæti uosæ bacæj ma nur dær ma
cæruj ænæ nezæj.

Uoni ci næ fæuuidtaj, ændær run, ændær nez næmæ ma'r-
cæuæd!

Kholojti Bazzej dzurdtæj. 1 okt. 1903 anz.

18. Soslan æma Xæmici furt Batraz.

Narti xuærztæ axkemaj æræmburdæncæ ma æz-xuæzdærbæl dzurdtoncæ.

Kærædzemæn næ sastæncæ.

Uædta xucau Soslan æma Xæmici furt Batrazi kærædzemæ fækkodta; jeu dær si æxe xuæzdær xudta, innæ dær, kærædzemæn ba næ sastæncæ.

Nart nihhosæncæ.

Soslan æma Batraz ba ranæxstæræncæ se 'nænijjergæ madæmæ Æxsiijnæmæ.

Ærcudæncæ ma'j bafarstoncæ:

—Ka ni xuæzdær æj, zæhgæ:

Æxsiijnæ sin balædærdtæj sæ jerisdziynadæ ma zaxta:

—Ægajtima ændær mugkagæj jerisgænæg næ jes uæ xætdzæ! Sumax babæj uæ kærædzemæ cæmæn jeris kænætæ?

Ua-næ-ua jin ku næ sastæncæ, uædta sin zaxta:

—Madta ison æmbesboni ualdæn xuæzdær xuærzeuægi xætdzæ ka 'rizdæxa æ xædzaræmæ, je xuæzdær fæuuæd!

Soslan æma Batraz rabadtæncæ æma cæuun raidædtoncæ.

Jeu budurmæ raqærttæncæ.

Uomi ba Batraz fæuurdug kodta, Soslan ba tæssarmæ ærbazdaxtæj ma jeu tuppurmæ baqærttæj.

Æ bæx bafæsaxsæn kodta, æxuædæg ba, raxusson, zæhgæ, æxe bakholæ kodta ma fehusta i tuppuræj zarunhær.

—Ci dæ, zæhgæ, dzoruj Soslan ma tuppurbæl ærazelæn kodta.

Tuppuræj duar baigomæj ma Soslan uordæmæ bacudæj.

Uomi ba uællæj sirebæl læg æma uosæ badtæj. Dællæj ba kizgudtæ ma læquæntæ sindtoncæ.

Sengutæ Soslani sæ astæu fækkodtoncæ:

—Ægas cæuaj, Soslan, zæhgæ, jimæ dzurdtoncæ.

Je dær si rakurdtæ, mæ huddag tahd æj, zæhgæ.

I læg æma i uosæ dzoruncæ:

—Madta anæj dæ zærdæ kæmæ æxsajuj, uoni xæssæ!

Soslan dær læquæn æma kizgæ rartasta, æ fæsabærcæ sæ fevardta ma æmbesbon dær næ ma adtæj, uotemæj Æxsiijni razmæ isqærttæj.

Batraz ba cæuun raidædta ma æ madi ærvadtæltæmæ Auarmæ niccudæj.

Ra-jibæl-cudajdæ jeu dæs, avd anzej bærcæ ma adæm kærædzej hosi (hos-hosaj) dzurdtoncæ:

—Ci, Soslan Batrazi rauæjæ kodta, zæhgæ.

Uæd din Batraz iscudæj Æxsiijni razmæ; sædæ uærduni xus-sar qumacæj se 'midzag; uoni xætdzæ ba ma sædæ læquæni ma sædæ kizgi uotemæj.

Cidær adtæj, sæ huddag Narti ustur sudtæmæ racudæj.
Jetæ ba Fæs-i-Nart Xuzæ dzægatmæ fæccudæncæ.
Uomi ba i sudtæj ka ke uarsta, uoj fars dzurdta ma uote-
mæj Soslan æma Batraz duuæ 'mbes lægemæj baizadæncæ.

27 sent. 1903 anz. Mæxčesg.

19. Nokari furt Æxsæ-Budaj.

Nokari furt Æxsæ-Budaj cardæj Uærppi særi ma adtæj beræ qabahti xecau.

Ci dzilla næ basasta, uæxæn in næ bal adtæj Nartæj fæstæmæ.

Nokari furt Æxsæ-Budæj Narti basædtun fændæ iskodta ma æ ustur qadירbæl ranæxstæræj: bæxæn qadir dardta.

Soslan uoj ku fehusta, uæd ræuændtæj randæj balci; Soslan rauon-ciun adtæj.

Cidær adtæj æ fusun Uoræzmægmæ ærkodta.

Ærixsævæj ma Soslan æxecæn iuazægdoni uat kænun dær næ bauaxta, xædzaræj fæstæmæ.

Æxsæ-Budaj i Nartbæl æstæmæj-astmæ nibbadtæj; æxsævæ gal ravgærdidæ, bonæ gal; uotemæj sæ sæ uodtæbæl iskodta.

Kizgi kizgi æhdaubæl næ uaxta; nostæ nosti fælxænbæl næ uaxta. Tuxæ sin kodta alcæmæjdær ma i Nart sæ uodæn næ bal adtæncæ.

Æxsiijnæ jeci boni ærajista Uoræzmægi furti Ajsanaj; hædin sag in iskodta, raledzgxæ kud adtajdæ uotæ; nigki ba ma jin Æxsiijnæ æ jeu farsi xodgæ (cogæ) xor, je'nnæ farsi ba cogæ mæjroxs iskodta, æ uonti astæu ba sajnæg æsthalu ma'j uotemæj rarvista Uærppi bunmæ; æxecæn ba jin niffædzaxsta:

— Æxsæ-Budaj uosæ dæ jeskæmi ku fæjna, uæd din calinmæ qæbær balixstæ kæna, ualdæn imæ ma bazdæxæ.

Ajsana Uærppi bunmæ bacudæj.

Uomi ba Æxsæ-Budaj uosæ xonxi bilæbæl baduj æma ælvesuj: konhædæ-je'lxujnæ, kuronfid æ uædærtæ, rævæjnæ ba æ xalæ, uotemæj je'lxujnæ xonxi bunmæ qærtuj.

Ajsana rasurdta i sag, fæ'j-æxsta, ba'j-nisan kodta, cauæjnon kud fæuuj uotæ; lækhæf je'rahi rakodta ma ranæxstæræj.

Uotæ ba'j i uosæ fæjdta æma jimæ dzoruj:

— Ældar-Xuar-Æfsatij mæ madi' rvadæ'j; nigkidær din rakordzænæn æma ærbazdæxæ!

Ua-næ-ua ku næ'zdxatæj, uædta jibæl xucaui bahardta ma Æjsana dær bazdaxtæj.

I uosæ'j æ uædærtæbæ' isista uælbilæmæ.

Uomi kærædzej zærdiuag ku isserdtoncæ, uæd Æxsæ-Budajbæl maruni fændæ iskodtoncæ.

Uosæ zaxta:

— Mælæt in necæmæj jes mæ særi xecauæn, uærtæ i kiri min-khij bolat qæmajæj jin æ tærnixi uors æsthælfæ ku næ racævaj uæd.

Ajsana i kiræmæ xatiagau isdzurda, kiræ baigomæj ma is-ista i qæma.

Uædta'j i uosæ æ uædærtæbæl æruaxta zænxæmæ.

Æxsæ-Budaj Narti æ razæj kud rakodta ma Æxsijni xætdzæ jeumæ kud badtæj, uotæ niqqærttæj Ajsana dær.

— Nur mæmæ xicæ kændzænæj, zæhgæ, uoj balædærdtæj ma xucauæn iskufta, sæ astæu ustur buræu kud festadajdæ uobæl.

Æxsæ-Budaj Ajsanaj ku'ruidta, uæd æj rasurda ma sæ astæu buræu festadæj.

Æxsæ-Budaj dælgommæ baxaudtæj buræui; Ajsana dær imæ fæccurdæj ma jin æ qæmajæj æ tærnixi uors æsthælfæ rasærfta.

Uotemæj Æxsæ-Budaj uomi nixxærnæhæj.

Nart ærbazdaxtæncæ.

Ajsana ba cæuun raidædta ma Uærppi bærzondmæ iscudæj.

I uosæ fæhhær kodta æ adæmbæl:

— Æxsæ-Budaj i Narti basasta æma ærbarvista, cærunmæ uordæmæ kud æracæuajtæ uotæ.

Ajsana i uosi æxecæn bijnontæ iskodta, adæmi ba ærakodta Nartmæ. Ajsanajæn æ fitdzag fonsikond dær æma æ fæstag fonsikond dær je adtæj.

27 sent. 1903 anz. Kertibij dzurdtæj.

20. Soslani kærçæ.

Soslan isunaffæ kodta, Narti astæu bærægdæræj fæccærun æma raidædta kærçæ kænun fitdzagidær furdzærdtæj, uædta bæj uældzærdtæj æma jibæl bongintæ rarazdæriuoncæ.

Uædta æ zærði æræftudæj lægi zakhdzartæj kærçæ kænun. Jeci huddag ba neke armi æftudæj.

Soslan læg ramaridæ, æ zakhæ jin rasthehidæ, uotemæj lægi zakhdzartæj kærçxuar æræmburd kodta æma sahæs kænun raidædta:

— Nur min mæ kærçæ æna'jjepp ka skændzænæj?

Jeu rauæn ba badtæj ærtæ kizgi.

Soslan æ kærçxuar uonæmæ fæxxasta.

Kizgudtæ kærxcuarmæ ku ærkastæncæ, uæd bafæsmardtoncæ ka æ madi'rvadi rexæ, ka je'nsuværi rexæ æma sahæs kænun baidædtoncæ, ci kænæn, zæhgæ.

Uotæ ræxgi ba sæbæl Narti Sirdon ærfecudta ma sin zaxta:

—A kærca iscædtæ kæntæ æma'j æfcækhuatæ hæuagkin iskæntæ ma jin zæhetæ æ xecauæn: Tuxi furt Uomari¹³⁰ suhzærijnæ rexæ ku ne'sbada abæl reutæn, uæd ibæl neci isbaddzænæj.

Kærca iscædtæj æma kizgudtæ cædtæ dzubandi razaxtoncæ Soslanæn.

Cidær adtæj, zumæg ba xucau læhuz jexæn zumæg fækkodta.

Ualdzæg ærdæmæ xuasæ nekæmi bal adtæj, kærdæg ba næ ma adtæj, ærmæst Tari (Tuxi) furt Uomari zænxæ ba iskærdægæj.

Nart isæftmæ ærcudæncæ.

Soslan ærimburd kodta Narti bæxærhau æma Tari furt Uomari zænxæmæ ranæxstæræj je'xuærsti ræuoni.

Tuxi furt Uomarmæ raxabaræj, cidær dæ zænxæbæl xezuj bæxærhau, zæhgæ.

Uomar destæ kodta:

—Mæ zænxi ævastæj ka xezuj, zæhgæ, ma jimæ ranæxstæræj. Is-imæ-qærttæj æma'j bafarsta:

—Kæmæj dæ, zæhgæ.

Je ba jin zaxta:

—Soslani ixuærst dæn.

Uomar in zaxta:

—Madta Soslani hazuntæj jesti zondzænæ æma min æj bamonæ!

Je ba jin zaxta:

—Æz uotærdti fæuun ma jin neci zonun.

Ua-næ-ua dær æj ku næ bal uaxta, uædta jin zaxta:

—Æ jeu hast in zonun: bærzonddær ci xonx fæuuj, uomæ iscæuuj ma uordægæj æxe rauadzuj zuræmæ; usturdær ci tuguldor ua, uoj nirræuehuj æ tærnixæj æma'j sau funuk fækkænuj.

Bavzursta Uomar dær uotæ æma zaxta:

—A necæj hast æj! Sajgæ mæ kæniz, uotæ næ fæhhazuj Soslan. Je'cæg hæstitæ min næ amonis ma dæ marun.

—Madta ma jin jeu hast zonun, zaxta je; duuæ ursi fæxxilæ kænun kænui æma uoni astæu æ sær badarui.

Uomar babæj bavzursta uoj dær æma zaxta:

—Soslan atæ næ fæhhazuj! Je'cæg hæstitæ min næ amonis, cidær æj uæddær!

Bæxgæs in zaxta:

—Jeu hast ma jin zonun: zumægi histi dælæ dengizmæ niccæuuj, æstæmæj astmæ dengizi medæg nibbadui; dengiz ibæl tægær jex niuuj ma'j uæddær istonui, he uoj ma jin zonun.

Tuxi furt Uomar randæj dengizmæ.

Soslan ba iskufta:

—Uæ, xucauti, mæxe xucau! Hist ræstæg uæxæn iskænæ æma listuq zænxæmæ kud næ qæрта ænæ isjex uogæj!

Uomar nixxistæg dengizmæ.

Zumæg nihhistæg.

Dengiz isænvæjnæg Uomarbæl æma jibæl isxuæstæg Uomar. Jex nikhkhær-khær kodta.

Soslan in zaxta:

—Soslan ma æ uælastæn ærtæ boni babadidæ!

Uomar ærsaburæg.

Soslan ba bazdaxtæg æma dengizi æskhudtæ ali alcæmæg baidzag kodta. Ærtæ bonej fæste ba jin zaxta:

Isxuæcæ nur!

Æxe raivæstitæ kodta Uomar æma næ bal isfærasta æxe islasun.

Uæd in zaxta Soslan:

—He, nur ba æz Soslan dæn ma dæ lægihædæ ma dæxuædæg!

Uomar in zaxta:

—Soslan dæ tuxæg ku næ dæ, fal dæ xijnæg ku dæl!

Soslan dær æ cerq islasta æma'j Tuxi furt Uomari bærzæg-bæl ærbadardta.

Cerq jexbæl gurægau fæggurdæg Uomari bærzæg-bæl.

Tuxi furt zaxta:

—Hezæmaræg mæ ma maræ, uærtæ mæxe cerqæg mæ nivgærdæ! Ku mæ nivgærdæg, uædta mæ astæu istægi qanz dæ astæubæl ærbatoxæ æma mæ qarua dæ medægæ uodzænæg. Ma zærdæ dæ zærdæbæl nivværa æma mæn xuzon zærdgin uodzænæ!

Soslan in æ cerq ne'rbafærasta æma'j izaznitæg ærbatulda.

Uotemæg Tuxi furti xijnæg ramardta.

Æ rexæ jin nisthixta.

Æ astæu istægi qanz ba jin hædi æstavddær tærsæ bæla-sæbæl ærbatuxta. Tærsæ bælasæ duuæ æmbesi fæxxaudtæg.

Æ zærdæ jin jeu ustur dorbæl nivvardta ma i dor sau funuk fæcæg.

Uotemæg Soslan Narti bæxærhau fæxxista ma'j istardta.

Tuxi furti zakhæg æ kærcaen reutæ iskodta æma Narti astæu bæragdæræg baizadæg.

24 okt. 1902 anz. Mæxčesg. Kertibij dzurdteg.

21. Narti xijnæ Sirdon.

Uoræzmæg, Xæmic æma Soslan ranæxstærænca xætunmæ. Sirdoni ba fæxxudtoncæ kæstæræn.

Sirdon, mæ bæx næ færæzuj, zæhgæ, isræuonæ kodta nadbæl.
Soslani i khuari kæstær adtæj ma'j æ fæsabærcæ isævardta.
Sirdon in æ zinggænæntæ radafta.

Uædta'j Xæmic isævardta æ fæsabærcæ ma uoj zinggænæntæ dær radafta.

Uoræzmægæn dær uotæ bakusta.

Izæræj jeu tagræbunmæ se' xsæveuat ærxastoncæ.

Soslani je'mbalti uosongæ kænunmæ fæuuaxta, æxuædæg ba raxæton, zæhgæ, randæj.

Uotæ ræxgi ba jeu sag rajirdta, fæ'j-æxsta ma'j ramardta.

Ba'j-koj kodtoncæ.

Zing nikkænæn, zæhgæ, ma sæ zinggænæntæ raagurdtoncæ ma sæ næ bal isserdtoncæ.

Sirdon ba bælasæ særmæ isxistæj sog kænunmæ ma sæbæl giriz kodta:

— Atæ ba cauæni racudæncæ, zæhgæ.

Uotæ ræxgi ba jeu xonxi ræbunæj quæcæ iscudæj ma roxs ferdifta.

Soslani rarvistoncæ uordæmæ zinggor.

Je dær baqærttæj uordæmæ ma din uomi ba duuadæs uæjugi.

Ba'j-xudtoncæ Soslani i uæjgutæ ma'j, dæxe ratavæ, rahar kænæ, sæhgæ, uællæj sirebæl isbadun kodtoncæ ma jin ænædon sans æ buni rauaxtoncæ.

Soslani niccæfstæj khelabæl ma nekæmi bal zindtæj.

Xæmici jimæ rarvistoncæ.

Xæmic dær bacudæj i roxsmæ, badzurdta ma jimæ uæjgutæ racudæncæ, ba'j xudtoncæ; Soslani dællæj æj isbadun kodtoncæ ma'j uomi khelabæl niccæfsun kodtoncæ.

Soslani dær in baræj neci zaxta.

— Kud nekæmi zinnuncæ, zahgæ, ma sæmæ Uoruzmæg æxuædæg randæj.

Baqærttæj sæmæ ma bahær kodta:

— Zinggor uæ ku ærbarviston ma ci fæcajtæ, zæhgæ.

Uæjgutæ jimæ rauadæncæ; medægma'j baxudtoncæ; je'mbalti dællæj æj ærbadun kodtoncæ; æ buni jin ænædon sans rauaxtoncæ ma je dær niccæfstæj.

Uoj fæste ba Sirdon nizzing kodta; sagi mardæj æxe isæfsasta, uædta duuæ æxsærfæmbali æ bechotæbæl nibbasta ma uotemæj ranæxstæræj je'mbalti agorunmæ.

Ba-sæmæ-qærttæj.

Ba'j-xudtoncæ i uæjgutæ.

— Isbadæ, zæhgæ, jimæ dzoruncæ.

Sirdon ba zæhuj:

— Sæxuædtæ kæstærgaj uællæj ke sbadtæncæ, je beræ næ ma'j? Nigki ba ma æz dær uoni rænhæbæl! Me'ldartæ' ncæ atæ

ma sæ rænhæbæl næ fæbbadun, fal min ænæ bun xuskhædonæ funukæj baidzag kænuncæ ma uobæl fæbbadun.

Xuskhædoni funukbæl uoj isbadun kodtoncæ; sans in æ buni rauadzioncæ æma funuki rafardæg uidæ.

Uæd din Sirdon zelæn kænun raidædta ma i uæjguti Soslanmæ fækkodta.

Soslani sin feuuerdun kodta xuarz, uædta sæ Xæmicbæl raardudta; uædta Uoræzmægbæl; uotemæj sæ xuarz feuuerdun kodta; uædta uæjguti sæ kærædzej medæg iskodta, ba-sæ-ævinsta ma sæ kærædzej fæccaxtoncæ.

Jetæ ku ærmardæncæ, uæd Uoruzmæg, Xæmic æma Soslan lixstæ kænun raidædtoncæ Sirdonæn.

— Jesti madzalæj næ fæjjervæzun kænæ aci xodujnagæj, zæhgæ.

Sirdon dær artmæ xæstæggomau isbadtæj; æxsærfæmbældtæ æ rexæbæl bor kodta ma sæ æ bilæj bachiridæ.

Mæstæj jimæ kud næ mardajoncæ jetæ?

Ma sæmæ Sirdon dzoruj:

— Madzal uin næ zonun, fal Narti ustur xirxæmæ fæccæuon ma uin uomæj ue'mbærcitæ i khela ærlux kændzænæn.

Lixstæ kænun in raidædtoncæ, sæ kælmon ævzag imæ islastoncæ:

— Nartæmæ nin næ xodujnag ma fæxxæssæ, fal ændær madzalæj dæmæ ci madzal jes, uomæj næ dæ xuarzænxæ!

Sirdon ærsastæj; ustur agæ donæj baidzag kodta; is-æj-har kodta ma sin har don sæ buni rauadzidæ, uotemæj sæ isuæhdæ kodta qadamajæj.

Ærsaburæncæ; sagi fidæj sæxe bafsahtoncæ, uædta Sirdonbæl fud fænditæ kænun raidædtoncæ ma jin æ bæxi bilæ ærivgarstoncæ.

Sirdon dær uoj cuma næ bazudta uotæ, æxe sæ fæste.cæ-uæg rakodta ma sin sæ bæxti dumgutæ ærivgarsta.

Ranæxstæræncæ ma ci racudæncæ, uædta Sirdonmæ dzoruncæ:

— Ci'j a, Sirdon, dæ bæx xodgæ ku cæuuj?

Je ba sin zaxta:

— Æ razæj xodtujnægtæ ke uinuj, uobæl xoduj.

Sæ bæxtæmæ ærkastæncæ ma sæbæl dungutæ næ bal!

— Ci jin kænæn ne'sævdi lægæn: margæ'j rakænæn ma næbæl Nartæ zar iskændzænæncæ; atemæj æj uadzæn ma næ card næ niuadzdzænæj!

Fæssahæs kodtoncæ, uædta jeu tala ærtasun kodtoncæ ma Sirdoni uobæl æ duuæ bechojemæj isbastoncæ; uædta i bælasæ isuaxtoncæ ma'j æ xætdzæ rajsta. Sæxuædtæ ba randæncæ.

Kud xucau xuærzgænæg, uotæ jeu fijjau uors dzogi xætdzæ æskhodtæj zargæ ærbacudæj.

Sirdon dær hæ rænun baidædta:

— Næ mæ hæuuj, xucau, ældar! Ne'sarazi uodzænæn!

Fijjau jimæ ærbacudæj ma jimæ dzoruj:

— Ci dæ, ci mugkag dæ, cæbæl næ arazi kænīs?

— Ma ci dæn, zaxta Sirdon. Nartæ mæ sæxecæn ældar kænuncæ ma sin æza næ komun. He ma calinmæ isaraziuon, uædmæ mæ næ uæhdæ kænuncæ.

— Mæn iskænæ madta dæ bæsti, zaxta i fijjau.

— Xuarz, zaxta jin Sirdon; fal ku næ bafærazaj atæ bastæj?

— Bafærazdzænæn, zæhgæ, ma Sirdoni raixaldta, æxe ba uomi isbædtun kodta.

Sirdon ærxistæj æma jimæ isdzurdta:

— Fænduj mæ zæhæ!

Fijjau dær bælasæj fænduj mæ, fænduj mæ kodta.

Sirdon ba uoj xætæl rajsta ma uors dzogi fæste Narti hæu-ungti æskhodtæj zargæ iscudæj.

Nartæ jin des kodtoncæ æ fonsi kondbæl, Sirdon ba sin dzurdta:

— Uoruzmæg, Xæmic æma Soslani ahdi fidti arhi sæ rajston, zæhgæ.

28 sent. 1903 anz. Mæxčesg.

22. Thizmudæ æma Narti ægænon sind.

Narti ræsuhd Thizmudæ avd ærvadej jeunæg xuæræ adtæj. Æ kond, æ uindæn na'dtæj Thizmudæn.

Korgutæ'j kud na'dtajdæ ma nekæbæl ærvænstæj.

Æxecæn uæleuat avd nadej astæu hædin mæsugi særbæl iskænun kodta, uordæmæ bacudæj ma ænæ ændæmæ racæugæj i nædtæbæl ka cudæj, uonæbæl faui fæudtæ. ævardta æ unæuuti chuxæj.

Soslan næræmon adtæj ma uotæ zæhuj:

— Madta mæn bæl jesti fau isæværdzænæj?

Ma jimæ baminævar kodta.

Thizmudæ jimæ je'usqi særæj dær næ rakastæj.

Uontæ bærzond æma sæ r guburæj iscudæj Narti ustur ni-xæsmæ ma dzoruj adæmi æmburdmæ:

— Dælæ dengizi bilæbæl jeu nalat silæ isæntæstæj, adæm-mæ ændæmæ næ kæsuj, æxuædæg ba avd nadebæl ka dær cæu-uj, uonæbæl ænæ faui fautæ æværuj. Nur ba jimæ niccæuæn ma'j dortæj ramaræn, kenæ ba ne'ngkætej dær særævgarst kænuj.

Narti dzæbæxtæ jin zaxtoncæ:

— Nartæn xodujnag uodzænæj jeu sabij tuxæj uordæmæ niccæuun ma uobæl dortæ kalun, fal in dæxuædæg ci amal jeris, uomæj jesti færzæznæ kænæ!

Uordægæj fæstæmæj jibæl Soslan zelun raidædta ma jin neci madzal jirdta. Uædta æ fæstag ba khæsibadæg uosæmæ (dæsn) ærcudæj.

Je ba jin zaxta:

— Mæ bon din neci'j, fal sau hædi astæu ustur mærae jes; uoj astæu ba sau kældæ; uoj buni ba uzun baduj ma uoj bafærsæ ma din je bæræg zæhdzænæj.

Soslan xætun raidædta sau hædi ma jin i khæsibadæg ci ærdozæ amudta, uoj isserdta. Ra'j-zelæntæ kodta ma i kældi razi nillæudtæj ma dzoruj:

— Ami cæræg ka jes, de'uazægmae rakæsæ!

Uzun dær uotæ tahd kæmi æzmaldajdæ ma jimæ ærtigkag hæri ba tuxæj racudæj.

Soslan in radzubandi kodta, cæj tuxæn ærcudæj uoj.

Ma jin i uzun zaxta:

— Neci madzalæj uæmæ racæudzænæj, fal ægas Nartæn dær zæhæ ma alkedær cæmæj kosuj, uoni xætdzæ, æ uisqætæbæl æriværæd, ma uotemæj kizgæj dær, uosæj dær, zæronðæj dær ma læquænæj dær avd nadej astæu Thizmudi uæleuati buni sindbæl nixxuæcetæ, uædta uæmæ zindzænæj.

Soslan Nartæmæ ærbacudæj ma duuæ fedogemæn zaxta:

— Fæhhær kænætæ: isoni boni cæuunhom ka'j, jetæ jeugu-ræj dær avd nadej astæumæ Thizmudi uæleuati bunmæ kud racæuoncæ ma uomi ka cæmæj kosuj, jetæ sæ usqiti uotemæj zildæj sindbæl kud nixxuæconcæ uotæ.

Uællag sinxi fedog Cærazon, dællag sinxi fedog ba Sibeka racudæncæ ma fæhhær kodtoncæ.

I dugkag bon ba Nartæ ramburdæncæ Thizmudi uæleuati bunmæ ma sindbæl isxuæstæncæ.

Narti uostitæj kæmæn æ usqæbæl amæntæn, kæmæn paxsa, kæmæn sagojnæ, uotemæj semuncæ.

Narti ægænon sindi xabar raihustæj ægas dujnebæl ma jimæ cæuun rajdædtoncæ.

Sau xonxi Sau uæjug dær jeci sindmæ racudæj: æ jeu usqæbæl ustur khæjæ sau xonxæj, je'nnæ usqæbæl ba uors xonxæj ma uotemæj sindi nixxuæstæj.

Ci rasindtoncæ, uædta Sau xonxi Sau uæjug æxe iscaxta ma khæjtæ ærihzaldæncæ ma æ færstæmæ ka'dtæj uonæj kedærti nichchærdtitæ kodtoncæ.

I dugkag bon dær babæj ærcudæj ma'j uædta xucau Xæmici furt Batrazi farsmæ xuæst fækkodta.

Batraz in semgæj æ khaxi uælfadbæl fefsardæj ma Sau xonxi Sau uæjugæn æ khax æ fadiholæj dælæmæ uomi raizadæj.

Uæjug æxe raivasta ma'j Batraz dær æxe'rdæmæ ærbaivasta ma i uæjugæn æ cong felvæstæj.

Sau xonxi Sau uæjug nijjax kodta ma randæj congoj æma khaxojæj æ fidi xædzaræmæ. Æ fidæn rahæstittæ kodta ma jin je ba zaxta:

— Næ din zaxton: ma co Narti sindmæ; jesge dæuæj qarua-gindær razindzænæj, zæhgæ.

I ærtigkag bon babæj Sau xonxi Sau uæjug racudæj ma'j xucau Narti ustur Xumbarbæl ærcæuun kodta. Je ba uæd sædæ gotonemæj xumæ kodta.

Kærædzemæn raarfitæ kodtoncæ, radzubandittæ kodtoncæ ma Narti ustur Xumbar dær Narti ægænnon sindmæ ranæxstæræj.

Sædæ æfsæni ma sædæ dzirhægi æ duuæ usqebæl ærauixta, uotemæj dzængal-mungul gængæ Narti ustur Xumbar Narti ægænnon sindi nixxuæstæj.

Xumbar æxe ku scaxta, uæd sædæ æfsæni æma sædæ dzirhægi sædæ ævzagemæj isuastoncæ.

Thizmudæ uoj ku ærihusta, uæd næ bal fællæudtæj ma mæsugi særæj raxistæj.

Rast jeci saxat ba Narti Uoræzmægi dær xucau uordæmæ ærbaxasta: æsqær, uormeg, Narti xæznatæ: cerqæj, ændæræj æ uæle adtæncæ, uotemæj Narti ustur uors ærfæn bæl badtæj; rafestæ-gæj æma sindi nixxuæstæj.

Thizmudæ dær racudæj sindmæ æma Uoræzmægi je' usqi særæj rajsta.

Thizmudæ Uoræzmægi bacæj; æ uors ærfæn sin fedauægkag ravardta; æ sarh je'usqi uotemæj bon ænhudæj sæxemæ ranæxstæræj.

Sind raxæleuæj ma Æxsiijnæmæ baxabaræj:

— Thizmudæ Uoræzmægi je'usqi særæj rajsta ma'j Uoræzmæg æxecæn bijnontæn xonuj, zæhgæ.

Æxsiijnæ dær mæsugi særæj fækkastæj ma Uoræzmægi bu-duri æ sarh je'usqi uotemæj nijjida.

Æ zærdæ cæmænnæ nimmægur adtajdæ ma bacudæj ma sæddændagon æxsinæntæbæl hun perongom kodta, uotemæj æx-sidta.

Uædmæ ba Uoræzmæg dær isqærttæj ma jimæ xodæz-mol-tæj dzoruj Æxsiijnæ:

— Ci'j a, næ xecau? Nurmæ dæ dæ bæx ku xasta, nura dæxuædæg dæ bæxi xæssun ku raidædtaj?

Uoræzmæg dær in raxabærdtæ kodta ma jin bædæj-nag uosæ zærdittæ raivardta:

— Raxussæ, uædta de'nhudmæ kug raqærtaj, jeci afoni ba dæ æz ihal kændzænæn, zæhgæ.

Uoræzmæg dær afæj balci adtæj ma bæxvælladæj raxustæj.

Æxsiijnæn iskurdiadæ adtæj ma i xædzari færstæ mæjtæ ma æsthalutæ festun kodta.

Ci raxustæj, uædta Uoræzmæg fehælæj ma dzoruj Æxsij-næmæ:

— Ra-mæ-rævdzæ kænæ, cæuun afonæ min æj me'nhudmæ, zæhgæ.

Je ba jin zaxta:

— Arvmæ næ kæsis, ne'rængæ ma æmbes æxsævæ dær ku næ ma'j, raxussæ bal, uædta cæudzænæl!

Uotemæj æj khulumpi gængæ cudæj ma'j je'nhudmæ cæuun næ rauaxta.

Uoræzmæg je'nhudmæ ku ne'rcudæj, uæd uordægægj fæstæmæ ba Thizmudæ isuæhdægj ma babægj jimæ korgutæ cæuun raidæd-toncæ.

Qæræm Sauxali furt Qæræm Soltan uoj ku fehusta, uæd æ uors alasabæl æxe bagælstæ ma ranæxstærægj Thizmudi korunmæ.

Ægas nad ændærxcæ Qæræm Soltan jeunægægj duue'rdæmæ hazgæ cudæj ma sædæ bæxginej bærcæ zindtægj.

Thizmudi mæsugmæ ærqærttægj, æ bæx bafæskhox kodta ma bacudægj i kizgæmæ ma jin zaxta:

— Bijnontæn dæ agorun, nur ba mæ dæxecæn isægkag kænæ, Qæræm Soltan Qæræm Sauxali furt dæn, Sau dengizi bilæbæl mæ cæræntæ ma mæ bæstæ.

Je ba jin zaxta:

— Fæ-ddæmæ-cudajna, fal dæmæ neci fæccæudzænæn!

Qæræm Soltan dær racudægj ma babægj æ bæxbæl uotæ hazgæ ranæxstærægj.

Thizmudæ æ fæste kastægj ma jimæ radzorun kodta.

Qæræm Soltan ærbacudægj ma jin zaxta:

— Cæuun dæmæ, fal dengizi sindzæmæ nicco; uomi sau robas baduj; uoj ramaræ, æ dumæg in dæ xodi æskheli niccævæ, kud dæ fæsmæron uotæ, dæxuædæg ba ceceni ræsuhd kizgudtægj insægj, Nohaji læquæntægj insægj, uoni ba æxsæn-mæxsænti isbædtæ ma uoni ærbaskhæræ ma uædta dæu uodzænæn!

Qæræm Soltan dengizi sindzi xætun raidædta ma je'fsæn gebuntæ isxaudtænæ, æ priska æsgælladæ coqa dæltæ-uæltæ bafæxsudægj, æ alasaj khæxti tog dær ali ærdoj bunægj kaldægj, uotæ fæxxattægj; ærægiau ba i sau robas isserdta; ra'j-mardta; æ car in nisthixta ma jin æ dumæg æ xodi æskheli niccafta, uotemægj Cécen æma Nohajmæ læburdi randægj.

Cenenægj insægj kizgi, Nohajægj ba insægj læquæni, uoni æxsæn-mæxsæntinægj bast iskodta, uotemægj sæ ratardta.

Ceceni æma Nohaji fædes ibæl istuxtoncæ ma'j i duuæ fædesi æstavd cæftæ ma listæg chæræmuxstitæ nikkodtoncæ, uæddær sin næ basastæj ma fonsikond Thizmudi mæsugi bunti bas-
khardta.

— Æn'iraj si iskænæ! Nur ba æz mælgæ kænun, zæhgæ, ma æ bæxi khembur rakhuerdta ma æ xædzaræmæ tuxæj isqærttæj.

Adæm ibæl æmburdtæ kodtoncæ.

Qæræm Soltan dær duue'rdæmæ raftauæ-baftauæ kodta.

Ualengi Thizmudæ bæxtæ rajeftindzun kodta qændzalgun uærdunbæl ma æ særhi balæudtæj.

Æ guzavvæ sæjgæ jin ku bazudta, uæd zaxta adæmæn:

— Nuri uængæ mæ cæsgom adæmæn næ fæjnun kodton, nur ba xodujnag ma uæd, Qæræm Soltani uinunmæ mæ rauadzeta!

Adæm duuex færsagæj ralæudtæncæ ma sæ astæuti bacudæj Thizmudæ.

Æ cæftæ jin fæjdta ma zaxta adæmæn:

— Xodujnag ku ua, uæddær næ xebæragæ bauaxtæ!

Adæm racudæncæ. Thizmudæ dær æxe rabæhnæg kodta ma Qæræm Soltanæn æ caræj fidi astæuti ralæstæj ma æ madæj raigurgau iscæj.

Uotemæj Qæræm Soltan æma Thizmudæ aboni uængæ dær ma læg æma uosæj cæruncæ.

Kertibij dzurdtæj, 24 okt. 1903 anz. Mæxčesg.

23. Nasiran ældar.

Nasiranmæ fitdzagidær xunæ ærcudæj; xunæn ba jin ci ærcudæj? Uors furi huntæj jin lasgæ hunæj nimæt ærcudæj, uoj xætdzæ ba jin thasxæ'rcudæj Togus ældari bæxærhau ratæruni tuxæj.

Nasiran, æfsad æfsadæj usturdær, uotemæj ærtæ æfsadi ærimburd kodta.

Je'fsadi adtæj sædsæron uæjgutæ, sæumon uacellatæ, izæjron idaugutæ.

Nasiran ældar je'fsadi xætdzæ dengizi bilæmæ bacudæj.

Togus ældar ba cardæj dengiz uordæg.

I dengiz ba nad næ lævardta Nasirani æfsædtæn ma Nasiran ældar zaxta:

— Me'fsadi mæ jevxæssgutæj Acætæj ku neke ua, uæd ne'srævdzæ uodzænæn!

Ma duuadæs æmbalej xætdzæ rabadtæj ma baqærttæj Acætæmæ:

— Acætæj ami ka jes, zæhgæ bahær kodta.

Jeu uosæ jimæ rakastæj ma zaxta:

— Acætæj ami neke bal jes, uærtæ avdæni minkhi; suvællonæj fæstæmæ!

Nasiran ældar bæxæj raxistæj æma æxsæj æ tærnix xuaigæ uotemæj Acætæmæ kæugæ bacudæj. Uædta rabadtæj, æ bæxi ualqos æxsæj racafta ma randæj.

Uosæ dær bazdaxtæj xædzaræmæ ma jimæ bitdzeu avdænæj dzoruj:

— Ka'dtæj je, uotæ qæbær ka 'fækkudtæj?

Uosæ ba jin zaxta:

— Je adtæj uæ jenceg Nasiran ældar, æfsædton agurdtæ.

— Madta, nana, mæn dær isesæ, æz dær fæccæudzænæn æfsadi, zaxta i bitdzeu.

Æ madæ'j kæmi istajdæ. Ua-næ-ua æj ku næ ista, uædta æ mækhustgutæj avdæni færstæ rarædufta fæjne'rdæmæ ma zaxta:

— Mæ fidæn bæxi zæronð nekæmi baizadæj ædta?

Uosæ ba zaxta:

— Uærtæ æskhæti Acæti uors bæx fagusi nixxæstæj, ajdah æ hostæ ma zinnuncæ.

Bitdzeu æskhætmæ niccudæj, bæxi duuæ hosebæl fæxxuæstæj, fæ'j-ælvasta mæ'j nikkædzos kodta. Uædta bafarsta:

— Sarhi zæronð huddag neci baizadæj mæ fidæn?

Ba-jin-amudtoncæ, i kiri æncæ, zæhgæ.

Bitdzeu xatiagau isdzurdtæ kiræmæ.

Kiræ baigomæj ma din uomi ba xaxiag xax idonæ, babiag avd æftaugi, angusag ævdust sarh.¹³¹

Ba-sæ-ængom kodta bæxbæl, ra-jibæl-badtæj ma nihhastæltæ kodta turhi astæu æma dzoruj æ madæmæ:

— Næ madæ, kud hazun æma kud fedauun mæ bæxi rahi?

Æ madæ ba jimæ dzoruj:

— Kudzi læxæbæl xalasæ kud fæffedauuj ærægvæzzæg je uotæ!

Bitdzeu raxistæj æ bæxæj æma mæstgunæj sire khelaj ærbabadtæj ma i khela æhzæli æzhælgaj niccæj, æxuædæg ba dzoruj æ madæmæ:

— Me'ndærxcæ ma min me'nuærxcæ zugul rakænæ!

Bædæj nag uosæ fevnaldta ma jin hej-hid saxat zugul rakodta.

Bitdzeu æj zænxæmæ moræ ne'ruaxta, uotemæj æj raxuardta; æxuædæg babæj æ bæxbæl rabadtæj æma i turhi nihhastæltæ kodta.

Æ madæ, nur næ læuuj, uoj ku bazudta, uædta jin zaxta:

— Tægkæ dær, bitdzeu, sæumæ ragi xor xuænxtæbæl kud fedauuj æma sæumon ærtæx ualdzigon chæxbunbæl, uotæ fedauis dæ bæxi usqi, nur ba fændagrast fæuuo!

Aci furt Acæmæz uotemæj randæj Nasiran ældari fæste ma jin je'xsæveuat xucau sau hædi astæu ærxasta.

Aci furt Acæmæz dær fevnałdta ma æxecæn duuadæs lægej fagæ uosongæ rakodta, duuadæs rahæni'j nissaxta, ual bæxbædtæni ba uosongi razmæ, æxuædægka æ jeunæg bæxæn duuadæs bæxej fagæ cahd iskodta, sægti æruæz ærtardta, uoni cahdi bakodta. Sæ cartæj sin bæzgin listæn nikkodta, sæ fidtæ ba sin æ caræbæl ærauixta, uotemæj æ uosongi baart kodta. Artæn æ færstæmæ duuæ uxstejdzag sirdonvidæj fezongutæ cæxcæx gængæ ærsaxta, uotemæj ærfusun kodta sau hædi astæu.

Jeu bon Nasiran ældar fælgæsænæj fækkastæj ma sau hædi særhi quæcæ fæjđta.

Nasiran aldar duuadæs æmbali æ xætdzæ uotemæj ranæxstærej i quæcæ babæræg kænunmæ.

Baqærttæj quæcæ kæcæj cudæj uordæmæ ma sæmæ Aci furt Acæmæz æracudæj uosongæj; ra-sæ-festæg kodta; duuadæs bæxi bæxbædtæntæbæl baftudta, duuadæs rahænebæl gærztæ ærauixta, æxuædæg ba duuadæs uxsti sirdonvidæj raidzag kodta ma sæ gurgur arti færstæmæ ærsaxta.

Fezongutæ isfunxæncæ ma sin fæjnæ uxsti baxuærun kodta, æxuædæg ba sæ bafarsta:

— Ævædzi mæ næ fæsmæretæ? Æz dæn Aci furt Acæmæz.

Nasiran ældar nicciijnæj ma'j æ xætdzæ raxudta je'fsadmæ.

Ærqærttæncæ. Acæmæz sin zaxta:

— Æz bavzaron i dengiz!

Ma Acæti uors bæxbæl fæmmedægæj dengizi.

Dengiz in æ bæxi sæftæg dær næ raxuluj kodta, uotemæj uordæg fæcæj Acæmæz. Uomi ba i bæx nixxurrudtitæ kodta. Acæmæz dær æj nikkhærtđzitæ kodta:

—Kujtæ dæ baxuæræd, zæhgæ.

I bæx dær imæ fækkomægægæj.

—Dæ fidæ Acæ mæbæl uotemæj næ badidæ, fal mæ fastbæl færsidæ!

Acæmæz æj balædærdtæj ma jimæ æ kæłmon ævzag islasta.

Uors bæx zaxta:

—Uotemæj mæbæl ma co Togus ældari bæxærhaumæ, fal dælæ dengizi bilæbæl sansi duhosug æxseduncæ, nicco ma sin balixstæ kænæ, æxca dær sin radtæ ma mæ sansi nittolæ, uæđta mæ ærtæ xadti æzmesi istolæ, ærtæ xadti ba tugul dori.

Uoj fæste ba, bæxærhau hæuajgænæg ba æj æfsæn chux beræh, æfsæn chux qærtđziha ma æfsæn chux urs.

Fitdzag dæmæ ærtæxdzænæj æfsæn chux qærtđziha ma jin æ tærnixi uors æsthælfæ, uoj ku næ ferhævaj, uæđ dæ zian kændzænæj.

Uæđ dæmæ racæudzænæj æfsæn chux beræh.

Uomæn dær æ tærnixi uors ærdo ma jin uoj ferhævæ, kenæ ba næ baxuærdzænæj.

Dæxecæn ba khahd iskænæ ma uomi dæxe nirrimæxsæ, mænbæl ba fedar arqan nibbædtæ.

Æfsæn urs mæmæ razzag khaxbæl racæudzænæj ma kæd dæ lægihædæ jesti ua, uæd mæ næ rauadzdænæ ma fællægæjlæg-mæ uodzinan; kærædzebæl fitdzag zæbætæj istoxdzinan, uædta dændagæj bavnaldzinan.

Æfsæn urs min mæ tugul dor ku xuæra, uæd in æz ba æ car xuærdzænæn. Uædta jin æz æ fidmæ ku bavnalon, uæd je ba æzmesæmæ baqærtzdænæj; uædta sansmæ; æz ba jin æ zærdi auindzæntæ ærtondzænæn.

Du ba curt badæ ma se'gasej hostæ dær ærkænæ!

I bæx in kud amudta, uotæ bakodta Acæmæz.

Fitdzagidær æ bæx ænædon sansi niccafta, uædta'j æzmesæ ma tugul dori istulda; æxuædæg ba Togus ældari bæxærhaubæl rahær kodta.

Bæxærhau hæuajgæstæ-æfsæn chux qærtdziha ma æfsæn chux beræh imæ sæxe rauaxtoncæ.

Acæmæz dær sin sæ tærnixi uorsmæ bahavidæ, fæ-ssæ-tumbul kænidæ ma sin sæ hostæ æ dzippi racævidæ.

Ærægi-durægi ba sæmæ ærqærttæj æfsæn chux urs.

Acæmæz dær, dengizi bilæbæl in khahd adtæj, ma uordæmæ nillæuirdta ma i duuæ bæxi toxun bajdædtoncæ. Fitdzag istuxtoncæ zæbætæj, uædta kærædzemæ dændagæj bavnaldtoncæ. Calinmæ æfsæn urs Acæti bæxæn æ tugul dor, je'zmesæ xuardta, ualinmæ jin je ba æ zærdi auindzæntæ ærtudta ma i urs raqanæj.

Acæmæz dær khahdæj fæggæpp kodta ma jin æ raxes hos ærbakodta ma'j æ dzippi racafta.

Æxuædæg ba æ bæxbæl rabadtæj æma i bæxærhau æfsadmæ baqærtun kodta, dengiz uordægmæ sæ bajevxasta, jeu bajrag dær si lasun næ rauaxta uotemæj.

Uædta Acæmæz fæstæmæ razdaxtæj fædes rasajunmæ ma Togus ældari kolduarmæ baqærttæj.

Uomi ba adæm cælxæmburdæj kuvdi baduncæ.

Acæmæz harvista Togus ældarmæ:

—Dæ bæxærhau din fættardæuu, zæhgæ.

Togus ældaræj næ baruagæsæj.

—Ævædzi xuærdagor æma rongæcau ka'j, uæxæn uodzænæj, ærba'j-xonetæ æma'j bafsadetæ!

Ærtæ ærvistemæ ne'rbakundta.

Ærtigkagi ba ærbacudæj Acæmæz.

Ærtæ fingi jin ærtæ idzagi ærbakodtoncæ, uædta 'Acæmæz hostæ felvasta æ dzippæj ma sin sæ fingiti raiursta: qærtdzihaj sær xestærtæn xestag, beræhi hos æma ursi hos ba kæstærtæn:

—Je ba uin xestærtæn xestag, kæstærtæn ba-kæstag, zæhgæ.
Æxuædæg ba æ bæxbæl fæbbadtæj ma rataxtæj.

Togus ældar æj sorun baidædta.

Acæmæz uoj ku bazudta, uæd æj jeu tuppurbæl ba:ista.

—Avd boni toxdzinan, zæhgæ, kærædzemæn nærtan uasxæ
ravardtoncæ.

Uotemæj bonæ fættoxioncæ, kærædzej xufijni xuzæn nikkæ-
nioncæ, uæddær si neke qæbærdær kodta.

Togus ældaræn uæxæn uosæ adtæj æma æxsævæ ku nixxus-
sidæ, uæd æ madæj raigurgau isuidæ.

Acæmæz ba, mægur, nætgæ nixxussidæ.

Duuæ boni istuxtoncæ; ærtigkag bon ba izærærdæmæ Acæ-
mæz fætti uæzæj raqanæj.

Togus ældar æj æ bæxi dumægbæl nibbasta ma'j uotemæj
æ xædzaræmæ ærlasta.

Æxsævæ jin jeu bujnag, khumi ka uidæ uæxæn, æ buni
niggælstioncæ; i bujnagi ba xucau ærazinnun kodta i uosæ kæbæl
xussidæ uæxæn.

Æxsævæ Acæmæz nixxustæj bujnagbæl ma bonmæ æ cæf-
tæj isdzæbæxæj.

Fættæ æ færstæj fækkaldæncæ ma æ razmæ ustur kæræ
issæncæ.

I bonæ ba Togus ældari ramardta ma jin æ uosæ æxecæn
bijnontæn raxasta.

Je'ræzdæxtmæ æfsædtæ raxæleuæncæ, næ bal æj fæxxiston-
cæ: alke æ xædzaræmæ niffardægæj.

Acæmæz dær randæj æ xædzaræmæ uosi xætdzæ.

Nasiran ældari xætdzæ dær xælaræj cærgæ baizadæj.

25 sent. 1903 anz. Mæxčesg. Kertibij dzurdtæj.

24. Jelæxsærdton æma Negor ældar.

Jelæxsærdton æma Negor ældar duuæ adgin ænsuværi adtæncæ.

Uonæn ba adtæj jeunæg xuæræ, æ nom Agunda.

Je ba adtæj Asti uosæ.

Astæmæ ba uæxæn uors alasa adtæj æma jibæl izæræj ku
rabadtajsæ, uæd arvi khabæzti ærtæ zildi kodta.

Jelæxsærdton xætæg læg adtæj ma fæccudæj Astæmæ ma
rakurdtæ i bæxi balci kænunmæ.

Astæ jin zaxtoncæ:

— Du nin næ bæxæn æ fid koris, fal din maxa æ sær dær ma
radtdzinan, zæhgæ, ma jin i alasa medægdon æma me'ægxuaræj
xæssun raidædtoncæ.

Jeu xadt kæmi adtæj, uomi Negor ældar Narti nixæsmæ racudæj ma uomi ærtæ læquæni dzubanditæ kodtoncæ:

—Cuma i Asti uors alasa radavun dær jesge bafærazdzænæj, zæhgæ.

I læquæntæj sæ jeu uotæ zaxta:

—Ne'nhæl dæn! Jeci huddag neke armi baftujdzænæj, Negor ældari armi ku næ baftuja uæd.

Innæ ba uotæ:

—Narti kærkitæ ma goguztæ, qæztæ ma babuztæj æ armi ændær ku neci baftujidæ! Madta i Asti uors alasa je ku næ radava, uædta ci fæuuodzænæj!

Negor ældar jeci dzurdtæ æ zærdæmæ bajsta ma isfændæ kodta Asti uors alasa radavunbæl.

Jeu xadt kæmi adtæj, uomi bacudæj æ xuæræmæ ma jin zaxta:

—Uæ uors alasa mæ armi cæmæj baftuja, uoj min baamonæ, kenæ ba xuar iurst æma xuar ævdesæn kud bakænæn uotæ!

Agunda ba jin zaxta:

—Cæmæn uotæ zæhis? Næ xecautæ i bæxi Jelæxsærdtonæn medægxuar æma xuasæj ku xæssuncæ uæd? Dæ xælar ærvadæ uoj ku bazona, uæd din ci zæhdzænæj?

—Cidær æj, uæddær in ænæ radavun næ jes, zæhgæ, razaxta Negor ældar.

Na-næ-ua dær in madzal ku næ bal irdta, uædta zaxta Agunda Negor ældaræn:

—Næ bæxæn fitdzag-fitzagdær gæsæn jes jeu sauædon. Je ba æsmag uotæ kænuij æma jin je'smag uoramun neke færazzuj, ma uoj ci madzalæj bafærazdzænæ niuazun?

Dugkagæj ba tauæg fætkhu, æ tauæg æsmagæj æ ræzti racæuæn kæmæn næ jes uæxæn. Uædta æfsæn chux beræh æma æfsæn chux qærtdziha.

Uonæj ku bajervæzaj, uædta Tula ma Tulabeg æ duargæstæ, ma dæ jetæ uæddær mardzænæncæ. Uonæj dær bajervastæ, uædta æ duarbæl khuma ævard ma'j ci madzalæj baigon kændzænæ?

Je dær din ku baigon ua, uædta duaræj i bæxmæ jes naræg xed ma ma jibæl kuddær bambælaj, uotæ uasengi uast nikkænuij ma din uædta ænæ bazonun æma ramarun næ jes.

—Xuarz, je ba neci kænuij, zæhgæ, zaxta Negor ældar æma randæj sæ xædzaræmæ.

Æxe cædtæ kænun raidædta ma isarasta duuæ furdzar kær-ci, nælfusi fæxsun, faʒi khæssa, sojni ævgæd, sædæ dæhæli ma uotemæj ranæxstæræj i Asti uors alasa davunmæ.

Cæuun raidædta ma i sauædonæmæ baxæstægæj.]

Je'smag in æ bæxi findzi qæltæ niccafta ma'j fæstæmæ kæsgon xumæ'ndærxcæ raxasta.

Negor ældar dær æj ærcæftæ kodta:

— Kujtæ dæ baxuæræd, du mæ jecidzæxdonæj niuazun ku bauadzaj uæd, zæhgæ.

I bæx dær bagæpp kodta æma bajevhudæj sauædonbæl.

Negor ældar raxistæj æ bæxæj, sauædonæj banuasta ma zaxta:

— Ox, ox, ox! Aci donæj adgindær don næ ma banuaston, zæhgæ.

— Fændagrast fæuuu, mænbæl ka barvænstæj, zæhgæ, jimæ isdzurda i sauædon.

Cæuuj Negor ældar ma babæj æj æ bæx fæstæmæ rajsta.

Je dær æj nikhkhært dzitæ kodta:

— Kujtæ dæ isxuæræd, du min jeci adgin fætkhujæj xuærun ku bauadzaj, uæd, zæhgæ.

Bæx marhau bataxtæj bælası corti. Negor ældar dær fæffestægæj ma jeu fætkhu raxuardta ma

— Ox, ox, ox! Ci adgin ræzi mugkag æj, zæhgæ, isdzurda.

— Fændagrast fæuuu, mænbæl ka barvænstæj, zæhgæ, jimæ isdzurda i bælasæ dær.

Cæuuj, cæuuj, uotæ ba jimæ æfsæn chux beræh æma afsæn chux qært dzihæ sæxe rauaxtoncæ.

Negor ældar dær nælfusi fæxsun beræhæn ragælstæ, fagi khæssa qært dzihæjen raitudta.

— Fændagrast fæuuu! Astæ nin chæmæltæ dær, ke næ ba kabellag dær nekæd ravardtoncæ.

Uonæj bajevhudæj ma jimæ bæxi duargæstæ Tula ma Tula-beg sæxe ragælstoncæ.

Negor ældar dær sin fæjnæ furdzar kærci ravardta ma jin nad ravardtoncæ.

Duarmæ baqærttæj, i dæhæltæ ævzarun raidædta ma'j jeu dæhælæj baigon kodta.

Uædta i sojnæ tajun gængæ ma uomæj i xed isærdgæ, uotemæj i xed ærfælmæn kodta, qist dær næ bal kodta, uotæ'j iskodta, ma i bæx ralasta.

I bæx æ khoxi ku baftudæj, uæd ærdæg izær fæjjauonuidæ ma bonivajæn mæ kizgæ ma læquæni xætdzæ fezdæxidæ; uoni ba radtidæ æ xuæræ Agundamæ.

Cæj bærcæ jibæl racudæj, uæd Jelæxsærdton ærcudæj ma Asti bæxi davd fehusta. Fæ'j-agurda arvi kærendti ma'j kæmi isserdtajdæ, i bæx sæxemæ uogæj.

Uæd je bafarsta khæсібadæg uosi ma jin eba zaxta:

— Axsævi dælæ Narti ustur xedbæl badæ ma dæ bæx dæ khoxi baftujdzænæj, zæhgæ.

Raizæræj. Negor ældar dær balci niffardægæj.

Æxsævæ Jelæxsærdton i xedi hosmæ nıccudæj; uomi æxe barımaxsta æma hæuaj kænun raidædta.

Bon ivajun kud raidædta, uotæ ba Negor ældar kizgæ ma læquæn æ fæsabærcæ, uotemæj i xedbæl ærbacæj cudæj. Xedi astæumæ ku ærbaqærttæj, uæd æj i bæx fæstæmæ rajsta.

— Kujtæ dæ baxuæræd, kæd Narti nærtton Jelæxsærdton dæ razi næ baduj uæd, zæhgæ.

I bædæjnag bæx ærbataxtæj.

Jelæxsærdton dær æj fexsta ma Negor ældar bæxæj raxaudtæj. Jelæxsærdton iscudæj ma je'rvadi ku ærfæsmardta, uædta nikkudtæj:

— Mæxe fid ku baxuardton, zæhgæ.

Sæumæ fæffædes kodta; i Nart ærimburdæncæ; ærxi tabæt¹³² in iskodtoncæ ma i mardi cængtæn raarazuni madzal næ irdtoncæ, ci næ sin kodtoncæ, uæddær fæjne'rdæmæj itihdæj læudtæncæ.

Uæd imæ Agunda racudæj harængæ gængæ; kizgæj, læquænæj ke'rxasta, uonæj jeu khuar sæxemæ barimaxsta, ændæra jætæ dær æ xætdzæ uotemæj. Ma i mard æ raxes khox rarast kodta je'ndærxæ. Je'nne congæn ba jin madzal næ irdtoncæ.

Agundabæl isgurusxæncæ:

— Amæ ma jesti uodzænæj, zæhgæ, ma jimæ Nartæ batxaldtoncæ.

Je dær fefsærmæj ma inneti dær raxudta.

Jætæ ku raqærttæncæ, uædta i mard dær je'nne cong dær rauaxta ma'j ærxi tabæti baivardtoncæ.

Jelæxsærdton ba uoni xætdzæ cærgæ baizadæj.

1 okt. 1903 anz. Mæxčesg. Kertibij dzurdæj.

25. Zæronð Uærxæg.

Nartmæ adtæj zæronð Uærxæg.

Narti æmbes xaj mulkæj dær æma adæmæj dær adtæncæ Uærxægi.

Uosæ ba næ kurðta Uærxæg.

Æ adæn ka'dtæj, jætæ jibæl avd sabati avd æmburdi ærcæncæ æma jin zaxtoncæ:

— Uosæ rakoræ, Uærxæg, kenæ ba de'nxuzon qalmæ randæ uodzinan!

Uærxæg fættarstæj æma æxe uosæ korunbæl iseftixta.

Duuadæs baagurðta fændurcæhdgutæj, duuadæs ba kafgutæj; duuadæs xætælcæhdgutæj, duuadæs ba kafgutæj, uotemæj Bolat-Xæmicmæ ranæxstæræj.

Bolat-Xæmicmæ ba adtæj thæræbæl badæg kizgæ.

Uærxæg uoj koruntæ isamadta.

Baminævar kodta Bolat-Xæmicmæ ma cidær adtæj, i kizgæ næ kumdtæ Bolat-Xæmicmæ, zæronð lægmæ kud fæccæuon zæhgæ.

Uærxæg ærbadtæj je'mbalti xætdzæ kehogi medæg.

Je'mbaltæ hastoncæ uomi, æxuædæg ba sæ astæu badtæj ma dini kiunuguti kastæj.

Æ unaut kizgæ bauadæj æma jin radzurdta:

— Ci fæjdton? Ci fæjdton næ xecauti xædzari? Auæxæn dessag ba næ ma fæjdton: uærtæ kehogi adæm hazuncæ, sæ astæu ba jeu zæronð læg baduj æma dini kiunuguti kæsuj!

Badæg kizgæ rakastæj khærazgæj.

Uærxæg imæ kiunugi tehæ fæxxatta æma i kizgæ fæstæmæ baxaudtæj.

Jeci fædbæl i kizgæ barvista æ fidæmæ, Bolat-Xæmicmæ:

— Æz uomæj ændær nekæmæ cæuun, zæhgæ.

Uærxægæn je'mbaltæ fæckindzxonæncæ ma'j uotemæj alajbulajæj isxudtoncæ.

Ci jibæl racudæj, xucau zonuj, æma i kizgæ bauæzzauæj.

Uærxæg in æ bændtæ nimajun baidædta.

Je'nhud qu'rqærttæj, uæd in (coribadæg neke bauaxta æxæcæj fæstæmæ) raigurdæj læquæn.

Uærxæg æj æ uormegi dumægkagi kærone batuxta.

Xucauæj jin iskurdiadæ læværd adtæj æma iskufta:

— Uæ, xucauti, mæxe xucau! Caldæn aci bitdzeu togi khu-boræ festa, ualdæn in mælæt kud næ ua uotæ!

Nom ibæl sivardta Uærxægi furt Subælci.

Ualdængi Subælci racæppo-læppoæj æma jin Uærxæg rakurdta uosæ æxe xuzæn bongini kizgæ.

Subælci randæj khuære balci.

Jeu bon kæmi adtæj, uomi Uærxæg æ duuæ æfsorqi ralas-ta donmæ.

Uotæ ræxgi æ uællæjti ærbacudæncæ Soppari ærtæ-furti æma i don nillækhun kodtoncæ.

Duuæ æfsorqi fæjne'rdæmæ raivastoncæ æma rajervastæncæ Uærxægæj.

Uærxæg sin zaxta:

— Mæ læquæn uin ami ku adtajdæ, uæd uin dessægtæ fæu-uinun kodtajdæl!

Soppari ærtæ furti jimæ ærcudæncæ æma jin æ rahæj gærzæ rasthixtoncæ, æ uormeg ba jin listæg khuæxtæ nikkodtoncæ.

Uærxæg khæckhædziti bacudæj sæ xædzaræmæ.

I æxsævæ Subælci ærqærttæj æma æ uatmæ badzurdta.

Æ uosæ jimæ radzurdta:

— Caldæn din duar ærbakænon, ualdæn uomi badæ!

Je jimæ badzurdta:

— Aigez æma Aguzni æfsædti xætdzæ istuxton, xufijni xuzæn mæ nikkodtoncæ æma mælun!

Æ uosæ jin duar ærbakodta; æ qæppæltæ jin felvasta, ni'j-xussun kodta, æxuædægka jin æ caræj fidi æxsæn ralæstæj æma sahadaqi fættæ gærgær gængæ rakaldæncæ.

Subælci uoj adæbæl æ madæj raigurgau issæj æma færsun raidædta æ uosi:

— Cæj tuxæn min næ kodtaj duar?

Uosæ jin zaxta:

— Du balci randæ dæ, dæ fidæ ba duuæ æfsorqi donmæ ralasta æma jin Soppari ærtæ furti æ don nillækhun kodtoncæ. Qal æfsorqtæ nixxurrudtitæ kodtoncæ æma fæjne'rdæmæ ratudtoncæ.

Uobæl dæ fidæ bamæstgunæj æma sæmæ isdzurda: „Mæ furt uin ami ku adtajdæ, uæd uin dessægtæ fæuuinun kodtajdæ!“

Jetæ jimæ uobæl bazdaxtæncæ æma jin æ rahæj gærzæ rauaxtoncæ, sæxuædtæ ba ma jimæ ærcudæncæ æma mæ suvællonæj me'sturi ualdæn ci uormegbæl fækkuston, uoj min nikkhxuæxtæ kodtoncæ.

Subælci æ qæppæltæ iskodta fæstæmæ:

— Mænæn ami nixxussun agkag næ'j, zæhgæ.

Æma æ fidæ Uærxægi næ fæjingæj, æ bæxbæl rabadtæj ma randæj Soppari ærtæ furtej fæste.

Jetæ Soppari mæri uosongæ kud iskodtoncæ, uotæ Subælci sæ særhi balæudtæj æma sin zaxta:

— Korun ui, mæ fidæj min ci gærzæ rauaxtajtæ, uoj min radtetæl!

Xestær dzoruj kæstærmæ:

— Cogæ æma i kuji bafsnajæl!

Kæstær rauadæj æma'j sahadaqæj fexsta.

Sahadaq Subælcijæn æ zærdisæri isæmbaldæj æma jeu bælasæ ravdusta.

Subælci æ iuængtæj rafasta i bælasæ, æxuædæg ba fexsta Soppari kæstær furti ma'j fættumbul kodta.

Xestær dzoruj astæugkgæmæ:

— Cogæ-uaj, ne'rvadæ ku nekæmi zinnuj!

Astæugkgæ rauadæj æma je'rvadi mardæj ku ravidta, uædta fexsta Subælcij.

Fat æ zærdisæri isæmbaldæj ma'j jeu bælasæj raxasta dugkgæmæ ma'j niffedar kodta.

Subælci bælasæbæl æ iuængtæj raxuæstæj ma i bælasæ rafasta, særmæ'rdo rahafta, fæ'j-æxsta æma'j fættumbul kodta.

Xestær rauadæj æma je'rvadtælti ku ravidta, uæd Subælcij fexsta.

Fat æj duuæ bælasæmi raxasta, ærtigkagi ba'j niffedar kodta.

Subælci æ iuængtæj babæj bælasæbæl raxuæstæj æma'j ratu-
dta, uædta'j je dær fexsta æma'j fættumbul kodta.

Uotemæj Subælci ærtej dær bafsnajdta æma æxuædæg dær
næ bal færasta ma raqanæj.

Æ uodæj hasta, mælæt ba jin na'dtæj, calinmæ togi khubu-
lojnæ festadajdæ ualdæn.

Mærdtæmæ baihurstæj:

— Bolat-Xæmic, dæ xuærifurt hezæmaræ kænuij, zæhgæ.

Mærdtæj racæuun fætægæ na'dtæj medægmaæ bacæuunæj fæs-
tæmæ.

Bolat-Xæmic æ dzaburtæn sæ fijtæ kheltæ' rdæmæ iskodta,
uotemæj racudæj duarbæl.

Duargæstæ babæræg kænioncæ æma medægmaæ fædæj fæs-
tæmæ ændæmæ fæd na'dtæj.

Bolat-Xæmic baqærttæj Subælcimæ æma'j æ madæj raigur-
gau iskodta.

Subælci dær uæd æ fidæj jin ci gærzæ rauaxtoncæ Soppari
ærtæ furti, uoj raxasta æma'j æ fidæbæl banixasta.

Uotemæj je dær isdzæbæx æj æma cærgæ baizadæncæ nuri
uængæ.

23 maj 1902 anz. Mæxčesg. Kertibij dzurdtæj.

II.

D U G K A G S Æ R.

AXSAQ-TEMURI TAUÆRÆQTÆ.

26. Axxaq-Temur.¹³³

Digoræ ma kæsaeg Nartæj baizajgæ adæntæ æncæ.

Nartæj qaruaegindær ba fitdzag zamani a xuænxti na'dtæj.

Axxaq-Temuræn ba æfsæn bazurtæ adtæj ma bonæ arvbæl ærtæ zildi kodta. Ægas dujnetæ dær uoj khoxi adtæncæ. Ærægiau ba ma jin max xuænxtæ ænæ sast adtæncæ æma ardæmæ ustur æfsædti xætdzæ ranæxtæræj. Maxmæ idard cardæj ma mæ nadbæl ku færrædujon, zæhgæ, ma je'fsad kud cudæj, uotæ æ kosgutæ ba uoni fæste buræu khaxgæ cudæncæ.

Digoræmæ ærbacudæj ma adæmi fuldær uoj tuhdi cahd fæcæncæ, sæ necæj xuzæn xauægkag ba sin æ xætdzæ fæxxasta Kitajmæ ma si uomi xecæn hæutæ iskodta; æxuædæg ba arvmæ iscudæj ma uomi æsthaluj xuzi bacudæj.

Qiamæti razæj babæj zænxæmæ ærcæudzænæj ma æ khoxi ci adæntæ adtæj, jetæ æ xætdzæ uotemæj næuægæj dujne basætdtænæj. Jeci æfsadi uodzænæncæ Axxaq-Temur Digoræj ke fæxxasta jeci adæntæ dær ma toxdzænæncæ Digoræbæl. Xæstæg, ærvadæ, fidæ adæm næ bal ævzardzænæncæ. Digoræn sæ farnæ næ ma fesavdæj ma isqæbærdær uodzænæncæ Axxaq-Temuri æfsadbæl.

Æfsædtæ fæjne'rdæmæ nippurx uodzænæncæ ma Axxaq-Temur jeunægæj ærizajdzænæj æ duuæ ursej xætdzæ.

Uoj fæste ba Totrazi furt Alibeg æma Soslan istoxdzænæncæ. Sæ hæ, sæ nægæmæ adæntæ æmburdtæ kændzænæncæ; sæ cerqiti æma uætælti dzængal-mungulæj kærædzej dzurd næ bal ærtasdzænæncæ. Arv sæbæl kæudzænæj; zænxæ rezdzænæj sæ tærehædmæ; adæm ba sæmæ kærædzej særti kæsdzænæncæ; doh kæmæn adtæj, je æ bæxi særæj; qabah, cirtdzævæn kæmæn adtæj, je ba uoj særæj; innætæ ba alkedær festægæj.

Uoj fæste ba toxdzænæj Axxaq-Temur ma avd ænsuværi.¹³⁴

Uædta zænxæ nirrezdzænæj ma dujne fexældzænæj.

6 nojab. 1903 anz. Mæxçesg.

27. Axxaq-Temur.

Jeu xanæn adtæj læquæn.

Jeu xadt i xan æ furti dærkhiti xætdzæ bonvijjau rarvista ma jin æ dzogi astæu xucau tærqos baftujun kodta.

Tærqos raznæmdtæj ma fællædzægæj. Temur dær imæ fælæburdta, æ fæstag khaxæj æj raaxæsta ma'j dærkhitæmæ bagælsta. Tærqos dær babæj ralihdæj; je dær æj rasurdtæ, ær-æj-axæsta ma'j næuægæj i dzogæmæ bagælsta. Uotemæj i tærqos rale-

dzidæ, bitdzeu ba'j æraxæssidæ ma'j dzogæmæ bagældzidæ, uo-temæj sæbæl ærizæræj. Izæræj ba'j Temur dærkhiti xætdzæ æskhæti bakodta.

Sæumæ raskhærun afoni ba i bitdzeu æ fidæn zaxta:

—Æzinæ mæ jeu chæx gumudza dærkhæ mæstæj fæccaxta, sæhti xætdzæ min næ læudtæj.

—Kæci si uotæ fuduag æj, zæhgæ'j færsuj æ fidæ.

Temur dær, mæ dzogæ raskhæron, zæhgæ, æskhæti duar kud fegon kodta, uotæ ba jibæl i tærqos ralæuirdta. Je dær imæ fællæburdta ma'j raaxæsta ma'j æ fidæmæ ævdesuj, mænæ he aci dærkhæ, zæhgæ.

—Nur bitdzeuæj atæ ka'j, je fæstædær ba jesti uodzænæj ma min mæ uolidzijnadæ jesdzænæj, zæhgæ, ma jin æ fidæ æ uærag basædtun kodta, æxuædægka'j kurdon ravardta. Kurd in æ khax baarasta, ma uomæ kosun raidædta.

Temur bakhuluxæj ma'j Axsaq-Temur xonun raidædtoncæ.

Æ fidæmæ mæstgun kud na'dtajdæ ma raabæregæj. Bonæ æxe barimæxsidæ mægurdær ka uidæ, jeci sedzærgæsmæ, æxsæ-væ ba hæui astæumæ fællæboridæ ma uordægæj kizgæ ma læquæn raxæssidæ, hæui kæronmæ ba'j fædesontæ rajjafioncæ ma jin sæ bajsioncæ.

Jeu xadt kæmi adtæj, uomi ba Axsaq-Temur jeu mægur uosæmæ ærfusun kodta. Je dær æxcintæ rakodta ma jin sæ jeci tævdæj æ razi baivardta. Axsaq-Temur dær sæmæ næ bal fæl-læudtæj ma astæuæj khæbær isesidæ ma suhd arudtitæj isko-midzag kænidæ.

I uosæ jimæ fækkastæj, uædta jin zaxta:

—Hulæg din ku ua, me'uzæg, uæddær din bafærazdzænæn: Axsaq-Temuri xuærunætæ fænzis ma din uotemæj neci bantæsdzænæj.

—Ma Axsaq-Temur ba kud fæxxuæruj ma jin ci næ bantæsuju, zæhgæ'j færsuj Axsaq-Temur.

—Axsaq-Temur ba læborgæ ku kæna, uæd hæuæn æ astæumæ fællæboruj; kizgæ ma læquæn raxæssuj, hæu fæffædesuj ma jin sæ hæui kæronmæ ba bajsuncæ. Je kæronæj ku xæssidæ ke xæssuj uoni, uæd calinmæ hæu fædesi æmburd kæna, ualinmæ je ba raidard uodzænæj ma ma'j fædes kud rajjafdzænæj. Nur du dær kæronæj ku xuærisæ, uæd kærongkag khæbærtæ uazaldær æncæ ma din jesti æntæsidæ. Calinmæ uoj xuæraj, ualinmæ ba din astæugkag dær uazal kændzænæj ma uoj dær æjjafdzænæ.

Jeci dzurdtæ æ zærði nivvardta Axsaq-Temur ma uædæj fæstæmæ ba æ fidi hæu æxsævæn duuemæj xast fæcæj. Dællag kæronæj balæboridæ, kizgæ ma læquæn raxæssidæ; adæm dær rafædesuioncæ ma'j næ bal rajjafioncæ.

Ængkætej fæste ba jin baizadæj i hæui særi avd ærvadej jeunæg xuæræ.

Jeu æxsævæ kæmi adtæj, uomi Axsaq-Temur fællæburdta jeci xædzaræmæ ma sin sæ xuæræ raxasta. Jetæ dær avd ænsu-væri fæffædesæncæ ma'j sorun raidædtoncæ.

Axsaq-Temur æsthalu adtæj ma arvmæ isxistæj. I avd ærvademæn dær iskurdiadæ adtæj ma æ fæste arvbæl rabadtæncæ. Nur mæ næ bal niuuadzdænæncæ, zæhgæ, ma sin sæ xuæræ niuuaxta, æ duuæ ursi ba æ færstæmæ ærsaxta. Astægukag æj æ fæsabærcæ raivardta ma'j nur dær ma soruncæ.

Qiamæti bon ku ærcæua, uædi uængæ'j næ bajjafdzænæncæ. Uædta Soslan æma Totrazi furt Alibegi tuhdi fæste uoni tuhd uodzænæj.

2 nojab. 1903 anz. Mæxčesg.

28. Axsaq-Temur Digoræmæ kutemæj ærcudæj.¹³⁵

Jeu xadt Saxi'fsædtæ Dællag æfcægbbæl Digoræmæ ærbacu-dæncæ ma Æxsæui xumti ærbadtæncæ.

Æxsævæ sax i hæumæ thasxægængutæ jeu khuar lægi især-vista. Fæxxattæncæ i lægtæ, uædta ærægiau ba Altæncaqi mæsugmæ bakastæncæ ma din uomi ba i uosæ khumæl cæhduj, ma khupxitæ ku ralæmaridæ, uædta sæ artbæl bakalidæ ma sæ fur soræj cirahau iscæfsioncæ ma i tar æxsævi cirahjeuæg kod-toncæ.

Thasxægængutæ ærizdaxtæncæ ma jeci xabar radzurdtoncæ i saxæn. Sax dær fættarstæj: madta sæ uostitæ uotæ tuxgin kæ-mæn æncæ, uonæn sæ lægtæ ba kunæg ænæqaruæ næ uodzæ-næncæ, zæhgæ, ma razdaxtæj.

Æxsævæ kæmi fæcæj saxi' fsad, uomi nur ustur kærdtutæ izadæj bæxti læxuati. Sax fitdzagidær buduri hæutæ basasta ma xonxmæ ku cudæj, uædta æræg fæzzæg adtæj ma je' fsadi bæx-tæ dær ma i æfsædtæ sæxuædtæ dær Keti kærdtu fæxxuardtoncæ.

Xonxi hæutæj ba fitdzagidær Æxsæuæbbæl ærbadtæj ma æ armi ku neci baftudæj, uædta Digorgombæl razdaxtæj. Uomi ba Khæmunti khubusbæl adtæj mæsug. I mæsugmæ ba mængæz-hunst xed. Saxi'fsædtæ i xedbbæl iscudæncæ; xed sin nikkaldæj, i æfsad dær Nixætti bilæj Songuti donmæ fæzzildæncæ. Uoj fæste ba i mæsugmæ iscæuæn næ bal adtæj, saxi'fsædtæn dær sæ rahæj-mægtæ (axsgiaegtæ) bilæj fækkaldæncæ; nigki ba ma zumæg dær ærqærttæj ma sax je'fsadæj ma ka baizadæj uoni xætdzæ randæj Hevoni æfcægbbæl.

Uoj fæste ci racudæj, uædta jeu læg Axsaq-Temuri xabar ihusun raidædta, ægas dujnejen xan issæj, zæhgæ.

Jeu xadt kæmi adtæj uomi Axsaq-Temur fehusta, Digorgom savæn sædtun kud næ bakumda uoj. Altæncaqi xabartæ dær imæ ihustæncæ. Ustur æfsædtæ ærimburd kodta ma uoni xætdzæ Digorgomi dumægmæ ærincadæj. Æxuædæg ba jeunægæj æ uors alasabæl Æxsæuæmæ ærbacudæj.

Geuærgiati mæsugi ba ma adtæj ærtæ kizgi.

Hæubunti xumti israst kodta ma i mæsugmæ je'ru x baxatta. Bilægidonmæ ku isqærttæj, uædta æ bæxæj rafestægæj ma'j xærdi æ fæste lasta. Kizgudti rakast dær uotæ fæcæj ma i bæxginmæ kæsun raidædtoncæ, ka uodzænæj, zæhgæ. Khulux co ke kodta i bæxgin, uoj tuxæj jibæl gurusxæ kænun raidædtoncæ, Axsaq-Temur uodzænæj, zæhgæ. Ualængi i bæxgin mæsugi razmæ isqærttæj ma i kizgudtæmæ ærfusun kodta. Kizgudtæ dær in dzigka rakodtoncæ, baivardtoncæ jin æj ma iuazæg astæuæj xuærun raidædta. Kizgudtæ dær kærædzemæ bakastæncæ ma nixxudtæncæ. Je dær sæmæ dzoruj:

— Cæbæl xodetæ?

— Axsaq-Temuri xuærunætæ kæniz, zæhgæ, jimæ dzoruj astæugkag kizgæ.

— Madta æz je dæn ma ardægæj fæstæmæ makæmæj bal tærsetæ! Astæugkag ka'j je ba min bijnontæ kud ua uotæ!

Astæugkag kizgæ dær jeci saxat je'nnæ avarmæ bacudæj, æxe rimæxsun raidædta, hōma, arazi dæn, zæhgæ.

I kæstær ba jimæ dzoruj:

— Dæ farn, dæ farn, de'zædistæn, korun di ma min nixxatir kænæ; nur ba dæmæ jeu ajjepp jes: æfsad ua, uæddær; bæstæmæ ævnaļaj, uæddær astæumæ læboris æma jeci æhdau astæumæ læburd ma bal kænæ, je ba dæ huddag rastdær cæua. Ali huddagæn dær raidajæn æma kæron jes ma du dær jeu kæronæj raidajæ, dzillæmæ læboraj, uæddær, æma ænæuoj huddag kænaj, uæddær!

Axsaq-Temur i kizgi dzurdtæ æ zærdæmæ bajsta ma uordægæj fæstæmæ ba adæmmæ kæronæj bavnaldta.

Cæræn bunatæn ba rajsta Geuærgiati mæsug.

Bazurtæ jin adtæj ma bonæ arvbæl ærtæ zildi ærkænida, æxsævæ ba Geuærgiati mæsugmæ batæxidæ ma uomi astæugkag kizgi xætdzæ læg æma uosæj cardæncæ.

Jeci kizgæj Axsaq-Temuræn ærtæ læquæni raigurdæj: Mali, Bico ma Gardan. Jeci ærtæmæj ba ustur Digori Geuærgiati mugkag rantæstæncæ.

6 nojabur 1903 anz.

III.

Æ R T I G K A G S Æ R.

MÆGUR JEUNÆGI KADÆNGITÆ
(TAUÆRÆQTÆ).

29. Jeunægi tauæraeq.¹³⁶

Jeu hæui cardæj mægur zæronð læg. I læg ramardæj ma jin baizadæj læquæn æma kizgæ. Kizgæ uajtahd lægmæ randæj. Læquæn dær racæppo-læppo æj; xuærzigurd razindtæj æma'j xucau fons kænunbæl fækkodta. Igurd feskhuænxtæj ma æxe qiamætæj hæu isæntudta, æxuædæg ba Xanti kizgæ rakurdtæ.

Jeu æxsævæ mægur jeunæg iuazægdoni kud xustæj, uotæ jimæ badzurdæj:

— Sæumæ din sexuar afoni dæ uosæ xastæuuj, lægi sær dæ bahudæj, jeunæg!

Læquæn festadæj, turhæmæ racudæj, rahæuæjdtæ kodta ma nekæmi neci fæjdtæ; bacudæj fæstæmæ æma æxe xussæni kud æruaxta, uotæ ba jimæ næuægæj badzurdæj:

— Sexuar afoni dæ fidi maræg ami uodzænæj, jeunæg!

Ærtigkag xadt imæ badzurdæj:

— Sexuar afoni dæ fidi limæn dær ami uodzænæj!

Isqurdoxænæj mægur jeunæg; ci'rdæmæ cudajdæ, kæmæn ci kodtajdæ, uoj næ bal zudta æma æ madæmæ bacudæj æma æ xabærdtæ uomæn radzurdta. Æ madæ ba jin zaxta:

— Dæ fidi marægi dær, dæ fidi limæni dær, xucaui ku fændæua, uæd jesgæmi jerdzænæ. Uodesæg æma uosesægæj ba ihaugidær næ jes, duuæ huddagi dær æmbes æncæ ma dæ særi huddagmæ co!

Jeunæg æ bæxbæl sarh bagælstæ ma talingitæj Xantæmæ niqqærttæj; khærazgæ baxuasta kizgæmæ æma jimæ je dær rakastæj.

— Kizgaj, dæ art cæmæn sajis, zæhgæ, jimæ dzoruj jeunæg. Kizgæ ba jin zaxta:

— Æz mæ art ku sajdtajnæ, uæd dæmæ læg næ rarvistajnæ!

— Madta æraxezæ, æz ba dæ xæsson!

— Uotemæj næ raxezdzænæn, fal dælæ avd nadej astæumæ nicco; mæn ka xæssuj, je dæ fidi maræg dær æj ma mos uomæj bajsæ!

Jeunæg niccudæj avd nadej astæumæ ma uomi æ bæx bæfæsaxsæn kodta.

Sexuar afoni jibæl xan duuadæs bæxginej xætdzæ kindzæ xudta, uotemæj ærbacudæj. Mægur jeunæg sæ xætdzæ æxe racæuæg kodta; xanæn æ bærzæj ærsærfta æma i bæxæj ratulldæj, æxuædæg ba ralihdæj. Xani æmbældtæ dær sæ kindzæ fæsnad jeu dorbæl fæuuaxtoncæ æma jeunægi fæste sæxe rauaxtoncæ. Dzæbæx ku rarænhæncæ, uæd æ bæx fezdaxta fæstæmæ, sæ raxes færsti ærbahasta ma sin sæ særtæ khuærdtitæ gængæ racudæj; ærtindæsej dær bafsnajdta, sæ bæxtæbæl sin sæ tonautæ babasta, æ razæj sæ ramburd kodta; xani kizgæ dær æ fæsabær-

cæmæ ærbajsta æma uotemæj æ xædzaræmæ iscudæj. Jeunægæn je'scudmæ æ fidi limæn hastæj randæj. Jeunæg uoj ku bazudta, uæd æj soruntæ raidædta; bajjafta æj; xatuj jimæ, koruj æj, razdæxæ, zæhgæ, ma jimæ næ bal ihusta æ fidi limæn. Uædta jin zaxta æ fidi limænæn:

— Kæd dæ fænduj, uæd mæ fidi mulk duuæ æmbesi bakænæn, kenæ ba jeu boni fonsæj ke isserdton, uoni rajsæl!

Na-næ-ua æj ku næ bal uaxta jeunæg, uæd æ fidi limæn razdaxtæj ma rajsta jeu boni fonsikondæj ke isserdta jeunæg uoni.

Jeunæg uotemæj jeci jeu bon æ fidi tog rajsta, æ fidi limæn ustur xæznaau bahæuaj kodta, ænæzærdæxudtæj æj rarvista, æ uosæ dær ærxudta.

Ci racudæj, xucau æxuædæg zonuj, uædta jeunæg funtæ fæjdta:

- 1) avd beræhi sæhæ raskhaftoncæ ma sæ cuma je ba rasurdta, avdej dær ramardta; ævdæjmagi kud æsthixta, uotæ ba æ farsæj fæththifstæj;
- 2) uædta cuma ærtæ bohaj sæ kehogi æmbuxta uotæ;
- 3) ærtæ æxsinægi ba kærædzej tundtoncæ.

Jeunæg æ funtæ æ madæn radzurdta ma jin je ba zaxta:

— A hæui kizgæ raskhavdæ uodzænæj, du ba fædesæj razdær uodzænæ; avd ramardzænæ; ævdæjmag kud fest kænaj, uotæ ba bijde rasqeudzænæj; dæ farsbæl isæmbældzænæj ma uomæj dæ adzal uodzænæj. Ærtæ bohaj ba æncæ de'rtæ ængari. Jetæ ba dæbæl bohbohæj kæudzænæncæ. Ærtæ æxsinægi ba æz, dæ madæ, dæ uosæ æma dæ jeunæg xuæræ-maxa næxe tondzinan, ændæra ci kændzinan?

Uotæ ræxgi ba avd abæregi hæumæ fællæburdta. Abæregtæ jeu kizgæ raskhaftoncæ. Hæufædesi razæj jeunæg fæcæj; avdej dær ramardta; æxsæzej tonautæ si rafsnajdta; ævdæjmagmæ kud bacudæj æma nillæudtæj, uotæ ba æ fun æ zærdi ærbaftudæj æma nillæudtæj, næ bal imæ ændiudta. Kizgæ nixxudtæj ma dzoruj jeunægma:

— Se'gasæj sin ku næ fættarstæ, uæd mardæj ba kud tærsis?

Jeunæg uæd æxebæl ærxudtæj; kizgi æfxuærd æ særmæ næ bal ærxasta æma bacudæj mardmæ; æ khandzol in isrædufta; uordægæj bijde fesqiudtæj æma jeunægi farsbæl isæmbaldæj.

Uotemæj jeunægi æ fun ærijafta; æ xædzaræmæ ma uodægæsæj ærqærttæj, uædta æ dujneæj raxecænæj.

Kertibij dzurdæj. Mæxčesg.

IV.

CUPPÆRÆJMAG SÆR.

A R H Æ U D T Æ.

30. Xantæ æma urus.

Urus xonxbæl duuæ xadti ærbambaldæj; uæd max xuænxti bæræg ældar næ ma adtæj, xantæ ba jeci ræstægi tuxi adtæncæ, tuxæ uoni khoxi adtæj. Urusi xantæ basastoncæ, qalon sæbæl ærivardtoncæ; kizgi ræsuhd æma sæmæ læquæni dzæbæx næ bal uaxtoncæ, uotemæj sæ racæjtæbæl iskodtoncæ.

Uæd urusi ældar dælhæui khæsibadæg uosi bafarsta:

— Ci madzalæj xanti tuxæ basædton, card mæ ku næ bal uadzuncæ, zæhgæ.

Je ba zaxta:

— Xanti togæj calinmæ urusmæ fæsevæd isæntæsa æma jetæ æfsadi cæuunhom fæuunoncæ, uædiuængæ sin neci madzal isserdzænæ. Nur ba æznagæj neci, fal sæ xætdzæ limæn razæhæ æma dæxe mugkagmæ dær, kæd uoni togæj nælgojmag ravzuridæ!

Urusi ældar zelæn kænun raidædta æma xanti xætdzæ islimænæj.

Jeu xadt kæmi adtæj uomi ældar æxemæ xanti særi xincunmæ ærxudta. Xincun æj raidædta xuærujnagi ræsuhd æma niuazujnagi dzæbæxæj. Æstæmæj astmæ'j fæxxinsta, uædta ma'j æ uælastæn ærtæ boni æruorædta. Bonæ ku bamijnasæ kænioncæ, uæd æxsævæ ældar æxe ralasidæ, æ uosi ba xanti særi razi niuua-dzidæ ma jin bafædzæxsidæ, jesti madzalæj æj basajæ, zæhgæ. Xan næ æma næ arazi kodta. Dzævgaræ jibæl racudæj urusi ældari xædzari. Nur cæuunon, zæhgæ, jeu ku zaxta xan, uæd ældar ba dujnej cælæ nizmæntidæ, æ dzilli æræmburd kænidæ æma adæm usturæj, mænkhiæj kintau zildæncæ. Jeu æxsævæ kæmi adtæj uomi xuærdæfses æma niuæstæjdzag læg æxe uoramun næ bal bafæraستا æma urusi ældari uosi xætdzæ fæcæj. Uobæl i uosæ ba-uæzzauæj æma jin læquæn raigurdæj.

Læquæn ku ralægæj, uæd xantæn bildoh kænun raidædta æma sæ xætdzæ tuhd rasajdta æma xanti basasta.

Uædæj ardæmæ dujnej dzillitæn urusi ældær uoli issæj.

Nur rast dugkag xadt isæmbaldæj max Kavkazi xuænxtæbæl urusi tuxæ.

Ærtigkag æzdæxt næmæ ku ærkæna, uædta je ba uodzænæj dujnej kæron.

Kertibij dzurdæj

31. Azurumi cauæjnon.

Azurumi cauæjnonæn xucauæj lævar adtæj æma cidæriddær boni racudajdæ, uomi ænæ sirdi mard æ zæronð madæ ma fidæmæ næ cudæj. Uotemæj sæ sirdton fidæj xasta.

Jeu xadt kæmi adtæj, uomi ba Azurumi cauæjnon bonsauizærmæ fæxxattæj ma necæbæl rambaldæj. Izær ærdæmæ ba jeu bærzond xonxmæ isxistæj, fæffælgastæj uordægæj æma nekæmi neci æstæftæj. Sahæsti bacudæj mægur cauæjnon æma uontæ bærzond æma sær guburæj razdaxtæj xonxæj. Uotæ ræxgi ba xonxi ajnægbæl ravidta suhzærijnæ ses. Isista æj ma jin xucau æ chuxi baftudta: aci ses patdzaxæn xæsdzænæn, zæhgæ. Xæs-suntæj baidædta æma Sthambolmæ baqærttæj. Uomi ba patdzaxæn xælar æma xæstæg ka'dtæj jeu uæxæn lægmæ bacudæj æma jin ærdzurdta, cauæni kud fæxxattæj ma kud necæbæl rambaldæj; ærægiau ba suhzærijnæ ses kud isserdta, uomæj ba patdzaxi non ke'sserdta ma'j uomæn ke xæssuj uoj.

—He, mæ xor, zaxta patdzaxi xælar læg (aficer adtæj ævædzi-dzorægi dzurdtemæ gæsgæ). Patdzaxi uærduni ma badæ, zin din uodzænæj. Fæltaugæn a ses mænæn radtæ ma din æz ba min somi radtdzænæn.

—Næ, zaxta cauæjnon: patdzaxi non kæbæl isserdton, uoj necæbæl radtdzænæn.

Sæumæ ragi cauæjnon patdzaxmæ bacudæj æma jin ses ralævar kodta. Patdzax dær in ræarfæ kodta ma jin zærdæ baivardta:

—Dæ lævar din næ feronx uodzænæn, zæhgæ.

Cauæjnon patdzaxmæ ku bacudæj, uæd patdzaxi xælari æ uosæ æfxuæruj, æ lægi:

—Fesæfaj, fesæfaj, uoj ses basajun ka næ bafæраста, dæuæn patdzaxi aficer uni bæsti saldat agkag adtæj. Nur ba co æma patdzaxæn uotæ razæhæ: „Dæ lævar xuarz lævar æj, fal din aci ses ka'rxasta, je din ci marhbæl ærzadæj, uoj isserun dær bafærazdzænæj ma dæ je ku uajdæ, uæd xuarz uidæ, ændæra a ses ba adæmmæ bavdesunmæ lævari nomæn næ bæzzuj, marh ba alkæmidær fedauuj!“

I aficer fæccudæj æma jin æ uosæ kud baamudta, uotæ radzurdta patdzaxæn. Patdzax dær, cægæj min xuarz ku zæhuj, zæhgæ, æma rarvista Azurumi cauæjnonmæ. Cauæjnon dær, kæd min patdzax lævar kænuij, zæhgæ, ma cijnæ gængæ uomi ærbælæudtæj ma patdzaxmæ dzoruij:

—Ci mi kæniz, patdzax, mænæ dæn?

Patdzax ba jin zaxta:

—Dæ lævaræj boz, fal aci ses ci marhbæl ærzadæj, je dæ armi baftujdzænæj ma min uoj isseræl!

— Neci madzalæj din æj isserdzænæn, patdzax! Aci jeu xætun kænun mæ suvællonæj ardæmæ æma ma uæxæn marhbæl mæ cæstæ nekæd ærxuæstæj.

— Ænæ isserun in næ jes, kenæ ba din dæ sær rakænun kændzænæn!

Nigguzavæj Azurumi cauæjnön æma racudæj patdzaxæj uontæ bærzond æma sær guburæj. Æ bæsti uængæ ærbacudæj æma idardæj bahær kodta æ madæ æma æ fidæmæ:

— Æz mæ særi isæftmæ cæuun, nur ba uæxe cæmæj daretæ, uomæj daretæ, mænæj uin furt næ bal jes!

Nikkudtæncæ mægur zærændtæ, niddalalaj kodtoncæ; Azurumi cauæjnön dær ænæ fæstæmæ fækkæsgæ xætunmæ niffardægæj. Ci fæxxattæj, xucau zonuj, uædta jeu komi dumægmæ lih z budurtæmæ raftudta. I buduri ba idarddzæf æristæftæj jeu uors kesena.

— Uæddær isævd æma isævd, nur ba cæuun jeci kesenamæ, zaxta æxecæn Azurumi cauæjnön æma niccudæj uordæmæ. Badzurdta kesenamæ ma din uomi ba ærtæ kizgi æma zæronð læg æma uosæ. Duuæ xestæri kizgudtæj niccijnæncæ:

— Næ siæxs ærcudæj, zæhgæ; ægas cæuaj, næ siæxs, zæhgæ.

I kæstær ba æxe baauun kodta. Azurumi cauæjnön dær destæ-tæmæstæ kænui, ci'j a, ci dessag æj, zæhgæ. Æxsævæ'j xuarz kud næ fæjdtajoncæ Azurumi cauæjnoni. Sæumæ ba cauæni chapp ku kodta, uædta jin zaxtoncæ i madæ ma i fidæ:

— A duuæ xestæri dær kurd æncæ, fal a kæstær ba dæuæn lævard adtæj, xucau æj dæu agkag iskodta ma'j nur ba xonæ dæ xætdzæ!

Sahæsti bacudæj Azurumi cauæjnön; ærægi-durægi ba isarazæj æ uosæ xonunbæl. Jetæ dær galuærdun bajeftixtoncæ, ali xuarzdzijnadæj æj niidzag kodtoncæ ma sæ rarast kodtoncæ. Kizgæ ma læquæn æmfærstæ isbadtæncæ i uærduni, galdæræg ba sin razæj galtæmæ dzoruj, uotemæj fæccæuuj Azurumi cauæjnön æ uosi xætdzæ. Ci racudæncæ, xucau dæsnæ, uædta Azurumi cauæjnön zærdæbunæj niinæftæj.

— Bauoramæ, isdzurdta i kizgæ galdærægma.

Je dær galtæ ærorædta. Uædta kizgæ dzoruj æ særi xecaumæ:

— Kæd dæ zærdæmæ jesti xæssis æma mæ ævændonæj xonis, uæd æj æz næ agkag kænun æma aci saxatbæl kud rætæsnæ uotæ!

— Dæu tuxæj bærgæ necæbæl guzavvæ kænun, zaxta Azurumi cauæjnön; fal jeunæg huddagbæl qurmæ kænun: mænæn zæronð madæ ma fidæj ændær ærvadæ dær æma xuæræ dær næ jes. Uoni ba cauæjnön adtæn æma sirdton fidæj xaston. Jeu kæmi adtæj uomi ba cauæni fæccudtæn æma necæbæl isæmbaldtæn; ærægiau ba jeu suhzærijnæ ses isserdton. Xucau min mæ zærdi fidbiliz bauaxta æma'j patdzaxæn fæxxaston i sesi. Nur ba pat-

dzax uotæ zæhuj: „Kenæ jeci ses kæbæl adtæj uoci marh is-seræ, kenæ ba din dæ sær kænun,“ zæhgæ. Uotemæj ba æz dæu ku fæxxonon, jeci marh ba ku næ isseron; patdzax mæn ku rama, du ba mæ zæronð madæ ma fidi xætdzæ hezæmaræ ku kænaj, fud bontæ ku'vzaraj ma uonæn dær zærdi xæræ ku su-aj, uomæj tærsun, ændæra dæ uodi tuxæj ba min ægær uældaj-dær bærgæ dæ!

— Madta je ba guzavvag næ'j: jeci ses din dæ razi æz niv-wardton. Mæ fidæ paxampar æj æma Uasgergij xætdzæ balci adtæj. Fæ-ddæ-idtoncæ xæt-gæ æma sæ zærdæmæ bacudtæ, mæn din isagkag kodtoncæ æma uoni fændæj din dæ razi jeci izær sajta-ni karki ses nig-gælston ma uædæj ardæmæ ba dæmæ ænhæl kastæn dæ fæzzinnunmæ. I kark ba nur dær ma uærtæ næ me-dæggoni'j ma'j raxæsdzænæn. Uomæj zindær huddag xucau ma radtæd!

Kud næ niccij-næ adtajdæ Azurumi cauæjnon, i marh æ khoxi baftujgæj? Ærbacudæj æ xædzaræmæ bijnonti xætdzæ. Niccij-nitæ æncæ æ zæronð madæ ma fidæ dær. Dugkag bon ba sæu-dartæj fæjjagajdta patdzaxmæ. Bacudæj Sthambolmæ ma zongæ lægmæ bacudæj.

— Hi, dæ armi jesti baftudæj, zæhgæ'j færsuj i aficer.

— Xucauæj boz, isserdton æj, zaxta Azurumi cauæjnon.

— Madta'j mænæn radtæ: ærtæ mini din dædtun kædzos æxcajæj.

— Næ patdzaxi nom kæbæl isserdton, uoj necæbæl radtdzæ-næn, zæhgæ, ma'j patdzaxæn baxasta.

— Hæj, mæ sari xecau, jeu læg basajun æma fesafun ka næ færazuj! Dæuæn saldat un agkag adtæj, zaxta aficëri uosæ. Nur ba co, patdzaxæn zæhæ: „Jeci huddag kæmæn bantæstæj, uomæn ma din æ bon ændær jestitæ dær isodzænæj; nur bæ Uærppi bærzondæn æ dugkag bærzondðær choppbæl jes suhzæ-rij-næ sauædonæ ma din uomæj culuqidzag ku'rxæssidæ, uæd fit-dzag kud adtæ, uotæ læquænlæg festisæ“!

Aficer bacudæj patdzaxmæ æma jin æ uosæ kud baamu-dta, uotæ radzurdta. Patdzax niccij-næj: madta uæxæn madzal kæd jes, uædta je ba xuarz ku æj, zæhgæ æma Azurumi cauæj-nonmæ rarvista. I cauæjnon dær cij-næ gængæ æ razi ærba-læudtæj, aci xadt min jesti xuarz lævar dædtædzænæj patdzax, zæhgæ.

— Dæ læværdtæ din næ feronx dæn, fal jeci marh isserun ka hafæ-rasta, dæuæn dæ bon isodzænæj Uærppi bærzondmæ iscæuun dær æma min uordægæj i bærzondðær choppæj suhzærij-næ sauæ-donæj culuqidzag ærxæssæ!

— Mæ bon din ne'sodzænæj uoj bakænun! Mægur læg dæn, gal mæmæ næ jes, bæx dær uoj xuzæn, Uærppi bærzondmæ

din kæcæj baqærton? Uæd din uoj særmæ ba kud isrædæxson, marh æ særhi rataæxun ku næ færæzuj!

—Ænæ isserun in næ jes, kenæ ba din dæ sær rækhærun kændzænæn!

Nikkudtæj Azurumi cauæjnon æma uotemæj æ xædzaræmæ ranæxstæræj. Æ kehogmæ ku'rbaqærttæj, uæd idarddzæf nil-læudtæj æma dzoruj æ madæ ma æ fidæmæ:

—Æz mæ særi isæftmæ cæuun, ma bal mæmæ ænhæl kæ-setæ, jeci sabij dær æ fidi xædzaræmæ rarvetetæ!

Nikkudtænæcæ zæronð madæ ma fidæ. Æ uosæ ba jimæ rarvistä:

—Axsævi ami fæuuo, kædimajdima isonmæ ba xucæu jeu xuæzdær unaffæ næ jeuej zærði æriftauidæ.

Azurumi cauæjnon isarazæj æ uosi dzurdbæl, ærbacudæj æ xædzaræmæ. Bædæjneg uosæ dær i hæubæsti kizgi ræsuhd æma læquæni dzæbæx næ bal fæuuaxta, ærimburd sæ kodta æma hast isarasta. Rast bonivajæni ba fælmæn uatbæl ævvast rafunæjæj Azurumi cauæjnon. Ci raxustæj, xucæu zonuj, uædtæj ærihal kodta æ uosæ æma'j færsuj:

—Hi, ci fændæ dæ zærði æriftudæj?

—Neci, mæ sær fesafunæj ændær.

—Madta uotæ ma kænæ, fal fæcco patdzæxmæ, tærsgæ ma kænæ ma jin uotæ razæhæ: „Mægur læg dæn æma Uærppi bær-zondmæ cæbæl fæccæuon, uæxæn mæmæ næ jes; nur dæu jeci huddægtæbæl ka ardauuj, jeci aficermæ dæ lævaræj jes khaz-natæbæl beuræ æxcatæ æma dæu tuxæj jeci zin æxecæn radtæd æma Qara-dengiz æma Aq-dengizi astæu cæruj Jekim ældar æma uoj sau alasa balxænæd, mæ uodi qiamæt ba din æz dær næ bavhau kændzænæn.“

Azurumi cauæjnon bacudæj patdzæxmæ ma jin ærdzurda, æ uosæ jin kud baamudta uotæ.

—Je ba ka'mbæluj, jeci huddag ku æj, zaxta patdzæx.

—Du dæ uodæj kæmi qiamæt kæni, uomi hæuama je ba mulkæj baxarz kæna.

Patdzæx ærbæxonun kodta æ aficer æma jin dzurd ravardta Azurumi cauæjnonæn Jekim ældari sau alasa kud isserdtæjdæ uotæ.

Azurumi cauæjnon æ xædzaræmæ ærbafardægæj.

Patdzæxi aficer ba Jekim ældari sau alasabæl zelæn kænun baidædta. Ci racudæj, xucæu zonuj, uædta fudtæ, zamanatæj æ khoxi baftudæj æma'j ærbarvistä Azurumi cauæjnonmæ.

Azurumi cauæjnon dær rabadtæj æma bacudæj Uærppi bær-zondi bunmæ. Uomi ba æ bæxæn ærtæ cæfi fækkodta æma i bæx chæx ajnæg jexbæl marhau istæxtæj. Xonxi særbæl fæffes-tægæj æma suhzærijnæ sauædonæj gæbæt baidzag kodta æma'j æ

fæsabærcæ næxætboſæj sarhi khoxmæ babasta. Æxuædæg ba rabadtæg æma sau alasajæn ærtæ cæfi fækkodta. Alasa dær æxe Uærppæn je'nnæ'rdæmæ ragælstæ æma sau ajnægþæl æ sæftægutæg, lækhærdæ boni goton sikhit duue'rdæmæ kud fækkaluj, uotæ kalgæ racudæg. Ærcudæg sæxemæ; uomi ba sauædonæg culuq baidzag kodta, innej ba sæxemæ niuuaxta ma randæg paddzaxmæ. Azurumi cauæjnonæn je'xsæveuat cædtæ adtæg.

—Jesti dæ armi baftudæg, zæhgæ'j færsuj aficer.

—Xucauæg boz, zaxta Azurumi cauæjnon; fæxxuæst dæn paddzax ke agurdtæ uobæl.

—Madta din paddzax neci xuarz fæuuodzænæg; mænæn æj radtæ æma din miliuan dædtun.

—Na, paddzaxi nom kæþæl isserdton, uoj necæþæl radtdzænæn.

Æma randæg paddzaxmæ. Paddzax rajsta i sauædon, æxe æj nirtadta æma æ læquæni kud adtæg, uotæ festadæg; raarfæ kodta cauæjnonæn:

—Dæ lævar din næ feronx uodzænæn, zæhgæ.

Aficeri uosæ uoj ku bazudta, uæd zaxta æ lægæn:

—Dæuæn saldat un agkag adtæg, ændæra uomæg i don basajun kud næ bafærastaj! Nur ba co paddzaxmæ æma jin zæhæ: „He, gidi, nur ma dæ jeci læquænæg dæxemæ gæsgæ Xori kæstær kizgæ uosæn ku uajdæ, uæd dæ xuzæn kæmi uidæ paddzæxti æxsæn! Uoj ba din aci huddægtæ ka færazuj, je kud ne'smazal kændzænæg!“

Paddzaxi zærdæ fexsajdta æma rarvista babæg Azurumi cauæjnonmæ. Je dær ærþaqærttæg Sthambolmæ, paddzaxi xædzaræmæ.

—Dæ læværdtæg boz, læquæn mæ iskodtaj, nur ba ma min Xori ærtæ kizgemæg sæ kæstæri uosæn ærxæssæl!

—Mæ bon din ne'sodzænæg, paddzax! Adæm uinuncæ, uoj æz kæmi isserdzænæn?

—Ænæ isserun næ jes, kenæ ba din dæ sær rakændzænæn.

Uontæ, bærzond æma sær guburæg ærcudæg Azurumi cauæjnon æma mæstgunæg sire khelaj zustgomau babadtæg. Khela æ buni færki færgaj raxaudtæg.

—Ci kæniz, cæþæl guzavvæ kæniz, færsuj æj æ uosæ.

—Ma ci kænun? Paddzax Xori kæstær kizgæ uosæn agoruj ma je mæn armi kæcæg baftujdzænæg? Mæ sær fesafunæg ændær fææznæ mænæn næ bal jes.

—Axsævi nixxussæ, uædta isom ba kæd jeu xuarz fændæ xucau radtidæl!

Ærbonæg babæg jeci æxsævæ dær æma i uosæ færsuj Azurumi cauæjnoni:

— hi, ci fændæ iskodtaj?

— Neci, mæ sær fesafunæj ændær.

— Madta uotæ ma kænæ, fal fæcco paddzaxmæ mæ jin razæhæ: „Mægur læg dæn ma Xori xædzaræmæ cæbæl fæccæuon? Dæu ka ardauij, jeci aficer mæ ba dæ læværdtæj ænæ bærcæ beræ æxca æma min nauæ isarazæd, duuadæs xatæni kæmi ua uæxæn; uonæj ba ali xatæni dær duuadæs kizgi æma læquæni, xuærujnag æma niuazujnagæj kud ne'sguzavvæuoncæ, uotæ alkæmæn dær æ xætdzæ nivvææd, uædta xucaui ka fændæua, je uodzænæj“.

— Ka'mbæluj, jeci huddag zæhis, zaxta paddzax æma dzurd ravardta æ aficeræn, Azurumi cauæjnonæn nauæ kud iscædtæ kodtajdæ uotæ. Aficer æ fæstag mortæ baxuardta nauæbæl æma jin fudtæ, zamanatæj iscædtæj.

Azurumi cauæjnon nauï rabadtæj æma cæuun baidædta. Ci fæccudæj, xucau zonuj, uædta dengizi kæronmæ raqærttæj æma æ nauæ ærorædta. Sæumæ xor æ xædzaræj ku næxstær kodta, uæd dengizi æxe niccafta æma randæj. Azurumi cauæjnon je'mbaltæn zaxta æma bilæmæ racudæncæ. Uomi ba hjæjdæ kafuntæ, semuntæ isamadtoncæ. Xori kizgudtæ dær sæmæ fækkastæncæ idardæj. Dugkag bon dær babæj uotæ semuncæ. Xori kizgudtæ dær sæmæ sæxe ærxæstægdær kodtoncæ. Ærtigkag bon ba kizgudtæ næ bal fæggædzæ kodtoncæ æma ærcudæncæ kafgutæmæ. Azurumi cauæjnon sin sæ raz xuærdæj æma niuæstæj rajdzag kodta. Adæm xuærun, niuazunbæl iscalxæncæ. Azurumi cauæjnon xori kæstær kizgæ'rdæmæ niuæstæ ufsun ba-idædta. Jeu saxat, uædta xori kizgæ israsugæj æma raqanæj. Æ xuærtæ uoj ku fæjdtoncæ, uæd fættarstæncæ æma ledzunti fæcæncæ. Azurumi cauæjnon æ adæm nauï bakaldta æma Sthambolmæ Xori kizgi xætdzæ ærbacudæj.

Paddzax dær ustur læværdtæ rakodta Azurumi cauæjnonæn Jekim ældari sau alasaj xætdzæ æma ma nur dær hæzdugæj cæruj, i aficer ba mæguræj fesavdæj.

Paddzæxtæ Saxi Særi furttæ uomæj xonuncæ.

Uæqæc, 14 fevr. 1903 anz.

32. Alibeg.

Jeu lægæn adtæj ærtæ furti; uoni xætdzæ ba jin adtæj ustur bæxærhæudtæ æma galærhæudtæ.

Jeu kæmi adtæj, uomi ændær ærtæ ærvadi uæjgutæ fællæburdtoncæ æma fættardtoncæ i qali fons. Æ duuæ xestær furti uoj ku fehustoncæ, uæd sæ fæste fædesi rauadæncæ. I ærtæ uæ-

jugi ma uoni dær rajstoncæ ma sæ bæxgæs æma galgæs iskod-toncæ. Alibeg ba ma suvællon adtæj æma bitdzeuti xætdzæ hasta.

Jeu xadt Alibeg jeu ændær bitdzeui holtæ raskhafta. Je dær nikkudtæj æma jin zaxta:

— Kæd uotæ xuarz læg dæ, uædta de'rvadtæltæ kæmi æncæ, uoj ku næ zonis!

Alibeg ærcudæj sæ xædzaræmæ æma færsuj æ madi:

— Mæ duuæ ærvadi kæmi æncæ, zæhgæ.

Æ madæ ba jin zaxta:

— Næ bæxærhau æma galærhau xætdzæ xasti fæcæncæ.

Uæd Alibeg zaxta:

— Madta mænæn ænæ uoni fæccæræn næ bal jes, zæhgæ, ma randæj æma ærlasta bæxærhauæj jeu bajrag æma ærtæ dalisi. Xæssun sæ raidædta. Anzi fæste ba jeu dalis ravgarsta, æ uærag in basasta ma næ ma isæmiræj. Ka ma ærizadæj, uoni æ bæxi xuallagæj næuægæj xæssun raidædta; dugkag anzi babæj si jeu ravgarsta; æ uærag in basasta ma i æstæg ænxæst næ ma isimiræj. I dalis æma i bajrag ma ærtigkag anz isxasta, uædta innej dær nivgarsta, æ uæragi æstæg in fæjdta æma jcugur ænxuægæ sojnæ issæj æma zaxta Alibeg:

— He, nur mæ cæuun afonæ ærcudæj, mæ bæx dær cædtæj, zæhgæ, ma jibæl sarh bangom kodta; ra-jibæl-badtæj ma dzoruj æ madæ æma æ fidæmæ:

— Mæ bæxi rahi kud fedauun?

Jetæ ba jin zaxtoncæ:

— Ualdzigon suhdi kærdægbbæl ærtæx kud fedauuj, du dær dæ bæxi rahi uotæ fedauis.

Alibeg niccijnæj ma ranæxstæræj je'rvadtælti agorunmæ. Ci fæccudæj, xucau zonuj, uædta sæ jeu ustur komi isserdta bæxgæs æma galgæsæj. Kærædzej ærfæsmardtoncæ ma jin sæ xestær xecau xædzaræ nijjamudtoncæ. Alibeg bacudæj uoj xædzaræmæ ma din uomi ba æ kond æ uindæn næ uæxæn uosæ baduj.

— Dæ bon xuarz, nana, zæhgæ jimæ isdzurda Alibeg.

— Uæ, nanaj xortæj bafsædaj; medægmæ rauaj; cæuægkon læg æstonggænagæ'j, jesti raxuæræ!

Alibeg bacudæj xædzaræmæ. I uosæ dær in æ raz raidzag kodta, ba-jin-xuærun kodta, uædta jin zaxta:

— Nur ba dæxe bafsnajæ: mæ særi xecau bonæ arvi khabæzti ærtæ zelæni kænuj æma dæ baxuærdzænæj.

Alibeg racudæj xedi razmæ; æ bæxæn uomi khahd rakodta æma'j uomi rarimaxsta; jeu gal ravgarsta; uomæj gærzitæ rakodta æma uonæj æxe xedihosi cægindzitæbæl isbasta æma kæsuj; uotæ ba jeu uæjug sau bæxbæl badtæj, duuæ sau lacini æ duuæ us-

qebæl uotemæj ærcæuuj ma dujneþ æ taræj sau gængæ cæuuj. I xedma ærbaqærttæj æma'j æ bæx fæstæmæ kæsgon xumæ'ndær-xcæ rajsta. Je dær æj ærcæftæ kodta:

— Kujtæ dæ baxuæræd, kæd cæmæj tærsis uæd! Mænæn æznag ku nekæmi jes; jeunæg Alibeg æj æma ma uomæn ba neræn æ madi æxsir æ dongontæj ku kæluþ!

Cidær adtæj i bæx xedbæl ærbacudæj æma Alibeg dzoruj uæjugmæ:

— Togginæj togagoræj ihaugidær næ-jes, nur ba mæ cævæ, xestær dæ xucau iskodta!

Je dær æj fexsta ma'j rajevhudta. Uædta jibæl Alibeg dær æ sahædaq isuaxta ma'j fættumbul kodta. Is-imæ-xistæj, æ cer-qæj jin æ sær ærkodta; æ tonautæ jin æ bæxbæl bafsnajdta ma uotemæj ærbacudæj uæjugi turhæmæ. Medægma badzurdta i uosæmæ:

— Dæ særi xecau balci randæj ma din xunæn gurdziag fætkhu ærærvista, zæhgæ, ma jin æ razmæ æ lægi sær bazildta.

Cæuun baidædta babæj ma innæ uæjugi razmæ baqærttæj; æxe bafsnajdta; uotæ ba dujneþ nissurxæj, uæxæn uæjug i xedbæl ærbacæuuj. Xedbæl kud ærbacæj-cudæj, uotæ jin æ duuæ usqebæl duuæ uors xoji æ biltæ fæstæmæ xuajun raidædtoncæ; æ bæx nixxurrudtitæ kodta æma'j fæstæmæ rajsta:

— Kujtæ dæ baxuæræd, kæd Alibeg dæ razi næ baduj uæd, zæhgæ, ma'j ærcæftæ kodta.

Alibeg dær imæ xedi bunæj felvæstæj, æxsti baræ jin ravardta, uædta'j bafsnajdta.

Ci racudæj, uædta dujneþ nirroxæj. Alibeg dær kæsuþ æma ærbacæuuj sænt uors bæxbæl uors uæjug, æ duuæ usqebæl duuæ uors bæluui, æ razæj ba æ uors jegærdtæ hazgæ cæuuncæ. Xedma ærbaqærttæj ma jin i bæluutæ æ biltæ fæstæmæ xuajuncæ, uædta æ bæx nixxurrudtitæ kodta æma'j fæstæmæ rajsta. Je dær æj niccæftæ kodta:

— Kujtæ dæ baxuæræntæ, kæd Alibeg dæ razi næ baduj ma uomæj næ fættarstæ, uæd, zæhgæ.

Alibeg dær imæ xedi bunæj felvæstæj; æxsti baræ jin ravardta, uædta'j bafsnajdta.

Uoj fæste ba Alibeg æ duuæ ærvadej xætdzæ rahær kodtoncæ sæ bæxærhau æma sæ galærhæudtæbæl. Ci fæccudæncæ, uædta ærizæræj æma ærbunat kodtoncæ jeu buduri. Alibeg fællad kud na'dtajdæ ma zaxta je'rvadtæltæn:

— Sumax bal hæuaj kæntæ, æz ba raxusson, zæhgæ.

Jetæ ba jin zaxtoncæ:

— Dæ kârd næmæ uadzæ ma xussæ, macæmæj tærsæl!

Je dær sin æj ravardta ma raxustæj. Uæd ærvadtæltæn xucau sæ zærði fudi fændæ bauaxta: Alibegbæl ramaruni fændæ

iskodtoncæ, sæ khox ba næ tastæj ma jin æ kard æ uosongi duarbæl isbastoncæ, æ kom uoj ærdæmæ uotemæj æma fæffædes kodtoncæ:

— Uæ, Alibeg! Næ fons nin fættardæuuj, zæhgæ.

Alibeg dær xusihældzgutæj ragæpp kodta æma jin æ kard æ duuæ uæragi raxauun kodta. Nikkudtæj, nidzdzinasta mægur Alibeg.

— Uæ xætdzæ mæ xæssætæ, zæhgæ, dzoruj je'rvadtæltæmæ ma jimæ fæstæmæ dær næ bal fækkastæncæ. Alibeg uosongi baizadæj ma sudæj mælætæmæ ærcudæj. Æ særti ci marh ratæxidæ ma æ corti ci sird racæuidæ, uoj jeci færsæj fexsidæ, ra'j-maridæ, æ cuppærtæbæl imæ fæbburidæ ma'j jeci xomæj baxuæridæ, uotemæj cardæj.

Jeu xadt kæsuuj ma i hædi jeu qæræu uæjug bælæstæ istasidæ ma sæ fæjne'rdæmæ ænthuxtætæ kænuij, uotemæj ærqærttæj Alibegmæ.

— Ci dæ, ci dessag dæ, zæhgæ'j, bafarsta Alibeg.

Je ba jin zaxta:

— Me'rvadtælti kæstær adtæn ma si lægihædgundær adtæn ma min mæ cæstitæ iskhaxtoncæ ma nur ba uotemæj xætun.

— Madta max æmbaltæn isbæzdzinan, zaxta jin Alibeg; mænæn ba me'rvadtæltæ mæ uærgutæ ærkodtoncæ ma min cæuæn næ bal jes.

Isæmbalæncæ i uæjug æma Alibeg. Uæjug Alibegi æ usqi rajsidæ ma uotemæj cauænæj sæxe xastoncæ, izæræj ba sæxemæ ærcæuiuoncæ. Ci sæbæl racudæj, uædta ma sæbæl jeu congoj, je'rvadtæltæ æ cong kæmæn ærkodtoncæ, jeu uæxæn baftudæj. Cæruntæ sin rajeudahæj ma sæ zærdi uosæ korun æræftudæj. Alibeg qæræubæl rabadtæj; qæræu ba congoji dumægkagbæl xuæstæj, uotemæj jeu xani zænæmæ ærbacudæncæ. Jeci xan ba æ kizgæ lægmæ ærvista ma jimæ adtæj ustur æmburd. I khuar æmburdmæ bacudæncæ ma ka kastæj, je uonæmæ kastæj, uosgor æncæ, zæhgæ, sæ ku ærzudtoncæ, uædta buntondær. Xani kizgæ dær dessagmæ kæsunmæ racudæj. Jetæ ba hasti kæronmæ balæudtæncæ ma xani kizgæ kud razildæj, uotæ jimæ Alibeg fællæburdta ma'j qæræui usqæmæ ærbaskhafta. Fæjjagajdtoncæ; adæm dær sæmæ jeu saxat fækkastæncæ.

— Cumæ ci kændzænæncæ, zæhgæ.

Ku sæ ærzudtoncæ, oxxaj, fæ'j-xæssuncæ nur, zæhgæ, uædta fæffædesæncæ ma ma uoni razi badtæncæ? Nijauuon æncæ. Sæ bunatmæ ærcudæncæ; uomi i kizgi ka jenceg, ka xuæræ, ka madæ iskodta ma uotemæj cærun raidædtoncæ. Kæmi congoj, kæmi ba qæræu bunatgæs baizajidæ. Alibeg ba kæmi sæ jeuebæl, kæmi se'nnebæl cauæni randæuidæ, izæræj ba sagi mardi xætdzæ ærizdæxidæ. Uotemæj sæ jenceg xuæræ sagi uæragi

qanz æma sagi uældaræj xastoncæ. Ci fæccardæncæ, uædta i kizgæ fudxuz kænun raidædta. I khuar dær æj bafærsioncæ:

— Cæbæl uotæ fudxuz kænis? Dæ xædzaræ dæ zærði æftuj, zæhgæ, ma sin neci bæræg zaxta. Uomæ ba jeu chifxuar uosæ ærcæuidæ ma jin æ tog je'skhelæj ischiridæ. Xædzargæs ba fuldær i qæræu uidæ ma'j cæmæj uidta, fal jin je'stuf ba balædæridæ ma zaxta Alibegæn jeci xabar. Uæd æj Alibeg hæuaj kænun raidædta ma jimæ i uosæ ærcudæj, idard islæudtæj ma dzoruj:

— Ka uæmæ jes?

Kizgæ ba jin zaxta:

— Neke.

— Ra-min-somi-kænæ de'nsuværtæj, kud uæmæ neke jes uobæl.

Kizgæn dær fædzaxst adtæj ma zaxta:

— Qæræu cæra, neke næmæ jes! Congoj cæra, neke næmæ jes! Alibeg cæra, neke næmæ jes!

I uosæ ærbacudæj ma kizgæn je'skhelæj æ tog kud chirdta, uotæ'j æraxæsta ma jin zaxta:

— He, nur din ænæ ramarun næ bal jes, kud adtan, uotæ næ ku næ festun kænaj uæd!

Uosæ ba zaxta:

— Madta uæxe mæ quri rauadziajtæ, ma kud adtajtæ, uotæ isodzinajtæ, zæhgæ.

Alibeg dær fitdzagi dær qæræui rauaxta i uosi quri, ma'j jeu saxatti fæste ba ci adtæj, uomæj æj xuæzdæræj islasta; congoj dær uotæ. Se'ngkætej fæste ba Alibeg dær æxe rauaxta i uosi hælæsi. Nur ibæl i uæjgutæ ba xuæcuncæ, ku nin fælledza ma nin næ jervæzægi ku baxuæra, zæhgæ. I uosæ dær æj næ gælsta ma næ gælsta. Alibeg dær æj razdær kud næ tarstajdæ ma æ xætdzæ xirinkha nixxasta. Nur isænæst dæn, zæhgæ, uædta uosæn æ zærði auindzæntæ isuaxta. Ra'j-mardtoncæ i uosi, uædta zaxtoncæ:

— Cæj nur ba a kizgi jesge æxecæn uosæn xonæd, zæhgæ. Alibeg zaxta:

— Qæræu xestær æj æma uomæn agkag æj.

Jetæ ba zaxtoncæ:

— Na, du næ kæstær dæ ma dæuæn agkag æj, zæhgæ.

Uædta Alibeg zaxta:

— Madta jin xuæræ kæmi razaxtan, uomi'j æ fidi xædzaræmæ baqærtun kænæn, zæhgæ, ma'j ærbaxastoncæ i xanmæ. Xan dær kud næ niccijnæ adtajdæ æ kizgi issergæj ma sin ustur læværdtæ rakodta. Uotemæj alke æ xædzaræmæ ærbacudæj. Alibeg sæxemæ ku ærcudæj, uæd ibæl adæm æmburdta kænun raidædtoncæ. Je dær sin ærdzurdta je'rvadtælti huddægtæ, uædta sahædaq ærbajsta ma zaxta:

— Kæd ke zæhun, je æcæg adtæj, uæd a sahædaqi fat uælæmæ jeunægæj cæuuj, fæstæmæ ba duuemæj ærizdæxæd ma mæ duuæ ærvadej særi astæuti nixxæssæd, kenæ ba fæstæmæ dær jeunægæj ærizdæxæd ma mæn sær niffadæd!

Fat randæj; duuemæj ba ærizdaxtæj ma Alibegi ænsuværti ramardta ma i adæmtæ bazudtoncæ Alibegi ræstdzijnadæ.

Mæxçesg. 5 okt. 1903 anz.

33. Xani læquæn.

Jeu xanæn adtæj jeunæg læquæn. Æ adzalmæ xæstæg i xanæ læquænæn bafædzaxsta:

— Uosæ ku xonaj, uæd dæxe hæuaj kænun bafærazæl!

Læquæn fættarstæj æ fidi uosiatæj ma uosæ korun næ bal ændiudta. Æ khoxi ka'dtæj jeci adæm ibæl kærædzej ænsedun raidædtoncæ. Xani furt fættarstæj, zænxi buni avar iskodta ma'j adæm kud næ bazudtajoncæ, uotemæj sosægkæj uosæ ærxudta.

Ci jibæl racudæj, xucau æxuædæg zonuj, ma jin ærtæ læquæni raigurdæj, ma sæ jeu æ zærdæ kæbæl dardta, uæxændtæn xærsunmæ ravardta. Xærsgutæ sæ i bitdzeuti rimæxsun ku næ bal færastoncæ, uæd sæ ærxastoncæ, kud æmbaldæj uotemæj. Xanæn dær gænæn næ bal adtæj ma sin jeci bon sæ madi dær æravdista. Adæm kud ne'ræmburd adtajdæ xanmæ? Cijnæ kodtoncæ sæ xani læquæntæ ma uosæbæl. I uosi zænxi buni avaræj xædzaræmæ kud xudtoncæ, uotæ æmburdi særti jeu cærgæs ærbataxtæj, æxe jimæ æriskhardta, sæ astæuæj sin æj felvasta ma'j niffardæg kodta. Adæmæn sæ cijnæ qurmæmæ racudæj.

Læquæntæ iscædtæncæ ma hazunhom fæcæncæ ma sæ madæ sæ zærdi æriftudæj.

— Næ madi ku næ baagoræn, uæd nin uotemæj cærun agkag næ'j,-zaxtoncæ i læquæntæ.

Læquæntæ sæxe isrævdzæ kodtoncæ. Ali rauæn dær xadtæncæ ma'j nekæmi irdtoncæ. Uædta jeu dzæhæl buduri uors kesena fæjdtoncæ ma uordæmæ bacudæncæ. Uomi ba adtæj uosæ: æ jeu dzedze fæstæmæ je'usqi særti ragælstæ, je'nnæ dzedze ba razmæ,-uæxæn uosæ.

— Dæ bon xuarz, nana, zæhgæ, ma jin æ dzedzetæ sæ hæ læsti rakodtoncæ. Je ba sin zaxta:

— Uotæ ku næ bakodtajajtæ, uæd uin ci adtajdæ, uoj bærgæ adtajdæ, fal uin nur ba ci kænøn?

Ærtæ læquæni jin radzubandi kodtoncæ sæ huddag ma sin i uosæ zaxta:

— Je sumax khoxi kæmi baftujdzænæj? Je adtæj nohajag bærzæjgin læg, cærgæ ba kænuj Uærppi bærzondi. Uordæmæ ba iscæuæn næ jes, uæd ma uæ madæ uæ khoxi kæcæj baftujdzænæj? Fal uin dædtun (tætun) zældagi xalæ ma Uærppi bunmæ bacotæ, uæ sahædaqi kærændtæbæl æj nibbædtetæ ma kæd uæ lægihædæ jesti ua, uæd æj xonxi særbæl niccæfsun kændzinajtæ, kenæ ba uædta uæ tærehæd uæxe.

Ærtæ læquæni Uærppi bunmæ bacudæncæ; xestær zældagi xalæ sahædaqi fati kæronbæl nibbasta, ra'j-uaxta ma fæstæmæ ærizdæxtæj. Kæstær æj rauaxta. Ci fæccudæj, xucæu æxuædæg zonuj, uædta i fat zældagæ xali xætdzæ Uærppi xonxi bilæbæl nixxæstæj. I læquæntæ xalæbæl læsun raidædtoncæ ma duuæ xestæri næ bal færastoncæ ma razdæxtæncæ. Kæstær sin bafædzaxsta:

— Calinmæ min mæ mardæj, me'gasæj jesti bazonajtæ, ualdæn mæ xezetæ!

Æxuædæg ba læsun raidædta ma Uærppi uælbilæ fæcæj. Uomi ba din jeu avar ma uordæmæ bacudæj. I avari xurfi ba æ kond, æ uindæn na'dtæj uæxæn uosæ baduj, æ cæstisugæj æxe æxsnængæj. I læquæn kæmi adtæj, uoj jin radzurdta ma kærædzej ku ærzudtoncæ, uædta niccijnæncæ. Uædta jin i uosæ zaxta:

— Æz dær du ke agoris jeci lægi uosæ dæn ma dæu madi ku'rxasta, uædta mæ ardæmæ æratardta ma ami jeunægæj hezæmaræ kænun, dæu (do) madæ ba uærtæ jeci avari baduj.

I læquæn æ madi avarmæ bacudæj; æ madi fæjdta, uædta ærazdæxtæj ma innæ uosi xætdzæ kærædzej zærdiuag isserdtoncæ.

I uosæ jin zaxta:

— I læg ka'j je gædiæj bazurtæ daruj; kæd jesti ærxæssa, uæd æ bazurtæ ændegkæj niuuadzdænæj ma medægmæ ærbacæudzænæj, kenæ ba æxe satæg kændzænæj. Xæstæg kænun kud dær rajdaja uotæ æ xuænxtæ surx zing kænun raidajdzænæncæ uædta uadæ kænun raidajdzænæj. Uomæj dær ma fættærsæ! Dæxuædæg ba uærtæ tonautæj ke fæjista, uonæmæ kard baagoræ; dæxemæ'j rajsæ; fæsdUAR dæxe barimæxsæ ma kæd dæ lægihædæ jesti ua, uæd in jesti bakosdzænæ, kenæ ba uædta max dær æma du dær fesavdan.

Læquæn tonautæmæ bacudæj; ævzarun raidædta ma jeu khældun issirdta; qæstarh æj niccafta ma'j duuæ'mbesi raxauun kodta. Uoj æxemæ isævardta ma uotemæj æxe avari fæsdUAR barimaxsta. Uadæj dær, xuænxti surx zingæj dær næ fættarstæj. Nohajag læg ærqærttæj; æxe satæg kud kodta xonxi bilæbæl, uotæ ba jimæ i læquæn rahustæj ma jin khældunæj æ bærzæj niccafta. Nohajag læg raxaudtæj ma nixxærnæhæj. Uoj fæste ba mulkæj ke'sserdta Nohajagi xædzari, uoni zældagin bændæntæj uadzun raidædta je'rvadtæltæmæ. I mulk jeuguræjdær sæ khox ku'sser-

ta, uæd i duuæ ærvadi zældagi bændæn ratudtoncæ ma niffardægencæ. I læquæn ba baizadæj Uærppi særi, racæuæn in næ bal adtæj ma fuldær kæugæ uotemæj guzavæj cardæj. Jeu kæmi adtæj, uomi nohajag læg ke fæxxuardta, uonæj jeu særi qabolæ fertæstæj ma jimæ isdzurda:

— Mæn mæ mærdti sikhitbæl ku baftauisæ, uæd in æz mazal isserinæl!

Læquæn æj bauuændun kodta ma jin særi qabolæ zaxta:

— Nohajag lægæn xonxi dahi bæx bast jes, æ razi ba cæuuj suhzærijnæ sauædonæ. Jeci bæx ærbalasæ, uædta din je nad isserdzænæj, fal cæuunæj uægæ kændzænæ, ma bauægæ uo!

Xani læquæn xonxi dahi cæuun raidædta ma jimæ baqærtæj ma i bæxi ralasta, suhzærijnæ sauædonæj dær culuqidzag raxasta. Særi qabolæ babæj æ razmæ ærzildæj ma jimæ dzoruj:

— Uærtæ i kiri jes angusag ævdust sarh, babiag avd æftaugi ma xaxiag xæx idonæ. Baco ma kiræmæ xatiagau isdzoræ ma din baigom uodzænæj.

I læquæn xucauæn iskufta ma kiri duar fegomæj. Ma i dzau-mautæ cidær adtæncæ, uotemæj jeci rævdzæj bæxi rahi festadæncæ. Læquæn dær qabolæ æ næxæt bosbæl babasta, æ bæxbæl rabadtæj, ærtæ cæfi jin fækkodta ma ajnægæbæl æ holgunti uægæ læuærdgæ ærcudæj. Qabolæ jin nadamonæg uotemæj jeu xani khoxmæ baqærttæncæ. Æ raiguræn bæstæmæ ku baqærttæj i qabolæ, uæd æraigasæj ma din je ba adtæj jeci xani kizgæ. Xan sæbæl niccijnæj ma æ kizgi i læquænæn bijnontæn ravardta. Cærun raidædtoncæ. Jeu kæmi adtæj, uomi i læquæn niinaftæj ma dzubandi kænun raidædta:

— Æz dær xani furt dæn ma mæ mæ xædzaræmæ cæuun fænduj, zæhgæ.

Kizgæ ba jin zaxta:

— Je xwarz æj, fal din xan læværdtæ kændzænæj ma maci bakomæ xælin xodæ, sujnag ma uafsi zæronðæj ændær. Xælin xodæ ku'rkænaj, uæd dæ tuhdi neke uindzænæj; sujnagæj cidær babædtaj, pakhuj uæzæ dær æj næ uodzænæj; uafs dengizbæl ku raiværaj, uæd din cid xed isodzænæj.

I kizgæ jin kud baamudta, uotæ rakurda xani læquæn. Xan dær ma ci kodtajdæ ma jin sæ ravardta. Xani furt sabæl niccijnæj:

— Anæj min ka bæxgæsi uafsæn, ka fijjaui xodæn, ka ba sogdzaui bændænæn isbæzdzænæj, zæhgæ.

I læquæn uoni xætdzæ niffardægæj. Nadbæl in dengiz nad næ lævardta. Je dær ibæl uafsi zæronð bagælstæ ma jin xed festadæj. Dengiz uordæg ba'j æfsædti xætdzæ toxun bahudæj ma xælin xodæ nikkodta. Neke bal æj uidta ma ægas æfsædti niccaxta. Sæ tonautæ sin ramburd kodta, sujnagæj sæ isbasta ma

uotemæj æ xædzaræmæ iscudæj. Uomi ba jimæ adæm rakaldæncæ ma alkæmændær æ cihæuagæ ravardta, uædta sin æ huddægtæ ma je'rvadtælti æhdau ærdzurda adæmi æmburdæn. Uædta æ ræstdzijnadæ isbæræg kænuni tuxæj sahædaqi fat rauaxta ma zaxta:

— Xucau, aci sahædaqi fat uælæmæ jeunægæj ærvetun ma ke lazæ adtæj maxæj, uoj særi astæu kud nixxæssa uotæ! Kæd mæ lazæ adtæj, uæd jeunægæj ærizdæxæd ma mæn duuæ'mbesi rafadæd. Na ma kæd me'rvadtælti lazæ mæn bæl isæmbaldæj, uædta duuemæj ærizdæxæd ma uoni særtæ rafadæd!

Sahædaq duuemæj ærizdaxtæj ma i duuæ xestærej ramardta, kæstær ba næuægæj dżillæn uoli iscæj.

Kertibij dzurdæj. Mæxčesg. 15 okt. 1903 anz.

34. Xani læquæni arhau.

Xanæn adtæj jeunæg læquæn.

Jeu xadt, bitdzeu uogæj, xani furt racudæj je'ngarti xætdzæ jexmæ holti hazunmæ. Izæræj bitdzeutæ randæncæ sæ xædzærdtæmæ, xani furti ba' xucau rafunæj kodta. Uotæ ræxgi ba i bitdzeu raihalæj ma din æ særhi beræh baduj. Bitdzeu uinuj i beræhi ma istun næ bal ændeuuj. Beræh in uoj ku balædærdtæj, uæd imæ dzoruj:

— Aci xadt din xatir fæuuæd; xatiræn ba din uosæ ærxonuni uængæ ænhud kænun!

Xani furt uosæ korunhom racæj ma ændeugæ ba næ kodta, beræhi zahdmæ gæsgæ. Læquænæn æ fidæ ramardæj æma jeunægæj ærizadæj, uæddær næ koruj æma næ koruj uosæ. Adæm ibæl avd æmburdi avd sabati ærioncæ, uosæ rakoræ, zæhgæ, ma sin neci kom lævardta. Ærægi-durægi ba ærsastæj, gænæn in næ bal adtæj æma uosæ rakurda, xonun ba uæddær ne'ndiudta. Ci jibæl racudæj, uædta xani furt æ uosæ ærxudta æma æ uatmæ bacudæj. Uomi ba din kizgudtæ fæjnæ fonsi xuzi kodtoncæ khinsæj*). Jeu kizgæ beræhi xuzæ rakodta khinsæj ma i khinsæ beræh festadæj. Læquæn æ zængædtæ kud lasta, uotæ i beræh æ særhi ærlæudtæj:

— He, nurmæ nin ænhud adtæj, nur ba dæ xuærgæ kænun!

Xani furt ralæuirdta, duar æ fæste raxgædta ma ledzuntæ raidædta, ledzuntæ raidædta dzæhæl budurti. Ualinmæ beræh dær duar baxsidta, baxuardta, xædzaræj rajervastæj ma i læquæni

*) Ragon æhdauæj uotæ adtæj æma kindzæxsævæxæn khereti xætdzæ uidæ ali fonsi xuzæ khinsæj æma uosi xuzæ suvællon æ hæbesi uotemæj. Jeci æhdau bæræg kodta: ærcæ-uægkag uodzænæj zænæggin, æ zænæg ba fons amondgin.

sorun raidædta ma'j ærxæstægutæ kodta. Uotæ ræxgi ba i læquæn gæmæx buduri jeu uors kesena baidta, ba-jimæ-qærttæj ma uordæmæ badzurdta:

— Uæ, ami ka jes, æz de'uzæg, zæhgæ.

Uordægæj jimæ jeu uosæ ærakastæj ma jin zaxta:

— Mæn bon din neci'j, fal mæ xestær xuæræ dældær æj ma uordæmæ co!

Æxuædæg ba jimæ særvasæni ærgez ravardta, jeskæmi ku' squrmæ uaj, uæd æj dæ fæste ragældzæ, zæhgæ.

Læquæn ledzuntæ raidædta uordægæj æma'j i beræh dær ærxæstægutæ kodta. Uæd læquæn istasi'j. æma æ særvasæni ærgez ragælsta. Uoj adæbæl i beræhæj i læquæni astæu tar hædæ festadæj. Caldæn beræh tar hædi cudæj, ualdæn læquæn dær budurtæ ravgarsta ma jeu kesenamæ baqærttæj:

— Uæ, ami ka jes, æz de'uzæg, zæhgæ, jimæ bahær kodta.

Uordægæj jimæ jeu uosæ rakastæj æma jimæ dzoruj:

— Xucaui iuzæg uo, mæ xor! Mæn bon ba din neci'j, mæ xestær xuæræ dældær cærui, uomæ co!

Æxuædæg ba jimæ duuæ dzoli ralævardta, æstong uodzænæ æma uoni dæ xætdzæ rajsæ, zæhgæ. Ka'j zonuj æma ku'squrmæuaj, uædta sæ dæ fæste ragældzæ!

Læquæn i dzoltæ rajsta æma ledzuntæ raidædta. Beræh imæ xæstægutæ kænun kud raidædta, uotæ ba i læquæn æ duuæ dzoli æ fæste ragælsta æma i dzoltæ duuæ uors jegari festadæncæ. Jegærdtæ beræhi xæstæg næ bal uaxtoncæ læquænmæ. Uotæ ræxgi babæj jeu uors kesena baidta, ær-imæ-qærttæj, ba-jimæ-dzudta:

— Ami ka jes, æz de'uzæg, zæhgæ.

Uordægæj dær imæ jeu uosæ rakastæj ma jin zaxta:

— Mæn bon din neci'j; uærtæ dengiz uordæg mæ xestær xuæræ, uomæ co! Mænæ din dzigkoj xalæ; uoj dengizbæl bagældzæ ma din xed festdzænæj æma uobæl bacæudzænæ!

Xani læquæn, uosæ jin kud baamudta, uotæ bakodta, æma dengiz uordægmæ bajervastæj ædjegærdtæ. Uædta dzigkoj xalæ isista æma i xed nikkaldæj. Dengiz uordæg læquæn æ jegærdti xætdzæ jeu tuppurbæl ærincojnæ kodta.

— Ox, ox, ox, æna, zæhgæ, niuuolæftæj æma tuppurbæl je'ndærxcæ æxe rauaxta. Uotæ ba tuppuri duar baigomæj æma uordægæj ba jeu uosæ racudæj, æ jeu ænsur uælarv, je'nnæ ænsur ba dælarv dardta uotemæj.

— Æna ku næ zaxtajsæ, uæd din jesti adtajdæ, nur ba min du abonæj fæstæmæ læquæn, zaxta i uosæ.

— Du ba min madæ, zaxta xani furt, æma uotemæj cærun raidædtoncæ i læg æma i uosæ. Xani læquæn ali bon dær cauæni cudæj æma sagi mardæj næ jevhudta, uotemæj i uosi xasta

sagi uældar æma hæuanzi qanzæj. Jeu xadt kæmi adtæj, uomi i uosæ racudæj dengizi bilæmæ qæppæltæ æxsnunmæ æma dengiz uordægmæ suhzærijnæ læquæn bavidta. Je ba adtæj i beræh, æxe adæjmag festun kodta. Uosæ uoj ku æruidta, uæd imæ ærxicæ kodta, tæxoduj je mæ lægæn ku uajdæ, zæhgæ. Beræh uoj ku ærlædærdtæj, uæd in zaxta:

— Kæd dæ uotæ fænduj, uæd dæ læquæni dzippi jeu dzigkoj xalæ jes æma dengizbæl uoj ardæmæ ærbagældzæ, uædta cærdzinan!

Izæræj læquæn sagi mardi xætdzæ ærcudæj, har fezongutæ kænui i uosæn, je ba jimæ je'ruх næ bal xatuj.

— Ci kæniz, zæhgæ, jimæ dzoruj i læquæn.

Uosæ ba jin zaxta:

— Ci kænun? Du randæuis, æz ba ami jeunægæj baizajun æma henchun kænun, nur ba min dæ kisæ uæddær niuuadzisæ, æz ba uobæl mæxe isærxon.

Dugkag bon læquæn æ kisæ i uosæmæ niuuaxta, æxuædæg ba cauæni randæj. Uosæ dær dzigkoj xalæ isista, dengizbæl æj bagælstæ æma i beræh xedbæl ærbacudæj. Beræhlæg æma uosæ fænditæ kænun raidædtoncæ læquænbæl, ci madzalæj æj ramæræn, zæhgæ, æma jin æ jegærdtæ isafun fændæ iskodtoncæ: sæ sajænti sin uærmitæ iskhaxtoncæ. Izærærdæmæ ba i beræh æxe medæggoni barimaxta. Ualængi læquæn dær ærcudæj æ sagi mard æma æ duuæ jegarej xætdzæ. Jegærdtæ sæ sajænti basmustitæ kodtoncæ æma ændær rauænti nissadæncæ. Ma sin je ku næ bantæstæj, uædta i uosæ zaxta:

— Jeunægæj næ bal færæzun, nur ba duuæ xonxæj astæu tin-kærcæ jes: æ reutæj ærdzæf kænui, æ suntæj semgæ kænui, æ dumægkægtæj ba kafgæ kænui ma min uoj ærxæssæ, æz ba jibæl mæxe isærxon!

Xani læquæn cæuun raidædta æma duuæ xonxi furau kæmi toxuncæ, uordæmæ isqærttæj. Xuænxtæ kud fæzziqiræncæ, uotæ læquæn æ jegærdti xætdzæ uoni astæu fæmmedægæj æma tin-kærcæ raxasta, fal æ jegærdtæ ba xonxi medæg baizadæncæ. Nikkudtæj læquæn, uotemæj raxasta kærcæ æma j æ madi razmæ baxasta;

— Ænirajæj fæuuo dæ kærcæj, mæ duuæ jegari uobæl fæsvadæncæ, zæhgæ.

Beræh uoj ku raihusta, uæd imæ ragæpp lasta, æ rahi rabadtæj, nur ma min kumæ ledzdzænæ, xuærgæ dæ kænun, zæhgæ.

Xani furt dær rakurdtæ beræhæj:

— Korun di, xucæuæn kovun mæ bauadzæ, uædta mæ xuæræl!

Beræh in nad ravardta æma kovun raidædta xani furt. Jeci kovgæj æ særti adæmi limæn zærbatug ærbataxtæj ma jin zaxta:

— Dæ xucauæn kovæ, xonxi duar baigomæj ma dæ jegærdtæ ærbacæuuncæ.

Beræh xani furti rahi kud rabadtæj, nur æj xuæron, zæhgæ, uotæ æ duuæ jegari æ særhi ærbalæudtæncæ æma i beræhi æ khaleutæj fæjne'rdæmæ raivastoncæ, gæppælgaj æma'j færki færk-gaj nikkodtoncæ.

Xani furt uæd i uosi xæran miutæ bazudta æma'j fidgujnagi khuæxtæ nikkodta. Æxuædæg ba xædzari xæznajæj ke dær is-serdta, uoni ramburd kodta ma uotemæj æ xædzaræmæ ærfar-dægæj ma æ adzali uængæ xanjeuæg fækkodta dzillitæn.

Kertibij dzurdtæj. Mæxčesg.

35. Jelux.

Jeu xani zænxæbæl cardæj xuarz zundgin cauæjnon læg, Jelux, zæhgæ, æ nom. Xanmæ jesti dzæbæxdzignadæ ku adtajdæ, uæd æj ænæ Jelux næ baxuardtajdæ. Uædta Jeluxi kæbæl næ bafarstajdæ, uæxæn huddag dær næ kodta i xan. Jeu xadt kæmi adtæj, uomi ba Jelux cauæni randæj ma jeu komi sau hædi astæu sag ramardta. Æ bæx æ dzaumati xætdzæ uælbilæ niuuaxta, æxuædæg ba kommæ niccudæj ma i sagi koj kodta. Uotæ ræxgi ba jimæ i tehæj jeu bæxgin ærdzurdtæ:

— Uæ, beræ din xucau radta!

Jelux dær imæ dzoruj:

— Jeumæ nin æj xucau ravardta, raxæstæg uo!

— Na, næ mæ jevdæluj, fal a dzaumautæ ba nuri uængæ dæu adtæncæ, abonæj fæstæmæ ba mæn kud uoncæ uotæ!

— Xucaui xatir fæuui næ, ma mæ ramaræ, cærduodæj mæ særævgarstæj ma fæccærun kænæ, mæ læhuz dæbæl næ jes, mæ bzæbæx dær zahdau!

— Na, uobæl ba dæ næ bal færsun, zæhgæ, ma i bæxgin Jeluxi dzaumautæ ramburd kodta ma niffardægæj. Jeluxæn dær ma ci gænæn adtæj, ærcudæj æ xædzaræmæ. Adæm ba'j kud næ bazudtajoncæ ma dzorun raidædtoncæ:

— Jeluxi dzaumautæ bajstæj, zæhgæ.

Xanmæ dær baihurstæj ma je dær Jeluxi dælazæg kænun raidædta. Ci fæccardæj jeci æfxuærdæj, uædta Jelux bæx isxasta ma ranæxstæræj æ dzaumautæ agorunmæ ma jeu xani zænxæmæ bacudæj. I xani hæumæ ba'j ustur doni bacæuun hudæj. Don ba adtæj ivuld ma jimæ adæm biltæj kastæncæ. Jelux æ bæx donmæ fæjjarasta, niccæftæ kodta ma i bæx i don fadgæ bacudæj. Jelux donæn je'nnæ bilæj kud isxistæj, uotæ donmæ jeu uosæ ærcudæj ma jimæ dzoruj:

— Xuarz bæxgin, kenæ dæmæ ustur mast jes, kenæ rasug dæ, kenæ ba ærra, ændær aci donbæl cheu ku næ ærbatæxdzænæj, uæd ibæl kud ærbacudtæ?

Jelux ba jin zaxta:

— Ba-mæ-zudtaj, mæ madi xaj, ustur mast mæmæ ke jes uoj, ændæra ærra dær næ dæn, rasug dær zahdau!

— Uanæbæræg ba dæmæ ci mast jes? Zæhaj min æj, kædimajdima din mæ bon jesti isuidæ.

Je ba jin zaxta:

— Cauæni adtæn ma min mæ dzaumautæ sagi mard kud æfsnajdton, uotemæj raskhavdæj ma uoni agorun ma min du ba uonæn ci zondzænæ?

I uosæ ba jin zaxta:

— Madta co, maxmæ dæ fusun ærkænæ, uædta dæmæ kæd jesti lægihædæ ua ma mænæn dær uasxæ radtaj, dæ armi ku baftujoncæ, uæd mæ ami næ bal niuadddzænæ, uæd din uoni ba æz baamondzænæn.

Jelux dær uasxæ ravardta ma jin sæ uædta i osæ dær ba-amudta:

— Dæ dzaumautæ din næ xan ærbaxasta, fal dæ armi necæmæj baftujdzænæncæ, fal imæ axsævi badzoræ ma'j dæ fæste rasajæ ma jin uotemæj dæ bon ku neci isua, uæd in madzal ne'sserdzænæ. Axsævi ba'j kumædær xonaj, necæbæl dæ bafærsdzænæj, se'hdau næ amonuj.

— Xuarz madta, zæhgæ, ma Jelux i uosæ jin ci xædzaræ nijjamudta, uordæmæ bacudæj ma uomi ærfusun kodta. Æxsævæ ba jin i uosæ kud zaxta, uotæ badzurdta xanmæ. Xan dær imæ rakastæj ma'jin Jelux zaxta:

— Rauaj mæ xætdzæ, zæhgæ.

Xanæn ma ci gænæn adtæj ma æ dusi dambaca barimaxsta, uotemæj cæuun raidædtoncæ. I hæuæj dzævgaræ ku raxecænæncæ, uædta Jeluxæn æ dusi cuppærtæhon lædzægi quæl adtæj ma uomæj xanæn æ bærzæj niccafta ma i xan uomi rakuresæj. Jelux dær imæ fevnaldta ma jin æ khæxtæ ma æ khoxtæ ærbabasta, uotemæj i xani æ bæxbæl bagælstæ, idadzæj æj rajsta ma'j jeci medæxsævæ æ xædzaræmæ isxasta. Nur jeci xanæn ba je'nsuvær Jelux ci xani khoxi adtæj, uoj siaxs adtæj ma æ uosæ ba æ cægatmæ xundægi baduni adtæj. Afæjmæ xæstæg ibæl racudæj, uædta i uosæ æ xædzaræmæ cudæj ma jimæ i xanæn dujnef adæm ærcudæj xonæg. Ison næxstær kændzænæn, zæhgæ, uædta i uosæ xani xæstægutæ ma limæntæbæl zildæj. Ærægiau ba, Jelux dær mæ fidi limæn ku adtæj, zæhgæ, ma uoj dær babæræg kænon, zæhgæ, jin xucau æ zærdi æriftudta. Ær-imæ-cudæj; fæddzubanditæ kodtoncæ, uædta cæugæ ku kodta, uædta jin zaxta:

— Nur ba, mæ xuæri xaj, ci lævar dæ fænduj, uoj min zæhæ ma chuxæj. ci xuarz isagkag kænaj, uoj din isserdzænæn. Kenæ ba næxstær ku kænaj, uæd mænbael ærbaco ma din ægas dzillæj ke xæssis, uoj æmuæz ralævar kændzænæn.

— Uanæbæræg ci lævar uodzænæj, næ xecauti sær ka nivgarsta, uoj min kosægæn ku næ dædtzdænæ, kenæ ba min næ xecau ku næ ærxæssdzænæ!

I uosæ gurusxæ gængæ randæj, ci lævar min kændzænæj Jelux, zæhgæ. Xan æ kizgi cæmænnæ isjeftong kodtajdæ, æ xætdzæ adæmtæ dær cæmænnæ rabadtajdæ duue'rdægæj dær ma uotemæj ranæxstæræj i uosæ. Jelux æ nadbael adtæj ma jimæ bazdaxtæj. Je dær in æ'teu ralasta medæggonæj ma jin zaxta:

— Mænæ din je ba mænæj lævar, mæ xuæri xaj! Hast mi ma rakænæ! A min mæ dzaumautæ raskhafta, æz ba jin æxe ærxaston, nur ba'j dæuæn lævar kænun.

Adæm imæ ærkastæncæ ma din je ba xan, i uosi teu. Æ særihun je'usqitæmæ ærqærttæj. Jelux in æ sær radasun kodta, is-æj-arasta bæxæj, kardæj, toppæj ma duuadæs bæxginej xætdzæ æ fæste ranæxstæræj ma'j æ xædzaræmæ niqqærtun kodta. Uomi ba Jelux æma i xan xælar razaxtoncæ ma kærædzemæj arfæj razdaxtæncæ. Jelux dær xani jin ci uosæ banimuxta uoj raxudta ma ma æxe xani xætdzæ babæj fitdzagi xuzon æmxuærd, æmni-uæstæ ma æmfændæj cærun raidædtoncæ.

Uoni ci næ fæjdtan, ændær nez, ændær run næbael xucau ma'ruadzæd!

Mæxčesg. 20 okt. 1903 anz.

36. Xantæ æma khuædti læquæn.

Cardæj jeu hæui læg æma uosæ. Dujnebæel uonæj hæzdug-dær nekæmi adtæj: sæ galærhautæ æma sæ bæxærhautæn kærøn na'dtæj. I lægi xucau silfændæ razinnun kodta: silfændæ ævændæj, æ fæstag ba gædi bundar. Uotæ jeci læg æma uosæn zæ-næg na'dtæj. Uosæ ærsahæs kodta æma zaxta æ lægæn:

— Læquæn, kizgæ maxæn ku næ jēs, næ mulk ba beræ ku æj, kæmæn sæ uadzæn, fæltau xuærgæ æma dargæ kænæn!

Lægma xuarz fækkastæj jeci unaffæ æma xuærun raidædta æ mulk. I læg æma i uosæn xucau cærun rajeudah kodta æma sæ mulk rafedudæj, i uosæ ba bauæzzauæj æma jin raigurdæj læquæn. Læg æma uosæ guzavvæ kænun raidædtoncæ:

— Næ mulk ku baxuardtan, uæd ma næ baizajægkagi cæmæj dærdzinan, zæhgæ.

Bitdzeu æ khaxbæl uajun raidædta ma æ chuxæj ba næ dzoruj. Uæd i uosæ zaxta æ lægæn:

— Mulk nin ku næ bal jes, aci hæuagkinæj ba ma ci kænæn, cæj, ra'j-uæjæ kænæn!

Læg isaraziæj, æ furti uæjæmæ harun raidædta. Jeu xanæn ba adtæj xuarz kizgæ. I kizgæ æ fur xuarzæj xundtæj Citgin-Kizgæ. Jeci kizgæmæ baxastoncæ i bitdzeui. Citgin-Kizgæ bazudta jeci hæuagkin bitdzeumæ ci mijneuæg adtæj uoj æma'j dzegebæl islæuun kodta, suhzærijnæ holtæj æj isæmbarsta æma zaxta læg æma uosæn:

— He nur rajsetæ i bitdzeuæj, suhzærijnæj uæ ka hæuuj uoj ma'j xæssætæ!

Læg æma uosæ bitdzeumæ færsæmæ dær næ bal rakastæncæ, suhzæringdtæ ramburd kodtoncæ, bitdzeu ba Citgin-Kizgæn bazizadæj. I kizgæ khuædtij æsthaluj xuzæn darun raidædta. Læquæn islægæj. Kizgæ jin mehænbæl æma uadæmdzo bæx ravardta.

Jeu xanæn æ zærdi xætun æræftudæj. Æ xætdzæ sædæ bæxgini cædtæ kodta sæ khaxæj sæ khoxmæ. Jeci daræs ba xujunmæ ærærvista Citgin-Kizgæmæ. Citgin-Kizgæ uotæ læghædgun adtæj æma caldæn jeu bæxæj uarh xæssioncæ, ualdæn innej racædtæ kænidæ. Uotemæj sædæ bæxginej fælust khaxæj khoxmæ jeunæg lægau isrævdzæ kodta æma rafædzaxsta nis-taænæj xanmæ:

— Abælti ærco, zæhgæ, mænæmæ dær jeu khuædti læquæn jes ma uoj dær dæ xætdzæ rajsæ ma din kæd jestæmæn bæzzidæ, kenæ ba'j rauæjæ kændzænæ!

Xan æ fændag Citgin-Kizgæbæl iskodta. Khuædti læquæn xani sædæ bæxginej xætdzæ ranæxstæræj. Ci racudæncæ, xucau zonuj, uædta xan zaxta:

— Khuædtij xætdzæ ma uæ jeu cæuæd ma nin tagæbæl bunat iscædtæ kænæntæ, maxa raxætæn.

Khuædti æma je'mbal jezdun bunati chapp kud kodtoncæ, uotæ sæbæl jeu sag islihdæj. Khuædti rarazdæræj, fexsta æj ma sag ærxaudtæj; ba'j-hud kodtoncæ. Izærmæ bunat dær ærrævdzæj. Xan ærcudæj ma dzoruj:

— Kæmæn xucau ravardta?

Jezdon zaxta:

— Mænæn æj xucau ravardta.

Khuædti niqqurqur kodta. Æxsævæ xan khuædtij bæxgæs rarvista. Khuædti æxsæværti uængæ raxista bæxti, uædta sin cahd rakodta ma sæ uomi bakodta, æxuædæg ba æ bæxbæl æxe bagælsta æma bonivajæni bæxærhau i xætdzæ isqærttæj. Sæumæ jezdun rakastæj æma bæxærhau ku æruidta, uædta xanmæ badzur-dta:

— Dæ nivæ nin dujne j bæxærhautæ ærtardta, xan!

Dugkag æxsæwæ dær khuædtij bæxgæs rarvistoncæ. Je dær fitdzagæj fuldær bæxærhau ærtardta. Uæd jezdona zaxta xanæn:

— Sag dær khuædti ramardta, nur i bæxærhautæ dær je tærui.

Xani adæm ismæstgunæncæ; sæxe mednimær qurqur kodtoncæ:

— Max nekæmi neci isserdtan, hæla ba dujnef fons ærtardta, nur ba kenæ max fæccæhdæd, kenæ ba uoj armi toppæj kud ramaræn uotæ, ændæra maxæn uoj xætdzæ fæccærun agkag næ'j.

Xan sin zaxta:

— Uotæ næ bakændzinan, fal fæccæuæn jeskumæ æma'j jeu ralæburdi ramaretæ.

Khuædti uoj balædærdtæj æma tagæmæ niccudæj; jeu æstavd tærsæ bælasæ buni isbadtæj ma kæuun raidædta. Æ tærehædmæ tærsæ bælasæ duuæ'mbesi raxaudtæj æma æ xurfæj raxaudtæj dala fændur. Khuædti fændur ærbajsta, cæhdun æj raidædta æma'j xucau isdzorun kodta. Dugkag bon xan æ sædæ bæxginef xætdzæ cæuun raidædta æma sæbæl jeu læg rambaldæj. Ra-jimæ-læboræn, zæhgæ, fænditæ kodta adæm ma sin khuædti ba zaxta: 𐌲𐌹𐌸𐌰

— Mægur læg æxecæn huddagmæ cæuuj, je sumaxæn [fon-sæn næ bæzzuj.

Uoj fæste ba sæbæl rambaldæj jeu uærdungin; khuædti sæ uomæ dær næ bauaxta. Uotæ ræxgi ba hædæj dær usturdær jeu uæxæn qæzæmæ baqærttæncæ æma uomi bacudæncæ. Khuædti sæ uomi niuuaxta, æxuædægka fæjjagajdta æma caldæn je'mbaltæ xusgæ kodtoncæ, ualdæn næuæg bæxærhau ærbastun kodta. Æxuædæg ba fevnaiddta æma xusguti sæ bæxtæbæl isbasta æma sæ uotemæj jeu tagæmæ bakodta. Xani æmbældtæ uæd ismæstgunæncæ æma xanæn zaxtoncæ:

— Aci læg nin ku næ fesafaj, uæd uotemæj max dæ xætdzæ næ bal racæudzinan.

Xan isarazæj khuædtij fesafunbæl æma zaxta je'mbaltæn:

— Jeu rauæn jes ustur dor, uoj buni ba nalquttæ ma nalmæztæj idzag æj; uoni agorunbæl adæmi fuldær baievhudæj æma'j uordæmæ rarvetdzænæn æma uordægæj ægasæj næ bal ærcæudzænæj.

Xani æmbaltæmæ xuarz fækkastæj jeci fændæ æma jin sæ unaffæ radzubandi kodtoncæ. Khuædti dær niqqurqur kodta æma ranæxstæræj. Ci fæccudæj, uædta jibæl jeu læg rambaldæj æma'j færsuj khuædti:

— Ami nalqut æma nalmæztæ kæmi jes, jeci bæstæ kæmi'j?

Je ba jin zaxta: „Mænæ nur ræxgi æstægi qæzælæmæ baqærtdzænæ, uoni agorunbæl xuærd ka fæcæj uoni æstægi qæzælæmæ, nalquttæ ma nalmæztæ ba æncæ uoni astæu ustur dori buni“.

Khuædti baqærttæj jeci dormæ æma æ duuæ fazon xurdzini nalqut æma nalmæztæj baidzag kodta; sarhi næxætbosbæl sæ

kud babasta, uotæ ba jimæ jeu kizgæ felvæstæj. Fæhhæbesæj æncæ ma khuædti fæqqæbærdæræj. Khuædti i kizgæn je'nguldzæj æ muxur felvasta ma uotemæj kizgæ fæjjauuonæj. Zamanaj xæznaj xurdzinti xætdzæ khuædti xani razi ærbalæudtæj ma sæ uoj razi niggælsta. Bunton (bustægi) basuhdæncæ xan æma je'mbaltæ æma næuæg fænditæ kænun raidædtoncæ khuædtij isafunbæl. Xan zaxta:

— Jeu rauæn ma zonun isævdi rauæn: duuæ xonxi furau toxuj, uoni astæu ba jes suhzærijnæ kærcæ: uomæ'j rarvetæn, je ba ma bal ærqæta.

Khuar isarazienæ æma khuædtij rarvistoncæ jeci kærcæmæ. Khuædti dær randæj, ædta ci kodtajdæ, ba-jimæ-qærttæj æma xuænxti kærædzemæj fæxxecæni bagæpp kodta, raskhafta i kærcæ; fæstæmæ kud ralihdæj, uotæ ba i xuænxtæ sæxe ærxæstoncæ æma jin æ bæxi fæstag ærdæg æraxæstoncæ. Bæx uomi mard fæcæj, æxuædæg ba æ sarh æma kærcæ je'usqi rakodta, uotemæj fæstæmæ razdaxtæj. Cudæj, cudæj æma jeu tuppurmæ niqqærttæj; uobæl æxe bauaxta æ fællad isuadzunmæ. Tuppuri duar baigomæj æma khuædti uordæmæ bacudæj. Uomi ba din suhzærijnæ holtæj idzag avar. Khuædti fækkastæj æma necæmæ bavnalda, uotemæj fæstæmæ razdaxtæj; uotæ ba jimæ jeu kizgæ felvæstæj, æxe jibæl niccafta æma fæqqæbesæj æncæ. Khuædti qæbærdær kænun ku raidædta, uæd kizgæ æxe rarædufta ma fællædzægij. Khuædti dær in æ khoxmærzæn æ dzippæj felvasta ma'j æ dzippi rafsardta. Je'zær khuædti jeu somexagmæ baxasta. Somexag muxur ku æruidta, uæd dauæ raidædta khuædtibæl, mæ muxur min radafta, zæhgæ. Sæ huddag sudmæ ærcudæj (racudæj). Sud raarasta khuædtijæn:

— Kæd jeci muxuri xuzæn muxur issera, uæd khuædti rast æj æma jin somexag, mængæ dauæ ke kænuij, uoj tuxæj, æ mulkæj qadiruarh kud radta uotæ; na æma ne'sserdta, uædta khuædti davæg æj æma jin æ sær kud rakænoncæ uotæ!

Sud æ tærxon rauasta æma khuædti ranæxstæræj khoxdaræni æmbal agorunmæ. Cæuun raidædta ma'j xucau jeu adæmi mugkagmæ baxasta. Jetæ ba adtæncæ fud bæhnæg æma sæ khuædti bafarsta:

— Cæmæn uotæ ajtæ, zæhgæ.

Jetæ ba jin zaxtoncæ:

--- Duuæ dzilli an, næ astæu ba jes dengiz. Maxmæ xuærujnag jes, uonæmæ ba daræs. Nuri uængæ næ astæu xadtæj nauæ æma uotemæj kærædzej færci cardan: næ cihæuagæ æjjivdzægæj irdtan, nur ba nin æj cidær cæuun næ bal uadzuj æma he ajidmæ ærxaudtan.

Khuædti sin nauæ iskænun kodta æma uomi rabadtæj. Nauæ ænklusun dær næ komuj: jeu cidær ibæl ærxuæstæj. Khuædti fællæburdta dengizmæ æma ængurstaunæ æ khoxti felvasta. Na-

uæ nizmaldæj æma cæuun raidædta. Duuæ dzilli ci bæræg xuarz rakodtajoncæ khuædtijæn, uoj næ bal irdtoncæ; uædta sin i læg zaxta:

— Kæd uæ khoxi jes, uæd min mænæ aci muxuri xuzon muxur isseretæ, ændæra mæ neci xuærzeuæg hæuuj.

Uæxæn muxur in kæmi isserdtajoncæ æma babæj uordægæj dær ranæxstæræj khuædti. Cudæj, cudæj khuædti æma jeu buduri baidta uors kesena.

— Ci fædtæn, oj fædtæn, zaxta khuædti æma uordæmæ bacudæj. Kesenaj adtæj ærtæ suhzærijnæ sirej, æzmælæg ba næ. Aci avar dzæhæl næ uodzænæj, zæhgæ, æma fæsduar æxe barimaxta i læg. Uotæ ba jeu æxsinængæ (æxsinæg) ærbataxtæj, æ bazurtæ ragælsta æma khæskhæs gængæ kizgæ ærbacudæj æma, uællag sirej isbadtæj. Uoj xæsdzæfmæ jeu ma duuæ kizgi dær jeci jeu xuzi ærbacudæj æma fæjnæ sirej (siremi) isbadtæncæ. I kizgudtæ adtæncæ ærtæ xuæri æma sæ kærædzej niquritæ kænioncæ, fur cijnæj kærædzebæl ninnælægioncæ; sæ madæj raigurunæj jeci bonmæ kærædzej næ fæjdtoncæ, fæjnæ kustemi adtæncæ æma kærædzemæn sæ kusti xabærdtæ kænun raidædtoncæ.

Xestær zaxta:

— Æz adtæn nalquttæ æma nalmæzti xecau; adæmi fuldær bajevhujun kodton; mæ agkag læg mæbæl nekæd fembaldæj; jeu bontæ ba jeu læg ærcudæj; mæ xæznatæj min uærhtæ iskodta; æz dær imæ ralæburdton, fæqqæbesæj an ma si mæ uod tuxæj rajervastæj, fal mæ muxur ba æ khoxi baftudæj. Je mæ lægæn ku uajdæ!

Astæugkag ba zaxta:

— Suhzærijnæ holti xecau adtæn; ka sæmæ ærbacæuidæ, uonæj fæstæmæ ægasæj neke bal rauaxton. Jeu bon ba jeu læg ærbacudæj, neci bagista, uotemæj jimæ ralæburdton æma jin neci isqauræ kodton; mæ khoxmærzæn min felvasta, mæxuædægka hajhajtæj rajervastæn. Je mæ lægæn ku uajdæ!

Kæstær zaxta:

— Æz adtæn dengizi xecau; duuæ dzillemæn niqqodi kodton, sæ nauæ sin niixalinæ; ka si bæhnæg ævzursta, ka ba æstong. Jeu xadt ba jeu læquæn rabadtæj nau, æz dær nau ænklusun dær næ uaxton. Cæmæj mæ æruidda, fæ-mmæmæ-læburdta æma min me'ngurstaunæ me'nguldzæj felvasta. Je mæ lægæn ku uajdæ!

Sæ dzubanditæ ku fæcæncæ, uæd sæmæ i læg æxe ravdistæ æma kæmæ æ muxur ævdesuj, kæmæ æ khoxmærzæn, kæmæ ba je'ngurstaunæ.

— Max xucæu dæuæn ravardta (isagkag kodta), zaxtoncæ kizgudtæ; nur ba næ xonæ!

Læquæn sin zaxta:

— Æz fesæfdzænæn, næ fesæfdzænæn, je duuebæl æj, uæxæn muxur agorun. Kæd min mæ sær ærkændzænæncæ, uæddær næ zonun!

Xestær xuæræ lilahzidzag uæxæn muxurtæ ærxasta. Khuædti dær si æ dæs ænguldzebæl dæs muxuri bakodta. Uædta jin i kizgudta bæx ravardtoncæ æma jin zaxtoncæ:

— Kæd dæ næ sær hæua, kenæ ba nin æj raskhærdzænæ æma qært dzænæj æ bunatmæ.

Khuædti somexagmæ niqqærttæj æma'j æ tærxonmæ gæsgæ qadiruarh suhzærijnæ rajsta. Uordigæj ba xanmæ tagæmæ ærcudæj ma jin suhzærijnæ kærce æ razi niggælsta, æxuædæg ba fæstæmæ razdaxtæj æma i kizgudti raxudta. I xestær kizgi xanæn ravardta; astæugkagi jezdønæn, kæstæri ba æxecæn bijnontæ iskodta, uotemæj dujnef fonsi xætdzæ isfardægæj æ dzillæmæ. Uoj fæste ba khuædti læquæn æ madæ æma æ fidi baagurdta; sæ fitdzagæj sæ hæzdugdær iskodta. Citgin-Kizgi ba dugkagæn ærxudta: æxecæn æj særixecauæn balxædta. Khuædti læquæn uordigæj fæstæmæ dzilli uoliæj fæccardæj.

Kertibij dzurdtæj. Mæxčesg.

37. Mægur læg æma uosæ.

Cardæj mægur læg æma uosæ. Uonæn ba adtæj jeunæg kizgæ. Mægur læg æ xucaui ne'ronx kodta æma jin kufta ædæxsævæ, ædbonæ.

Jeu xadt i kizgæ æma i uosæ zaxtoncæ lægæn:

— Uærtæ Iræf uordæg ustur kovændonæ ku jes ma uordæmæ cæmæn næ cæuis?

Mægur læg bacudæj Iræfbæl ma jin i cogæ don æ khæxti buntæ dær næ bachifæ kodta. Bakufta uomi tærehædgun adæmti cori æma ærbazdaxtæj fæstæmæ æma'j Iræf æ uælfædtæmæ ischifæ kodta. Uoj fæste dær i læg æ kuvdbæl næ fælmæstæj, ali saxat dær æ xucaui ne'ronx kodta.

Jeu xadt mægur læg kovgæ kud kodta, uotæ jibæl ærcudæj arsi qæbolæ æma jin zaxta:

— Dæ kizgæ min radtæ uosæn!

I læg dær ænæneci rasahæs gængæj zaxta:

— Ra-din-æj-ætdzænæn, zæhgæ.

Izæræj mægur læg ærbacudæj sæ xædzaræmæ, khelabæl ærbadtæj æma khela æ buni cuppar cuppærænxi ni ccæj.

Æ uosæ jimæ dzoruj:

— Kovunæj ku' rbacæuis, uæd ali xadt dær aci khelabæl ku fæbbadis ma din ku nekæd basastæj, uæd ibæl aboni ci'rcudæj næ khelabæl?

Læg ba jin zaxta:

— Tærehædgun adæmi astæu bakufton æma uomæn uotæ'j. Nigki ba ma mæstgun dæn: uærtæ mæbæl uomi jeu arsi qæbolæ ærcudæj ma mæ uotæ farsta: „Dæ kizgæ min uosæn næ dædtis“, zæhgæ. Ma jin æz dær ænærasahæs gængæj dzurd bafæraston, radtdzænæn, zæhgæ.

Uobæl qurmæ ma kænæ, zaxta jin kizgæ. Mænæn xucau ke zaxta, uobæl isæmbældzænæn.

Ærtigkag bon sæmæ arsi qæbolæ ærcudæj æma jin sæ kizgi ravardtoncæ.

Arsi qæbolæ sin bafædzaxsta:

— Afæj razdær æj ma babæræg kænæl

Æxuædæg ba ændæhæu kud dær fæcæj, uotæ i kizgi khoxti khoxmærzæn festun kodta æma'j æ dzippi racafta.

Afæji fæste mægur læg cudæj æ kizgæ uinunmæ æma nadbæl fæjdtæ: jeu læg uarh iskænida, is-ibæl-xuæcida æma'j ku næ isfærazida, uædta'j nivværidæ æma jibæl næuægæj curxuntæ baidajida, færazgæ ba'j næ kodta, uotemæj ba.

— A xuarz næ'j, zaxta mægur læg æma'j kud næ uidtajdæ, uotemæj æ færsti iscudæj.

Cæuuj æma æ razi-fæcæj jeu læg. Je ba sædæ fusi jeu uærmæ rauadzida æma ægas dzogæ jeunæg uær ne'fsasta.

— A dær xuarz næ'j, zæhgæ, æma uomæj dær jeufærsti iscudæj mægur læg.

Uældær iscudæj ma din uomi ba dujnef adæm china iskænoncæ ma sin æ astæuef isciren kænida.

Mægur læg uonæmæ dær næ rakastæj, jeufærsti si rajevhudæj.

Ualinmæ arsi qæbolæmæ isqærttæj ma din je ba læg uæxæn adtæj æma medavaræj ændæmæ uaz lævardta. Mægur læg bacudæj medavarmæ ma jibæl nicciijnæ'j i xuarz læg (arsi qæbolæ) ma'j rarvista jeu bitdzeui xætdzæ æ xædzaræmæ, sæ fæste ba æxuædæg dær iscudæj ma jin zaxta:

— Æz dæu kizgæ uomæn rakurdon æma du xucauæn æcæg dæ.

Uædta xuarz læg farsta mægur lægi, nadbæl jeci adæmti fæjdtaj, zæhgæ.

Je dær in zaxta:

— Fæjdon.

— Madta sogi uarh ka næ færazuj, uotemæj ba ma jibæl curxgæ ka kænui, je soggoræn sog næ lævardta; æ sædæ fusi jeunæg uær kæmæn ne'fsastoncæ, je ba gærtanxuar læg æj. Sædæ fusej æxsir uæræn kud neci ahaz æj, gærtan dær uotæ: sædæ xædzaræmæj ku rajsaj, uæddær ibæl næ beduj. Sæ china kæmæn iscæfsida, jetæ ba bærægboni kosgutæ'ncæ.

Mægur læg fæccijnæ kodta uædta fæstæmæ razdaxtæj æ xædzaræmæ.

Mæxčesg.

— ■ ■ ■ —
b) Suvællændti arhæudtæ.

38. Duuæ misti.

Budufrag mistæ æma xonxag digoron mistæ limæntæ iskod-toncæ. Budufrag mistæ dzoruj xuænxag mistæmæ:

— Rauaj, æz ba din me'væræntæ fæuuinun kænön!

Digoron mistæ fæccudæj ma jin je'væræntæ fæjdta: je'xsærtæ, æ fætkhutæ, æ nartixuartæ, æ tærsitæ, æ qædoræ, uædta jin zaxta:

-- Rauaj nur ba maxmæ dær, æz dær din me'væræntæ amonun!

Ærba'j-xudta ma jin fæjnun kodta je'væræntæ: xuaræj, mænæuæj, qædoræj jimæ æ ræbunti cidær adtæj uoni, æxuædæg ba tikisæn bafædzaxsta:

— Thærihosi badæ, zæhgæ.

Fæxxadtæncæ duuæ misti xædzari khumti.

Uæd xuænxag digoron mistæ dzoruj budufragmæ:

— Rauaj æma nin ne'fsijni khox rajsæl!

Budufrag mistæ dær bacudæj tikisi cormæ æma jin i tikis æ sær æ hælæsi racafta, fæ'j-chist kodta ma'j æ bædældtæn ræiursta.

Uoj fæste ba duuæ iværæni dær digoron mistæn baizadæncæ.

Mæxčesg.

— ■ ■ ■ —

39. Robas æma uært dzæ.

Robas æma uært dzæ duuæ adgin limæni adtæncæ. Jeu xadt kæmi adtæj, uomi robasi bafænda'dtæj karki fid, æxcintæ æma sojnifunxtæ xuærun.

Fæxxadtæncæ ægas bon æma nekæmi neci isserdtoncæ, sæ izær ba hæuræbunmæ ærqærttæj.

Uotæ ræxgi ba din, uærtæ i hæuæj uostiti khuar sabatizæri racæuuj, idzag tæbæhtæ sæ dælmusti uotemæj.

Uært dzæ dzoruj robasmæ:

— Cæj, robas, du bal ami dæxe kauræbun ærælqevæ, æz ba uostiti razmæ bacæudzænæn, mæxe iskhulux kændzænæn, mæ

jeu bazur æruadzdænæn ma uotemæj sæ ræhti bauajdzænæn. Zonun æj, uostitæ mæ fædbæl nirræxis uodzænæncæ, sæ tæbæhtæ æriværdzænæncæ æma dæ lægi hædæ æma dæxuædæg, kud æmbæluj, uotæ bakænæ, se'xcintæ sin raskhæfæ.

Robas isarazæj. Uært dzæ dær khuælgæ, tælf gæj uostiti ræhti fæccæuuj:

— Uærtæ uært dzæ, ma rauaxtæ'j! Tæxun næ bal færazuj, xæzna uajdæ suvællændtæn, zæhgæ, ma sæ tæbæhtæ fevardtoncæ æma uært dæzi fæste nibbazurtæncæ.

Robas dær kauræbunæj ragæpp kodta, tæbæhti ka'dtæj uoni: karkæj, sojnifunxæj, æxcinæj rafsnajdta æma niffardægæj.

Izæræj ba sæ bunatmæ ærcudæncæ æma uært dzæ robasi færsuj:

— Nur æfsædgæ bakodtaj, fal kæci dinæj dæ: kiriston ævi pusulmon?

— Æz pusulmon dæn, zaxta robas; dæu ba ci fænduj, uoj kænæ!

Baduncæ arti farsmæ, hazuncæ, uædta robas dzoruj:

— Æfsædgæ mæ bærgæ bakodtaj, fal ma min tærsun ci'j, uoj ku fæjnun kænisæ, uæd min dæuæj xæznadær a zænxæbæl næ bal uidæ!

— Xuarz, fættærsun ba din mæ bæhdauond, fænduj dæ?

— Fænduj mæ!

Dugkag bon jeu xan robasdzauæn racudæj. I uært dzæ æ ræhti ærbataxtæj nillæguti, nillæguti. Jegærdtæ'j ravidtoncæ æma'j sorun raidædtoncæ. Je dær æxe robas ærdæmæ raxasta.

Robas uoni ku ravidta, uæd ralihdæj, jegærdtæ dær æ fædbæl qurrojtæu tærræstitæ kænuncæ æma jin si jeu jegar æ dumægi ærdæg ratudta, uotemæj ma robas tuxæj, fudtæj rajervastæj.

Ærizæræj.

Uært dzæ bærzondi baduj bælas khaleubæl, robas ba bunæj artmæ æxe tavuj, nætgæ, unærhgæj, hælæs igonæj, ævzag gæl-stæj, læg-læg gængæj.

Ualængi uært dzæ rafunæjæj æma bælas khadojæj raxaudtæj.

Robas dær fællæburdta ma'j raaxæsta; ra'j xuæron, zæhgæ, kud zaxta, uotæ ba jimæ uært dzæ isdzurdta:

— Mæ xælar, dæxe pusulmon ku xudtaj: ænæ-pisimillax zæhgæ mæ ma baxuæræ!

— Misim allax, zæhgæ, robas æ hælæs ku fæxxæleu kodta, uæd uært dzæ dær fættæxtæj æma bælasæn æ choppbæl rabadtæj.

Mæxčesg.

V.

FÆNDZÆJMAG SÆR.

FIDTÆLTI ZARTÆ.

40. Tærion Tulabeg.¹³⁸

Donifarsæn dær æma Digoræn dær sæ tuxæ sæxemæ adtæj. Ældar næ ma xattæj. Donifars æma Digoræ ba æznag adtæncæ. Jeci ræstægi i Farsæj jeu duuæ lægi hædæmæ cudæj. Nadbæl uonæn sæ razi fæcæj cirahi khuduron. Lægtæj sæ jeu æ færat felvasta i khuduron ærcævunmæ. Khuduron ba jimæ fetxaldta:

— Ma mæ niccævæ; æznag dæmæ ka jes, uoj duarmæ mæ fæxxæssæ æma mæ uomi nivværa!

Khuduron ærxastoncæ æma'j Cibiti duarmæ ærivardtoncæ.

Uomi ba i khuduron Uojnoni Calx festadæj æma i xusgæ bijnontæ niccaxta, uædta isdzurda:

— Jeskæmi ma si jesti jes?

— Qairtæmæ sæ nostæ!

Uojnoni Calx iuonug festadæj æma Khumbultæmæ uoj marunmæ cudæj. Khumbulti jimæ Xucaui Zængæ racudæj æma'j Mæstgomæ fexsta: Mæstgom uomæj fexaldæj. I nostæ ænæ zian, ænæ fidbiliz fæjjervastæj. Uoj fæste ba jin Xucaui Zængæ æ funæj fætkhu ravardta. Uobæl i nostæ bauæzzauæj. Igurdi xucau æskhuænxt læg fækkodta. Tulabeg ænxæst læg issæj.

Igurd raigurdæj. Arvi duar baigomæj. Gaguon khubus æ buntæj nirristæj. Kobegkati ustur Ajdar holgun urunduqæj raxaudtæj æma zaxta: „Ne'fsijnæ! Rakæsj, ændegkæj cidær dessag ærcudæj!“ Je ba rakastæj æma zaxta: „Næ xecau! Fæsnæli særti arvi duar baigomæj, xucau æj bæstæn xuarzæn fækkænæd“!

— Tærion Tulabegmæ badzoretæ, Dzanajti gubur Dzanaji dær ærbaxonetæ!

Ærimburdæncæ Gaguatæ, sahæs kænuncæ:

— Ka uodzænæj jeci igurd, ka'j isserdzænæj?

Sæxuædtæ ba xucauæj koruncæ:

— Xucau! Donifarsæj æj du fækkænæ! Farsi ku næ ua, uædta'j Cærgæsataj uæddær fækkænæ: xæruessag galau uæzzau æma læxlæbæz æncæ æma nin jetæ ba neci kændzænæncæ. Uonæj raxezgæj ba'j Abisaltæj, xucau, du fækkænæ: darhæxsaræ æma cuburkhox æncæ. Uonæj racox uogæj ba'j, xucau, Tujhantæj du fækkænæ: fælmæn zærdæ, khoxbæl dængæ, nælfusi mugkag, adæm-uarzon, færzeumæ cæuagæ adæmi mugkag æncæ; neci zian nin isodzænæncæ jetæ dær.

Qubadtæj æj, xucau, ma fækkænæ: bæmpæg ævzag æma sindzæ zærdæ æncæ!

Kobegkati ustur Ajdar Donifarsi ærzildæj ma igurd nekæmi razindtæj. Ustur Digoræmæ dær rarvistoncæ Gaguatæ, æma uomi dær uoj xuzæn. Digori xætdzæ ba æznag adtæncæ.

— Digoræmæ nin ka fæccæudzænæj, ka uodzænæj, æ bæ-ræg nin ka isserdzænæj, Tæriön Tulabeg ku næ ua, uæd ka uo-dzænæj?

Tulabeg æxe fecejgomau baarasta: ærkhêtæ, gebena ma khæs-mustæ, uotemæj Nari bunmæ Mæcutæmæ ramedægæj. Uomi ba jibæl xærgutæbæl khamattag sogdzautæ zargæ ærcudæj. Tula-beg sogdzauti rafarsta:

— Ci'j a, ci zaretæ, sæumon aquz uin uæ reu ku xuajuj, izæiron irdgæ ba uin uæ cæstitæ ku khaxuj, uæd uæ cijnæ cæbæl æj? Jetæ ba jin zaxtoncæ:

— Qubadti Tazæretæn igurd raigurdæj, khulux Doxçiço, uoj ba Nigkoltæ jenceg xæssuncæ, Dzaniuqtæ ba jin jibæl khuære bælasæ kænuncæ. Uomi xuærdæ, niuæstæ uodzænæj, æmbælgæ'j kændzinan ma uobæl cijnæ kænæn!

Nigkolti Baboj uosæ ba Tæriatæn sæ xuærifurt adtæj. Uo-mæ gæsgæ Tulabeg uonæmæ bacudæj. Babo sæ turhi duhosgu-tæ arazu:

— Hæ, dæ fidi fællojnæ din xælar ua, je ke zærdi æriftudæj!

— Hæ, næ beræhi xaj, næ mærdtæ mæ sahæs næ'ncæ, fal Qubadti Tazæretæn læquæn raigurdæj; uoj, xucau ku zæha, tæg-kæ ison jenceg xæssæn!

— Xuarz, je dær xuarz æj! Æ chæx in fæjjidtajtæ, fal in æ bor ba ma fæjnetæ!

Æ bajvæd Tulabeg uordægæj Fæsnælmæ fæccudæj. Tazæ-reti uatmæ ismedægæj; suvællonæn æ rævdauægi rasajdta, avdæ-næj æj felvasta æma'j chæxast gængæ Donifarsmæ isxasta, uomi ba'j Nalditæmæ ravardta. I bitdzeubæl Donifarsi marun fændæ iskodtoncæ. Nalditæ uæd i suvællon Nigkoltæmæ fæxxastoncæ, sæxe bitdæu ba avdæni babastoncæ. Donifars dær Doxçiçoj ræuagi Nalditi suvællon rāmardtoncæ. Ærægiau ba Donifars sæ rædud bazudtoncæ, Nalditæmæ ismæstgunæncæ:

— Atæ ba sæxe fidxuar ku'ncæ, zæhgæ, æma sæ jeugur mugkagæj niccaxtoncæ. Tazæret uoj ku fehusta, uæd zaxta:

— Xucau, igurdi uæxæn igurd fækkænæ, Donifarsi khubus kud basædta, Qanuqti æfsæn duaræj ba æ bæxæn cuppar cæf-xati kud iskæna!

Dzaniuqti khuære bælasæ iscædtæj. Ægas Digoræ sæmæ æm-burd adtæncæ, ison kosærttæ kændzinan, zæhgæ. Ginkhos isa-rastoncæ (rodzingæ) ali xuarz æma dzæbæxæj; æ buni ba jin tumbul fingæ xuarz idzagæj. Uoj falæmbulaj kaftoncæ, uædta jeu ginkhosmæ læburdtoncæ, ka'j ærtonabæl sæxe ævzurstoncæ, ma sin uaciamongæ nibbastoncæ. Tæriön Tulabeg æ cubur ge-benaj uærhgun xærægi xætdzæ uomi fevzurstæj. Tulabeg fæsduar islæudtæj, gæliattag cirahdzau i xuzæn. Qal adæmtæ'j ragældzion-cæ, rakafæ, zæhgæ; je dær æxe isænæzongæ kodta. Gurumuq

kæftitæ sin rakænidæ jeu, ma jibæl qal adæm^u xodægæj tuppur æskhudtæ kodtoncæ:

— Ra-jin-xuærun kænajtæ-ra, uæd xuæzdær rakafdzænæj, kærædzemæ dzurdtoncæ zærændtæ. Ravardtoncæ jin xuærujnag. Tulabeg dær, mægur, tumbul fingæ rarevæd kodta, niuazgæ dær rakodta. Uoj fæste babæj æj næuægæj kafunmæ ragælstoncæ. Je dær uædta rakafsta fingæn tægkæ æ biltæbæl, fingæj khæbær næ fezmælgæj. Fæstag zildi ba cuma fækkiudtæj, uotæ zildæj ciræhtæ rakhuærdtitæ kodta, æxuædæg ba fællæburdta ma i rodzingæ æriskhudta, uoj xætdzæ fæsduar xungondbæl bungkag æskhætmæ niggæpp kodta sæ kosærttæmæ.

Adæm fæffædes æncæ ma'j idærdti agurdtoncæ; je ba iskhæti medæg kosærttægtæ niccaxta æma sæbæl sau xæræg baiursta. Sæumæ ragiau ba'j Suhdæ'skhætti baidtoncæ æma jimæ banqeræn kodtoncæ, qæbærdær Abisaltæ sæ kardæj. Tulabeg dær æxe xormæ rauaxta æma sæmæ uotemæj dzurdta:

— Beræ'j, uæ cærænbon beræ! Ma bal qiamæt kæntæ, ædkæstær, ædchestær xuarz uin ku baiurston, ænæxaj ui ku neke niuuaxton, cæbæl dzansaq kænætæ? Xajvændagæn xaj bakænetæ, qauha ma skænetæ, kæbæl ne'mbæluj, uonæj ba ænæbari xaj makæmæn radttæ!

— Oxxaj, næ beræhi xaj babæj nin cidær bakodta, næ kosærttægtæ næ bæræg hæuuj!

Fædesontæ ærbacudæncæ, rabæræg kodtoncæ sæ kosærttægtæ ma sæ issirdtoncæ xuarz hudgondæj sau xærægi xætdzæ æmævgarstæj.

Jeci mast Digoræ sæ zærdæbæl badardtoncæ. Nigkolaj sabati Donifarsi kuvdmæ kud randa'dtajoncæ, uotemæj Digoræ isfændæ kodtoncæ Farsi silæj, sabijæj ka baizaja, uoni bansændunbæl. Digori æfsad izæræj ærbaxistæj Xezænti, Dællagqædi. Se'xsæveuat æfsadæn adtæj Iræfi bilæbæl, bærzond khæxænti. Sogdzautæj æj ærihusta jeci xabar Tærion Tulabeg. Æ xætdzæ rajsta jeu æmbal æma uomi ramedægæj. Sæ bæræg sin ku ærzudta, uædta zaxta je'mbalæn:

— Co, Turmenti khobosgintæn fehосun kænæ: xucau nin ravardta Dællagqædi sægti æruæz. Uædta uobælti baco æma Xæguati Dzæharsartæn dær fehосun kænæ.

Je dær uobælti iscudæj æma dorti buni balæstæj æma fur tasæj ramardæj, adæmæn ba neci fehосun kodta. Æfsadbæl Dællagqædi æræxsævæj. Tulabeg dær sin sæ ræztæ xezuj. Æxsæværtæbæl æfsad bafændæ kodtoncæ:

— Sæumæ adæm kuvdmæ ku randæuoncæ, uædta sæmæ bacæudzinan sa isusti æma sæ ærimpursdzinan.

Æfsædtæ khæxæni fars fedaræn badardtoncæ æma uomi ærxustæncæ. Tulabeg dær sin sæ rafunæj baxista, uædta je dær

uoni astæu isxustæj. Sæ jeuej uællæj dær, se'nejj uællæj dær ærbaxussidæ æma'j bilæj fensonidæ, dældær xussæ, zæhgæ, uotemæj sæ lræfmæ fækkaldta. I sæumæ æfsædtæ ærkastænca æma fæuuidtoncæ sæ cahd: qæbær istænæg æncæ æma xauægkagmæ æriftudænca. Tulabeg dær sæmæ æxe ravdista æma'j bazudtoncæ:

— Mænæ ku æj næ sajteni xaj, zæhgæ, æma fællædzægænca; je dær sin sæ baizajægkag khæræxtæ kænun isamadta. Abisalti ustur Abisali ba æraxæsta æma'j Æxsindæbæl bajevxasta.

— Cheutæn dær ma jeu iuazæg fæuuj, zæhgæ.

Abisalti Abisal Morgi lihæj, kærðtuti bunæj, i ardægmae Tulabegi bafæsmardta, je æfsadi tonau kud iursta uotæ, ma jimæ æ kard islasta, ni-jimæ'j-tildta æma zaxta:

— Baræn, nekæmi dæ jerdzænæn, sau dæ xædzaræ kænuij, mæ khoxmæ dæ hæuuj, uædta din baamondzænæn!

Khulux Doxçiqo ishombæl æj æma Donifarsbæl æfsad iskodta, fal sin se'xsir ke badadta, uoj tuxxæn ba sæ astæu tuhd ne'rcudæj. Ærægiau ba, kuddær mudtærtæj xijnitæj, khærnæxæn-xætdzæj, khulux Doxçiqo Qanuqti æfsænduaræj jeu zægælbæl xuæst fæcæj. Uomæj æ bæxæn cæfxati zægæltæ iskodta æma æ fidi cirt nixxuasta:

— Dæu uosiat ænxæst gængæj Qanuqti æfsænduaræj mæ bæxæn cuppar cæfxati iskodton, mærdti nadæj uoj xætdzæ dæ zærdæ ma bal dzoræd!

Tulabegi zænægi fæltærtæ: Qairon, Tulabeg, Totaj, Soso, Nigko, Xacu, Qubadi.¹³⁹

Aci tauæræq niffinston raji, uoj fæste ba'j 1899 anzi 8 iuli boni isænæst kodton Donifarsi, Qubadij razi. Uædta'j isaraston Donifarsi nixæsi zæronð adæmi dzurdtæmæ gæsgæ.

Mæxçesg. 1899 anz, avgusti 19 bon.

41. Sari Aslanbeg.

Tætorsmæ Qaradzauti Safarali j Sari Aslanbegi æfsijni ævzestæj hæst siuæ duuæ sau gali ærbaskhardta. Uomi sæ isserdtoncæ Donifarsi cærgutæ, ravgarstoncæ sæ. Jeci æfxuærdmæ ba Sari Aslanbeg Donifarsbæl æfsad iskænunmæ isfændæ kodta:

— Mæ galti mast baxaton æma sæbæl qalon dær æriværon, zæhgæ. Æfsadæn sæ kehære ændær bæstæj Qaradzau i furt Safarali æma Biji furt Murtazali, med Digoræj ba Tekhoj furt ustur ændurgin Axmæt.

Sari Aslanbegi æfsadtæ ærbadtænca Qaxsataui uosængti (axkemati). Uomi sæbar-subur kodtoncæ sæxe mednimær:

— Donifarsi sajtantæmæ ku baihosaj, uæd dessag dzubanditæ dzoruncæ: maxmæ babæj ci'nhæl kæsuncæ Qaxsataui gæbærhos uosonggæs æfsitæ? Oj, Qanuqti æfsindtæ, giaur beræhtæ, ku sæmæ bakæsa, Qajtuqi furt Sari Aslanbegæn je'rvadi tog niuazuncæ.

Donifarsi ba dzubanditæ dzurdtoncæ:

— Næ xujmon zænxæ xuærdzinan særdton xeznæn. Mægur ku uæn, uæddær din Xuælæm æma Ævzængæj ba xuæzdær cærdzinan. Læhuz ku uæn, uæddær Xuælæm æma Ævzængi xuzæn din carvi fædgæ fusi uæchæfæj næ rabardzinan. Ænhæl dær næmæ ma kæsæ, Qajtuqi furt!

I æfsad Digor komi dumægi ærbadtænca. Sæ bæxti komi tulfæj i komi dumæg xæræmehau nippixsiltæj. Æmbesboni mæsugi særæj æfsijnæ rakastæj æma xælæfgomauæj isdzurda:

— Næ xecau, i komi dumægi xæræmehæ nibbadtæj, æ sær-ti ba sau xalændtæ zeluncæ. Cidær æj, uæddær fud ræstæg babæj kændzænæj: i mehi læsun xuarz næ'j.

Qanuqti ustur Jesen mæsugi særmæ fælgæsænma racudæj æma komi dumægmæ fækkastæj:

— Dællag æfcægbæl ærtæ bæxgini ærbacæuuj; ka uodzænænca, ci uodzænænca, næ zonun! Dzæbæx sæ ne'rtasun! Mæ kæsæntæ mæ ku uajoncæ, ne'fsijnæ! Tæriati Totaji dær ærbaxonetæ!

Totaj ærbacudæj.

Totaj randæj bæxginti razmæ. Jesenma ba æ kæsæncæstietæ islævardtoncæ. Je dær ædzinæg fækkastæj æma zaxta:

— Je xæræmehæ næ uodzænæj, Sari Aslanbegi æfsædtæn sæ bæxti komi tulfæ'j. Æ razæj jetæ sau xalændtæ næ uodzænænca, ærtæ bæxgini æncæ: sæ astæugkag-Qajtuqi furt Sari Aslanbeg, adæmi fidxuar; æ galeu farsæj Biji furt Murtazalij ustur tæranbæl baduj. Æ raxes fars-Qaradzau furt Safaralij mistrah cahdijbæl baduj. He, ne'fsijnæ, jetæ maxmæ cæuuncæ, max iuazgutæ'ncæ, izærxuar sin hæuuj se'scudmæ!

Calinma Jesen uonæmæ kastæj, uædmæ Tæriaj furt æxe i nadbæl cæuæg rakodta æma i bælcdzændtæmæ ramedægæj Morgi lihzmæ æma sæmæ gurdziagau isdzurda:

— Fændag rast, zæhgæ.

— Dæ huddag rast, zæhgæ jin zaxtoncæ jetæ dær.

— Ci dæ, ci mugkag dæ, kumæ cæuis? Gurdziag ku dæ?

— Maxæn ne'ldar, Sari Aslanbeg, Donifarsbæl æfsad kænuij, uoj æfsadmæ cæuun.

— Kæd uoj æfsadmæ cæuis, cædtæ Donifarsæn sæ qulaj, se'næ qulajæn ci zonis?

— Æz Sari Aslanbegi ku bazoninæ, uæd ci uoncæ ma ci næ uoncæ, uoj ba jin bærgæ bazonun kæninæ!

— Madta Sari Aslanbeg ba æz ku dæn ma min zæhæ sæ bæræg!

— Næ uæbæl æuuændun: maxæn ne'ldar Sari Aslanbeg æj, uæd sumaxæn ba mæ dzubanditæ kud rakænon?

— Xucauæj mæbæl bauuændæ, mæ raxes fars-Qaradzaui furt Safaralij æj, mæxuædæg ba Sari Aslanbeg dæn, mæ galeu fars ba Biji furt Murtazalij æj.

— Dæ khox min ærxæssæ, me'væsmard ældar: æz dæu ago-ræg cudtæn.

— Madta xucauæj boz, ami ma min uæxændtæ kæmi jes, uomi ba jin jesti kændzænæn.

— Xuarz! Jeunæg huddagbæl dæ færsun, me'ldar: Qaradzaui furt Safaralij de'mbal cæmæn issæj?

— Biaslanti zærdæ kud resun kænuncæ Donifars, max zærdæ dær uotæ xodun kænuncæ æma sæmæ næ khox aj xætdzæ kæd jestæmæj baqærtidæ, zaxta Qaradzaui furt.

— Uæd Biji furt babæj de'mbal cæmæn issæj, me'ldar? Ci mast si æ zærdæbæl daruj?

— Biji furt ba me'mbal uomæn issæj æma jin kizgæ, læquæn næ uadzuncæ, fons dær uoj xuzæn æma sæmæ æ khox jestæmæj kæd baqærtidæ, je dær min uomæj isæmbalæj.

— Gær, uotæ tuxgin æncæ Donifars? Qaradzauti dær xuæruncæ, Assimæ dær qærtuncæ, Biaslanti dær maruncæ? Uotæ tuxgin æncæ Donifars, mænkhiij dzillæ ku æncæ?

— Donifars ba mænkhiij dzillæ kud æncæ? Digori æfcægæg ba Gurdzij æfcægmae kadær jes, jetæ Donifars æncæ. Donifars ba tuxgin kud ma uoncæ: Gaguon khubus, zæhgæ, sin jeu fedar uæxæn jes galauongond æma uomi alkæmændær æ tillæg, æ ci-hæuagæ xuærzæfsnajd bahæuagi bonmæ.

Æxebæl ba jin duuadæs duarebæl jeunæg æfsænduar nixgænuncæ Qanuqti ustur Jeseni mæsugi xurfi. Jesenmæ ba uæxæn dessag topp jes, avd agarci ka xezuj uæxæn topp. Maxmæ ba uæxæn xæzna kæmi jes? Uæd jetæ ba tuxast kud ma uoncæ? Uæd uonæn babæj ka ci kændzænæg Jeliajæg dælæmæ? Uædta sæmæ jeu læg ba uæxæn jes uæxæn, æma æj jeu xadt ku fæjinaj, uæd æj innæ xadt næ bal bafæsmærdzænæ. Je ba kæmi ci xabar jes, uoni xæssuj fedarmæ, Gaguon khubusmæ æma sæ adæmæn dær zæhuj. Uæd ma jetæ zund huddagbæl kud ma cæuoncæ æma tuxgin dær kud ma uoncæ?

— Madta raco, me'ldar, mæ xætdzæ: æz din sæ donisær rajsun kændzænæn.

Uædmæ æfsædtæ Morgi lihzi ærincadæncæ æma Qanuqti ustur Jesenmæ minæværdtæ isærtastoncæ Biji furt Murtazalij æma

Qaradzaui furt Safaraliji. Kehære ba sin Zadæleskæj Tekhoj furt ustur ærdungin Axmæt. Minæværdtæ Carvgun nixæsi rafestæ-gæncæ. Uomi ba sæ razi Qanuqti ustur Jesen fæcæj ævæsmardæj.

— Me'uzgutæ, raxæstæg uotæ iuazægdonæmæ,—is-sæmæ dzurda ustur Jesen æma sæ khæjdzar iuazægdonæmæ bakodta.

Jeu saxat rasaburæncæ ænæ necæbæl isdzorgæ æma rafærgæ.

— Ci xabar uæmæ jes? Bunati læg, bærægdær ba digoron læg xabarbæl færsagæ'j. Ci ajtæ? Kæmi adtæjtæ?—Jesen babæj sæ færsuj. Jetæ ba jin zaxtoncæ:

— Qanuqti ustur Jeseni nin baamonæ, uædta din næ xabærdtæ dær ærdzordzinan ma din næ huddag dær zæhdzinan.

Jesen ba xædzaræmæ iscudæj æma dzoruj:

— Ne'fsijnæ! Ne'uzgutæ mæ agoruncæ ma min mæ daræs.

Æ daræs jin ravardtoncæ. Je dær sæ æ uæle iskodta, æ uormeg ba æ fæsonæbæl ærbagælsta (æræftudta) æma sæmæ uotemæj racudæj iuazægdonæmæ.

— Me'uzgutæ! Ci mi kænetæ? Qanuqti ustur Jesen æz ku dæn; kæmi adtæjtæ?

Jetæ ba jin zaxtoncæ:

— Iuazgutæ dæmæ ærbacæuuj, max ba din iuazæg næ an.

— Ci iuazgutæ æncæ?

— Qajtuqi furt Sari Aslanbeg ærbacæuuj. Fædgæ di agoruj. Kizgæ æma læquæn-jetæ ba æ fædgæ æncæ.

— Ægas ærbacæuæd, fal sumax bal fitdzagdær iuazgutæ ajtæ. Jesti sin hæuuj! Uomæn dær je'uzægæi æhdau uodzænæj: Misigoni xuaræj jin xulutdzag kærdzin, Tætorsi uorsagæj ba jin qæbærgomau cæxgun cihd, næ xurxdon ba jin niuazujnag. Anæn jesti hæuuj!

Jesen sæ razæj fæjjauuonæj, xædzari ismedægæj æma sin æ ilætoni khoppa rarvistä:

— Aci xurxdon bal baniazetæ, zæhgæ.

Fæsniaestæ babæj sæmæ Jesen næuægæj racudæj æma sæ færsuj:

— He, nur, mæ xuarz, me'uzgutæ, xabar ci jes? Cæj tuxxæn ærbacudajtæ æma ærbacæuuj Qajtuqi furt, uoj min dzæbæx radzoretæ!

— Qajtuqi furt ærbacæuuj æ galti mastmæ qalon jesunmæ.

— Xuarz! Je dær neci kænuij: æxecæn in aci xuallag, æ bæxtæn ba jin særvæt zænxi xeznæ. Ka'j zonuj ma jeci huddagbæl ku ne'rvænsa, uædta jin baxuærun kændzinan næ uors dzolæj fidi xætdzæ, kenæ ba jin særesgæ æxcin mudi xætdzæ. Na, uæddær næ ku næ uadza, uædta'j bakændzinæn Qoziti bungkagi (avari) xuti xætdzæ; uæddær ma nin næ sabur kænuij, uædta'j rarvetdzinan Uællag æfcægbæl Uazaj corti usturgomau fudi-xætdzæ. Biji furt! Uæd min dæu babæj ci hæuuj? Ægiritd din mæ bon

ku neci ua, uæddær dæmæ Digorgomæj xæræg næ rauadzdænæn æma ma sogæn ci sodzdzænæ sænaræj ændær? Qaradzau i furt! Dæuæn ba xucaui ku fændæ ua, uæd mæ chæx tærantæj dæ donisær balækhun kændzænæn!

Izæræj æfsædtæ iscudæncæ Totaj xætdzæ æma Misigoni Donisæri ærincadæncæ. Tæriati Tulabegi furt Totaj æfsadbæl razildæj, uædta Jesenmæ ærcudæj ma jin zaxta:

— I uorssær cærgæs Misigoni ærbadtæj. Ussi zahgæj nin tæxgæ næ kænui, citdzi zæhgæj ba nin næmugmæ næ cæuuj.

Jesen ba adæmæn zaxta:

— Æfsad ærbacudæj, nur ba alke æxe bahæuaj kænæd, axsævi dær, ison dær medgalauonæj make racæuæd!

Æxsæwæ Jesen fælgæsæn mæsugæn æ cuppar tehebæl cuppar cirahi khuduron i nijasuxta, æxuædæg ba jeci roxsmæ uælindzæbæl raco-baco kodta uæhdkuræti. Adæm ba medgalauon ærdzæfæj kaftonæ. Æfsædtæ dær sæmæ uællæj kastæncæ, des kodtonæ æma sæmæ kæsgutæ ærirstonæ bathasxæ kænunmæ, Tæriaj furt dær sæ xætdzæ. Je kuddærmuddærtæj fehosun kodta Jesenæn:

— Sæumæ rægi æz tuppuri særmæ cæudzænæn, ældari ba uoj ræbunmæ ærvetdzænæn, mæxe jin quvhandzau rakændzænæn, fal æ quvhan ba æxemæ radtdzænæn æma'j he uæd hæuaj hæuuj, he ma jibæl uædta ma baauærdæ, dæ bon ci ua uomæj. Dæ lægihædæ ma dæxuædæg!

Fælgæsgutæ fæstæmæ iscudæncæ æma 'Sari Aslanbegæn zaxtoncæ:

— Auæxæn dessag nekæd fæjiddan: kafuncæ, zaruncæ, sæ uællæj æfsad jes, uoj hudi dær næ kænuncæ.

Sari Aslanbeg uæd Tekhoj furt ustur Axmætæn zaxta:

— Uoj bærcæ ædas kæd æncæ, uæd sæbæl jeu toppi hær æruadzæ!

Tekhoj furt zaxta, Jeseni nijjamongæj:

— Æ uodmæ jin næ bahavdzænæn, fal mæsugi farsbæl cirahi khuduronmæ ba kæsetæ!

Ustur Axmæt mæsugi farsbæl cirahi khuduronmæ bahafta.

Fexsta æj æma cirahi khuduron raxaudtæj. Adæm uomæj baguzavvæncæ æma zaxtoncæ Jesenæn:

— Jesen! Toxun ku raidædtoncæ, nur ba ci kænæn? Cidær æj, uæddær i uorssær cærgæs ussi zæhgæj dær næ tærsuj, citdzi zæhgæmæ dær næ cæuuj!

Jesen ba sin zaxta:

— Xucau in æj ma nixxatir kænæd! Mæsug dær æxe doræj sastæuuj! Je Tekhoj furti toppi hær æj, ma tærsetæ! Digoron toppi hær æj æma nin neci kændzænæj: hagi khax uæs næ maruj. Tægkæ ison sæmæ max dær jeci minævar rærvetdzinan, næmug

dær imæ ragældzdzinan ma næmæ kæd ærcæuidæ i uorssær cærgæs!

Sæumæ xoriskasti Sari Aslanbeg æ quvhani xætdzæ æxe hudi racudæj. Jesen æma Kobegkati Ajdaruq ba mæsugi særbæl badtæncæ. Qanuqti Jesen æ cubur madzajrag ærbajsta æma zaxta:

— Fækkæsetæ! Æ uodmæ jin næ havun, fal æj æ badænæj festun kændzænæn ænæ'xsnadæj, chumuræj, -ma jin bahafta æ quvhanmæ. Quvhan Sari Aslanbegæn æ razi nibburojnæj. Sari Aslanbeg dær festadæj æma bacudæj æ bunatmæ læxsidzæ æma æfxuærdæj.

Uobæl æfsædtæ festadæncæ, Chifti særi ærbadtæncæ.

Uordægæj ba Sari Aslanbeg ærærvista Jesenmæ minæværdtæ:

— Dæxe, dæ xuærujnag, dæ niuazujnag æma dæ toxændzau-mautæ min fæuuinun kænæ, zæhgæ.

Ustur Jesen tumbul fingæbæl qæbær kærdzin æma cæxgun cihd ærsasta, qalacidzag ba jin ilætonæj ravista dzuappi xætdzæ:

— Je din næ card, næ xuærdæ ma næ niuæstæ. Næ jeu anzi xuallagæj dæ ærtæ anzi ædæfsædtæ isxæsdzinan. Kæd dæ fænduj, xæstægdær raco, kenæ ba dæxe rajsæ. Qalon ænhæl ba næmæ ma kæsæ, Qajtuqi furt! Ba-di-ruagæs uæd, maxæn næ card næ mos æj. Ra-ni-cox uo, kenæ ba dæ ærlasdzinan næ astæumæ dæ hosæj. Næ ma'j bazudtaj, Qajtuqi furt, dæ hæst siuæ galtæn se'sævdi xeznæ Tætors æj.

Qaradzau furt! Dæuæn ba dæ mastgænægi uindæj dæ cæstætæ æma dæ sau rexæ isorsæj. Qaradzau furt! Tætors ænosi dær idzag æj maxæn næ fonsæj, maxæj jin ka næ bantæstæj, uoni jin ku agoraj Qajtuqi furtæn, uædta jin sæ banxæst kænæ dæxuædæg dæ uosæj. Xucaui ku fændæ ua, uæd ma din jeu mæ chæx tærantæj dæ donisær balækhun kændzænæn! Biji furt! Dæuæn ba agkag næ kænun ældari fæste xætunmæ!

Uoj fædbæl Sari Aslanbeg ænæ necæmæj æ xædzaræmæ randæj ædæfsædtæ Uëllag æfcægbæl.¹⁴⁰

Donifars, iuli 9 bon 1899 anz.

42. Dzandziraq.¹⁴¹

Sau Khamatæ, donæj uors,
Baagoretæ uæ Dzandziraqi!
Ra-uin-æj-mardæj lugkagæj;
Holhazæni ustur qummæ'j
Fællastæj bærzæ cægkagæj.
Donæj uors, sau Khamatæ!

Jeuguræj jibæl isdzoretæ mugkagæj!
 Aci zar Suhdæ'skhætti fedauuj.
 Donæj uors, sau Khamatæ,
 Uæ Dzandziraq næ agoretæ,
 Ændæra jin Holhazæni ustur qumi
 Æ duuæ sau dzigkoj i cogæ don
 Duue'rdæmæ felauuj.
 Æ maræg Bualcaui furt Altud æj,
 Hæj-uæ-uæj! Ci rædud fækkodtaj!
 Mæmmæ son ka'j,
 Je æ sau ræsuhi ramaræd
 Jesge chuxi ardudæj.

Kertibij dzurdtæj, 2 dek. 1898 anz.

43. Uæxatægi furti zar.¹⁴²

Uælæ Uorsi særæj ba Uors Jeliaj khæræxtæ cæuuj.
 Uors Jeliaj khæræxtæ næ uodzænæncæ,
 Fal Uæxatægi furt minkhij Xujmani xætæli hærtæ'ncæ.
 Sau xonxi sau ajnægbael' uors siuæ ma sau dzæbodur je
 ramardta ma'j kæstau kud kodta, uotæ ængarxuar Qaspolat ær-
 baqærttæj:

— Beræ din xucau radta, zæhgæ, jimæ dzoruj ængarxuar
 Qaspolat.

— Jeumæ nin æj xucau ravardta, zæhuj Xujman.

Ualængi ængarxuar Qaspolat sau æjnægi bilæj æxe rakæsæg
 kodta ma niddestæ kodta:

— Dælæ i kom sirdæj baidzagæj, du ba dærkhi koji ba-
 cudtæ.

Uæxatægi furt dær æxe næ bal bauorædta, kæmi, zæhgæ,
 ma hæuæjdtæ kænun raidædta.

— Dælæ khæxæn ræbun i komi, zæhgæ jimæ dzoruj Qas-
 polat; kæd sæ næ uinis, uædta din mæ mudzura dæ dumæg-
 kægti racævon ma uotemæj bilæj dæxe rauadzæ ma rakæsæ!

Uæxatægi furt minkhij Xujman bilæj kud kastæj, uotæ jin
 ængarxuar Qaspolat æ mudzura felvasta ma bilæj rasqiudtæj
 mægur Xujman. Æ sau selæn bærgæ ninniudta, nikkheshkxos
 kodta ma jimæ niuudæj, fal Uæxatægi furt cærunæn næ bal
 adtæj. Ajdah uotæ ma isdzurdtæ:

— Mæ sau selæn, mæ togagor æma mæ hærgænæg fæuuol!

Je dær ninniudta ma Xujmani xædzaræmæ niqqærttæj. Uomi
 ba i fæsduræj i kholisærmæ æ duuæ fæstag khaxebæl cægugæ
 kodta, æ razzægtæj ba mærdæhdau ma æxe tudta, uotemæj
 cudæj.

— Cidær æj, uæddær næ læg ægas næ bal æj; æ kuj xumætægi jeunægæj ne'rcudæj ma næ neuuj, zæhgæ, ma fæffædes kodtoncæ.

Fædesæn sæ razæj racudæj jeci sau selæn ma sæ mardi uælsærhæmæ¹⁴³ baxudta. Mard raxastoncæ, adæm dær ibæl kud næ kudtajoncæ? Ualængi din ængarxuar Qaspolat axæj kæugæ ærbacudæj, æ uærgutæ, æ tærnix xujgæ. Duarmæ æ sær kud ragubur kodta, uotæ jibæl Uæxatægi furti sau selæn æxe niccæfta, je'skheli jin rafedaræj ma jin je'skheli nauærtæ isuaxta. Adæm sæ kærædzemæj racox kænun næ bal færastoncæ. Uotemæj i kuj Qaspolati baxuardta ma Xujmani tog rajsta.

12 okt. 1903 anz. Mæxčesg.

44. Uors xonxi fijjau zar.¹⁴⁴

Uors xonxi ræbun, Sau Ældari budurti, Ælxojnau khædzæxbæl cardæj jeu mægur fijjau. Je'nsuvær ba Iræf uordæg Sau xonxi ældar adtæj. Duuemæn dær tas nekæcæj adtæj, fal uæddær næ suhzærijnæ xuænxti bærzændti sæxecæn cæræntæ iskodtoncæ. Uors xonxi fijjau cardæj Ælxojnau khædzæxbæl, Sau xonxi fijjau ba Nimajæn dori. Bonæ Uors xonxi fijjau æ dzogæ fæxxezidæ Sau Ældari budurti, izæræj ba sæ æ bunatmæ ærkænidæ æston uatmæ. Dzogæ ku iscæuioncæ, uædta æ xed ka'dtæj je æ fæste tuxsgæ iscæuidæ. Uotemæj Ælxojnau khædzæx mæsugeuæg kodta Uors xonxi fijjauæn, i xuæd-zelgæ xed ba jin nād lævardta æ falænbula jeci bæstitæmæ æ dzogi ærcudi ali-izær dær æma uoj rauahdi ali sæumæ dær. Jeu xadt xucaui fændonæj i xed ænæ ist baizadæj ma i fijjaumæ æstæjrontæj duuadæs bæxgini ærcudæj. Mæstæj marun æj raidædtoncæ:

— Idzulun næ kænæ ma næ xincgæ dær kænæ, zæhgæ.

I mægur fijjau dær rajsta æ suhzærijnæ xætæl æma Sau xonxi fijjaumæ niccaxta:

— Uæ, mæ jeunæg ænsuvær! Iuazgutæ mæmæ ærcudæj duuadæs bæxgini æma ci dær æj, uæddær xuarz iuazgutæ næ uodzænæncæ. Fud fænditæ mæbæl kænuncæ. Qurmæ bon mæbæl ærkodta ma ci'rdæmæ ci kænun, uoj ba næ zonun. Dæ xuarz fænditæj min ma bavhau kænæ!

Sau xonxi fijjau dær imæ nizzardta æ suhzærijnæ xætælæj:

— Kæd uoj madzal næ zonis, uædta ma Uors xonx dæxe ci bakodtaj? Kenæ Sau Ældari budurtæ uæd ci æraxæstaj? Ma tærsæ, mæ xædzar! Qarabuha uun din ne'mbælu j! Uotæ tærsægæ uogæj dæbæl Sau Ældari budurti xezun dær ne'mbaldæj! Nur ba din amonun xestæri fændæ: „Dæ dzogi astæu xezuj uors

siuæ sau uælsæjhag Uasgergij nivond. Uoj sin ravgærdæ, fidæj sæ xuarz fæjinæ, æ basæj ba sæ ma fehæstæ kænæ, uædta xucaui ka fændæ ua, je uodzænæj.

Uors xonxi fijjau je'rvadæ jin kud amudta, uotæ bakodta; xuarz sæ bafsasta i nælsæhi fidæj, Uasgergij nivondæj; æ basæ ba jin, cuma ænæbari adtæj, uotæ æ khaxæj rakhuærdta ma je dær nikkaldæj. I duuadæsemæj jeu xæddzegun adtæj ma fæg-gæpp kodta ma i basi kælænbæl æxe fæddælgommæ kodta ma'j isniusta, innætæ ba ænæ basæ baizadæncæ. Jeu minkhij saxat, uædta basæj ka næ fehæstæj, jeci jeuændæs ramardæncæ, innæ ba fællihdæj. Uoj fæste babæj Uors xonxi fijjau ærbajsta æ suhzærijnæ xætæl æma niccaxta:

— Ci kænnon, uomæn neci bal zonun! Jeuændæs æstæjrontæj fæmmardæj, jeu ba si fæjjervastæj æma fædesi randæj ma mæ, ænhæl dæn, æncad næ bal niuuadzænæj, æfsad mæbæl kændzænæj, je'mbalti mast min xatdzænæj, tog mi jesdzænæj.

— Æz dær æj zonun, zæhgæ jimæ nizzardta æ suhzærijnæ xætælæj Sau xonxi fijjau; ma din uomæn fændæ kænun: jeci nælsæhæj ci raxes iuonæ baizadæj, uoj baxuæræ, dæxuædæg ba'j thærihosmæ idardgomau nivvææræ, æ særti jin avd doni khibilaj i xedbæl rakalæ, avd dori dær ibæl razelæ, uædta uoj fæste ba dæ dzogæ i xedbæl rauadzæ. Uædta xucaui ka fændæ ua, je uodzænæj.

I sæumæ Uors xonxi fijjau dær, je'rvadæ jin kud amudta, uotæ bakodta, ma æ dzogi fæste randæj dælbilæmæ. Ualængi Kæsægæj ægas æfsad ærbaqærttæj æma Ælxojnaubæl nikkaldæj. Fædesontæ (æfsædtæntæ) ærkastæncæ ma nekæmi bal neci jird-toncæ. I xæddzegun ba iuonæ rajsta ma jimæ kæsuj ma i iuoni ba rabadtæj:

— I fijjau avd xonxebæl raxistæj ma avd donebæl raxistæj! Fædesæn (æfsadæn) uoj radzurdtæ, nigki ba ma sin zaxta:

— Ne'znag raidardæj ma'j næ bal rajjafdzinan: avd xonxi ma avd donebæl raxistæj, mænæ a iuonæmæ gæsgæ, nur ba alke æ xædzaræ baagoræd!

Æfsædtæ razdaxtæncæ sæ xædzærdtæmæ, uors xonxi fijjau ba baizadæj æ cæræni ænæ zianæj.

Mæxčesg. 9 okt. 1903 anz.

45. Cahdi mærdtæ.¹⁴⁵

(Dzææræstej qazax).

Gæræmoni buduri tox ku adtæj.

Jeci bon Duhuzi furti bæsti

Turgiti Thox kù adtajdæ!

Dzæræstej qazax sau cæcænma cæugæ kodtoncæ.
Sæ mægur madtæltæ, sæ ræsuhd uostitæ uoni fæste kæugæ
kodtoncæ.

I Terki don talatæ lasuj,
Gæzeti Dzaboj topp sau cæcæni astæu galau ku uasuj.
Terki khoxæj gægkog niuuasta,
Gulditi xuarz Gasajjæn sau cæcæni astæu æ topp niuuasta.
Gokhinati xuarz Inaluq sau cæcænæn sæ tog niuasta.
Tæxoduj, uærtæ Terki ma khox ku adtajdæ!
Gulditi Gasaj nihhær kodta:
— Hæj, gidi! Aci boni tuhdi mæ ægas qazaxi bæsti
Turgiti Thox ku adtajdæ!
Terki bilæbæl i qæzæ sindzi læudt kodta,
Silonati darh zakhæ Zaurbeg
Toxi boni næuæg kindzi læudt kodta.

*Bæziti Inal æma Tekhojti Saræbij dzurdtæj,
16 okt. 1903 anz. Mæxčesg.*

46. Dzagurti Dzanbolati zar.¹⁴⁶

(Dini tuxæj).

Bæstiti xuæzdær Gamodi æj,
Kæmæn niuuosiat kodta
Je ba Maqoti Qubadi æj.
Æppætonti tehæbæl avd sindzi,
Dzanbolatæj dzæhælæj baizadæj avd kizgi.
Patdzax æfxuæruj æ adæmi Sibiri tuxæj,
Dzanbolat æ uod fesafta æ dini tuxæj.
Xosiroti Saukuj Digori'sxod fexaldta abazij tuxæj,
Dzanbolat Sibiri ramardæj namazi tuxæj.
Pusulmon din æj Madinæ æma Sarazi tuxæj,
Dzanbolat æxe fesafta æ din æma namazi tuxæj.
Aci zar ka skodta, je sæxe bæstag æj.
Dzanbolat nikkudtæj axæj:
Mæ avd kizgi baizadæncæ tærehædtagæj.

Mæxčesg. 16 okt. 1903 anz.

47. Sau ajnægi ræsuhdi zar.

Uasi furt minkhij Acæmæz æ suhzærijnæ xætælæj niuuasta
Sau xonxmæ. Uotæ ræsuhd nizzardta ma dælæ i buduri æ zar-

mæ comæqtæ ma robæstæ kafun raidædtoncæ. Sau xonx ibæl sau galau niuuasta. Uors xonx-uors galau niuuasta. Æ ræsuhd zarunmæ Sau xonxi uors chetetæ zurtæ-zurtæ fezmaldæj. Sau ajnægi duarmæ ærtæ xadti nizzardta. Sau ajnægi duar in baigomæj ma jimæ Sau ajnægi Sau ræsuhd racudæj. Æ duuæ uors congi jibæl ærtæ dudahi uæd ku ærkodta:

— Nur ba mæ xucau dæuæn ravardta.

14 okt. 1903 anz. Mæxčesg.

48. Basiltæ.

Uæ, Basiltæ, Basiltæ!

Xuærz Basiltæ!

Ĥoj-Ĥoj!

Uaj, ue'fsini læquæn fæuua!

Uaj, uæ xecau sag ramara!

Maxæn næ basijlag radtajtæ!

Uaj, uæ uasængæ uotæ zæhuj:

Fusi khax, chæx avgidzag chæx araq,

Sau hosini sau bægæni,

Ratætetæ ne'rtæ kherej!

49. Rakæsetæ.

(Fusunmæ dzoruj).

Rakæsetæ, uæ khæsærmæ iuazgutæ, xuarz iuazgutæ!

Uæ ragison xuarz!

50. Ægas ærcæuaj.

(iuazgutæmæ xædzari xecau).

— Ægas ærcæuaj, ne'uazæg!

— Xuarz fæccæraj, næ fusun!

Iuazæg zin daræn æj.

Iuazægæn xuarz ka fæuua,

Uomæn æj xucau baxatdzænæj,

Uoj baxatæd!

51. Cæu bodzo.

(*cauæjnonti zartæj*).

Uællæ i xonxi særi

Cæu bodzo xezuj.

Uoj nin xucau zaxta,

Sæumæ .ragi nin æj radta.

52. Sædsugòn sag.

(*Cauæjnonti zartæj*).

Dælæ i komi dumægi sædsugon sag xezuj.

Uoj dær nin xucau zaxta,

Sæumæ nin æj dædtzdænæj.

53. Færngun bijnontæ.

Sædæ sædæ racæuuj færætgingintæj,

Jeu ma sædæ tadzingintæ.

Æ hædærmæg in Zurni komi samadtoncæ,

Je'ndzalæ jin Rasti komi rauaxtoncæ.

Uomæn æ færstæ malqi hunæj sastardtoncæ;

Uomæn æ zænxæ izælu æma xizæj marst;

Uomæn uælarvæj sædsugon ræxis uahd jes

Dærhtæ-mærhtæ;

Uoj uæle fuficæn fusavar;

Uoj medæg ba boræ nælfus fusævgarst;

Uoj buni ba cæxcæx gængæ fezungutæ;

Æ falænbula j ba gurgur gængæ sæ bijnontæ;

Uonæn sæ xecau Razæmæ cæuagæ adtæj;

Kæcæj gal æma kæcæj hog lasagæ adtæj;

Uors xonxæj jibæl uors galau nijjæmboxuj;

Sau xonxæj sau galau nijjæmboxuj;

Zuræ don ibæl zurtæ-zurtæ uæd ku uj;

Uadæxsi jnæ æxsin khæjtæ uæd ku gældzuj;

Je dær æxsin gærz uæd ku rabædtuj.

Æstauun æj næ hæuuj: xuædæstud æj.

Uælarvbæl æj qærtzdziha nijjasmusta,

Dælæ buduri'j dæ uæjgænæg Badzirgon ku badændta.

Kertibij dzurdtæj. Mæxčesg, 2 nojab. 1903 anz.

54. Dessægtæ ma tæmæssægtæ.

Fitdzad cæf i tuguri,
Æz ba
Sæxe bæxtæ alasatæ
Ma malasatæ.
Æz din fæuunun kændzænæn
Qumi buduri dessægtæ ma tæmæssægtæ.

55. Madæ Majræni zar.

[Kindzæ'rvetgæj]

Dælæ i buduri kindzæ iscæuuj,
Uoj kindzi, uoj alaj!
Uomæn æ jeu usqæbæl xori roxs tuntæ,
Uoj kindzi, uoj alaj!
Uomæn je'nnæ usqæbæl mæjti mæjroxstæ,
Uoj kindzi, uoj alaj!
Uomæn æ digiza Madæ xuarz Majræn,
Uoj kindzi, uoj alaj!
Uomæn æ khoxbælxuæcæg uacæ Uasgergi,
Uoj kindzi, uoj alaj!
Uomæn æ kindzæ'mbaltæ fidæ Nikkola,
Uoj kindzi, uoj alaj!
Sæumon idaugutæ ma izæjron uacellatæ,
Uoj kindzi, uoj alaj!
Jeci adæntæn ci arfæ adtæj,
Uoj kindzi, uoj alaj!
Aci kindzæn dær xucau uoci arfæ radtæd,
Uoj kindzi, uoj alaj!

56 Uasgergij zar.

(Kindzi ranæxstæri).

Dæ runtæ baxuæræn, næ bærzond Uasgergi,
Fændarast næ rakænæl!

57. Madæ Majræn æma fidæ xucaui zar.

(Suvcælloni raiguruni ræstægi).

Uæ, Madæ Majræn!
Uæ, fidæ xucau!

Ke lævar adtæj—
Cælædzdzag!
Cælædzdzag xuærztæ radtaĵ!

— ■ ■ ■ —

58. Uasgerĵ zar.

(xædzari arfi tuxæĵ).

Dælæ i buduri
Sæumon izædtæ ma izæĵron uacellatæ,
Sæ astæu ba Uasgerĵ adtæĵ.
Uonæmæ ci arfæ adtæĵ,
Jeci arfæ aci æmburdi dær ma a xædzari dær!

— ■ ■ ■ —

59. Nauruzi zar.

Nauruz nin ma ramæla!
Nauruz nin suhzæringun topp ku zaxta.
Sæu iraj næ fækkæna,
Æfsatij nin i xætælæĵ
Sædsugon sag ku zaxta.

— ■ ■ ■ —

60. Xuræĵ komi fijĵau.

— Uælæ, næ fijĵau!
Xuræĵ kommæ ma bauadzæ:
Uazi furt Uazgerĵ dæ fæxxæsdzænæĵ.
— Ma tærsæ ma!
Bærzond Uasgerĵjæn
Boræ nælfus æ nivond æĵ
Fonsi astæu!

— ■ ■ ■ —

61. Ustur xucaui zar.

Maxa ustur xucaumæ kovgæ ku kænæn!
Maxa dædtæg izædtæĵ ba korgæ ku kænæn!
Cacæg si koræn,
Uacæg nin æĵ ustur xucau
Xuarzdzinædtæĵ radtdzænæĵ,
Uæĵ radtdzænæĵ.

62. Nikkolaj zar.

Suhzærijnæ æ bazurtæ æncæ,
Nikkola ba xuarz æj xuarz!
Dæ runtæ din baxuæræn, Nikkola!
Xuarz æj Nikkola.
Zaxtan in uoj, zaxtan.
Næ Nikkola xuarz æj, xuarz!
Sæu iraj næ fækkæna,
Uæ, næ Nikkola, uæ xuarz.

63. Uasgergi ma Nikkolaj zar.

Uasgergijæn ma Nikkolajæn bakovæn, bazaræn, læquæntæl
Jetæ mægur adæmæn ahazgænæg æncæ.

Jeu kæmi adtæj, uomi jeu mægur hæddzau, sogdzau Tægæ-
ri særi ajnægi særæj nijjauindzægæj, bilæj xauunmæ ærqærttæj,
nikkufta:

— Uasgergi, Nikkola, ue'uazæg! Fæ-mmin-ahaz kæntæ,
isæfun!

Ualængi jeu mægur bælcðzonbæl Qumi buduri duuadæs bæx-
gini ærbacæjcudæj ma jibæl fænditæ ma fændi særtæ kænun ra-
idædtoncæ: ka'j æ uosæn xælajfag kodta, ka'j æxecæn nimætag,
uotemæj æj sæxecæn fonsbæl banimadtoncæ. I mægur bælcðzon
nikkæuidæ, nidzdzinazidæ:

— Bakovuni nad ma min uæddær rauaxtæ, sæhgæ.

Jetæ dær giriz gængæ fæsnadmæ bazdaxtoncæ ma jin æ
daræsbæl xældtæ gælstoncæ. Ualdæn i mægur bælcðzon nikkufta:

— Uasgergi, Nikkola, ue'uazæg! Mænæ mæ qaltæ cærdodæj
iuaruncæ, ba-min-tærehæd kæntæ, isæfun!

Suhzærijnæ bazurgin bærzond Uasgergi æ bærzond fælgæ-
sænæj kastæj ma ci'rdæmæ cudajdæ, uoj bærag næ bal zudta.
Ualængi jimæ næ fidæ Nikkola felvæstæj. Rafændæ kodtoncæ:
xonxi Nikkola xonx ærdæmæ, buduri Uasgergi ba budur ærdæmæ.
Uotemæj hæddzauæn dær æma bælcðzonæn dær fæjjahazæncæ
ma sæ sæxemæ fonsæj'dzagæj ærærvistoncæ.

Uasgergi ma Nikkola sæ kovgutæn he uotæ ahaz kænuncæ
ma maxæn dær batærehæd kændzænæncæ.

Mæxčesg. 10 okt. 1903 anz.

64. Uasgergi (Uællag Gulæri zar).

Findzi co,
Fæstæmæ næ hæuaj kænæ! .
Bærzond æfcægbæl næ
Fændarast fækkænæ,
Uællag Gulæri bærzond Uasgergi.

— ■ ■ ■ —

65. Uasgergij zar.

Cej, dæ runtæ din max baxuæræn,
Xuarz i Uasgergi!
Fondz ænsuværemæj sæ bocdær zaxta:
Xuarz i Uasgergi!

— ■ ■ ■ —

66. Uasgergi.

Cej, Uasgergimæ bakovæn, bazaræn,
Je'uazæg an, je'uazæg, læquæntæ!
Bærzondæj rakæsæ, rafælgæsæ,
Næ suhzærijnæ bazurgin:
Mænæ dæ mægur iuazgutæ
De'uazæg, Uasgergi!
Iuazæg dær de'uazæg, Uasgergi!
Fusun dær dæ fædzæxst, bærzondbæl badæg!
Findzi ku cæuaj,
Fæstæmæ næ bahæuaj kænæ!
Fæstegkæj ku uaj,
Dæ bazuri buni næ bakænæ!
Cej, fændag rast, fændag rast,
Næ suhzærijnæ bazurgin ræsti Uasgergi!
Bærzondæj næmæ rakæsæ,
Nillægma næ bafædzæxsæ, bærzondbæl badæg,
De'uazæg an!

— ■ ■ ■ —

67. Toturi zar.

Totur ba nin næ fidbiliz fesafdzænæj,
Cælilojtæ ma uælilojtæ,
Uoj dan Zagami, uas Totur!

— ■ ■ ■ —

68. Alauurdij zar.

Roxs Alauurdi, tabu din kænæn
Uoj tabu, tabu æxecæn, uoj tabu!
Suhzærijnæ nædtæbæl fæxxætæ!
Uoj tabu, tabu æxecæn, uoj tabu!
Cægati xuar dæ bægæniag,
Uoj tabu, tabu æxecæn, uoj tabu!
Xonsari mænæuæ dæ khereag,
Uoj tabu, tabu æxecæn, uoj tabu!
Boræ nælfustæ, ræsuhd uælitæ din nivondæn ævgærddzinan,
Uoj tabu, tabu æxecæn, uoj tabu!
Ænæ uosæ læquæntæ din kherexæsgutæ,
Uoj tabu, tabu æxecæn, uoj tabu!
Ænæ kindzicud kizgudtæ din kheregængutæ,
Uoj tabu, tabu æxecæn, uoj tabu!
Næuæg nostæltæ din donxæsgutæ,
Uoj tabu, tabu æxecæn, uoj tabu!

69. Nikkolaj zar.¹⁴⁷

Uæj, Nikkola, tabu din uæd, kovæn din max,
Uæj, næ xucau, uæj, næ limæn, Nikkola xuarz!
Mægur adæmæn ahazgænæg dæ ali xadt dær,
Uæj, næ xucau, uæj, næ limæn, Nikkola xuarz!
Kovæn din, koræn di max dær, ba-nin-ahaz kænæ,
Uæj, næ xucau, uæj næ limæn, Nikkola xuarz!
Ali rauæn dær nin dæ xuarzænxæ banivæ kænisæ,
Uæj, næ xucau, uæj, næ limæn, Nikkola xuarz!
Jeu xadt i mægur adæm balci cudæncæ i dengizi,
Uæj, næ xucau, uæj, næ limæn, Nikkola xuarz!
Dengizæn æ astæumæ ku bacudæncæ,
Uæj, næ xucau, uæj, næ limæn, Nikkola xuarz!
Uæd sæbæl stur dungæ ku'rcudæj,
Uæj, næ xucau, uæj, næ limæn, Nikkola xuarz!
Sæ nauï sin dortæbæl ku nimmoræ kodta,
Uæj, næ xucau, uæj, næ limæn, Nikkola xuarz!
Mægur adæm jeci rauæn isavdæncæ,
Uæj, næ xucau, uæj, næ limæn, Nikkola xuarz!
Ualdæn uonæj jeu mægur læg ku nikkovuj,
Uæj, næ xucau, uæj, næ limæn, Nikkola xuarz!
Uæj. Nikkola, ku isæfæn aci rauæn,
Uæj, næ xucau, uæj, næ limæn, Nikkola xuarz!

Dæ xuarzænxæ næ fæuuæd, fæ-nnæ-jervæzun kænæ,
 Uæj, næ xucau, uæj næ limæn, Nikkola xuarz!
 Ku næ fæjjervæzun kænaj, uæd din kuvdtitæ fækkændzinan,
 Uæj, næ xucau, uæj, næ limæn, Nikkola xuarz!
 Uors uælitæ din uors kærkitau fevgærdzinan,
 Uæj, næ xucau, uæj, næ limæn, Nikkola xuarz!
 Jeci saxat izædtæ ma idaugutæ,
 Uæj, næ xucau, uæj næ limæn, Nikkola xuarz!
 Xucaui razmæ ænxuæcæj dær æmburd adtæncæ,
 Uæj, næ xucau, uæj, næ limæn, Nikkola xuarz!
 Boræ nælfus sin kuvdæn uomæ ævgarst ku adtæj,
 Uæj, næ xucau, uæj, næ limæn, Nikkola xuarz!
 Uordæmæ Nikkola mægur lægi kuvd ku fehusta,
 Uæj, næ xucau, uæj, næ limæn, Nikkola xuarz!
 Jeci saxat izædti astæuæj fæjjauuonæj,
 Uæj, næ xucau, uæj, næ limæn, Nikkola xuarz!
 I dengizmæ mægur adæmmæ nirræxsbetuj,
 Uæj, næ xucau, uæj, næ limæn, Nikkola xuarz!
 I dengizæj mægur adæmi i sormæ ku'rbajefxæssuj,
 Uæj, næ xucau, uæj, næ limæn, Nikkola xuarz!
 Sæ nauæj dær sin fæjnægi ærqez, zægæli sast,
 Uæj, næ xucau, uæj, næ limæn, Nikkola xuarz!
 Isæfun næ bauaxta, tabu jin uæd,
 Uæj, næ xucau, uæj, næ limæn, Nikkola xuarz!
 Ualdænmaæ izædti kuvd ku iscædtæuuuj,
 Uæj, næ xucau, uæj, næ limæn, Nikkola xuarz!
 Xucau sin sæ kheretæ kovun kud raidædta,
 Uæj, næ xucau, uæj, næ limæn, Nikkola xuarz!
 Uotæ Nikkola dær ærtæxcahdæj ærbalæudtæj
 Uæj, næ xucau, uæj, næ limæn, Nikkola xuarz!
 Færsuncæ'j: „Nikkola, kæmi adtæ nuri uængæ?“
 Uæj, næ xucau, uæj, næ limæn, Nikkola xuarz!
 Ær-sin-dzurdta, kæmi adtæj, uoj i Nikkola,
 Uæj, næ xucau, uæj, næ limæn, Nikkola xuarz!
 Uoj, tuxxæj xucau Nikkolajæn izædti astæu,
 Uæj, næ xucau, uæj, næ limæn, Nikkola xuarz!
 Kovægkag æxsærfæmbal xuæzdæri xajæn ku ravzursta,
 Uæj, næ xucau, uæj, næ limæn, Nikkola xuarz!

— ■ ■ ■ —

Fælløjni zartæj.

70. Xuari zar.

Næ xuar fæzzajdzænæj
 Fæzzæg ba irajgædær!

Uæ minkhij uæ gotændtæ ræstefiong!
Ali bæsti ali xujmontæ
Xuar æma mænæuæj æfses
Ali afoni dær.

71. Dælæ i buduri æstæn gotændtæ.

Dælæ i buduri æstæn sæ gotændtæ,
Uoni astæu bor æj holon gal,
Je dæ nivond, bærzond Uasgergi!

72. Cæliojtæ æma uæliojtæ.

Cæliojtæ æma uæliojtæ,
Uæj, æcægæj din cæliojtæ!
Uæj, næ bælcdzændtæ din fonsæj'dzag,
Fonsæj æma færngun fonsæj!
Uæj, næ dzuburtæ'næ ræstefiong,
Tong æma æcægæj ræstefiong!
Næ xujmontæ xuaræfses,
Xuar æma qæbærxuar æfses!

73. Xuare'ldari zar.

Xuare'ldar, Nikkola, Uasgergi ma Madæ Majræn racudæncæ
dælæ budurmæ xumæ kænunmæ.
Uasgergi gotondar adtæj,
Nikkola særbæl xuæcæg;
Madæ Majræn mugkagdzau;
Xuari Uacella ba mugkagtauæg adtæj.
Darh auædztæ, fætæn xumtæ ærkodtoncæ.
Jeci anz uonæn ci xuar ærzadæj!
Uærddzæ æ buni sindta;
Uærdun æ særbæl zildæj.
Aci anz næ xumti jeci xuar fæzzajdzænæj.

74. Jes xuar.¹⁴⁸

Jesi mælhæ rataxtæj,
Jes xuar, jes xuar!

Mosi kæræbæl nibbadtæj,
 Jes xuar, jes xuar!
 Æfsijnæ jimæ racudæj,
 Jes xuar, jes xuar!
 Ma'j æ dumægkagi nivværuj,
 Jes xuar, jes xuar!
 Medæggojnæmæ'j baxæssuj,
 Jes xuar, jes xuar!
 Ma'j dzollagi avar asthojni nivværuj,
 Jes xuar, jes xuar!
 Jeci dzollag særæj jesgæ ma bunæj axedgæ,
 Jes xuar, jes xuar!
 Uasgergi ma Nikkola ænxætindtæ, æmbadindtæ,
 Jes xuar, jes xuar!
 Adæmæn ci xuarz he uobæl zildæncæ,
 Jes xuar, jes xuar!
 Dzubur kænun sæ zærði æriftudæj,
 Jes xuar, jes xuar!
 Toturti jin bavnaldtoncæ æ kænunmæ,
 Jes xuar, jes xuar!
 Toturi kond je'fsoj,
 Jes xuar, jes xuar!
 Toturi kond æ ar,
 Jes xuar, jes xuar!
 Toturi kond æ ginonæ,
 Jes xuar, jes xuar!
 Toturi kond æ tævgutæ,
 Jes xuar, jes xuar!
 Toturi kond æ xumvæjnæg,
 Jes xuar, jes xuar!
 Toturi kond je'fsæjnag,
 Jes xuar, jes xuar!
 Khælærdomæ bacudæncæ,
 Jes xuar, jes xuar!
 Khælæt særtæ ærbazdaxtoncæ,
 Jes xuar, jes xuar!
 Ma sin Khælærdomæ ivazuncæ,
 Jes xuar, jes xuar!
 Atæ fons næ'ncæ,
 Jes xuar, jes xuar!
 Ma sæ rauadzuncæ,
 Jes xuar, jes xuar!
 Cilpæ særtæ isæzdaxuncæ,
 Jes xuar, jes xuar!
 Uoni dær ibæl iseftindzuncæ,

Jes xuar, jes xuar!
 Cilpæmæ sin ivazuncæ,
 Jes xuar, jes xuar!
 Atæ dær adæmæn fons næ'ncæ
 Jes xuar, jes xuar!
 Ma sæ rauadzuncæ,
 Jes xuar, jes xuar!
 Se'nsurgintæmæ niccæuuncæ,
 Jes xuar, jes xuar!
 Uoni dær ibæl iseftindzuncæ,
 Jes xuar, jes xuar!
 Jetæ dær ænsærdtæmæ ivazuncæ,
 Jes xuar, jes xuar!
 Atæ dær fons ne'sodzænæncæ,
 Jes xuar, jes xuar!
 Ma sæ rauadzuncæ,
 Jes xuar, jes xuar!
 Toturigurd sau galtæ,
 Jes xuar, jes xuar!
 Uors bilæ ma uors siutæ,
 Jes xuar, jes xuar!
 Uoni dær ibæl iseftindzuncæ.
 Jes xuar, jes xuar!
 Darh auædzta, fætæn xumtæ ærkænuncæ,
 Jes xuar, jes xuar!
 Jeci anz uonæn xuar ærzadæj,
 Jes xuar, jes xuar!
 Uærddzæ æ buni sindta,
 Jes xuar, jes xuar!
 Uærdun æ særbæl zildæj,
 Jes xuar, jes xuar!
 Jetæ adæmæn xuarz fons æncæ,
 Jes xuar, jes xuar!

Gecati Aslani dzurdæj. Mæxčesg. 10 okt. 1903 anz.

75. Jesi mælhæ.

Jesi mælhæ rataxtæj,
 Jes xuar, jes xuar!
 Mosi lihzi babadtæj,
 Jes xuar, jes xuar!
 Dsæbæx æfsijnæ jimæ rauadæj,
 Jes xuar, jes xuar!
 Ærtæ khorej tæbæhi,

Hosinidzag bægæni,
 Jes xuar, jes xuar!
 Uoni xætdzæ fættaxdtæj,
 Jes xuar, jes xuar!
 Uarppi bærzondbæl nibbadtæj,
 Jes xuar, jes xuar!
 Uomi jibæl æræmburdæncæ izædtæ ma idaugutæ,
 Jes xuar, jes xuar!
 Adæmi cardæn unæftæ jetæ uomi ku kænuncæ,
 Jes xuar, jes xuar!
 Adæmi xuarzæn ci ærimisæn,
 Jes xuar, jes xuar!
 Hædæj dzubur iskodtoncæ,
 Jes xuar, jes xuar!
 Tægærsærmæ niccudæncæ,
 Jes xuar, jes xuar!
 Khælætsær sægtæ iskodtoncæ,
 Jes xuar, jes xuar!
 Dzuburbæl sæ iseftixdtoncæ,
 Jes xuar, jes xuar!
 Xumæ kænun si ravzurstoncæ,
 Jes xuar, jes xuar!
 Ærkastæncæ, zaxtoncæ,
 Atæ adæmæn næ bæzzuncæ,
 Jes xuar, jes xuar!
 Uordigæj jesi mælhæ rataxdtæj,
 Jes xuar, jes xuar!
 Kurppi bærzondmæ fættaxdtæj,
 Jes xuar, jes xuar!
 Totur in goton isarasta,
 Jes xuar, jes xuar!
 Toturigurd sau galtæ,
 Jes xuar, jes xuar!
 Uors biltæ ma uors siutæ,
 Jes xuar, jes xuar!
 Uoni jibæl iseftixdtæ,
 Jes xuar, jes xuar!
 Fætæn xumæ, darh auædzæ,
 Jes xuar, jes xuar!
 Æstæmæj astmæ nikkænuncæ,
 Jes xuar, jes xuar!
 Jeci xuartæ uotæ ærzadæncæ,
 Jes xuar, jes xuar!
 Æma sæ buni uært dzæ sindta,
 Jes xuar, jes xuar!

Sæ særbæl ba uærdun zildæj,
Jes xuar, jes xuar!
Jeci anz ci xuar ærzadæj,
Jes xuar, jes xuar!
Nur dær uæxæn ærzajdzænæj,
Jes xuar, jes xuar!

*Finst æj Xadati Xadzimæti dzurdtæj; 70 anzi jibæl cœuuj;
1922 anzi Uæqœcæj Durdurmæ ralihdæj.*

76. Uonaj.¹⁴⁹

Uonaj zæhetæ!
Xori læquæn Akula,
Uomæn æ madæ Narti Satana.
Æstæmæj astmæ nimæt kodta.
Kizgi ræsuhd æma uosi ræsuhd imæ ærxudta;
Uonæn sædæ sædi æxsinæntæ ærxasta.
Jeci nimæt ci boni farni isæntæstæj,
Aci nimæt dær jeci boni farni isæntæsæd!
Uonaj zæhetæ!
Uonajgænæg ævæsmon æj;
Æ bitdzeitæ chæx dalistæ;
Æ kizgudtæ surxtæ, bortæ;
Æ særi xecau ustur kærçi uælæftau æj;
Uoj uors kuræt xast æhnæg;
Æxuædæg ba i mærdquadzi rævdzædær æj.
Ka næ'j zæha:
Uoj kizgudtæ, uoj bitdzeitæ sagelduntæ!
Æ særi xecau læuzængojnæ,
Sæppærkhe æj;
Æ guri daræs ærdægæj uælæmæ divildun,
Sæqesæj æj;
Æxuædæg ba uostiti astæu ustur chux,
Æskhudt khelæ'j.

*22 ijun 1901 anz. Kiristonhœu. Xudælti Najfononi
dzurdtæj.*

77. Uonaji zar.¹⁵⁰

Uoj, uonaji uonaj, uonaj!
Narti nærton Satana sædæ hunemæj
Uruzægæn nimæt kodta.
Ali mugkagæj fæjnæ kizgi bærgæ ærxonuj;

Næudæs æma cupparinsæj kizgemæ

Fæjnæ huni bærgæ ravardta,

Uoj, uonaji uonaj!

I kizgudtæj alkedær æ huni xaj bærgæ rajsta;

Narti nærtan Satana sæ astæu bærgæ isbaduj.

Ma sin alli zari sær ku xassta,

Uoj, uonaji uonaj, uonaj!

Narti nærtan Satana sæmæ æ cæstitæ nijird kodta.

Ualdzigon cheuau chæbar-chubur kizgudtæ kænuncæ

Ma si Satanajæn æ zærdæmæ neke bacudæj.

Ærægiau ba Ælumbegati Alibegi jeunæg kizgæ

Ajsana ræsuhi bærgæ isxonuj.

Æ huni xaj jin bærgæ bagældzuj

Ma jin alli zari sær ku ærkænuj,

Ajsana æ chuxæj qipp dær ne'suadzuj.

I nimæt bærgæ iscædtæuuj

Ma i jeunæg Ajsanaj ba æ furtæn

Tajsanajæn uosæn bærgæ æroramuj.

Uoj fæste ba rarvetuj alli kizgi dær

Bæxuærdunæj sæ xædzærdtæmæ,

Uoj, uonaji uonaj!

Khuærej bonmæ sæmæ bærgæ rarvetuj Ælumbegatæmæ,

Kærdzini xuærdæmæ sæ isxonuj sæ xædzaræmæ

Ma sæ sædæ lægemæj ku fæxxincuj qæbær xuarz,

Ma uoj fæste ba Nartæ ma Ælumbegati

Kajjesdzinadæ ku ærfedaræj.

Kæluxti Jelmærzaj dzurdtæj finst, Uæqæc, sosæn, 1926 anz.

78. Rakæsetæ. (*dugkag*).

Iuazgutæ: Rakæsetæ, rakæsetæ!

Uæ khæsærmæ iuazgutæ

Æma xuarz iuazgutæ,

Xuarz iuazgutæ!

Uæj, uæ ragison xuarz!

Fusun: Uæj, ægas ærcæuaj,

Uæj, ne'uazæg!

Kæstærtæ: Uæj, beræ fæccæraj,

Uæj, næ fusun!

Iuazæg ba zin daræn æj, zin!

Iuazægæn xuarz ka fæuua,

Uomæn æj xucæu baxata,

Æcægæg jin æj bæxata!

79. Alaji zar.

(læquæntæ ma kizgudtæ zaruncæ kindzi næxstærbæl).

Alaj, i alaj,

Uæj, i Narti, i alaj!

Dælæ i buduri xuarz kindzæ fæccæuu.

Alaj, i alaj,

Uæj, i Narti, i alaj!

Uomæn æ jeusqæbæl

Rast xori xuarz tuntæ!

Alaj, i alaj,

Uæj, i Narti, i alaj!

Uomæn je'nnæ usqæbæl

Rast zurnæj avdæntæ!

Alaj, i alaj,

Uæj, i Narti, i alaj!

Uomæn æ kherekovæg

Max fidæ Nikkola!

Alaj, i alaj,

Uæj, i Narti, i alaj!

Uomæn æ hæuajgænæg

Uæj Madæ xuarz Majræn!

Alaj, i alaj,

Uæj, i Narti, i alaj!

Uæj, i kindzæ ba æj

Adæmlimæn zærbatug!

Alaj, i alaj,

Uæj, i Narti, i alaj!

Je æ xecautæmæ bæmpæg zærdæ ku æj,

Alaj, i alaj,

Uæj, i Narti, i alaj!

Je æ særi xecau je'zælu dusæj daudzænæg,

Alaj, i alaj,

Uæj, i Narti, i alaj!

80. Uasgergij zar

Hej, Uasgergi!

Fændarast, fændarast, Uasgergi!

Uæj, uæj, dæ runtæ baxuæræn!

Cæj æma cæj suhzærijnæ bazurgin,

Uæj, uæj, hej, aci sabij dær de'uazæg!

Hej, iuazgutæ dær de'uazæg,

Bærzond Uasgergi!
 Cæj æma cæj, næ fusun dær de'uzæg,
 Uasgergi!
 Hej, fændarast, fændarast,
 Bærzond Uasgergi!
 Hej, dæ runtæ baxuæræn,
 Bærzond Uasgergi!
 Cæj æma cæj, suhzærijnæ bazurgin!

81. Nanaj zar.¹⁵¹

Uæj, nana, dæ sæumon artgænæg kizgæ
 Kindzi ku cæuuj!
 Uæj, nana, dæ izæjron uatgænæg kizgæ
 Kindzi ku cæuuj!
 Uæj, nana, dæ sæumon uatesæg kizgæ
 Kindzi ku cæuuj!
 Uæj, nana, dæ izæjron artæmbærzæg kizgæ
 Kindzi ku cæuuj!
 Uæj, nana, dæ æxsidzgi adgor kizgæ
 Kindzi ku cæuuj!
 Uæj, nana, dæ sæumon zænxærfæg kizgæ
 Kindzi ku cæuuj!
 Uæj, nana, dæ sæumon donxæssæg kizgæ
 Kindzi ku cæuuj!
 Uæj, nana, dæ khoxdongænæg kizgæ
 Kindzi ku cæuuj!
 Uæj, nana, dæ komidzagæj ke fæxxastaj,
 Uoj qal læquæn, alaj-bulaj gængæ,
 Aboni sæxemæ ku xæssuj!

Æbati Samelij dzurdtæj.

82. Ridadæ.

Amonæg: hoj, hoj, hoj,
 Uæ-ræj-dæ,
 hoj, uæ-ræj-dæ-ra!
Zargutæ: hoj, ræjda,
 Ræjda!
 hoj, ræjda,
 Uæj, ræjdæræ,
 Uæ, fesgun xuarz!

Dugkag zargutæ: Hoj, ræjda,
Uæj, dæræ,
Uæ, fesgun bon!

83. Alaj.

(kizguðtæ zaræntæ)

Fesgun æma nivgun bon!
Adæm limæn zærbatug
Max fæxxæssæn xædzaræn.
Xestær, kæstærzonagæ,
A ba uæxæn uodzænæj!
Bijnontæn ba sojnæ, mud!
Sinxi æxsæn dziuaræ!
Xori tuntæ æ usqi,
Zurna'vdæntæ innebæl!
Avd avdi gobændtæj,
Ast asti hæddzældtæj!
Æ xecauæn ccqajag,
Æfsijnagæn kurættag,
Næ xecautæn je xæssuj!
Dælfadbostæ, astæubos,
Je danbacaj zærinbos,
Kenæ khessa, xælin khos,
Max kæstærtæn dædtzinan!

84. Alaj

Fesgun æma nivgun bon,
Uæj, alaj, uæj alaj!
Ænæ uadæ fælmæn xor,
Uæj, alaj, uæj, alaj!
Adæm limæn zærbatug,
Uæj, alaj, uæj, alaj!
Max fæxxonæn xædzaræn,
Uæj, alaj, uæj, alaj!
Xestær, kæstær zonagæ,
Uæj, alaj, uæj, alaj!
Medxædzaræ sojnæ, mud,
Uæj, alaj, uæj, alaj!

Sinxi æxsæn dziuaræ,
 Uæj, alaj, uæj, alaj!
 A ba uæxæn uodzænæj,
 Uæj, alaj, uæj, alaj!
 Max fæxxæssæn xædzaræn,
 Uæj, alaj, uæj, alaj!
 Fesgun æma nivgun uod,
 Uæj, alaj, uæj, alaj!
 Avd avdi gobændtæ,
 Uæj, alaj, uæj, alaj!
 Ast asti hæddzældtæ,
 Uæj, alaj, uæj, alaj!
 Nosti kiri uodzænæj,
 Uæj, alaj, uæj, alaj!
 Æfsinag æma xecajuag,
 Uæj, alaj, uæj, alaj!
 Uors zældagæj kurættag,
 Uæj, alaj, uæj, alaj!
 Tintikhiæj coqajag,
 Uæj, alaj, uæj, alaj!
 I kæstærtæn dessægtæ,
 Uæj, alaj, uæj, alaj!
 Dælfadbæstæn, astæubos,
 Uæj, alaj, uæj, alaj!
 Sæqe hunæj hunkonbos,
 Uæj, alaj, uæj, alaj!
 Æ danbacajæn zærinbos,
 Uæj, alaj, uæj, alaj!

85. Buthi zar.

(mæstmaræn zartæj)

- a) Uajræ, uæjtæul!
 Guæzdærti Buthæ,
 Uajræ, uæjtæul!
 Mæzdægi adtæj,
 Uajræ, uæjtæul!
 Ci sin isxasta,
 Uajræ, uæjtæul!
 Ustur xæznatæ,
 Uajræ, uæjtæul!
 Æ jeu dzippi,
 Uajræ, uæjtæul!

Ajdah gæni sær,
 Uæjræ, uæjtæu!
 Je'nnæ dzippi,
 Uajræ, uæjtæu!
 sær!
 Uajræ, uæjtæu!
 b) Buthæ iscudæj
 Uajræ, uæjtæu!
 Ustur Mæzdægægj.
 Uajræ, uæjtæu!
 Æ uosæ uomæn
 Uajræ, uæjtæu!
 Cijnitæ kænui:
 Uajræ, uæjtæu!
 — Nur min isxasta
 Uajræ, uæjtæu!
 Æ dzippidzægtæ.
 Uajræ, uæjtæu!
 Buthæ ravnaluj
 Uajræ, uæjtæu!
 Æ dzippitæmæ.
 Uajræ, uæjtæu!
 Kud næ isxasta
 Uajræ, uæjtæu!
 Ustur xæznatæ
 Uajræ, uæjtæu!
 Æ dzippidzægtæ?
 Uajræ, uæjtæu!
 Æ jeu dzippi
 Uajræ, uæjtæu!
 Ustur gæni sær;
 Uajræ, uæjtæu!
 Je'nnæ dzippi
 Uajræ, uæjtæu!
 sær!
 Uajræ, uæjtæu!

VI.

Æ X S Æ Z Æ J M A G S Æ R.

A V D Æ N I Z A R T Æ.

86. Qaqa.

Uælæ qaqa rataxuj,
Qaqa næ, fal qændelæg.
Adæm ængaj bæxtæbæl;
Sirdon khælæu æfsæbæl.
Arvi duar baigomæj;
Uomæj bor bæx racudæj;
Bor bæx næ'j,
Fal sænt surx bæx.
Bæxi dumæg ka bidta?
Sirdon bidta, tax bidta,
Færazgæ ba'j næ kodta;
Khumælxijtæ'j rakodta,
Bazi buni'j racafta.
— Narti Sirdon, uæ Sirdon!
Dæ jeu fat min radtaj!
— Mæ jeu fataj ci kænis?
Jeunæg fat din cæmæn æj?
— Sag dzi maron, xuj maron,
Tærqos æ hosæj ærlason;
Nanajæn æj har kærcæ,
Babajæn ba je arf xodæ.

Mæxčesg, 21 okt. 1899 anz.

87. Cæuon hæutæmæ.

Cæuon, cæuon hæutæmæ!
Hæuti nadbæl ci'sseron?
Khotær ræbun huni (chopp) kork,
Uoj xurfi ba sæervasæn;
I sæervasæn nanajæn;
Nana mænæn gugko;
Jeci gugko gatdzajæn;
Je ba mænæn sau khæbis;
Higkag khæbis fijjauæn;
Fijjau mænæn boræ nælfus;
I boræ nælfus xucauæn;
Xucau ba min uarindzæg;
Fælmæn ærtæx rast zænxæn;
Je ba mænæn chæx xalsar;
Zænxi sojnæj holon hog
Khibilaj'dzag xæsdzænæj.

21 okt. 1899 anz. Mæxčesg.

88. Æxsiri cigon kæmæn ua?

I uors æxsir kæmæn ua?
Cigoni'dzag ka cuma?
Gegæj kizgæn i cigon.
— Nænnæ, mæ xor, næ dædtun;
Gegæj kizgæ ke kænæ,
Fuddær æznag uoj kænæ;
Hizhiz kænuij ma thifsuij;
Xuæddzogæ card agoruij;
Tægænabæl ne'rvænsuij;
Holgun avdæntæ agoruij;
Zærin bædtæntæ amonuij;
Fest bujnæmæ næ komuij;
Hizhiz kænuij ma thifsuij;
Xuæddzogæ card agoruij;
Avdæni bædtun næ komuij
Ma uotemæj fæththæppæj.

21 okt. 1899 anz Mæxčesg.

89. Tærna

Cice bulla, ciketæ!
Bulla cice, xuxotæ!
Idzag cigon æxsiræj
Æz dætdzænæn tærnaæn.
Bostitæ je næ kænuij,
Gebenaj dær baxussuij,
Cogæ cardbæl næ kæuuij,
Sog ærhonæj fæxxæssuij;
Xuænxag lægau khuldun dux:
Fætæn reu læg uo, tærna!
Khæskhæs gængæ sogi'rhon
Xusk bærzitæj ærxæssæl!
Sogi ærhon i pecæn,
Je ba maxæn anzi xaq,
Xeggon kærdzin, gurgur art,
Cæsti roxs ma uodi card.

21 okt. 1899 anz. Mæxčesg.

90. Kuji gagkæ

Dæxe gagkæ, dæxe gagkæ!
Kujæn dær æj næ dædtæn.
Xuar dzi xæssa, mænæuæ,
Cardi xuasæ je fæuuæd!
Medæzhunst rast næxemæ,
Xuari uærmī dæ gagkæ
Thupp-thupp kænæd ægasæj,
Dæxe fændon ædasæj.
Zupp-zupp kænæd dæ gagkæ,
Mænæuæj' dzag uærmiti
Bafæzhæzæd, bafærazæd
Dæu fælhauun æ bæsti.

91. Gotdza

Dæge, dæge, dægeca,
Suhzærijnæ dæ gotdza!
Zældagæj ba dæ caca
Nalqut nalmæsti xætdzæ.
Kærdæg ændon de'fsænbun,
Boræ bolat de'xsargard;
Fedar mæsug de'xsæveuat,
Xuærzidzag ba dæ ræbun;
Sire khela dæ badæn,
Beræ cæra næ kadæn.
Qærtdziha'ndzast dæ cæstæ,
Ærvænkhaz dæ cængtæ,
Xonx ænvedar dæ færstæ,
Ajkæ'mlih̄z ba dæ rostæ.
Ærsæmduxæ dæ tuxæ,
Beræh zærdæ dæ zærdæ,
Mehæmdzo ma uadæmuaj,
Nivgun uod dæ madæn uaj!

21 okt. 1899 anz. Mæxčesg.

VII.

Æ V D Æ J M A G S Æ R.

H A R Æ N G I T Æ.

92. Harængæ.

Uæ, cærunhæuagæ xor, mondag uodesæg kæmæ ærbalæuuj, uoj xætdzæ toxæn ka fækkænuj! Uomæn je'ngaræ æ særhi ku ærbalæuuj, uæd æj fæffænduj uoj xætdzæ rahazun. Uotæ ku fæzzæhuj: „Radzæbæx uodzænæn“! Karz uodesæg uoj næ fæffærsuj. Æ bærzond isxæssæg fidæn zærdæ ku baiværuj, dæ cævæg din de'usqæj rajsdzænæn, zæhgæ, uoj ma bafærazaj! Uæ, dæ zærdi dzubanditæ dæ zærdi niuudazaj! Uæ, mægur dæ bon! Hasti ræstæg ærcudæj, dæ rævdzitæmæ ma raqærtaj! Uæ, uomæn æ bærzond isxæsgutæ, æ madæ, æ fidæ kæugæ zærdæ, dzorgæ dzuxæj baizajoncæ! Æ fælmæn nijjeræg uotæ ku fæzzæhuj: æ mælætæn cæjasæ racæj, uordæmæ bairajuj! Æxecæn æj xumætægi zærdæ ku feværuj: mæ khustelæ min me'usqæj rajjevdzænæj, mæ jesojnæ min mæ khoxæj rajsdzænæj, zæhgæ. Karz uodesæg uoj ku næ fæxxezuj, mæ bon! Uomæn, hasti kæronmæ ku racæuuj, æ qæstæ uæd isresuj. „Uæ, nana! Mæ qæstæ resuj!“ Uomæn darh uat ku rakænuj jeci saxat, ku fæjjauuonuj! Uæ, nana! Ci mægur dæ, dæxecæn æj ci zærditæ nivvardtaj! Uæ, mægur dæ bon, æ sau nijjeræg! Uomæn je'ngartæ kustmæ ku cæuoncæ; qal læquæntæ sau nijjerægbæl ku raserf kænoncæ, æ uærgutæbæl badon uægæj je'ndærxcæ uæd baxauuj. Uæ, mægur jeunæg! Hædæ, doræj dær mægurdær æj jeunæg! Mægur cæmæj æj? Xædzari ua ma ændegkæj kæuujnag; ændegkæj ua æma xædzari kæuujnag!

15 mart 1901 anz. Mæxčesg.

93. Harængæ.

Uæ, beræ kosagæ, æfællajagæ! Uæ, beræ ka zudta. beræ ka kustal!.... Uæ, æxcaj boni æxcaj kisæ ka'dtæj, fonsi boni fonsi Fælværa ka'dtæj!.... Uæ, læugæ xonx, cæugæ mæsug æ buntæj nirreza! Dziurvæsqa (totæg uontæ), naræg astæu, gurvedaucæ, sagi sesbæl xuarz amad ka'dtæj!.... Æxsævæ bonau ka xattæj, æxsævxætæg mehæmbal ua! Chæx æfsæjnagæj chæx bæxgin ua!.... Uæ, bærzond fælgæsæntæ. nillæg bacæuæntæ ka skodta, uonæj ka neci fæjdta! Sau lacin, bor uarij, æ buntæj raqanua! Uæ, ci mægur dæ, ci dzæhæl fudæbændtæ fækkodtaj! Uæ, dæ Digori xaj dzæhælæj baizaja! Xuærz-xast bæx xuædidonæj niffardægua! Uæ, ci mægur dæ!.... Æ læquænæn uosæ ka ne'rxudta, æ kizgæ kindzi ka næ ravvista! Uæ, ci mægur dæ! Uonæmæ fæbbællaj, ma sæ rajjafaj!

15 mart 1901 anz. Mæxčesg.

94. Harængæ.

Uæ, ci mægur dæl.. Jeunægi fæxxista, ærxotug særæj, funuk khoxæj fæbbadtæj, æxuædæg ba insæj nijjergæj insæjjemæj jeunægi tasæj fæccardæj. Æxsævæ sahæs gængæ xustæj, bonæ azælgæj badtæj. Jeu fusi hunæj zældæ tunæ kodta; darh æxsævæn bonæj tarstæj, darh bonæn æxsævæj tarstæj æ fur kosagæj! Uæ, beræ kosagæ, ævællajagæ! Uæ, ci mægur dæl! Bolat kærdængin, misijrag sodzingin, ændon sodzignau dæ astæubæl basædtaj! Uæ, ænæ uadæ fælmæn xor, bijnonti dziuaræ, dæ nixtæj xumæ fækkænaj! Dæ beræ fællændtæj maci fæjnaj! Uæ, ci mægur dæl! Jeunægmæ fækkæsaj, uoj cijnæ bændtæ ma rajjafaj!.. Uæ, mægur jeunæg! Dæ kust ædæxst madi fællændtæ cæmæj baxatdzænæ? Uæ, mægur jeunæg, ci mægur adtæ! Dæ uors dzogi fæste xætunæj ma bafsædaj! Uæ, dæ fijjaulædzæg dzogi kæronmæ sahðæj baizaja! Uæ, dæ fijjaulædzægæj ma bafsædaj! De'rtæxdzæhdæn gebena ma rajjevaj, ma ragældzaj! Uæ, dæ uors dzogæ sau hædi astæu dzæhælæj baizaja!

15 mart 1901 anz. Mæxčesg.

VIII.

Æ S T Æ J M A G S Æ R.

M Æ R D Æ H D A U.

95. Dadæj.¹⁵²

- Amonæg:* Dadæj!
Innetæ: Dadæj!
Amonæg: Dædædæj!
Innetæ: Dadæj!
Amonæg: Mægur jeunæg!
Innetæ: Dadæj!
Amonæg: Babun ua!
Innetæ: Dadæj!
Amonæg: Mæ art uazal!
Innetæ: Dadæj!
Amonæg: Mæ car æftud!
Innetæ: Dadæj!
Amonæg: Dædædæj!
Innetæ: Dadæj!
Amonæg: Kud cærdzænæn?
Innetæ: Dadæj!
Amonæg: Kud xætdzænæn?
Innetæ: Dadæj!
Amonæg: Sau hædtæbæl
Innetæ: Dadæj!
Amonæg: Sau xalonau
Innetæ: Dadæj!
Amonæg: Fæxxaudzænæn!
Innetæ: Dadæj!
Amonæg: Dædædæj!
Innetæ: Dadæj!
Amonæg: Æ sabijtæ
Innetæ: Dadæj!
Amonæg: Kæugæ, cotgæ
Innetæ: Dadæj!
Amonæg: Baizadæncæ!
Innetæ: Dadæj!
Amonæg: Jeu bakænæg,
Innetæ: Dadæj!
Amonæg: Jeu baxodæg
Innetæ: Dadæj!
Amonæg: Næ sæmæ jes!
Innetæ: Dadæj!
Amonæg: Dædædæj!
Innetæ: Dadæj!
Amonæg: Æ chæx dortæ
Innetæ: Dadæj!

Amonæg: Fæsduærdtæ
Innetæ: Dadæj!
Amonæg: Kholtæ-moltæj
Innetæ: Dadæj!
Amonæg: Igauuncæ!
Innetæ: Dadæj!
Amonæg: Dædædæj!
Innetæ: Dadæj!
Amonæg: Æ xodgæ xor
Innetæ: Dadæj!
Amonæg: Khæsær ræbun
Innetæ: Dadæj!
Amonæg: Tædzunægmae
Innetæ: Dadæj!
Amonæg: Kæugæ læuu!
Innetæ: Dadæj!
Amonæg: Dædædæj!
Innetæ: Dadæj!
Amonæg: Ox, æna!
Innetæ: Dadæj!
Amonæg: Kud cærdzænæ?
Innetæ: Dadæj!
Amonæg: I qal uosæ
Innetæ: Dadæj!
Amonæg: Ku randæuu!
Innetæ: Dadæj!
Amonæg: Urux turhæ
Innetæ: Dadæj!
Amonæg: Khundæg avar
Innetæ: Dadæj!
Amonæg: Ædsabijtæ
Innetæ: Dadæj!
Amonæg: Sajtan sirdau!
Innetæ: Dadæj!
Amonæg: Uasdzænæncæ!
Innetæ: Dadæj!
Amonæg: Dædædæj!
Innetæ: Dadæj!

Uostiti mærdzozogjæ fudginæj dzævgaræ idarddær raxezuncæ æma ærrænhitæ uncæ xestærgaj. Kolduarmæ ku baqærtuncæ, uæd kæuagæ uosæ nihharængæ kænuj, innætæ ba xækhurcdzægæj kæuuncæ. Turhi astæu ærlæuuncæ, fækkæuuncæ, uædta sæ jeu „Dadæj“ nijjamonuj æma sæ tærnixtæ æma uærgutæ xuajgæ xestærgaj bæcæuuncæ mærdudzi uostitæmæ.

IX.

FARÆSTÆJMAG SÆR.

FÆLDIST.

96. Fældesun.

Ho, xucau! I mard dær, i'gas dær du iskodtaj æma din tabu fæuuæd! Du ba, Cora, roxsag uo! Mærdti ci fædgæ, fændag jes, uomæj xuarz rakoræ; læhuzdzinadæj, fidbilizæj baxezæ! Mærdti Baruasturi lævaræj mænæ atæ dæ razi læuuæntæ! Særdæ din simær ma kænæntæ, zumæg ba sælgæ ma kænæntæ! Funxæj din ke radtoncæ, je xombæl bærkad æftauæd! Særæj jesgæ ma bunæj axedgæ din cæuæntæ! Calinmæ buduri calx zela, xonxi ba dor zela, ualinmæ dæ raz idzagæj idzagdær kænæd! Xaj fændagæn xaj bakænæ; ænæ bari xaj makæmæn bakænæ! Aci xuærdæ ma niuæstæ dæ razi atemæj istæntæ! Kælgæ fingæ ma idzag sinon uo! Roxsag uo! Ke din ravardtoncæ, je din Sami, Misini sikhiti adæ kænæd! Qæddzarv donæn kæmi niuazuncæ, bodæ cirahæn kæmi sodzuncæ, uomi dæ badæn fæuuæd! Ke dæbæl isxarz kodtoncæ, jetæ din fældist uæntæ æma mærdti dæ razmæ idzagæj idzagmæ læuuæntæ! Roxsag uo! Dæ mærdzag uors, de'ngæn roxs, dæ nad æxsast, dæ kom ævhast, uotemæj mærdti Baruasturi razmæ, xuærztæ, suhdægutæ kæmi æncæ, uomi dæ bunat fæuuæd! Roxsag uo! Xucau din batærehæd kænæd! Zad xumæ, zad iguærdænbæl nin bauodæ! Roxsag uo! Dzeneti fæbbadæ!

Xoxti Maxcigi dzurdtaej, Mæxčesg, 26 fevr. 1900 anz.

97. Digoron fældist.

Fældesæg: Uæ, xuarz adæm, aci mardi tuxæj ka'rcudæj, roxsag zæhetæ!

Adæm: Roxsag uæd, roxsag!

Fældesæg: Æmbal kæmæn næ jes jeci jeunæ xucau, mard æma ægas du skodtaj æma igæstæ dær de'uazæg æma xuarz dujnebæl ka jes jetæ dær de'uazæg. Dzumard adtæj, xuarz læg adtæj, uæ qiamæt in nixxælar kæntæ!

Adæm: Roxsag uæd, roxsag!

Fældesæg: Je'ngæn roxs uæd, æ mærdzag uors! Xuærun, niuazun baræj uæd! Idzag fingæ, kælgæ sinon uo! Tuxæ, uælazar ibæl make uæd! Æ zudæ mard, æ donug sast! Læhuz zahd imæ makæcæj ærqærtæd! Xajvændagæn xaj bakænæ! Ænæ bari xaj makæmæn bakænæ! Funxæj dæ nombæl ka'j, jetæ dæuæn xælar uæntæ! Xombæl bærkad æftauæ! Caldæn xonxi dor zela,

buduri ba calx zela, uædi uængæ dæ razmæ kædzosæj læuuæntæ! Særdæ din simær ma kænæntæ, zumæg din sælgæ ma kænæntæ! Qæddzarv donæn kæmi niuazuncæ, bodæn cirahæn kæmi sodzuncæ, jeci citgin rauæn dæ badæn fæuuæd citgin, imonautæ æma ræstiti xætdzæ! Ke din dædtuncæ, jetæ din Misam, Sami xuallag adæ kænæntæ!

Uæ, jeunæ xucau! Tabu dæxecæn, jeunæ xucau! Xædzaræ jin sæ kud xælar kænuncæ, mærdti Barastur mærdti xecau æj, uoj khoxi dær ci fædgæ, ci fældesond jes, uomæj dær in uotæ xælar fæuuæntæ! Nur ba fæstagi xuarzbæl uodæ! Xædzari ka baizadæj, uonæn zad xumæ æma zad iguærdændæl zelæ! Dæu tuxæj aci xuarz adæmæn roxsag ka zæhun kænuj, uonæn ba xucau uælion cardi rast card sagkag kænæd!

Uæ, xuarz adæm, roxsag fæuuæd! Roxsag zæhetæ!
Adæm: Roxsag uæd!

Fældisti fæste fældesæg zænxæmæ ærkaluj niuæstæ ma zæhuj: „Roxsag“, uædta xuærdæbæl cænxæ bakaluj.

*Cahati Mæxæmæti dzurdtæj æj niffinsta Zadæleski
Bæziti Inali furt Geuærgi Sosæni mæjti 1909 anzi.*

X.

D Æ S Æ J M A G S Æ R.

C Æ S T I A R F Æ.

98. Fonsbæl cæsti arfæ.¹⁵³

Fons donmistæ ku fæuuina, kenæ ba æmezagæ ku fæuua, uæd nittuppuruj ma ramæluj, cæsti arfæ jibæl ku næ fæuua uæd. Adæm uotæ ænhæluncæ. Cæmæj i fons ænæzian baizaja, uoj tuxxæj ba jibæl hæuuj cæsti arfæ iskænun.

Cæsti arfi dzurdtæ:

Uælxor æsthalu fæjdton;
Kalmi komæj xæfsæ bajston;
Mæxe komæj mistæ rajston.
Nixæsi ærtæ lægi badtæj,
Jetæ me'vdesæn!
Uoj cacæg zæhun,
Uacæg xuasæ fæuuæd,
Ci fonsbæl balixston, uomæn!

*Cæsti arfægænæg jeci dzurdtæ dzoruj sosægkæj, fonsbæl ba bafu kænuij ma*batutæ kænuij.*

99. Fonsi cæsti arfæ.

(dugkag)

Gali komi sifæ taju;
Hogi komi cænxæ taju.
Uælxor æsthalu fæjdton,
Kalmi komæj xæfsæ bajston;
Fæjdton næ dongon donmistæ.
Uoj cacæg zæhun,
Uacæg aci fonsi æ nez isuadzæd!

Cæsti arfægænæg fonsbæl balixsuj, bafutæ kænuij ma jin æ khæxti buni sundakhæj ælxijtæ, khumælxijtæ, æmezagi ælxijtæ raixaluj. Adæmæj æruagæs kænuij, i cæsti arfægænæg rast ku iskova, kenæ ba jeci khumælxijtæ ku bakæna, jeci dzurdtæ gængæj æma sæ ku raixala jeci jeu raxuæstæj, uæd ævast isdzæbæxuj; æ tuppur æj isuadzuj, kenæ ba nimmezuj.

100. Suvælloni cæsti arfæ.

Madæ, fidi cæstæ,
Ærvadæ, xuæri cæstæ,
Nostæ, teui cæstæ,
Sinxon, xæstægi cæstæ...

Xufijnæj don xaston,
Æzmesæj bæxs nug bijun.
Uoni cacæg mængædtæ zæhun,
Uacæg dæ neztæj ærbadzæbæx uo!

*Æma suvællonbæl batutæ kænuij, cænxi khærdt ba arti
rakænuij æma je ku nikhkhærdzite kænæ, uædtæ hærej isdzoruj:*

Cæstægænægi cæstæ
Uojjau fæththæpp uæd!

— ■ ■ ■ —

101. Suvælloni cæsti arfæ.

(dugkag)

Sagi cæstæ, sagi hos,
Madæ, fidi cæstæ, æsgi hos.
luazægi, raizægi cæstæ,
Sinxoni, dzilli cæstæ!
Majræni buni avd kizgi baduj;
Suhzærijnæj khælættæ kænuncæ;
Ærfugi khælættæ amonuncæ;
Carvæj fezonæg kænuncæ.
Jetæ kud mængædtæ'ncæ,
I run, i nezæj uotæ suhdæg uo!
Cæstægænægi cæstæ arti basodzæd!

*Cæsti arfægænæg jeci dzurdtæ dzoruj suvælloni hosi so-
sægkæj, fælmæn fufu gængæj ma fælmæn tutæ gængæj. Fæs-
tag dzurdti xætdzæ ba cænxi khærdt arti baniucærduj ma je ku
nikhkhærc kænæ, uædtæ hærej isdzoruj:*

Dæ cæstægænægi cæstæ
Uotæ fæththæpp uæd!

*Uoj fæste ba cæsti arfægænæg suvællon æ dzedzebæl baf-
tauuj ma jin zaruj qaqatæ, uotemæj suvælloni bafunæj kænuij.*

Kiristonhæu, 14, VII 1920 anz.

— ■ ■ ■ —

102. Suvælloni cæsti arfæ.

(ærtigkag)

*Suvællon æxe madæ æma fidi cæstæ dæp, kenæ ba æ xuæ-
ræ æma je'nsuæri cæstæ dær rajsuj æma uomæ gæsgæ ba i
xecontæ sæ uarzon suvællonbæl ku bacijnæ kænuncæ, uæd hæ-
uama zæhoncæ aci dzurdtæ:*

Madæ, fidi cæstæ,
Ærvadæ, xuæri cæstæ,

Sinxon, iuazægi cæstæ,
Ma bajsæ, xærægi khælæu,
Kudzi khæbula!

Æma i suvællonbæl batutæ kænæd æma isdzoræd:
Iš--allax!

03. Suvælloni cæsti arfæ.

(cuppæræjmag, Minaj dzurdtæj)

Safa, uælarv Safa!
Aci suvællon de'uazæg!
Madi cæstæ, fidi cæstæ,
Sinxoni cæstæ saldar æj!
Aci suvællonmæ fud cæstæ,
Fud zærdæ ka badara,
Je fæxxætæd koko sindzæbæl bæhænbadæj!
Siskhi, qæsqær æ xuærujnag,
Uælkhæjæbæl æ xungændæ,
Uælundugbæl æ xuasgærcæ!
Uonæmæ don xufijnæg fæxxæssæd,
Færæti kombæl sæ fæssodzæd!

*Jeci dzurdti fæste ba cænxi khærdt ræxisi cægti ærtæ xatti
ralasæd dzorgæg: „Safa, uælarv Safa! Aci cuvællon de'uazæg“,
zæhgæ, æma i cænxi khærdt cæxæri bagældzæd æma zæhæd:*

Cæstægænæg cæstæ
Uotæ fæththæpp uæd!

Kiristonhæu, 31 avgust 1920 anz.

XI.

JEUÆNDÆSÆJMAG SÆR.

SUVÆLLÆNDTI HÆSTITÆ.

104. Suxsun.¹⁵⁴

(*suvællændti hazunti bililiu*)

Ka sdzora, ka sdzora...
 Uælæ xonxi ædkherppatæ
 Xæræg adtæj!
 Uomæn æ rahbæl
 Ustur kænnon æma sunkhæ adtæj!
 I xæræg bilæj raxaudtæj!
 Mænæ ami nittuppuræj,
 Niddængælæj!
 Ka sdzora, ka sdzora,
 Je i xærægæn æ sunkhæj xund,
 Æ basæj cund!
 Tpuu! Suxsun!

Bitdzeutæ sæxe nihhos kænuncæ æma arxajuncæ, cæmæj si jeu jesge razdær isdzora, kenæ ba isxoda. Ali xuzæn xodæg miutæ khuædtiagau ævdesuncæ. Fitdzagdær ka isræduja, je fæuuþ xæran æma i bililiu uomæ cæuuþ.

105. Fadæ fæstæ.

(*suvællændti hazuntæj*)

Fadæ fæstæ
 Fæd ælxojnæ!

Jeci hastbæl suvællændtæ sæ khilduntæ kærædzemæ raxatuncæ, sæ kærædzej cængtæj kærædzej sæ fæsonatæmæ rarhuvæbarhuvæj dzoruncæ: „Fadæ fæstæ, fæd ælxojnæ!“

106. Agla, dogla.

Suvællændtæ (bitdzeutæ) rænhæj isbaduncæ ma sæ khæxtæ radaruncæ. Bitdzeutæj sæ jeu rajsuj lædzæg æma uællæj dælæmæ khæxtæ cævgæ racæuuþ æma dzoruj:

„Agla, dogla,	Qojrah, qustun,
Æxsedæga, færingdæga;	Sagæn æmbal,
Dzagkin, dsugkin;	Fændag, kurc“!

Fæstag dzura' «kurc» kæbæl æruaja, uoj khax niccævuþ. Ke khax niccæva, je hæuama isista æ bunatæj; nimajæg hæuama isbada dællæj, innætæ ba sæxe rajjevoncæ sæ bunættæj. Uoj fæste babæj næuæg nimajæg raidajuþ hast næuægægj.

Примечания (ærkæsuɲnægtæ).

1) Фраза: „Ustur i Nartmæ bærægdær adtæj duuæ mugkagi: Boriatæ æma Æxsærtægkata“ буквально переводится так: „В большой Нарте виднее были два рода (две фамилии): Боряевы и Ахсартаккаевы“.

2) Фраза: „æxsaræj ba iting mugkag“ буквально переводится так: „а мужеством сильная (крепкая) фамилия“; слово iting иначе можно сказать qæbær, т. е. сильный.

3) Jeris kænun-соревновать; соперничать друг с другом; fæjjeris kænun—наталкивать друг против друга.

4) Фраза: „Jeu xadt kæmi adtæj, uomi“ буквально переводится так: „Один раз где было, там“.

5) Bahodza (Багодза) иначе называется Mahodza (Магодза).

6) Фраза: „Jeu dæxuædæg kud zonaɲ, uæxæn“ служит вводным предложением и переводится буквально так: „Один сам как знаешь такой“, т. е. невидный, ничем не выделяющийся.

7) Слово næbæzzon состоит из двух частей: næ и bæzzon; bæzzun значит годиться; næ bæzzun-не годиться; отсюда næbæzzon-ни к чему негодный, никчемный.

8) Кавдасард-kævdæsard буквально значит рожденный в яслях, т. е. раб; до прихода русских среди осетин было сословное деление: на алдар, фарсаглагов и кавдасардов. Права каждого сословия были строго определены обычным правом. Сам рассказчик, Кертиби, был кавдасардом (кумиаком-qumaɲag). Об этом смотри его биографию. Архивные материалы по сословному делению осетин будут изданы особо. Слово iruhdgomaɲ зрачит слабоватый.

9) Фраза: „æ sægatmæ randæj zærdæ'xsajgæj“ буквально переводится: „ушла в дом родителей своих с сомнением сердца, сомневаясь, беспокоясь“, т. е. в положении.

10) Сказать осетину: kæmæj ajtæ, uoɲ ku næ zonetæ“, т. е. вы не знаете своего происхождения, считалось большим оскорблением; это понятно при родовом быте, существовавшем у осетин.

11) В гостях, по обычному праву осетин, человек должен вести себя определенным образом, иначе не будет к нему уважения. Правила довольно трудны для исполнения.

12) Фраза: „æ dedenæg rafadidæ“ буквально переводится: „его цветы распустились“.

13) Сказочное дерево, которое очень часто фигурирует в осетинских сказаниях, в особенности же в сказках.

14) Фраза: „jæci dzurdmæ gæsgæ“ буквально переводится: „смотря на это слово“, т. е. на основании этого, сказанного.

15) Фраза: „Uomæ gæsgæ“ буквально переводится „смотря на это“.

16) Фраза: „cidær adtæj“ буквально переводится „что-то было“, а тут в контексте имеет значение, смысл: „как бы то ни было“.

17) Фраза: „mæxe fid kud baxuærdzænæn“ переводится буквально: „как я съем свое мясо“, т. е. как я убью своего однокровника по происхождению; убить его значит убить самого себя.

18) Фраза „Na'dtæj, adtæj, uæddær“ буквально переводится: „не было, было, все-таки“.

19) Фраза: „ali rauæp“ значит: „в каждом месте“, т. е. везде.

20) Фраза: æ kizgæ æ uodæj hasta“ буквально переводится: „его дочь играла своей душой“, т. е. была при смерти; uodæj hazun-играть душой, т. е. быть при смерти.

21) Фраза: „Æ madæj raigurgau“ буквально значит: „подобно рождению от своей матери“, т. е. здоровый, без недостатков.

22) Фраза: „jeu bon Æxsærtægk fæxxattæj“ буквально значит: „Один день Ахсартак проходил“, т. е. охотился целый день.

23) Lægæj lægmæ uun-бороться, наброситься друг на друга

24) Фраза эта означает то, что она превратила его в такое животное, которое ей было более полезно в каком-либо отношении; название животного в данном сказании не приводится.

25) Ænhæl kæsun значит „надеяться“ на что-нибудь, ожидать чего-нибудь, в данном случае, возвращения.

26) Фраза: „Ua-næ-ua“ буквально значит „было, не было“, т. е. в конце концов.

27) По обычному праву, особенно часто встречающемуся в памятниках народного творчества, если герой не хотел иметь связи с героиней по какой-либо причине, то клал между собой и ею шашку; а если сомневалась героиня, то клала стальные ножницы.

28) Nær gængæ значит крича, или же с криком.

29) Фраза: „Mæ uod-de'uazæg“ буквально значит: „моя душа—твоя гостья“, т. е. просит пощады.

30) Færki færkkej nikkænun-изрубить на мелкие куски.

31) Смотри примечание 27.

32) Ахсартак подозревал брата Ахсара в связи со своей женой.

33) Буквально: jeu bon значит „в один день“, т. е. однажды.

34) Фраза: „ma jibæl alli zari sær xastoncæ“ дословно переводится так: „и над ней начало всякой песни приносили“, т. е. распевали над ней всякие песни (во время шитья).

35) По осетинскому обычному праву жена не имеет права называть своего мужа, как и других дальних и близких родственников мужа, независимо от их пола и возраста, кроме малолетних, по имени; мужа своего называет: „je, næ læg, næ særi хесау“, т. е. „он, наш мужчина, господин нашей головы“.

36) В тексте сказано: „ærtigkagæn“ без имени существительного, которое подразумевается, т. е. в качестве третьей жены.

37) Буквальный перевод фразы: „То, что не вспоминалось в моей душе, напомнили моей душе“, т. е. навели его на мысль.

38) Фраза: „lekæd rabadgæ“, т. е. „никогда не встающая (с постели, как больная)“.

39) Фраза: „ma nur mældzænæn, zæhgæ, uædta zaxta Хæmicæn“ представляет особенность в конструкции осетинского языка; буквально можно перевести ее таким образом: „и теперь умираю, говоря, тогда сказала Хамицу“, т. е. „когда она почувствовала, что умирает, то сказала Хамицу“.

40) Serq-меч; оружие нартов.

41) Слово „ærabadtæj“ есть форма от „ærabadun“, буквальный перевод которого значит: „приподняться из могилы“, т. е. „ожить“. Имеет и другое значение в отношении больного: „sæjgæ æ xussæni ærabadtæj“, т. е. „больной приподнялся на своей постели“.

42) По осетинскому обычному праву, которое еще сохраняется и

до сих пор, женщины в вечер под субботу должны навещать своих покойников на кладбище. При суровости обычного права эти хождения для осетинок были своего рода отдыхом, отвлечением от тягот и забот семьи.

43) Фандур (fændur)—национальный осетинский музыкальный инструмент, на котором играют народные певцы; за последнее время вытесняется скрипкой.

44) При отправлении невесты из дома родителей по обычному праву необходимо петь песню под названием: „Alaj“. Слово „alaj“ не переводится, так как значение его утеряно.

45) Слова: Sasægæj, „uasægæj“ буквально переводятся: „насколько правдиво“, „настолько справедливо“, т. е. иначе говоря: „постольку, поскольку“.

46) Sosæg-Ældar в переводе значит: „Скрытый князь“.

47) Отец не научил Sosæg-Алдара ничему, кроме ухаживания за скотом, т. е. научил только скотоводству.

48) Фраза: „jetæ jeunæg anzbæl sædæ fusi bacæncæ“ буквально переводится так: „Они в один год сто овец сделали“, т. е. превратились в сто овец. Такое неестественное преувеличение часто допускается в осетинских сказаниях.

49) Фраза: „ci jibæl racudæj“ означает в переводе: „сколько времени прошло“, а буквально переводится так: „что над ним прошло“.

50) Слова: „madiard bæhnæg“ буквально переводятся: „голая, как при рождении от матери“, т. е. совершенно голая.

51) Подразумевается: от истечения семени.

52) Фраза: bærcag ærvadæ значит: равный брат, от слова „bærcæ“ —мера.

53) Xuærzigurd значит буквально: хорошо рожденный, т. е. знаменитый, совершенно рожденный, без недостатков.

54) Фраза: „kærædzej fædbæl nekæd racudæncæ“ буквально значит: „никогда не пошли по следам (следу) друг друга“.

55) В большинстве сказаний имя этого героя слышится, как Урузмаг (Uruzmag), а потому в переводе пишется *Урузмаг*.

56) Фраза: „Narti Uoræzmæg“ буквально переводится так: Урузмаг из Нарты. Нарта название страны, населенной нартами.

57) Фраза: „Narti dzæbæxtæ“ буквально переводится так: „лучшие (люди) Нарты“.

58) Старый осетинский дом (xædzaræ) представлял из себя большое помещение, при чем очаг бывал посреди дома; в данном сказании у Урузмага очаг в доме оказался в стороне, у одной из стен, а потому и фраза: „Uoræzmægi ustur jeuværsugtoxona xædzari“.

59) Фраза: „ma'j hæssuntæ raidædta“ буквально переводится: „и его носить стал“; действие продолжается долго, что выражается глагольной формой hæssuntæ.

60) С помощью слова „zæhgæ“ осетинский язык знает особый оборот речи, который неизвестен русскому языку и который передается в разных случаях различно. Буквально фраза: „nur ærbacæudzænpæj, uæd ærbacæudzænpæj, zæhgæ“ переводится так: „теперь он вернется, тогда он вернется, говоря“.

61) Фраза: „dzubanditæ ma dzubandij særtæ hæssuncæ“ буквально переводится: „разговоры и оглавления разговоров несут“, т. е. ведут разговоры на разные темы.

62) Фраза: „ma sin baduntæ rajeudahæj“ буквально переводится

так: „и им сидение продолжалось долго“, т. е. им пришлось сидеть долго.

63) Фраза: „Uoræzmægī zæronð“ буквально переводится: „старый, старость Урузмага“, т. е. старый или старик Урузмаг.

64) Фраза: „ma mæbæl girizmæ æriftudæncæ“ буквально переводится так: „и надо мной до шуток дошли“.

65) По осетинскому обычаю при входе гостей в дом, независимо от пола и возраста его, все должны встать и приветствовать их. Вставание гостям есть знак уважения к гостям. В данном сказании старик и старуха исполнили только одну часть обычая, т. е. встали при входе Урузмага, но не приветствовали его словами, а сели молча. Разгадка этого заключается в том, что Урузмаг был их зятем, а зятя по обычаю не обязательно приветствовать.

66) Фраза: „fingæ ali xwarz æma dzæbæxæjdzagæj ærbaivardta zæronð uosæ“ буквально переводится так: „старуха поставила столик, наполненный всяким добрым и хорошим“, т. е. яствами и напитками.

67) Слово хипæ значит угощение, кусок, даваемый в знак особого внимания со стола кому-нибудь из младших или посылаемый со стола старшим женщинам.

68) Фраза: „i bitdzu æ tæppæztæ basaxta“ буквально переводится так: „мальчик свои конечности потряс“, т. е. упал в судорогах.

69) Буквально: „плакал над своими бедными днями“ (æ mægur bændtæbæl kudtæj).

70) Фраза: „sælxæmburdæj baduncæ“ переводится буквально так: „сидят кругом, подобно колесу“, т. е. сидят в круговую.

71) Фраза переведена при помощи неопределенного наклонения, а между тем глагол стоит в первом лице будущего времени. Можно было бы передать вопрос Урузмага так: „Расскажу ли я вам древнее сказание или новое?“

72) По осетинскому обычаю жена при старших родственниках мужа не имеет права говорить громко так, чтобы ее слышали. Жена Урузмага нарушила этот обычай в виду большого несчастья, но все-таки у старших родственников мужа просит извинения.

73) Фраза: „uontæ bærzond æma særguburæj“ употребляется в сказаниях при характеристике душевного состояния героя, которого постигла какая-либо неудача.

74) Фраза: „Dæuæj usturdær fudtæ dær ma jeskæbæl ærcudæj“ буквально переводится так: „большие несчастья, чем твои, еще над кем-нибудь пришли“, т. е. кто-нибудь испытал большие несчастья.

75) Narti Xiriu-Fij Saulæg значит в переводе „безносый нарт Саулаг“.

76) Фраза: „Uoræzmæg dær æhebæl ærxudtæj“ буквально переводится так: „и Урузмаг над собой посмеялся“, т. е. осудил себя, что поддался так сильно горю.

77) Буквально фраза переводится так: „Урузмаг на второй день приставил плотно свое седло на своем богатырском коне“.

78) Баран или овца (большей частью), зарезанные хозяином в честь гостя или божества, называется kosart (косарт).

79) Фраза: „Mæ ragon fudtæ min isnæuæg kodta“ буквально значит: „старые мои несчастья мне обновил“.

80) Фраза: „bon sau izærmæ“ значит: „день до черного вечера“, т. е. целый день, с утра до вечера.

81) Фраза: „Dæ lævar beræ“ буквально: „(Да будет) много твой подарок“, т. е. благодарю, спасибо за подарок.

82) Фраза: „Soslan uælvændagæj fonsgænæg adtæj, dælvændagæj fonsamondgun“ буквально переводится так: „Сослан над дорогой был достающим (т. е. доставал) скот, под дорогой—счастливый на скотину“, т. е. Сослану при набегах везло во всем, всегда возвращался с добычей.

83) Глагол fækkæsun имеет значение: ожидать долго, ухаживать, наблюдать, посмотреть; в данном случае означает „посмотреть с вершины горы на равнину“.

84) Sauændar значит черное пятно, точка.

85) Фраза: „æ fæste ba saugængæ goton auædzau sæuij“ буквально переводится: „А позади него (вслед за ним) плуг идет, делая черное, подобно борозде“.

86) Фраза: Soslan imæ beræ fækkastæj, ci uodzænæg cuma, zæhgæ“ буквально переводится так: „Сослан наблюдал (смотрел) за ним долго (много), что же это будет говоря“.

87-88) Фраза: „ma din je ba læg æ bæxi rahi xussgæ sæuij, æ bæxarcæ ba zænxæbæl lasuj ma'j goton auædzi bærcæ khaixgæ sæuij“ буквально переводится так: „а это человек едет, спавши на спине своего коня (т. е. богатырь спит на спине своего коня и таким образом едет), а пика его волочится за ним и едет, взрывая ею землю, (как) плугом борозду“ (т. е. взрывает землю, как плуг взрывает борозду).

89) Фраза: „Xussæg læg xussihældzgutæj æxe rasærfittæ kodta“ буквально переводится: „Спящий человек спросонья себя вытер (несколько раз)“.

90) Фраза: „Soslan dær xuarzau næ bal adtæj“ буквально переводится: „И Сослан не был больше подобно хорошему“, т. е. Сослан испугался.

91) Фраза: „Soslan æ bæxæj fesqiudtæj ma æ usqæj kæggon xumæ'ndærxsæ hanxæ gængæ racudæj“ буквально переводится: „Сослан отлетел (слетел) от своего коня и прошел, проводя своим плечом расстояние, равное кабардинской десятине“, т. е. откатился на далекое расстояние, так силен был удар богатыря.

92) Фраза: „Dærxsæ zamanati“ буквально значит: „Длина испытаний“, т. е. через долгое время, полное испытаний.

93) Хæрани tuppur—курган Вражды. Этот курган очень часто фигурирует в осетинских народных сказаниях, в частности в нартовских; место его указывается под горой Уарпп, т. е. под Эльбрусом.

94) Фраза: „uædta din Narti uasxæ dædtun, khuærej boni Uarppi buni Хæрани tuppurbæl dæ razmæ kud racæudzænæn, uobæl“ буквально переводится так: „А потом даю тебе нартовскую клятву на том, что в недельный день выведу (выйду) к тебе на курган Харан под Уарппом“. Вместо формы: „tuppurbæl“ мы в зависимости от глагола: „racæudzænæn“ ожидали бы форму: „tuppurmæ“.

95) Muræ—маленький колокольчик; qudas—тоже маленький колокольчик, только другого вида; в виду этого в переводе употреблена фраза „две сотни разных колокольчиков“.

96) hos darun—буквально значит: держать ухо, т. е. дожидаться чего-нибудь или чего-нибудь, в данном случае прибытия Алибега, противника Сослана.

97) Фраза: „Je'ruх ku razdaxa æ хædzar'ærdæmæ“ буквально переводится: „когда он лицом своим повернется в сторону своего дома“, т. е. когда он повернет обратно домой.

98) Фраза: „uædta dæ bæxbæl baduni koj kænæ ma dæ lægihædæ ma dæxuædæg, ma jibæl baauærdæ“ буквально переводится: тогда старайся

сесть на своего коня и твое мужество и ты сам, не пощади его“, т. е. необходимо Сослану быстро сесть на своего коня и проявить свое мужество, не пощадить Алибега.

99) Фраза: „Ku peci jimæ dzurdta, uædta æ bæxi khembur rakuær-dta“ переводится буквально так: „когда он (Сослан) ему ничего не отвечал, то он (Алибег) ударил морду своего коня“, т. е. повернул коня обратно, чтобы ехать.

100) Фраза: „Madta dæ uasxæ dæ fæste æftud fæuuæd“ переводится так: „В таком случае клятва твоя да будет привязана к тебе (буквально: позади тебя)“, т. е. чтобы клятва, данная Сосланом и нарушенная им, его настигла.

101) Фраза: „Alibegi bæxæn beræhdzari æsmag æ findzi iscudæj“ буквально переводится так: „Запах от волчьей шкуры вошел в нос лошади Алибега“.

102) Фраза: „ma'j tænti rajsta“ буквально переводится так: „и взял его с подтянутыми боками“, т. е. понесся в испуге.

103) По осетинскому обычаю всякое лицо, сообщаемое кому-либо приятную весть, за это должен получить подарок; этот подарок называется по-осетински: „xuærgængorægkag“, что значит в переводе: „выпрашиваемое, получаемое за хорошее“. В данном случае Сослан вводит Урундук-Афсину в заблуждение, заставляя батрака сообщить ложную весть.

104) Клятва потухшим очагом у осетин считалась одной из сильных клятв. Фраза: „Madta mæ art bauazalæj“ буквально переводится: „В таком случае очаг мой сделался холодным (остыл)“, т. е. за очагом некому больше ухаживать, чтобы поддерживать его без угасания, а, следовательно, погибает дом.

105) Слово *baivæd* переводится так: следом, вскоре.

106) Обыкновенно герои в сказаниях странствуют неделю; это обозначается фразой: *æstæmæj astmæ*, т. е. от восьми до восьми, иначе: целую неделю. Слово *uælestæn* значит: сверх восьми, т. е. один из героев при неудаче сверх восьми дней странствовал еще три дня. В данном сказании эти три дня не указываются.

107) Слово: *asal-aual* разлагается на следующие части: *a sal*, *a ual*, что в переводе значит: „сколько это, столько это“, т. е. в продолжение, в течение долгого времени.

108) Слово *boræmæz*—неизвестного качества и состава вещество для закаливания героев. Так выходит по данному сказанию. На основании других сказаний *boræmæz* значит клей, но неизвестного состава.

109) Повторяемость действия в осетинском языке в числе других средств достигается при двукратном повторении основы с двумя приставками: „*ra*“ первый раз и „*ba*“ во второй раз: *raxatæ-baxatæ* (переворачивать), *raso-baso*, ходить туда-сюда, *radzoræ-badzoræ*, *rafinsæ-bafinsæ* переписывать, переписываться.

110) Что это за войска: *Argan-Aurgen* (*Agez-Biaurgen*), сейчас вследствие отсутствия данных трудно установить.

111) Дигорский язык в отличие от иронского языка допускает вставку между предложной приставкой и основой глагола местоимения, большей частью одного или даже двух: *ær-imæ-xattæj*—обратилась к нему; *ær-in-ibæl-ævardtoncæ*, что значит: наложили ему на него; *ær-in-ibæl-æj-ævardton*—значит: ему его на него положил и т. д.

112) Эпитет *pæræmon* от *ræmun*, *læuun*, что значит: нетерпеливый, в нартовских сказаниях прилагается только к Сослану. Этим характеризуется темперамент данного героя.

113) Осетинский язык имеет ту отличительную черту, что в глаголах допускает повторение предложной приставки в конце слова и тогда соответствует русскому „ка“ в таких формах, как: посмотри-ка, пойдика и т. д. Примеры: rauaj-ra, bakæsæ-ba, isdzoræ-is и т. д.

114) Эпитет mænkhiġ, т. е. маленький прилагается еще и к другим героям, как Адамаз, Сауай и др.

115) Имя Uaciroxs состоит из двух частей: Uas (святой) и roxs (свет). „Uas“ встречается еще и в других именах, как, например: Uacella (святой Илья), Uasgerġi (святой Георгий) и др.

116) Фраза: „Na, næ ua“ буквально переводится так: „Нет, не будет“, а смысл имеет: в конце концов.

117) Фраза: „uotæ æ nad æ baræ gauaxta“ буквально переводится так: „так он пустил ее дорогу по ее воле“, т. е. Деденаг согласился с предложением Уацирохс, удовлетворил ее просьбу.

118) По другим вариантам имя героя произносится несколько иначе, а именно: Aræxsaу, Jaræxsaу. Самое имя дал ему Сослан. Имя это чисто осетинского происхождения, легко разлагаемое на две части: aræx (часто) и saу (приходящий), а вместе означает: бывалый. Подобные имена среди осетин сохраняются и до сих пор так же, как и другие, как, например, Xuasdzau и пр.

119) Жена Урузмага, она же его сестра, чаще в нарговских сказаниях выступает с именем Сатана, реже: Ахсина, Афсина-Ахсина. Æxsij-næ значит: госпожа; Æxsijnæ-Æfsijnæ—госпожа-хозяйка.

120) Между предложной приставкой и глагольной основной дигорский язык терпит вставку не только местоимений, но и других частей речи: ær-saburdærdær и др. (см. примечание 111).

121) Uadæhez или Uadæhezæ—женское имя чисто осетинского происхождения; это имя легко разлагается на две части: uadæ (буря, ураган) и hezæ от hezun (оберегать, ожидать, взбираться куда-нибудь); все имя могло иметь такое значение: оберегающая, охраняющая от бурь, ураганов.

122) Kænti-Sær-Xuændon в переводе значит: глава Кантов Хуандон. За отсутствием точных данных пока не представляется возможным установить народности кантов. Имя главы Хуандон звучит по-осетински, но в толковании его частей возможно расхождение.

123) Форма: rasæudzænæj'æġ интересна тем, что спрягаемая форма глагола, 3 лицо един. числа будущего неопределенного (futurun indefinitum) принимает падежное окончание Ablativ'a (творительного падежа).

124) Численность войск Ахсартаккаевых, полученных ими от Хуандона, определяется по другим сказаниям так: „sædæ sædæ ærdzæ sædæ, ævdaj ævdaj ævdævdaj, ærdzæ sædæ sæ uældaj“, что при одном толковании дает войско в 5.401.300 человек, а при другом—64.600; второе толкование более согласуется с историческими данными (более подробно смотри статью Г. А. Дзагурова: „Осетинский пастушеский счет“, 1 выпуск „Известий Осетинского Научно-Исследовательского Института Краеведения“). По мнению проф. А. А. Фреймана, сообщенному мне в письме, в слове „ærzæ“ (ærdzæ) необходимо видеть остаток древне-иранского: hazarṡa—тысяча. При таком толковании смысл фразы и самое число войск Ахсартаккаевых меняется, а именно: тысяча и тысяча, помноженная на тысячу, сверх этого сто, т. е. 2.000.100.

125) По дигорскому обычаю, при рождении мальчика, девочки соседних семейств устраивали качели (jelqina), качались на них и пели песни, большей частью песню под названием „jelqina“ (см. об этом В. С. Миллер „Осетинские Этюды“, часть II, стр. 289. Домашние обряды).

126) Крепость Гори, теперь город Гори Грузинской Республики, был предметом раздора между Грузией и Осетией. Известно, что Оси-Багатар в конце XIII и в начале XIV века был заперт со своими войсками в крепости Гори. Грузины осаждали крепость, и Оси-Багатар вынужден был просить пощады (см. „Очерки по истории Осетии“ Г. Кокеева, издание Осетинского Научно-Исследовательского Института Краеведения, 1926 года, стр. 38, а также работу д-ра Пфафа: „Материалы для древней истории Осетии“ в „Сборнике сведений о кавказских горцах“, вв. IV и V, 1870 г. Тифлис). Возможно, что в данном нартовском сказании нашла свое отражение борьба Осетии за обладание Гори.

127) Слово *uacaxæssæn* состоит из двух частей: *uac*—святой и *axæssæn* от *axæssun*—ловить; значение слова: могучий, ловящий святость, удачу. Здесь необходимо передать при помощи слова: могучая рука (*uacaxæssæn cong*).

128) Формы: *sær-æz-dænbæl* и *sær-mænbæl* представляют интерес в том же отношении, как и слово в примечании 123 с той только разницей, что там мы имеем одно слово, а тут три и два, т. е. *sær æz dæn* и *sær mæn* (æj), представляющие из себя целые предложения; в буквальном переводе: я—голова и голова—мне, т. е. главенство, превосходство. Таким образом целая фраза, состоящая из нескольких слов, окаменевают и принимают падежные окончания. Что касается самого спора из-за первенства, то он характерен не только для нартов, но во многих отношениях и для современных осетин.

129) Имя *Uadzæftauæ* состоит из двух частей: *uadz*, *uac*—святой, светлый; *æftauæ* от *æftauun*—прибавлять; все слово означает: приносящая, вносящая светлость. Первая часть слова та же, что и в других словах, указанных в примечаниях 115 и 127.

130) В других сказаниях герой носит имя Мукара (*Mukara*) и Нокар (*Nokar*).

131) Значение слова: *haxiag*, *babiag* и *angusag* остается неизвестным, а между тем в сказаниях, в особенности же в сказках они встречаются очень часто. В виде догадки возможно высказать предположение, что эти слова могли означать название разных народностей, известных своим искусством в той или иной области.

132) *Ærxī tabæt*—медный гроб; по объяснению бабушки собирателя сказаний Михала Гарданова *ærxī tabæt-ærxī kiræ* (медный сундук), а по объяснению Махческих жителей—медный пояс на гробе снаружи. Бабушка Михала Гарданги, когда сердилась, то говорила ему так: „*Fidibojnag*, *Uzumi xumæmæ mæ hæssdzænæ æma mæbæl ærxī tabæt æværdzænæj*“, что в переводе означает: „Несчастный, отнесешь меня на Узумское поле и похоронишь меня в медном гробу!“ *Uzumi xumæ*—древнее кладбище над Махческом, где гр. Уваров производил археологические раскопки и где по преданию народа хоронили знаменитых людей. Сам собиратель сказаний застал еще *mærdæncojni dortæ*, т. е. камни для похорон покойников.

133) Личность знаменитого восточного завоевателя Тамерлана (Железного Хромца) или Ахсак-Темура нашла свое отражение в многочисленных народных сказаниях, из которых в настоящем сборнике приводятся только три. Известно, что Тамерлан разгромил предков осетин на берегах Терека. Это событие не могло пройти бесследно. Насколько сильно было впечатление от личности Тамерлана, видно из того, что конец мира по представлению осетин связан с его личностью.

134) Сказание о семи братьях, у которых Тамерлан похитил их сестру, приводится под № 27.

135) В данном сказании видна попытка связать происхождение некоторых дигорских фамилий от Ахсак-Темура. Многочисленный цикл фамильных или родовых сказаний еще ждет своего собирателя.

136) Цикл сказаний об Одинокоем представляет особый интерес по тому вниманию, с каким народ их передает. В настоящем сборнике приводится одно сказание. И этот цикл тоже ждет еще собирателя.

137) Сказки настоящего сборника мной произвольно, по содержанию, для большего удобства разбиты на два разряда: на нравоучительно-исторические (*fasti arhæudtæ*) и детские, преимущественно о животных. Осетинские сказки отличаются необычайным богатством сюжетов и содержания, но до сих пор их записано очень мало. Очередной задачей является запись преимущественно сказок, чтобы таким образом выявить хотя бы самые распространенные сюжеты. Только после этого возможно будет решить вопрос как о происхождении осетинских сказок, так и о их составе.

138) Данная историческая песня представляет интерес в том отношении, что характеризует взаимоотношения различных частей дигорского племени между собой до утверждения русского владычества на Кавказе, а также социальный строй этих частей дигорского племени.

139) Qubadi Uædati (Кубади Одаев) еще жив и переселился из Донифарса в Лескен. От него я записал эту песню от начала до конца; она несколько расходится с печатаемой в настоящем сборнике песней и представляет особый вариант.

140) Песня о Сари-Асланбеге характеризует взаимоотношения Дигории и Кабарды. В настоящей песне изображается борьба Донифарса (т. е. части Дигории) с кабардинскими князьями за свою свободу, т. е. борьба демократической Дигории с аристократической, феодальной Кабардой.

141) Настоящая песня относится к немногочисленному разряду песен, где изображается тяжелая участь осетинки, погибающей в результате простого, ни на чем неоснованного подозрения в прелюбодеянии. Имеется большое количество вариантов данной песни.

142) Песня о сыне Уахатага относится к многочисленному циклу песен, связанных с охотой. Герой погибает коварно от руки своего товарища, который, по преданию, устранил его для того, чтобы скрыть свою связь с его женой, но и сам погибает от верной собаки сына Уахатага.

143) Слово *uælsærhæ* состоит из двух частей: *uæl* (над) и *særhæ* (около), а вместе в переводе означают предлог: к.

144) Песня о пастухе Белой горы относится к разряду пастушеских песен, т. е. песен, связанных с пастушеством. Имеется большое количество вариантов данной песни.

145) Песня о гибели черноморских осетин относится к периоду борьбы русских с Шамилем, т. е. к сороковым годам прошлого столетия. Она характерна прежде всего тем, что выявляет перед нами, как часть осетин сделалась в руках царской России орудием в завоевательной политике на Кавказе, т. е. материалом для империалистических планов царской России на Кавказе.

146) Песня о Дзанболате Дзагурове относится к разряду песен, возникших под влиянием насильственного насаждения христианства среди осетин и связанного с ним ренегатства. Герой песни, как ренегат, был сослан на остров Чечень на Каспийском море и умер там. Сын его и внуки в настоящее время живут в селении Лескен.

147) Песня о Никкола, а также песни, приводимые под №№ 48,

55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, относятся к многочисленному разряду песен, связанных с религиозными верованиями осетин. Эти песни составляют основную часть религиозного культа осетин. О религиозных верованиях осетин см. „Осетинские Этюды“ Вс. Миллера, ч. II, стр. 236—288 и статью Гатиева: „Предрассудки и суеверия осетин“ в 9 выпуске „Сборника сведений о кавказских горцах“. Песня о Никкола, приводимая под № 69, записана каким-то Хатаевым и переслана им покойному свящ. Гатуеву А. От него эта песня попала в Осетинский Научно-Исследовательский Институт Краеведения, благодаря К. А. Гатуеву, передавшему ее вместе с остатками архива покойного своего отца.

148) Песни, приводимые под №№ 70, 71, 72, 73, 74, связаны с культом земледелия; их можно назвать земледельческими песнями. Особый интерес представляют по своим художественным достоинствам две песни под №№ 70 и 71. В них наиболее ярко раскрывается взгляд осетина на земледелие.

149) Песни, приводимые под №№ 76 и 77, относятся к разряду женских трудовых песен, распеваемых ими при изготовлении бурки для мужчин. Вариантов этой песни пока записано очень мало. Обычно эти песни знают и распевают женщины.

150) Песня эта передана мне Георгием Толасовым, который записал ее в Вакае (в горах Дигории) летом 1926 г., во время лингвистической экспедиции проф. А. А. Фреймана.

151) Песни, приводимые под №№ 49, 50, 78, 79, 80, 81, 82, 83 и 84, поются в различные моменты, связанные с осетинским свадебным обрядом.

152) Заплачка или причитание это записано Мих. Гарданти дословно со слов вопленицы на поляне в Фаснале во время похорон. Причитание это выделено в особый отдел, как наиболее типичный и архаичный вид. К разряду причитаний относятся и причитания, приводимые под №№ 92, 93 и 94. С похоронными обрядами связаны и посвящения, приводимые под №№ 96 и 97 и раскрывающие перед нами взгляд осетина на загробный мир.

153) Заговоры или заклинания, приводимые под №№ 98, 99, 100, 101, 102 и 103, относятся к разряду многочисленных памятников устного творчества. До сих пор их записано очень мало в виду того, что хранительницами их являются женщины, которые отказываются говорить их даже за деньги, так как по их убеждению заклинания после этого теряют свою магическую силу. В виду того, что заговоры являются древнейшим видом первобытного народного творчества, связанного с хозяйственной деятельностью первобытного человека, необходимо их записать возможно полнее и больше, несмотря ни на какие препятствия.

154) Детские осетинские игры и слова и песни, связанные с ними, до сих пор никем не записаны; на них даже не обращали внимания; необходимо и на них обратить должное внимание и записать их возможно больше. В настоящем сборнике приводится только 3 памятника. То же самое необходимо сказать и о детских колыбельных песнях, приводимых под №№ 86, 87, 88, 89, 90 и 91. Таких песен также значительно больше.

Zæronð dzurdtæ.

1. iting mugkag=ænхæст mugkag.
2. iting от слова itindzun=qæbær ivazun (bændæn).
3. iruhd=mællæg, ærhæfsagæ, bahæuagi ka næ fæbbæzza, faqæra.
4. kehogi=уцадьба со всеми строениями и двором.
5. хamec=bærzond kauæ, fedargond.
6. naxæt bos, pl. naxæt bæstæ=торока, ремни седла.
7. isærun, isard или isærd=закалять.
8. kusæ æzmesæ=песок от выветрившейся скалы.
9. udarnæ=sogfadaen khuduron.
10. bæxarcæ—пик.
11. arcæ=mudzura; пословица: arci findzæj cæli findz tuxgindær æj, что в буквальном переводе значит: острее пищи сильнее острее штыка, т. е. мирным путем можно сделать больше, чем силой.
12. qamuci=istur khobosgin lædzæg.
13. qudas=tumbul dzængæræg.
14. хærsæn=хæраг—осел, ешак.
15. æhzæl=togi thingk, togi fæd.
16. isbildoh kænun=оказать сопротивление, противоречить.
17. æsqær=æfsæjnæg хædonæ, броня.
18. хonxi dah=трещина горы, расщелина горы.
19. culuq; ragon adæm culuq xudtoncæ mæsguæj, kenæ ba salæj, kenæ caræj niuazæn.
20. kænægoj=fudgænæg; имеет и другое значение: деятель.
21. tergadi kænun=следить, наблюдать.
22. dzurunæ kænun=bun cahd kænun.
23. uæzæg=gali bærzæj, kosgæ kæmæj kænuij.
24. skommæ kæsun=послушаться.
25. ratausæj=raxabaræj=raihustæj.
26. adæmi tonxi cæuun=adæmi zildi cauun.
27. tog tædzgæ dzorun=говорить убежденно, до кровавого пота.
28. lækhæf=uarh.
29. æfsæn gebuntæ=острые железные концы палки.
30. priska=prang=византийский (а, м. б., генуэзский).
31. jevxæssun=æjjevun.
32. fast=совет, как нужно сделать.
33. mærae=ærdozæ=поляна.
34. uætæltæ=uoramæntæ.
35. æznæmun=rægæpp kænun.
36. khældun=xærdmæ æ findz, khælos qæma.
37. хundægi badun=kizgæ fæstæmæ ærizdæxgæj ku fæbbadu j uæd.
38. qæzalæ=сожженные кости.
39. mærzduq=idzag=æmir—плотный.
40. duuæ izære j astæu=izærdartæ kænun ku raidaiuj=сумерки.
41. nindæ kanun—næ bælsun=tærsгæ kænun=бояться чего-либо или почему-либо.
42. sinonxast=idzagdar.
43. uælvidændtæ=uældaj nard, uælvidæn=uældaj fidtæ.

43. ærxugondæj=æxgædæj=запертый; существует проклятие про дверь: sindzæ'rxu bauuo, т. е. sindzæ æxgæd.
44. azun, asta=давать приют, ласкать, кормить; baazun, baasta.
45. asqot kænun=скрывать; asqot=тайна.
46. qabah=шест и в то же время: xistmæ jeu æmburdgænæg dzillæ, kenæ ba^hhæu.
47. ufsun=arazun, namus kænun, citæ kænun, предлагать.
48. bijde=sahædaqi æfsæjnagi kærôn=железный наконечник стрелы лука.
49. æstærnun, sastærnun=украшать, разукрасить.
50. zuræ don, zurtæ—zurtæ un=река, текущая мелкими волнами.
51. tærna=læquæn—мальчик.
52. avinsun=cirh kænun æxsirfi nikhættæ, dændægutæ; ardæuun (adæ-mi æxsæn).
53. acauun=искать впотемках.
54. rongacau=niuæstæagor.
55. æskhuænxun=выделяться, отличаться.
56. æstæfun=замечать.
57. xæræ=talingæ, zærði xæræ=печаль.
58. ænsedun=ardauun=натравливать.
59. sud æ tærxon rauasta=суд огласил, объявил, обнародовал свое решение.
60. ajið=такое состояние, положение.
61. fecejgomau=læhuz aræst, бедно, простовато;
62. aquz, irdgæ=состояние ветра в разное время.
63. baivæd=следом, вскоре.
64. rodzingæ=khærazgæ.
65. dzansaq=xælæmulæ dzubandi, dzaqula, qælæba.
66. lixsun=плевать на кого-нибудь, на что-нибудь.
67. uædærtæ=центробежное, веретенное кольцо.
68. ærtdux=огонь.
69. æftaugæ, æftaugitæ=потник.
70. barz, febbarz=arti razmæ bærzond hædæ.
71. alh, pl. ælhtæ=ænguldziti kærændtæ armi thæpæni ærdigæj; все вместе наз. urztæ; urz=осязание.
72. dælazæg kænun=унижать.
73. tadzingintæ от tadzinæ=мотыка (плотничий инструмент для выдалбливания коры и других предметов).
74. ændzalæ=жердь.
75. части горской сохи называются: æfsoj=ярмо; ar=дышло; gino-næ (?); tævgutæ (от tævingæ)=заноза (палка, которая вдевается в ярмо и проходит мимо шеи быка перпендикулярно к ярму); xumvæjnæg (?).
76. ænsaræ=свалка; pixsæ ænsaræj læudtæj; ænsærdtæj dzi læudtæj minasæ; ansærdtæmæ=в чашу, к завалам, к свалкам (в непроходимые места).
77. xælin khos=невидимая чаша.
78. sæqe hun или sæqes hun=грубая крученка из шерсти.
79. hunkonbos=шерстяной учкур.
80. qæsqær=лузгарь от ячменных зерен; грубый.
81. ædkherppatæ=с излишними наростами.
82. xælin baræg=невидимый всадник (в сказках).

SÆRTAMONÆG.

Fitdzag sær. Narti tauæraqtæ.

	fars
1. Æxsaræ æma Æxsærtægk	5
2. Bolat-Xæmic	8
3. Soslan æma Sirdoni raiguruni tauæraq	9
4. Oræzmægi kuvd	11
5. Soslan æma Totrazi furt Alibeg	16
6. Soslani mælæt æma Ojnoni Calx	18
7. Soslan mærdtæmæ kutemæj cudæj	22
8. Batrazi raigurun	23
9. Narti sind	25
10. Dedenægi tauæraq	33
11. Narti mægur bændtæ	35
12. Narti sau robas	37
13. Boriatæ æma Æxsærtægkata	42
14. Kurd-Alægon	46
15. Gori fedari æfsædtæ	47
16. Narti salf xodæ	52
17. Adækezi kizgæ Uadzæftauæ	53
18. Soslan æma Xæmici furt Batraz	57
19. Nokari furt Æxsæ-Budaj	58
20. Soslani kærçæ	59
21. Narti xijnæ Sirdon	61
22. Thizmudæ æma Narti ægænon sind	64
23. Nasiran ældar	68
24. Jelæxsærdton æma Negor ældar	72
25. Zæronð Uærçæg	75

Dugkag sær. Axsaq-Temuri tauæraqtæ.

26. Axsaq-Temur	81
27. Axsaq-Temur	81
28. Axsaq-Temur Digoræmæ kutemæj ærcudæj	83

Ærtigkag sær. Mægur jeunægi tauæraq.

29. Jeunægi tauæraq	87
-------------------------------	----

Cuppæræjmag sær. Arhæudtæ.

30. Xantæ æma urus	} Fasti arhæudtæ	91
31. Azurumi cauæjnon		92
32. Alibeg		97
33. Xani læquæn		102
34. Xani læquæni arhau		105
35. Jelux		108
36. Xantæ æma khuædti læquæn		110
37. Mægur læg æma uosæ	} Suvællændti arhæudtæ	115
38. Duuæ misti		117
39. Robas æma uærtðzæ		117

Fændzæjmag sær. Fidtælti zartæ.

40. Tærion Tulabeg	121
41. Sari Aslanbeg	124
42. Dzandziraq	129
43. Uæxatægi furti zar	130
44. Uors xonxi fijjau zar	131
45. Cahdi mærdtæ (<i>Dzæraestej qazax</i>)	132
46. Dzagurti Dzanbolati zar	133
47. Sau ajnægi ræsuhi zar	133
48. Basiltæ	134
49. Rakæsetæ	134
50. Ægas ærcæuaj	134
51. Cæu bodzo	135
52. Sædsugon sag	135
53. Færngun bijnontæ	135
54. Dessægtæ ma tæmæssægtæ	136
55. Madæ Majræni zar	136
56. Uasgergij zar	136
57. Madæ Majræn æma fidæ xucaui zar	136
58. Uasgergij zar	137
59. Nauruzi zar	137
60. Xuræj komi fijjau	137
61. Ustur xucaui zar	137
62. Nikkolaj zar	138
63. Uasgergi ma Nikkolaj zar	138
64. Uasgergi (<i>Uællag Gulæri zar</i>)	139
65. Uasgergij zar	139
66. Uasgergi	139
67. Toturi zar	139
68. Alauurdij zar	140
69. Nikkolaj zar	140
70. Xuari zar	141
71. Dælæ i buduri æstæn gotændtæ	142
72. Cælilojtæ æma uælilojtæ	142
73. Xuareldari zar	142
74. Jes xuar	142
75. Jesi mælhæ	144
76. Uonaj	146
77. Uonaji zar	146
78. Rakæsetæ	147
79. Alaji zar	148
80. Uasgergij zar.	148
81. Nanaj zar	149
82. Ridadæ	149
83. Alaj	150
84. Alaj	151
85. Buthi zar (<i>mæstmaræn zartæj</i>)	151

Æxsæzæjmag sær. Avdæni zartæ.

86. Qaqa	155
87. Cæuon hæutæmæ	155
88. Æxsiri cigon kæmæn ua?	156
89. Tærna	156
90. Kuji gagkæ	157
91. Gotdza	157

Ævdæjmag sær. Harængitæ.

92. Harængæ	161
93. Harængæ	161
94. Harængæ	162

Æstæjmag sær. Mærdæhdau.

95. Dadæj :	165
-----------------------	-----

Faræstæjmag sær. Fældist.

96. Fældesun	169
97. Digoron fældist	169

Dæsæjmag sær. Cæsti arfæ. ,

98. Fonsbæl cæsti arfæ	172
99. Fonsi cæsti arfæ	172
100. Suvælloni cæsti arfæ	172
101. Suvælloni cæsti arfæ (<i>dugkag</i>)	173
102. Suvælloni cæsti arfæ (<i>ærtigkag</i>)	173
103. Suvælloni cæsti arfæ (<i>cuppæræjmag</i>)	174

Jeuændæsæjmag sær. Suvællændti hæstitæ.

104. Suxsun	176
105. Fadæ fæstæ	176
106. Agla, dogla	176

Zingædær rædudtitæ.

Fars	R æ n h æ		Muxurgond æj	Hæuama ua muxurgond
	uællæj	dællæj		
	n i m a j g æ j			
5	—	10	baizajægtæ	baizajægkægtæ
6	9	—	ne'skomkastæj	ne'skommæ kastæj
8	3	—	rauælgomæj	rauælgommæj
8	—	2	næxæt ^{*)}	naxæt
9	—	7	qazala	qæzalæ
10	—	10	isærd	isard
11	5	—	jeuvarsugtoxona	jeuversugtoxona
11	10	—	farsmæ	farsemæ
11	—	16	xusæ	kusæ
16	—	5	Uærppi ^{*)}	Uærppi
16	—	17	je'ftauguti astau	je'ftaugiti astæu
18	16	—	baivad	baivæd
18	—	3	uælastæn ^{*)}	uælastæn
20	—	14	nixxæstæj	nillasta
20	—	20	phæzbunæj	pazbunæj
21	—	7	isserdta Narti ustur bo-	
			ha ma	isserdta. Narti ustur boha
26	5	—	uajgæ	uajagæ
26	22	—	gæsgæj	gæsgæ
28	—	6	æjjeva	ajjev ua
29	13	—	uælvīdæntæ	uælvīdæntæ
29	22	—	mæ'dzallommæ	} madzalahommæ
29	25	—	ma'dzallommæ	
30	3	—	uafsxuærdtæ	uæfsxuærdtæ
39	—	17	xækholæ	xækholæ
41	3	—	m abakomæd	ma bakomæd
41	13	—	ræhgæ.... raxta	zæhgæ.... zaxta
41	—	1	bærzi ^{*)}	barzi
43	7	—	ivæzni	ivazni
45	17	—	ælh-dungæ ^{*)}	alh-dungæ
45	—	6	æskhærtæ	æskhortæ
46	22	—	Gamosi	Gamæzi
48	—	15	Uædta jin æ barcæbæl	Uædta jin æ barcæbæl
			fæxxuæcdzænæn	fæxxuæcdzænæn.
				—Ma din æ barcæ ku ra-
				tona uædta?
				—Uædta jin æ hosbæl
				fæxxuæcdzænæn.
52	1	—	sælf ^{*)}	salf
54	9	—	jegarti	jegærdti
57	2	—	axkemaj	Axkemaj
63	1-3	—	xuskhædonæ	xuskhadonæ
67	1	—	kug	kud
69	—	6-17	nihhæstæltæ	nihhæstæltæ
70	7	—	cærtæj	cærdtæj
71	—	7	rongæcau	rongacau
72	—	2	mæ ægxuaræj	medægxuaræj
73	16	—	xuar ævdesæn	xuaræ'vdesæn
74	2	—	jeecidæxdonæj	jeeci ædæxdonæj
74	—	22	kabellag	khalellag
76	20	—	qu'rqærttæj	ku'rqærttæj
76	—	14	Soppari ^{*)}	Soppæri
77	—	15	jeu bælasæ	jeu bælasæmæ
83	19	—	Altæncaqi	Altæncaqi
83	—	6	rahæjmægtæ	ræhæjmægtæ
83	—	9	mængæzhunst	mængæzhunst
87	—	13	mos	dæ mast
91	1	—	136	137
91	7	—	racæjtæbæl	racajtæbæl
93	22	—	cauæni	cæuuni
103	12	—	nixxæstæj	nixxastæj
107	22-24	—	sajænti	sæjænti
112	—	5-6	qæzælæmæ	qæzælæmæ
124	9	—	Æxsindæbæl	Æxsintæbæl
136	2	—	fitdzad	fitdæg

*) „Naxæt, Uærppi, uælastæn, barz, salf, alh-dungæ æma Soppær“ khuar rauænemi ma rædud muxurgond ærcudænæc.

14	15	—	Fæ-ssæmækastæn . . .	Fa-ssæmæ-kastæn
15	—	1	Gecaji	Gecati
43	3	—	bæ	ba
44	12	—	isbæstænæncæ	isbæstænca
44	—	12	a cerq	æ cerq
52	—	1	æsqot	asqot
56	—	8	æ goban charæ	æ gobani charæ
61	26	—	Ma zærdæ	Mæ zærdæ
69	—	13	je uotæ	je uotæ
73	16	—	xuar'iurst æma xuar'æv- desæn	xuær'iurst æma xuæræ'vde- sæn
74	—	6	eba	je ba
76	2	—	Bolat-Xæmicmæ . . .	Uærxægmæ
101	—	22	fitdzagi dær	fitdzagidær
103	—	15	æ xuænxtæ	a xuænxtæ
123	10	—	xungondbæl	xunkhgondbæl
123	—	3	sa isusti	sæ isusti
125	6	—	je'rvadi	je' fsadi
125	9	—	Næ xujmon	Næ zujmon
138	—	16	nimætag	nimættag
162	—	6	kust ædæxst	kustæduxst
176	12	—	xund	xunt dz
176	—	5	kurc	khure

П Е Р Е В О Д

I. Нартовские сказания.

1. Ахсар и Ахсартак.

В великой Нарте выделялись два рода (две фамилии): Боряевы и Ахсартаккаевы. Боряевы составляли большую фамилию, а Ахсартаккаевы составляли людьми маленькую, но мужеством могущественную фамилию. Бог натолкнул обе фамилии на неприязненные действия друг против друга.

Однажды Боряевы пришли к Ахсартаккаевым и из их мужского поколения никого не оставили, кроме Багодза. А этот был, как ты сам можешь знать, таким никчемным, слабоватым кавдасардом. Но одна еще из жен Ахсартаккаевых, дочь бедного, вернулась в дом родителей в положении.

Что прошло, сам бог знает, а потом у нее родились близнецы, два мальчика. Дали им имена: Ахсартак и Ахсар. Подросли мальчики, могли уже играть и начали притеснять ровесников. А те попрекали их, говоря: „Ведь вы не знаете, от кого происходите!“ В один день мальчики зашли к своей матери и спросили ее: „От кого мы приходим?“ Мать их тоже рассказала им: „Ваш род (фамилия)—Ахсартаккаевы; остался еще из вашей фамилии один, по имени Багодза, остальных перебили Боряевы“.

Два мальчика оседлали по коню, стали ехать и остановились у ворот (буквально: двери) Багодза. Багодза принял их, как гостей; а гости ему назвали себя и дали ему знать, что они из оставшегося потомства Ахсартаккаевых. Багодза тоже обрадовался им, а потом рассказал им дела своей жизни и правила поведения в гостях.

Наступил вечер. Ночью младший, Ахсар, сказал: „В эту ночь я должен стеречь его яблоню!“ А яблоня была во дворе Багодза. Вечером она пускала ростки, начинала цвести, покрывалась яблоками, а утром начинала осыпаться. Какая-то птица повадилась к ней и не давала ей больше созреть: ночью прилетала к ней и трусилась ее. Багодза дал слово: „Буду отрубать голову тому, кто будет прибывать ко мне в качестве гостя и не сможет уберечь дерево!“ Согласно этому слову, он отрубил сто голов и насадил их по краям своей усадьбы на колья высокого плетня. В виду этого Багодза, как

бы то ни было, не давал согласия Ахсару, говоря: „Если он не сможет (стеречь яблоню), то как я съем свое мясо (погублю своего)?“

Как бы то ни было, Ахсар не послушался и ночью стал сидеть под деревом. Просидел, а к рассвету он заснул. Птица прилетела и струсила яблоню. Багодза, чтобы быть верным своей клятве, отрубил ему один палец.

Вторую ночь стал сторожить Ахсартак. Как раз во время рассвета прилетело опять к дереву что-то в виде птицы и как только оно струсило дерево, Ахсартак тоже выстрелил в него и ранил его. Оно закричало и вернулось обратно.

Ахсартак нашел на одном листе каплю крови, завернул его, положил в свой кошелек, а утром сказал Багодза: „Брата своего оставляю у тебя, а я иду проведать то, что ранил“. Отправился в дорогу с двумя своими борзыми собаками; искал его везде и нигде не находил его. Потом он достиг селения одного хана. А у хана его дочь была при смерти, и народ собирался около нее; а девушка была та, которую Ахсартак ранил ночью.

Ахсартак стал у края толпы народа, достал из своего кармана каплю крови на листе дерева; ею он смазал ей ее рану, и она стала, как при рождении от матери. Хан выдал ее за него замуж.

Ахсартак стал жить у хана. Он был охотником; отправлялся (на охоту) с двумя своими борзыми собаками и таким образом кормился мясом дичи. Так жил Ахсартак. Когда он отправлялся на охоту, то предупреждали его относительно одного ущелья: „Не заходи туда!“

Однажды Ахсартак пробродил целый день, но нигде ничего не нашел, а к вечеру приبلудился к тому ущелью. А в нем олени паслись стадами; а среди них была белая самка оленя. Ахсартак выстрелил в белую самку оленя. Белая самка оленя стала кружиться и остановилась на одном ровном месте у входа в ущелье. Пришел к ней Ахсартак и убрал ее у горы в одной пещере. Ночью развел костер (огонь) и наполнил шашлыками два шампура. Тогда вышла к нему из пещеры женщина и говорит ему: „Зачем ты истребил мою скотину?“ Ахсартак же сказал ей: „Это не твоя скотина, но подойди и поешь чего-нибудь!“

Женщина села у костра, а сама заставила его привязать к шее борзых его собак одну нить из своих волос; к концу дула ружья его приложила свои веретенные кольца. Потом схватила шампуры и бросила их к себе в рот (т. е. съела шашлыки); а после этого начала бороться с Ахсарта-

ком. Женщина одолела его, ударила его войлочной плетью и превратила его (в того), как ей было хорошо.

Ахсар стал дожидаться (возвращения) брата. В конце концов, когда он не показывался ниоткуда, то отправился на его поиски и, как бы то ни было, дошел до хана. Сказав: „А мы думали, что ты пропал“, обрадовались ему, приняв его за Ахсартака. Ночью ввели его в комнату (спальню). Ахсар понял, что брат его пропал и положил между собой и женщиной свою шашку. Ахсар и Ахсартак были похожи друг на друга, и она его не узнала.

На следующий день Ахсар отправился на охоту с двумя своими борзыми собаками, и бог привел его к тому же ущелью; убил и он ту же белую самку оленя, сложил ее в той же пещере; развел костер и приготовил шашлыки. Тем временем вышла к нему из пещеры женщина с криком: „Зачем истребил у меня мою скотину?“ — „Это не твоя скотина, но подойди и поешь чего-нибудь!“ — „Твои борзые собаки укусят меня, а ружье твое ранит, а потому привяжи своих борзых собак нитью из моих волос, к ружью же приложи мои веретенные кольца“. Ахсар бросил нить из ее волос на огонь, а ее веретенные кольца спустил по скату ущелья. Женщина спрашивает его: „Что это? чей треск и шум раздается?“ — „Разве не имеешь глаз? Трещат шашлыки, а шум происходит, очевидно, от того, что стада оленей скатывают камни, и оттуда слышно“. Женщина поверила, подошла, села около костра и бросила шашлыки себе в рот, а потом набросилась на Ахсара, и стали бороться. Женщина стала одолевать. Ахсар тогда закричал на своих борзых. Борзые собаки выскочили и вцепились в пятки этой женщины, а ружье выстрелило в нее. Женщина упала навзничь и стала просить (умолять), говоря: „Моя душа под твоей защитой!“ — „Обрати мне моего брата таким, как он был, и да будет тебе прощено!“ Женщина ударила их войлочной плетью по спинам их, и Ахсартак стал снова таким, каким был, вместе с борзыми своими собаками. После этого Ахсар и Ахсартак изрубили женщину на мелкие куски.

Пришли они к хану. Хан не знал больше, кто из двух братьев был его зять. Наступила ночь, и Ахсар зашел в свою спальню. Жена его взяла со стены свои стальные ножницы и положила их между собой и им. Наступило утро, и молодые люди отправились домой; хан сделал им и подарки.

По дороге Ахсартак стал подозревать своего брата. Ахсар натянул стрелу на луке и сказал: „Если нас коснулось какое-либо грязное дело, то пусть эта стрела направится вверх одна, обратно же пусть вернется парой и пусть застрянет по

середине моей головы или же пусть вернется парой и сделает так, чтобы ты узнал мою правоту!“ Стрела вернулась парой и отрубила у Ахсартака его палец от руки. Братья поверили друг другу и остались жить, любя друг друга. Род Ахсартакаевых снова размножился от Ахсара и Ахсартака.

Махческ. 30 сентября 1903 г. записано со слов Кертиби.

2. Болат-Хамиц.

У Болат-Хамица было две жены. Однажды они делали ему бурку из ста рун и распевали над ней всякие песни: „Эта бурка будет такой счастливой буркой, что господин нашей головы отправится в Аварию, красивых кумачей Аварии привезет (буквально: принесет) полные свои походные сумы, а красавицу Аварии возьмет себе в третьи жены“.

Хамиц притворился спящим на скамье и выслушал их, а потом сказал им: „Да не простит вам бог! То, чего не было в моей душе, вы мне внушили!“

Болат-Хамиц стал привозить из Аварии кумачи, а потом засватал в жены красавицу Аварии. А женам не верилось. В конце концов, когда узнали, что везет ее, то быстро приготовили три соленые лепешки, выбежали на курган и обратились с молитвой, чтобы она болела целый год и никогда не поправилась, а в годовой день чтобы была ее смерть. Девушка дорогой заболела; проболела целый год (буквально: до дня года) и в день смерти сказала Хамицу: „От моих трудов на тебе ничего нет, но охраняй меня три ночи!“

Девушка Аварии умерла. Хамиц начал ее охранять, накинул на себя свою большую шубу, а свой меч спрятал под ней. Две ночи прокараулил ее, а на третью ночь приполз змей в дверное отверстие склепа и как только он разинул пасть к покойной, так он его ударил своим мечом. Змей распался на две части, и передняя его половина стала ползти и принесла один бус. Обе разрубленные части он приставил друг к другу и по ним провел бусом, и они пристали друг к другу. Хамиц вскочил и отнял бус и стал им водить по покойной, и покойная ожила. После этого он надел на лопатовидную свою палку череп, а из волос девушки сделал струны и таким образом он составил о ней песню внутри склепа.

Вечером женщины пришли в вечер под субботу и когда слышали из склепа игру на фандуре, то бежали обратно. Люди пришли к чуду и оттуда повели красавицу Аварии второй раз с пением алай, как невесту. Двух же жен привя-

зали к хвостам невыезженных коней, а остатки костей их сожгли.

Болат-Хамиц рассказал это им, а потом сказал: „Поскольку правдиво это я рассказываю, постольку по справедливости отдайте ее моему сыну!“

3. Сказание о рождении Сослана и Сирдона.

У нарта Алага родилось 20 сыновей. Младший из них назывался Сосаг-Алдар. Отец не научил его ничему, кроме ухода за скотом, и Сосаг-Алдар странствовал вместе с ними (т. е. со скотом) и жил. Когда Сосаг-Алдар еще был мальчиком, то его отец поместил его в хлев, а вместе с ним еще трех овец без барана. Те в один год дали приплод в сто овец. Сосаг-Алдар вместе со своим скотом жил в кошах.

Сколько времени прошло над ним, сам бог знает, но он не мог больше сдерживать своей баранты. А однажды он погнал баранту по ту сторону Терека и охранял ее так, как мужчина может охранять одну овцу.

Служанка Ахсины посмотрела с наблюдательного пункта и сказала: „Я такого чуда никогда не видела: вон поля от баранты почернели, а охраняет ее один мужчина!“

Ахсина посмотрела с наблюдательного пункта и когда увидела пастуха, то велела запрячь арбу и приехала на берег Терека. А там она разделась донага. Сосаг-Алдар никогда не видел женщины голой и был удивлен, а потом заснул на одном камне, и после этого ему необходимо было выкупаться. Как Ахсина могла его не понять и отправилась обратно! Сосаг-Алдар тоже выкупался и отправился со своим скотом.

Как бы то ни было, Ахсина стала считать дни камня. Когда наступило его время, то вскрыла камень, и из пупа камня ей улыбнулся мальчик. Мальчик сказал ей: „Не сделай больше напрасным свой труд! А теперь сделай мне ящик и вели закалить меня Курдалагону, чтобы я был только из стали!“ Ахсина привезла 12 возов каменного угля, налила в ящик воды и накалила его в горне, а потом опустила в него мальчика, и (вода) не покрыла ему его колен.—„Труд твой пропадет даром, скорей принеси воды!“ И Ахсина сама побежала за водой. Хранитель воды не давал ей воды, и Ахсина забеременела. Под конец она вернулась обратно, но к тому времени мальчик уже остыл, и колена его остались незакаленными. Тогда Ахсина встряхнула свои полы, и выпрыгнул Сирдон. Пустился он бежать. Мальчик ему говорит: „Эй, мой рав-

ный брат, куда ты бежишь? Да будет имя твое Сирдон, сын Натар-Уатара!" А Сирдон сказал ему: „А имя твое да будет доблестный Сослан, сын Сосаг-Алдара, рожденный от сухого камня!"

А с этого дня и до смерти своей Сослан и Сирдон никогда не жили в согласии друг с другом.

4. Пир Урузмага.

Нарт Урузмаг устраивал пир, и к нему собрались знаменитые нарты. Пока котел варился, (тем временем) приглашенные расселись в креслах в большом, с большим стенным очагом, доме Урузмага. А во главе собрания (сидел) сам Урузмаг. Тогда Урузмаг вышел на двор, и когда он на месте рубки дров набирал дрова, тогда над ним пролетел большой орел, налетел на него, запустил свои когти ему в его старую шубу по обеим сторонам пояса и поднял его на своих когтях и унес его.

Сколько (времени) носил его, а потом спустил на высокую черную скалу острова на одном море, а сам улетел обратно. А собравшиеся на пир люди сидят, ждут Урузмага, вот-вот он вернется обратно, и ведут всякие разговоры. Котел уже поспел (буквально: сварился). Огонь начал уже гаснуть, а Урузмаг все-таки ниоткуда не показывается. А сказать: „Где он? куда он исчез?" младшие не смели, и стали сидеть в долгом ожидании.

А Урузмаг направляется темной ночью то в одну сторону, то в другую и никак не находит средства слезть со скалы на равнину. Старик Урузмаг и плакал, и стонал: „О старости моей узнали даже и орлы-стервятники и стали надо мной шутить; что я сделал богу, почему меня постигло это несчастье (буквально: обида, оскорбление)?"

В то время, когда он размышлял таким образом, показалась луна, и Урузмаг увидел на песке от выветрившейся скалы следы одного ребенка. Стал идти по следам и на скале нашел узкую тропинку. По этой тропинке Урузмаг спустился с вершины скалы. Слез и под ней (т. е. скалой) увидел дом. Заглянул в него, а там (тебе сидят) старик и старуха, а перед ними играет маленький мальчик. Думал он долго и смотрел на них, потом зашел и обращается к ним, говоря: „День ваш добр!" Те тоже привстали в честь его (букв.: ему), потом, не говоря ничего, сели обратно. Урузмаг тоже сел на скамейку у двери. (Прошло) короткое время, потом старуха поставила

перед ним столик, наполненный всякими яствами и напитками. Тот тоже обрадовался и принялся за еду. Урузмаг кушает, а мальчик играет на полу дома, прыгает, в одну сторону бежит, в другую сторону пляшет. Потом Урузмаг на кончике своего ножа достал угощение и говорит мальчику: „Подойди, солнце мое, скушай мое угощение!“ Мальчик подбежал поспешно и напоролся на нож. Нож попал ему в сердце, и мальчик упал в судорогах и испустил дух свой (т. е. умер). Старик и старуха тоже встали и, ничего не говоря, взяли труп покойного и похоронили его. Урузмаг тоже встал снова, взобрался на вершину скалы и плакал там над бедственным своим положением, а больше всего над горем этого старика.

В скором времени прилетел опять тот орел и запустил свои когти в старую шубу Урузмага, поднял его и опустил его посреди его двора на месте рубки дров, а сам исчез.

Урузмаг взял дрова и зашел в свой дом. А там нарты сидят вкруговую. Урузмаг положил свои дрова и обращается к народу (собранию): „Рассказать ли вам древнее сказание или новое?“ А собравшиеся сказали: „Древнее сказание мы могли еще слышать, а Расскажи нам новое сказание!“

Урузмаг рассказал им то, как орел отнес его на остров моря, и как он там убил единственного мальчика старика и старухи, каким образом потом орел снова принес его в его двор обратно. все это. Нарты дивились, поражались. А Ахсин-Афсина, когда услышала эту весть, то из другой комнаты стала причитывать: „Не осудите меня, лучшие нарты и старшие нашего рода, за то, что я при вас плачу, не соблюдая обычая! У него было 17 сыновей, и 16 из них умерли от его собственной руки, а последнего сына его я отдала на воспитание к своим родственникам из рода Донбеттыровых, в той надежде, что, может быть, он его там не найдет, и он тоже опять умер от его руки! Как мы еще будем жить? кто его будет содержать на старости?“ На ее причитание все собрание горько заплакало. Таким образом пир Урузмага превратился в плач.

Что бы то ни было, собрание разошлось. Урузмаг больше не улыбался улыбающемуся, не отвечал больше на вопросы вопрошающего; таким образом он скитался с поднятыми плечами и опущенной головой. Когда он не в состоянии бывал больше сдерживать своего горя в душе (букв. в животе), то ложился ничком на серый камень забвения печали, находившийся на нихасе Нарты, и жил таким образом.

Однажды увидела Урузмага в таком положении знахарка и сказала ему: „Что ты убиваешься от горя, славный нарт Урузмаг? Кто-нибудь еще испытал большие несчастья,

чем твои. Нарт Хириу-Фий Саулаг испытал еще не такие несчастья, а как же он все-таки живет?" Женщина удалилась, и Урузмаг сам осудил себя и вздумал он искать Хириу-Фий Саулага, говоря: „Кто это такой, кто испытал большие, чем я, несчастья? Хорошо было бы увидеть его!“

На второй день Урузмаг оседлал плотно своего богатырского коня и отправился на погибель своей головы. Сколько времени пространствовал, бог знает, а потом одна ночь привела его на ночлег к месту пастухов. „(Да будет у тебя) много скота, пастух!“ обращается к нему Урузмаг. „Да даст тебе бог скот!“ отвечает пастух: „ты похож на путника издалика, слезай с лошади, мы тебе приют для гостя!“ Урузмаг спешился с коня. Пастух тоже подоил своих овец и убрал их, а потом зарезал в честь гостя косарт и воткнул по обеим сторонам костра шампуры, наполненные шашлыками (Шашлыки) жарились. Пастух тоже возился у огня. Урузмаг не вытерпел больше и говорит ему: „Добрый человек, если даже и будет стыдно, все-таки я тебя спрошу, скажи мне: что случилось с твоим носом? “— „Если бы ты не был моим гостем, то было бы тебе что-нибудь, а теперь да будет тебе прощено!“ Урузмаг не оставлял его больше, назвал ему и себя; сказал ему и то, почему странствует, и кого он ищет. В конце концов, когда он не оставлял его больше, то пастух сказал ему: „В таком случае я тот человек, которого ты ищешь, и тем, кто натравил тебя на меня, пусть бог да не будет довольным: он снова напомнил мне мои старые несчастья.

У меня было семь сыновей, один другого живее, один другого мужественнее, красивее. Они возмужали у меня; в состоянии были уже охотиться. Однажды я взял всех семерых с собой и отправился таким образом на охоту. Охотились целый день и ничего не нашли. А вечером бог привел нас к одной пещере у одной горы. Расположились на отдых в пещере, развели огонь, а тем временем в ту пещеру, где мы были, явился, посвистывая, великан с одним глазом посреди лба, с большим стадом овец, а на плече дерево с корнями и ветвями. Великан ударил дерево об землю, и оно рассыпалось на куски, слишком толстые для лучины и слишком мелкие для костра; вход в пещеру заложил большой скалой, а сам обращается к нам: „Приходите живыми, мои гости! Какой бог привел вас сюда, горные птички?“ Мы тоже ответили на его приветствие. Вечером в честь нас зарезал косарт, угостил нас хорошо, а утром выпустил свое стадо, нас же оставил в пещере, заложив вход в нее, а сам удалился.

Сколько возможно было в течение дня, мы тоже провозились над входом в пещеру и не нашли средства сдвинуть

его (т. е. камня, скалы, которой заложен был вход в пещеру): попробуй-ка свалить гору!

Вечером великан опять вернулся и зарезал нам косарт. Таким образом он угощал нас 15 ночей и 15 дней, не выпустив наружу из пещеры. А потом в одну ночь великан (говорит) мне так: „Гость не все время гость, а теперь и ты приготовь нам ужин! Гость (считается) гостем одну ночь, а потом и он хозяин!“ — „А я тебя чем (угощу), что ты у меня видишь?“ — „Зарежь нам вот одного из своих сыновей!“ Смотрел я на них, и на кого из них могла подняться моя рука? А потом старший сказал: „Все-таки я раньше увидел свет дня, прожил также я больше и зарежь меня, отец!“ А младший (говорит) так: „Нет, зарежь меня, отец! Старшие чем-нибудь дали тебе возможность отдохнуть, а я тебе до сих пор ничем не помог и, может быть, этим я пригожусь тебе!“ Как ни тяжело было мне есть свою плоть, свою кровь, но у меня не было больше другой возможности и посмотрел на них несколько раз, а потом связал старшему руки и ноги и зарезал его. Попотрошил его, сварил его, съели мы его с великаном и моими сыновьями.

А на другую ночь великан зарезал нам овцу, а потом я второго по старшинству. Таким образом всех семерых, чередуясь через ночь, погубил своей рукой, мясо их также съел. А на восьмую очередь у меня ничего больше не было, и великан засунул мне живому в оба мои колена трехрукий самодвижущийся шампур, поставил меня у костра, а сам заснул. Я тоже, обожженный, опаленный наполовину, и нос мой отпал, уперся ногой о железное сидение у очага и насилу освободился от шампура. Потом раскалил докрасна шампур и сунул ему его в таком виде в глаз. Он тоже заорал, бросился искать меня, но разве я еще сидел около него? спрятался между овцами. Великан тоже то угрозой, то лаской стал манить меня к себе, но я не отвечал ему (не подавал голоса). А утром великан поручил свое стадо козлу и пропустил овец поодиночке между своими ногами.

Сколько времени прошло, а потом у меня тоже зажили мои ожоги, стал в состоянии ухаживать за собой, и когда великан засыпал, то я для себя разводил огонь, резал овцу и таким образом жил.

А однажды великан говорит мне: „Мне больше уже нельзя видеть жизни, а потому, (так как) моя сила, мое счастье заключены вот в этом кольце, надень его на свою руку!“ С этими словами он бросил мне свое кольцо. Я тоже, радуясь, разве не надел его на свой палец!? И вот тебе кольцо стало кричать: „Вот он! вот он!“ Великан тоже выскочил и стал го-

нять меня то в одну, то в другую сторону. Я тоже бегал от него по всем углам пещеры, а кольцо продолжает кричать: „Вот он! вот он!“ Так как бог милостив, то около меня очутился топор, подбежал к нему (букв.: туда), положил свой палец на чурбан и отрубил его топором. Вот этот палец у меня тогда же погиб! На месте рубки дров вместе с отрубленным пальцем продолжает кричать: „Вот он! вот он!“ И великан набросился на него и от сильной злости чурбан превратил в золу. А после этого, говоря, как бы мне выбраться, я зарезал козла-предводителя, снял с него шкуру целиком, наелся его мясом, а утром шкуру его надел на себя и вышел впереди овец. Великан тоже стал у входа, расставив ноги, провел по мне рукой со словами: „Иди, козел-предводитель! Паси их хорошо, а вечером обратно возвращайся вовремя!“

С большим трудом, препятствиями очутился вне пещеры и обратился к нему со словами: „Благодарю за подарок, на этот раз ты мне дал хороший подарок!“ Как великан мог не разгневаться и не погнаться за мной. Я тоже бежал в сторону одной пропасти. Великан в гневе забыл про пропасть и на быстром бегу свалился в нее (букв.: оттуда) и разбился на смерть. А я вышел с этим стадом овец. Тяжело мне было и тяжкие дни я испытал, а тебе что было? Убил ты их, а мясо их все-таки ты не съел!“

Урузмаг оставил тогда свою печаль: на свете многие видели более печальные дни, чем он.

И вы не печальтесь, утрите свои слезы! Подобные вам, в более печальном положении, чем вы, на этом свете сотнями и тысячами.

*Махческ. 8 октября 1903 г. записано со слов
Баззе Колоева и Баба Гецаева.*

5. Сослан и сын Тотраза Алибег.

Сослану во всем всегда везло.

Один раз Сослан отправился на охоту, пробродил и нигде ничего не нашел. А однажды (т. е. в один из дней охоты) он взобрался на вершину Бештау и оттуда стал смотреть на Кумскую равнину. Смотрит и видит там черное пятно, а за ним остается черный след подобно борозде от плуга. Сослан долго смотрел на него, что это, мол, может быть, а потом направился к нему и доехал до него и оказалось, что богатырь спит на спине своего коня и едет, а пика волочится по земле и взрывает землю, как плуг борозду.

Сослан напустился на него, говоря: бог мне дал добычу! схватил свой меч, ударил его изо всей силы и отскочил обратно. Еще раз напустился на него, направил стрелу ему в лоб, пустил ее в него, и она немножко поцарапала ему его лоб.

Сонный богатырь спросонья провел по лицу рукой со словами: „Что же это комары не дадут мне больше спать!“ и раскрыл глаза. Сослан тоже испугался.

Богатырь подтянул своего коня и ударил грудью коня своего коня Сослана. Сослан слетел с своего коня и откатился на расстояние кабардинской десятины, проведя линию своим плечом. Через долгое время, полное испытаний, он привел себя в порядок. Богатырь-всадник тоже отвязал от походных ремней свою пику и засунул ее Сослану между седлом и подседельником и взял его к себе за седло со словами: „Какую горную птичку дал мне бог!“ Сослан вытащил к нему свой змеиный язык, стал спрашивать его и тот спустил его на землю.

Стали расспрашивать друг друга и узнали друг друга. „А ты в таком случае тот, кого я ищу давно!“ сказал ему сын Тотраза Алибег. „Если ты Сослан, то ведь ты съел (т. е. убил) моих шесть братьев, и теперь нельзя больше не убить тебя!“

Сослан стал просить: „Отпусти меня домой; у меня там еще были кое-какие дела и сделаю их; женщин поручу на кого-нибудь, а потом, даю тебе нартовскую клятву, через неделю (буквально: в недельный день) выйду к тебе к кургану Харан под горой Уарпп“.

Древние были верны своему слову, и сын Тотраза Алибег поверил ему, отпустил его, и каждый из них отправился домой.

Сослан явился к Ахсине с опущенной головой и поднятыми плечами и рассказал ей, как он дал клятвенное слово Алибегу. Ахсина сказала ему: „Если угодно будет богу, то он тебе ничего не сделает: отправляйся и доставь ко мне быстро нужное количество волчьих шкур на шубу, а потом будет то, что угодно будет богу!“ Сослан тоже выехал в колючник на берегу Терека и там перебил множество волков; доставил их Ахсине. Она в недельный срок сшила ему из них шубу. Когда наступил день их срока, то Ахсина привязала к гриве его коня две сотни разных колокольчиков; волчью шубу заставила надеть наизнанку и наказала ему: „Отправляйся! Ты прибудешь к кургану Харана раньше и отпусти своего коня, а сам дожидайся там прибытия Алибега; я же превращу себя в тучу и заслону тебя. Когда Алибег прибудет, то будет кричать к тебе (будет звать тебя): „Сослан,

где ты?“ Три раза не отвечай ему ничего; когда он направится обратно домой, то старайся сесть быстро на своего коня, и твое мужество и ты сам, не пожалей его!“

Сослан тоже сделал так, как научила его Ахсина. Тем временем прибыл сын Тотраза Алибег и кричит (зовет): „Сослан, где ты? Не обмани своего срока!“ Когда он ему ничего не отвечал, то повернул морду своего коня со словами: „В таком случае клятва твоя да постигнет тебя!“ и направился домой. Сослан сел быстро на своего коня и обращается к нему со словами: „Я здесь, не нарушь своей клятвы, подожди меня!“ Конь Алибега почувствовал запах от волчьих шкур и понесся в испуге, а вместе с этим две сотни разных колокольчиков пели над ним на разных языках, и конь отскакивал от одного места в другое, не подходил больше близко, нельзя было больше его остановить.

Сын Тотраза Алибег сначала оборвал его удила, а потом содрал его уши и гриву; когда он и таким образом не останавливался, то сломал ему шею, и конь пал под ним мертвый. А к тому времени Сослан наполнил ему спину стрелами, и он сам тоже погиб.

Сослан наложил его доспехи на своего коня и в таком виде выехал на большую дорогу, а там один человек вез на двенадцати лошаках дрова сыну Тотраза. Когда Сослан узнал то, что он батрак Алибега, то сказал ему: „Отправляйся к Урундук-Афсине и скажи ей: „Награда твоя за хорошую весть мне: сын твой убил Сослана и готовь поминки для снятия своей траурной одежды“, а выючных животных его оставь на мое попечение!“ Батрак (букв.: человек) оставил лошаков около Сослана, стал бежать (побежал), прибыл к Урундук-Афсине и сообщил ей его поручение.

„А где твои выючные животные?“ спрашивает его Урундук-Афсина. „У того человека, который направлялся за подарком за хорошую весть, устал конь, и он их гонит потихоньку сюда!“ — „Каков из себя был этот человек?“ снова спрашивает его Урундук-Афсина. А он ответил ей: „С высокими плечами, с опущенной головой, с покатым лбом, с пронизывающим взглядом, на одном плече имеет надпись, а на другом крест; между плечами имеет черную звезду, с широкими глазами, сидел на маленьком желтом коне!“ — „В таком случае мой очаг потух: это был сам Сослан и опять погубил моего единственного!“ и начала причитывать.

Батрак оторопел и повернул обратно. Выбежал на дорогу, но где всадник, и где лошаки! Сослан захватил их с собой домой. Народ хотел устроить погоню, и Урундук-Афсина сказала: „Из моих сыновей никогда никто не был ранен сза-

ди, а этому не было суждено умереть от удара спереди и осмотрите его: если окажется раненым сзади, то он был трус и похороните его там: он недостоин похорон на кладбище. Если же нет, и он окажется раненым спереди, то он умер храбро и доставьте его к месту погребения его братьев и похороните его в одном ряду с ними!”

Погоня прибыла (на место смерти Алибега) и когда увидела его погибшего коня, то большинство поняло, что его постигло несчастье от его коня, и доставили его на свое кладбище. А там похоронили его с честью.

Махческ. 18 окт. 1903 г. со слов Кертиби.

6. Смерть Сослана и Колесо Ойнона.

Нарты сидели вкруговую на большом нихасе, и Сослан сказал им: „Отправимся на охоту“. Лучшие нарты согласились и отправились на охоту в Хуза-Дзагат. Охотились целую неделю и ничего не находили. Нарты отправились обратно, а Сослан стал охотиться сверх недели (буквально: сверх восьми дней).

Сколько времени пробродил, а потом заметил на Кумской равнине что-то белое; отправился к нему; доехал до него, и оказалось белой ланью. Выстрелил в нее, и лань пустилась бежать. Сослан подъехал туда, куда он выстрелил, а там (оказались) следы крови. Сослан стал ехать по кровавому следу, и он привел его к морскому камышу. А там (оказалась) большая поляна, а по середине ее девушка замечательной красоты (буквально: такая девушка, которой нет равной по виду, по стройности). Сослан говорит ей: „Здесь я ранил одного зверя и не видела ли его?“ А она спрашивает его: „Скажи мне, кто ты!“—„Я-нарт Сослан, но раненый мною зверь пропал здесь, и если ты его видела где-нибудь, то укажи его мне!“—„А если ты Сослан, то в течение долгого времени я ведь искала тебя и возьми меня в жены себе: я дочь отца Иоанна (дочь небесного Марсуга)“. А Сослан сказал ей: „Сослан много видел подобных тебе коротких кабанов, сидящих в луже, и всех их не брал себе в жены!“ и с этими словами повернул морду своего коня в обратный путь.

Девушка заплакала; пришла к своему отцу и пожаловалась ему со словами: „Сослан не пожелал на мне жениться“. А он сказал ей: „Не говорил ли я тебе, за этого человека не выходи добровольно (буквально: к этому человеку не иди своей ногой), он не женится на тебе (буквально: не сочтет

себе равной, достойной себя)?“ Потом сказал Колесу Ойнона, своему прислужнику (буквально: идущему вслед за ним): „Иди и чтобы ты прокатилось по Сослану!“

Курд-Алаугон снова закалил его, и Колесо Ойнона прибыло убить Сослана. Когда Сослан увидел его, то стал преследовать его и загнал его в черный лес. Колесо сначала пробежало по ольховнику и проскочило, изрубив его на мелкие куски; не задержал его, и Сослан тоже проклял его: „Да будешь долей того, кто имеет плохого работника, кто имеет плохого быка!“ Потом оно пробежало по грабовнику, и тот тоже ничего с ним не мог сделать (т. е. не задержал). И того проклял Сослан: „Пусть бог сделает тебя таким, чтобы люди искали тебя для сжигания на огне (для топлива)!“

А оттуда оно попало в орешник. А там оно смешалось с густым хмелем, стал хмель наматываться на Колесо, и Сослан нагнал его. „Пусть бог сделает вас полезными для людей!“ сперва поблагодарил орешник и хмель, а потом прижал шею Колеса Ойнона большой палкой и как только намеревался отрубить ему голову, Колесо говорит ему: „Клятва между нами, что я через три дня выйду к тебе на курган Харама под Уарппом, а теперь сейчас же (буквально: этой дорогой) не пожелай (буквально: не входи, не войди) гибели моей души!“ Не дать же клятвы древним людям нельзя было, и Сослан отпустил его.

Колесо Ойнона печально повернуло домой. Сколько оно прокатилось, потом встретил его Сирдон и спрашивает его: „Из-за чего ты так печально возвращаешься?“ А оно ответило ему: „Сослану дал клятву в том, что через три дня я буду на кургане Харама, и он убьет меня, и потому я печален. Силы же у меня больше нет, острее моего колеса притупилось (буквально: опало).“— „Когда Курд-Алагон закалял тебя, то и я там был и украл одну часть от твоего железа; а теперь я ее тебе возвращаю, заставь снова закалить себя, заставь залатать свои царапины этим, и когда Сослан будет там спать, то прокатись по его коленям, иначе он закален борамазом, и ты его не разрубишь.“

Колесо Ойнона согласилось. Сирдон тоже вручил ему кусок его железа. Колесо прибыло к Курд-Алагону, и тот закалил его снова. Когда Колесо Ойнона стало уверенным в себе, то покатилося и настигло Сослана спящим на кургане Харама и прокатилось по двум его коленям. Колени были отрублены, и осталось только одно туловище Сослана. Он заметил еще вдали Колесо Ойнона и подвязал быстро к ногам штыки и стал его преследовать; стал его настигать, и говорит ему (Колесу Ойнона) Сирдон: „Переходи на пашню!“ Ко-

лесо Ойнона тоже стало катиться по пашне, и Сослан не мог больше догнать его: в пашне его штыки начали застревать, и он растянулся. Кровь его лилась из каждой раны; в таком положении Сослан долгое время лежал на пашне.

Тем временем над его головой пролетает ворона и плачет над Сосланом. „Эх, ежедневный полный наш стол, кто держал для нас каждое ущелье полным мяса, как будем жить!“ Сослан тоже говорит ей: „Подлетай, вот съешь из того мяса, которое будет гнить (в оригинале на осетинском языке „мясо“ употреблено во множественном числе), а не то из тех кусков крови, которые свернулись!“ Ворона приблизилась к нему, и тогда Сослан проклял ее: „Чтобы с утра до вечера проклинала людей, но чтобы проклятие не исполнялось над ними, а ты от злости всю ночь чтобы была на ветке дерева, подвешенная за ногу!“

А потом пришла к нему лисица; печаловалась она долго, а потом приблизилась к крови Сослана, и он проклял ее: „Пусть люди преследуют тебя из-за шкуры, а мясо твое да будет вредным даже для собак!“

Позже всех пришел к нему волк и плакал над ним искренно долгое время. Сослан предлагал ему съесть от своего мяса, предлагал ему выпить своей крови, и волк плакал, выл еще сильнее. Когда Сослан убедился в его верности, то поблагодарил его: „Да будет при нападении у тебя мое сердце, а при возвращении сердце незасватанной щедрой девушки!“ Потом вдруг появился Сирдон и подошел, начав плакать издали: „Доблестный нарт Сослан! тебе не подобало, конечно, умереть такой бесславной смертью!“

А Сослан сказал ему: „Оставь свой плач, а отправься в Нарту печальным вестником обо мне!“— „Пешком когда я успею, а потому сяду на твоего коня!“— „Я дал слово, на глазах своих (не давать) своего коня, но садись на него в тени (закрытом месте) и отправляйся!“

Сирдон тоже завел его в чашу и подложил под потник колючку, таким образом он сел на него и прогнал его, брыкающегося, мимо Сослана. „Какой невыезженный твой конь, Сослан?“ обращается он к нему. „Да пусть будет каким угодно, (только) отправляйся скорей и сообщи Ахсине!“

Сирдон приударил коня и полным галопом пронесся мимо большого нихаса Нарты. У коня пот лился из-под заушников брызгами; кровь его лилась отовсюду, и в таком виде он въехал к нарту Алагу. А там нарты сидели на пиру.

Когда нарты услышали сообщение (весть) о Сослане, то снарядили к нему подводы на железном ходу, выложили для него хорошую могилу, и Сослан живым вошел в свою моги-

лу, прельщенный ею (из-за могилы, т. е. из-за того, что она была так хорошо сложена). Когда он входил в свою могилу, то оставил завещание: „Отдайте все: и меч мой, панцырь мой, мой лук сыну Деденага Ерахцау, и пусть он отомстит за мою кровь Колесу Ойнона. А коня моего вскормите год, а потом отдайте его Сирдону, пусть он работает что-нибудь на нем для себя!“ Те, которые еще были от Ахсартаккаевых, исполнили завещание Сослана.

Сын Деденага Ерахцау стал преследовать (искать) Колесо Ойнона и нигде не находил его, а потом по указанию ворожеи нашел его на старом кладбище в завалившемся могильнике. Нартовский великий бугай на него замычал. Ерахцау тоже подошел к нему и искрошил его там на мелкие куски. А Сирдона ударил конь Сослана копытом, когда он вел его на водопой, и он тоже умер.

Махческ. 1903 год 23 окт.

7. Как Сослан отправлялся в царство мертвых.

Когда Колесо Ойнона отрезало колени Сослану, то нарты приготовили для него хорошую могилу, и Сослан живым вошел в могилу. Сослан обладал даром мольбы и выпросил у бога, чтобы он имел право выходить на каждую тревогу. И когда раздавалась тревога, то выскакивал из своей могилы и таким образом помогал Нарте даже из царства мертвых.

А однажды нартowski свинопас проходил мимо могилы Сослана и поднял тревогу: „Эй, Сослан, скотину нашу угоняют!“ Сослан тоже выскочил, посмотрел туда-сюда и обращается к свинопасу: „В какую сторону тревога?“ А он ему сказал так: „Тревоги нет, но я тебя никогда не видел и потому закричал, надеясь, что увижу тебя“.

Как это могло не быть неприятным ему, и Сослан выпросил у бога, чтобы ему нельзя было больше возвращаться (выходить) из царства мертвых. Он не имел больше права выходить из царства мертвых, но и в царство мертвых он не смел войти из-за своего кровника сына Тотрадза, Алибега. Кто из знаменитых нартов там был: Саулаг, доблестный Хириу-Финдз, сын Кантца Сауай, уадмеры, гумеры, стоголовые и семиголовые—те все приходили к нему и говорили ему: „Мы тебя введем в рай; мы сможем тебя защитить от всех, одному сыну Тотрадза, Алибегу, мы ничего не можем сделать“.

Сослан тоже выслушивал их, а потом прогонял их от себя: „Убирайтесь,...! И я его боюсь; вы не такие, которые могут довести Сослана до царства мертвых!“

А под конец к нему пришел сын Сайнага, Алий, и вместе с ним он отправился в путь. Шли долго, и когда достигли царства мертвых, то прежде всего к Сослану выскочили, неся впереди свои иголки, свои ножницы, девушки, женщины, которых обесчестил. Сын Сайнага, Алий, тоже посмотрел на них косо, и девушки, и женщины все упали в обморок.

А после этого заметил их сын Тотрадза Алибег и выбежал к ним навстречу. Алий тоже закричал на него, и Алибег приостановился; закричал на него еще раз, и он поник; в третий раз закричал на него, и тогда он погряз в землю по колено.

Сослан и сын Сайнага вошли и остановились на берегу адского озера. А там Сослан увидел свою неродную мать Ахсину. Сослан бросается к ней, но вода озера относит ее к другому берегу; таким образом он и до сих пор старается ее вытащить, но не в состоянии этого сделать. Когда наступит потоп (конец мира), до того времени ни Сослану, ни матери его нельзя успокоиться. А потом в день страшного суда прежде всего будет бой между Сосланом и сыном Тотрадза Алибегом. Кому был посвящен конь, кому в день поминок устроили скачки, памятник, шест с мишенью кому был поставлен; — те все будут смотреть на этот бой: кто с своего коня, кто с своего памятника, кто с своего шеста. А потом наступит потоп (страшный суд), и Ахсина навеки останется в аду за то, что помогала Сослану во всяком насильственном деле.

Махческ. 27 окт. 1903 г. со слов Хамаза Калухти.

8. Рождение Батраза.

Знаменитый нарт Болат-Хамиц однажды отправился на охоту. Охотился он целую неделю и ничего не встретил. От голода пришел в изнеможение (буквально: к смерти) старый Хамиц, таким образом, сверх восьми дней, стал охотиться три дня. В последний день под вечер он прибудился к черному лесу. Направился по одному холму; смотрит нарт Хамиц в ущелье и видит: в ложбине какой-то человек убил оленя и свежует его.

Почему мог не обрадоваться голодный человек?! Направился к нему великий Хамиц; смотрит, и тот оказался человеком ростом (вышиной), как расстояние между большим и маленьким пальцем, и в ширину, как расстояние между большим и указательным пальцем. Хамиц обращается к нему: „Ой, да даст тебе бог много!“

„Вместе нам дал бог!“ ответил Улинка: „садись, сейчас наш косарт будет готов!“ Хамиц сел и стал размышлять: сам он (на приобретение) исподней для моей жены, а туша дичи мне на дорогу. А сам обращается к Улинке: „Сесть то я сел, но ты заставишь меня встать перевернуть твою тушу оленя“.

Маленький плотный человек освежевал у туши оленя один бок, а потом толкнул ее одной своей рукой на другой бок, и туша оленя повалилась в ту сторону.

„Что бы то ни было, а на этот раз я встретился с человеком, достойным себя! Тот, кто переворачивает так тушу оленя, причинит мне какое-либо несчастье“, говорит себе великий Хамиц.

Улинка убрал тушу оленя, наполнил два шампура шашлыками; сухими дровами развел сильный костер (буквально: острый огонь) и шашлыки воткнул по сторонам его. Около большого пылающего костра шашлыки из мяса дичи трещали (т.-е. издавали звук от того, что жарились). Хамиц сидит у костра и печально размышляет: „Если с этим человеком между нами не будет какого-либо родства, то он причинит мне какое-либо зло“.

В конце концов говорит ему: „Я тебя не знаю, добрый мой хозяин, но мне хочется, чтобы с тобой у меня было родство!“ — „Я сын Татарая, младший из семи братьев Татараяевых; есть у нас одна сестра; если ты считаешь ее достойной себя, то выдадим ее за тебя!“

На другой день после этого рано утром младший из семи братьев Татараяевых Улинка и знаменитый нарт Болат-Хамиц выехали и как раз под вечер (в сумерки; буквально: между двумя вечерами) прибыли к Татараяевым.

Вечером Улинка завел Хамица в комнату своей сестры (буквально: их сестры). В комнате (стояло) кресло, а на нем ковер и пуховая подушка. А на подушке сидит лягушка; а у костра на нижнем месте (сидит) старуха, мать девушки.

„Вот это тебе наша сестра“, сказал Улинка: „мать наша оберегает ее от лучей солнца (буквально: вида солнца) и холода земли, да будет она тебе приятна!“

Нарт Хамиц впал в раздумье (буквально: вошел в раздумье): „Как я повезу в Нарту лягушку в качестве жены и как ее буду содержать, бог меня наказал! Добрый день, красавица!“ промолвил Хамиц. Лягушка тоже пошевелинулась, сбросила свою кожу, и она оказалась златоволосой девушкой. Девушка выпрямилась во весь рост; золотые свои две косы распустила перед ним; черные брови ее подобны крыльям ворона; а из-под подбородка улыбаются месяцы, солнца, вот такой оказалась девушка. Хамиц от сильной радости превра-

тился в старый *kæfojnæ** (не мог стоять больше на одном месте).

„Какова наша сестра и твоя жена? Нравится ли тебе?“ говорит маленький Улинка Болат-Хамицу. „Да будет она по сердцу матери!“ ответил ему Хамиц и встал за дверью в углу, как зять. „Тогда да сделает нас бог счастливыми родственниками! А теперь за тебя свою дочь выдаю с таким условием, чтобы ее у тебя не увидел и не узнал никто из земных людей. В тот день, когда про нее узнают нарты, ты должен будешь доставить ее обратно в мои руки. На этом дай мне клятву!“ сказала мать. Хамиц дал клятву и положил лягушку в свой карман и так отправился в большое село Нарты.

Что прошло, бог знает, а потом нартовская хозяйка Сатана устроила пир для всей Нарты. Из нартов кто только мог ходить на ногах от мала до велика, мужчины, женщины, все были на этом пиру. Молодые люди и девушки танцевали: Ахсине-Афсине хотели угодить; а мужчины и женщины группами сидели на собрании. И Хамиц сидел в том собрании, (имея) в кармане аварскую красавицу Агунду. А разносителем напитков на пиру был зло Нарты Сирдон. Когда Сирдон вышел к собранию, то разлил свой бокал над головами нартовских стариков и стал кричать: „Нарты! да не простит вам бог, кто держит женщин в своих карманах, (сидя) в ряду нартовских стариков и кто таким образом вместе с молодыми невестками бродит по пирам!“

Тогда у Хамица, согласно данной им клятве, выхода больше не было, и в тот же момент он встал и отнес свою жену к Татараяевым и вручил ее матери. Когда он вел жену к ее родным, то плюнул ей между двумя лопатками, и от этого женщина забеременела.

Женщина стала считать свои дни, и когда наступило ее время, то послала за Хамицом; велела вскрыть у себя между лопатками, и оттуда улыбнулся ребенок; ребенок этот был Батраз. Хамиц взял ребенка и принес его домой. Аварская же красавица Агунда от этого упала в комнате и умерла. Труп ее Хамиц привез в Нарту и похоронил в том новом склепе, который он приготовил для себя.

Со слов Баззе Колоева.

9. Танец нартов.

Однажды с вершины Уарппа (Эльбруса) отправляется три всадника (буквально: человека): Хамиц, Сослан и Сауай, сын Кантдза. Батраз, сын Хамица, был горец: от вершины Вазы

*) Плетенка в роде савка вместимостью до $\frac{1}{2}$ —1 пуда для веяния зерна. Старый *kæfojnæ* становится легким; подобно ему и Хамиц от радости сделался легким.

он сопровождал их, как младший. Великие нарты собрались на вершине Бештау; принялись за большой танец. Пляшут, танцуют великие нарты, ожидают появления красавицы Акула. Тем временем подъезжает к ним, джигитуя на своем богатырском коне, великий нартовский старик Урузмаг. „Из-за чего танцуете, из-за чего пляшете, что вы подняли пустой крик на весь свет? (букв.: что вы подняли на своей голове целый свет пустым криком?)“ — „Из-за чего танцуем, как это мы тебе не скажем? Между Черным и Азовским морем живет красавица Акула, известная по всему миру; каждый день она делает три оборота по краям неба; может быть, в один из ее поворотов она обратит на нас внимание и кто-нибудь из нас ей понравится!“

„О, собаки-нарты! Что вы мне дадите, если я вам покажу Акула-красавицу этим же часом?“ — „Я дам тебе своего скакового коня!“ — „Я дам тебе свое меткое ружье!“ — „Я дал бы тебе свою острую шашку!“ — говорят великие нарты, перехватывая из уст друг друга слово.

„О, если бы старик Урузмаг оказался еще таким богатырем, который заманул бы красавицу Акула сюда, то не пожалел бы ему свой меткий лук!“ так говорит ему маленький Батраз.

Старик Урузмаг отправился в путь-дорогу. Между Черным и Азовским морем на острове, на Таманской равнине, между небом и землей он увидел медный замок. Направился он к нему; к вечеру он стал приближаться к нему. У Урузмага конь его понимал человеческий язык. „Да съедят тебя собаки, если ты пожелаешь отъехать, когда подъедешь к замку! Буду бить тебя“, говорит Урузмаг: „заставлю тебя испытать всякое зло, а ты притворись хромым, опрокидывайся на землю, может быть, Акула-красавица из-за жалости к тебе посмотрит с высоты замка!“

Как Урузмаг научил своего коня, так животное и поступает. Урузмаг бьет своего любимого коня; старается и в длину и в ширину (т. е. бить куда попало), но конь не сходит с места. Акула-красавица смотрит с своего окна; удивляется, поражается старику. Тем временем она посылает к нему свою служанку: не могла больше сдержаться себя. „Иди, девушка, останови этого старика ты! Это такой человек, у которого большое несчастье (горе); он или сильно пьян, или жизнь его разбита женщиной; это такой человек, который не считается больше ни с чем (буквально: не считает больше свою еду); узнай, солнце мое, причину его поведения!“

Как служанка могла не послушаться слов Акула-красавицы. Просит Урузмага успокоиться (т. е. чтобы он успокоился). „Да омрачишь дни свои, гордая девушка! Если бы я имел

время остановиться в гостях, то я нашел бы и до вас хижину, подобную вашей, но мне не до этого: Арган-Аурген (Агез-Биаурген) собирает войска против берега Черного моря, против села моей сестры; сегодня ночью это войско не может не прибыть сюда, и вот известить об этом спешу к своей сестре, может быть, я ее избавлю!"

Как служанка могла не рассказать эти слова (буквально: новости) Акула-красавице! А Акула-красавица как могла не испугаться вести о войне и как она могла не спуститься к старику Урузмагу с выссты замка! „Сегодня ночью оставайся здесь, добрый старик! Дай отдохнуть и своему коню, а завтра будет то, что угодно будет богу!" просит Акула-красавица.

Старик Урузмаг соглашается: что лучшего он мог бы просить у бога?

Утром рано он встает; направляет свою подзорную трубу (буквально: свои очки) на Черное море; начинает дивиться, поражаться, как будто бы и вправду:

„Благодарение богу: войска Арган-Аургена идут черной массой, разрушили и село моей сестры! Пусть каждый из вас делает то, что может для своей головы, я отправляюсь обратно!" — „Тогда и меня бери с собой!" обращается к нему с просьбой Акула-красавица. „Куда я тебя возьму, погибая сам? Как мне смотреть на твое затруднительное положение, ничего я ведь не знаю! В конце концов соглашается старик Урузмаг. Как он мог не взять то дело, которое просил у бога!

Акула-красавица велела запрячь шесть лошадей в коляску на железном ходу, посадила Урузмага рядом с собой и таким образом отправилась в путь. Что проехали, бог ведает, а потом с вершины Бештау стали виднеться танцующие нарты. Акула-красавица говорит Урузмагу: „Что может быть это черное пятно?" „Наверное, нартовские караульщики: могли услышать про войну!" Доехали до них, и оказалось, что великие нарты танцуют, пляшут на вершине Бештау.

Железная коляска остановилась около них. Акула-красавица смотрит на них из окна. Нетерпеливый Сослан не сдержал себя больше, потряс свои плечи и говорит: „Мы столько времени танцуем здесь из-за тебя, а теперь прошу тебя, станцуй со мной!" — „Хороший ты человек, станцовала бы с тобой, но ты-горец, и если я не приготовлю подкладку из сена в твоих кожаных чевяках, то ты нетерпелив и погубишь меня!" — „Да будешь ты жертвой подошвы моего чевяка!" С этими словами он повернул к ней подошву своего чевяка, а сам стал танцевать с поднятыми плечами и опущенной головой (т. е. огорченный неудачей, печальный).

А после него старик Урузмаг встряхнул к ней свои плечи: „Иди, иди, девушка, станцуй со мной!“— „Не станцую и с тобой: подобно весенней траве, белизна (т. е. седина) и чернота твоя перемешались!“

А потом Сауай, сын Кантдза, обратился к ней: „Тогда иди, станцуй со мной!“— „А с тобой я станцовала бы, но если из больших людей кто-нибудь сожмет твою руку, приняв ее за мою, то она раздавится!“ А после всех говорит ей маленький Батраз, сын Хамица: „Тогда станцуй со мной, девушка!“— „А с тобой я, действительно, станцую: среди нартов один ты только без недостатка! Но и у тебя есть один недостаток, и если бы ты смог его найти (устранить), то подобало бы мне с тобой танцовать: крылатый семиголовый великан Кандзаргас унес твоего дедушку Она за горы; сделал его себе табунщиком коней; шуба его из кожи жеребят наполнилась на нем вшами и гнидами; в солнечный день она съеживается на нем, а в дождливый день растягивается на нем. Так он живет. Если ты его выведешь оттуда, то мне как раз подходит танцовать с тобой!“ сказала Акула-красавица и закрыла за собой окно в своей коляске.

— „О, собаки-нарты! Да пропадут ваши головы, если бросите свои танцы, а мою невесту если обидите каким-нибудь кривым словом!“

Маленький Батраз, сын Хамица, вскочил на своего коня и приехал домой и говорит своей матери: „Нана, о нана! Нартовские наездники отправляются в набег и укажи мне, если от отца осталось что-нибудь где-нибудь: старый ли меч, старый ли конь, или старое седло, чтобы и я мог получить товарищескую долю.“— „О, да съест нана твои болезни! Если бы ты был у меня в состоянии носить или был в состоянии совершать набег, то доспехи нашли бы для тебя! Вон в кладовой стоит железный сундук, полный доверху доспехами твоего дедушки; подойди к нему; обратись к нему по-хатиагски; откроется дверь железного сундука и возьми то, что тебе нужно будет!“

Маленький Батраз, сын Хамица, зашел в кладовую; обратился к сундуку по-хатиагски. Дверь сундука открылась со звоном. Батраз надел на себя все, что ему нравилось: меч, панцырь, и в таком виде вышел к своей матери.

„Нана, о нана! Скажи мне, как сидят на мне доспехи моего отца?“— „О, да насытится нана твоими болезнями! Как тебе идут? Твой панцырь идет тебе так, как идет солнце горам; твой меч на твоём поясе (сидит) так, как блестит весенняя роса на новой траве. Как иначе могут идти тебе?“— „Тогда, нана, приготовь мне такое продовольствие, чтобы

нести было на спине легко, а желудку приятно: я отправляюсь в набег! А сама укажи мне, если осталось где-нибудь от дедушки или старое седло, или старый конь! — „Вон в гостинной на вешалке седло и уздечка твоего дедушки, возьми их и взберись в черном лесу на самое высокое ильмовое дерево и оттуда потряси уздечкой, тогда появится к тебе со ржанием белый богатырский конь (арфан) твоего дедушки, и (все будет зависеть) от тебя самого и твоего мужества (проворства); постарайся сесть на него, тогда он пригодится тебе в кони; в противном случае, если ты не сможешь сесть на него, то не рассчитывай больше на него!“

Батраз выслушал слова матери своей; взял на дорогу такое продовольствие, которое было бы легким для спины, приятным для желудка, и таким образом отправился с седлом, с уздечкой. Маленький Батраз залез в черном лесу на самое высокое берестовое дерево, с его вершины он потряс своей уздечкой, и белый короткохвостый конь Она, располневший, явился к нему со ржанием. Батраз стоял наготове к нему, набросил на него уздечку, пригнал к нему плотно седло и вскочил на него. Гордый конь поднимался три раза и пролетал между черным лесом и тучей. Батраз три раза нанес ему такие удары, что от боков коня (каждый раз) отлетала кожа на кожаные чевяки, потом поджал его, проджигитовал на нем и говорит ему: „Осленок! Ты пока пригодишься мне до поры до времени переносить поклажу!“

— „А ты, невоспитанный, пригодишься мне до поры до времени в седоки!“ проговорил к нему человеческим языком и белый конь.

Сын Хамица, маленький Батраз приготовился и направился в путь. Ехал и длину резал в ширину (т. е. сокращал дорогу). Что прошло, бог знает, а потом конь проговорил к нему человеческим языком:

„Куда ты все-таки едешь? Знать дорогу хорошо!“

— „Дедушку моего унес за горы семиголовый великан Кандзаргас и еду разыскивать его.“ — „Как это удастся тебе?“ сказал конь, а сам прослезился: „и твой отец долго преследовал этого великана, но не нашел никакого средства. При входе к великану, подобно баранам, сражаются две горы. Если при их расхождении ты сможешь ударить меня три раза так, чтобы от моих боков отлетела кожа для кожаных чевяков, а от ладоней твоих — на подошвы, то проскочим между ними, а не то и ты и я пропали. Однажды твой дедушка не смог ударить меня, как следует, и горы захватили мой хвост, с тех пор я короткохвостый“.

Что бы то ни было, ведя такой разговор, доехали туда,

где горы сражаются подобно баранам. Сын Хамица Батраз проджигитовал на своем коне, подтянул его, повернул его в сторону гор и, как только две горы отделились друг от друга, так он нанес ему три таких удара, что у коня от боков слетела кожа на кожаные чевяки, а от ладоней Батраза — на подошвы. Конь тоже рванулся, оказался за горой. За горой земля пошла холмами, а по ним с одной стороны движутся табуны коней и стада коров, подобно чаще леса; а на другой стороне от мелкого скота почернели огромные пространства, и (мелкий скот) двигался в разные стороны. Над табунами стоит старик. Батраз подъехал к нему и говорит ему: „Да будет у тебя скотины много, добрый старик!“

— „Да даст тебе бог скотину, славный молодец!“ С этими словами старик обошел коня и заплакал во все горло. „Что такое, из-за чего плачешь, добрый старик? Вид мой тебе был так неприятен?“ — „Над чем плачу? Ни над чем... и у меня в молодости был такой конь, его я вспомнил и заплакал над этим.“

„— В таком случае вот этот конь-твой конь, я сам твой внук, сын Хамица, Батраз; будет то, что угодно богу, не бойся больше, старик!“ — „Если ты приходишь от нас, то подойди, я осмотрю твои члены!“ Сын Хамица Батраз подошел к нему. Старик провел по его членам своей рукой и заплакал горько: „Довольно того, что я погиб, а ты еще куда ехал?“ — „Не плачь, дедушка! Плач нам не поможет больше, а покажи жилище великана, тогда хорошо то, что угодно будет богу!“ Он тоже указал ему дом великана.

Батраз въехал в дом, а там великан спит с храпом, из рта своего выбрасывает горящие уголья; на потолке они превращаются в черную золу и таким образом падают на пол; у ног великана — дочь солнца, а над ним — дочь луны. Девушки плачут; плачут, и слезы их падают алмазными пуговицами (т. е. крупинками), а на полу широкого *хадзара* (т. е. комнаты) они образуют кучи. „О, добрый день, девицы!“ говорит им маленький Батраз, сын Хамица: „из-за чего плачете?“

— „Да будет дело твое правым, сын Хамица, маленький Батраз! Довольно было того, что мы погибли, зачем ты еще приехал сюда на гибель своей головы? Немного ему еще остается, и наш господин проснется и высосет он из наших пяток нашу кровь. Наш плач из-за этого. Просим тебя, бери себя в сторону (т. е. спрячься), и тебя он съест!“

— „От чего его гибель, скажите это мне, а потом будет то, что угодно богу!“

— „Вот за нашей дверью железный сундук стоит закрытым крепко, а в нем большой меч, для его поднятия (бук-

важно: поворачивания) необходимо сто буйволов; если ты его не убьешь им, то для него нет смерти: шашка его не режет, ружье его не берет!”

Батраз тоже подошел к сундуку и обратился к нему похатиагски. Дверь сундука открылась. Оттуда достал меч великана, поточил его и им ударил голову великана. У семиголового великана Кандзаргаса от его шеи отскочили шесть голов и говорит: „Сын Хамица Батраз! Не подобало тебе нападать на спящего человека, а теперь прошу тебя, ударь меня второй раз для того, чтобы умереть скорее“.

— „Подобно Елиа удар наносу один раз. не могу больше нанести тебе второй удар. А во время твоего сна потому на тебя напал. что ты держал моего дедушку в большом бесчестии. А от этой обиды я не смог больше сдержатъ себя, а не то, сознаюсь в этом, не следовало мне этого делать!“

Великан умер, и девушки упросили Батраза, чтобы он взял их с собой (буквально: говоря: веди нас с собой). Тот тоже заверил их клятвой. Тогда девушки сказали ему: „Здесь есть одна нитка; что бы ни связал ею, в нем не бывает больше никакого веса; есть еще подошва; а на ней поместится имущество всего мира; а что бы ты ни положил на крылья нашего Кандзаргаса, то все перенесут через горы. леса. А потом вон в расщелине горы есть молочное озеро; тот, кто купается в нем, превращается в прежнего молодого человека“.

Батраз тоже выкупал своего дедушку в молочном озере, и он стал таким, каким был в молодости. А потом наполнил свой кожаный кубок и положил его в свой карман. А после этого собрал все имущество великана на подошве, перевязал его ниткой, и в нем не было больше веса даже пуха хмеля. Таким образом люди сели на крылья Кандзаргаса вместе с скотиной и перелетели через горы.

По эту сторону гор Батраз развязал нитку, и тот скот, который сошел с подошвы, покрыл огромные пространства. Оттуда он отправился на своем белом богатырском коне домой, а Батраз вместе со скотом и женщинами пространствовал круглый год. Одежда на нем дошла до его колен (т. е. износилась), таким образом в годовой день прибыл он с большим табуном к вершине Бештау. А там великие нарты плясали, собравшись в круг; а Акула-красавица закрыла за собой окна железного экипажа и до возвращения Батраза приготовила ему полное обмундирование с ног до головы (буквально: до руки). Батраз переменял одеяние свое, и великие нарты с пением алай привели (ему) в жены Акула-красавицу. Батраз выкупал Хамица в том молоке, и Хамиц помолодел. Дочерью

солнца Хорческой и дочерью луны Мисирхан удостоили Она и Хамица. Кроме Батраза, никто никогда одним путем (т. е. одновременно) не женился с своим отцом и своим де-дом.

Со слов Баззе Колойти 10—11 февр. 1904 г.

10. Сказание о Деденаге.

Половина Нарты принадлежала Деденагу, а детей у него не было, и взял себе во вторые жены ту, которая называлась нартовской Уацирохс (буквально: ту, которая называлась нартовской Уацирохс, привел себе второй женой). Уацирохс была необыкновенной красоты.

Однажды Уацирохс вышла к реке, и Сослан очутился около нее (буквально: бог привел к ней Сослана, бог сделал около нее Сослана). Нетерпеливый человек (т. е. Сослан) пристал к ней, предлагая сойтись, но как Уацирохс могла ему на это согласиться? Она была развратница и жила с Теувезом Ацаевым. В конце концов, когда Сослан не оставлял ее больше, то и Уацирохс сказала ему:

— Что ты ко мне пристал? Ведь ты мне не заменишь Теувеза Ацаева, мне приятнее видеть его, чем тебя (буквально: чтобы мне тебя заменил его вид)!

Что Сослан мог еще сказать и вернулся обратно с обидой.

А после этого у нартвов были большие танцы на Ахкема, и Деденаг тоже пришел туда плясать. А у Сослана обида (нанесенная ему) Уацирохс была еще на сердце (т. е. не забыл), и свое душевное настроение дал понять Батразу, сыну Хамица. Они оба сговорились оскорбить Деденага и в синде (т. е. в пляске) стали по обеим сторонам его. А Уацирохс и Адакеза смотрели на нартовские танцы с берега. Как мог Сослан не наблюдать за ними? и когда во время поворота танцев поворачивались к ним лицом, то два богатыря встряхивали Деденага, а сами пели: „О, Деденаг, соня!“

Вечером танцы прекратились, и Деденаг вернулся домой, и Адакеза говорит ему так: „Удивительно, почему на сегодняшних танцах нартовские молодые люди пели так: „О, Деденаг, соня!“

А Деденаг был рассудительный человек и (говорит) ей так:

— Мало ли что поют веселые молодые люди на собрании, и если их будешь слушать, то они будут говорить многое! Мало ли поют молодые люди таких песен, и чего ты об этом меня спрашиваешь?

На этом женщины успокоились, но Деденаг стал подозревать: „Что бы то ни было, а Уацирохс живет (буквально: ходит, бродит) с кем-нибудь; грязные дети Нарты недаром распространили про меня песню“, а потому он заключил ее в верхнем этаже своей деревянной башни, а сам с Адакезой жил в нижнем.

Так стали они жить. Уацирохс сидела в своей комнате, не видя дневного света, не любуясь (буквально: не смотря) синевой неба, а туда к ней каждую ночь являлся Теувез Ацаев. У него же были из тополя крылья и прилетал поверх башни, садился на окно, там снимал свои крылья. Уацирохс тоже узнавала его и открывала ему окно, и всю ночь проводили там вместе; а к утру Теувез привязывал свои крылья и отправлялся обратно.

Сколько прожили таким образом, (неизвестно), а потом Уацирохс забеременела. (Боясь, что) ее могут узнать (буквально: теперь узнают меня), она сказала своему мужу Деденагу:

— Я не могу больше здесь жить: не вижу света дня. не знаю живого человека, на что мне при таком условии эта жизнь и красота? А теперь не нужно мне больше и хорошей одежды, но если ты считаешь меня достойной себя так, как ты считал до сих пор, то сделай мне широкую шубу из бараньих шкур и разреши мне жить в нижнем этаже; я не буду больше ухаживать за собой, и, может быть, никто больше не будет соблазняться мной!—Деденагу слова ее показались справедливыми и, как она просила, так предоставил ей свободу. Уацирохс тоже стала считать свои дни, и когда наступил ее срок, то заставила Теувеза Ацаева сделать ящик, смазала его хорошо воском, а потом накормила грудью младенца и бросила его в море. Ящик тоже стал носиться (по волнам). В то время на этом море оказались рыбаки. Они рыбачили целый день и ничего не могли поймать. Устали рыбаки и в тот момент, как они выбросили свои сети и лодки на берег моря и сели за обед, поровнялись с ними Сослан, Урузмаг, Хамиц и Деденаг.

— Да возрадуетесь и да даст бог вам много! Что это, что сидите так грустно? спрашивают их лучшие нарты. А они им (отвечают):

— Что за печальное сидение! Целый день рыбачили на этом море и не попало нам в руки ни одной рыбы, а теперь присели мы пообедать и просим спешиться к нам, и с этими словами они взялись за удила их лошадей.

— Да спешится к вам счастье, но просим вас и бросьте в нашу честь, (на наше счастье) свои сети еще один раз: может быть, на наше счастье поймаете что-нибудь! Рыбаки то-

же взялись быстро и кинули свои сети, но ничего (не поймали). А в сети одного из них попался тот ящик, который бросила в море Уацирохс.

— Счастье ваше было не лучше этого, — и с этими словами рыбаки взяли ящик и предлагают его и одному, и другому, и никто не принимает его. А потом Деденаг (говорит) так:

— Дайте его мне, я его отвезу! Товарищи его (буквально: Урузмаги, т. е. Урузмаг и другие) тоже смеялись над ним:

— А у этого обычай просить все, что ни увидит! Вечно попрошайничает!

Как бы то ни было, ящик оказался у Деденага, и таким образом направились в путь. А дорогой им говорит:

— Что за диво: вон на черной горе у ледников сосновый лес горит!

Когда те стали смотреть в сторону горы, то Деденаг приоткрыл ящик, а оттуда улыбнулся ему мальчик. Закрыв быстро обратно, чтобы нарты не узнали его у него, и таким образом он приехал домой. С радостью въехал в свою башню и рассказал про младенца Адакезе. Она тоже намотала на себя шерсть, тряпки какие-то, и распространилась весть:

— Жена Деденага Адакеза к старости забеременела!

А на второй день Деденаг положил младенца рядом с Адакезой, а сам позвал соседей:

— Что-то случилось с нашей хозяйкой, и проведите ее! Жители квартала собрались и бегали друг к другу за подарками за добрую весть: „У Деденага родился мальчик!“ Почему лучшие из нартов могли не приходить к нему с поздравлениями, и таким образом у него образовался большой пир (буквально: большое собрание); пирующие дали ему имя Ерахцау.

У Адакезы не было молока (буквально: груди), и стали искать для него кормилицу. Нарты не могли уступить его друг другу. Каждому хотелось, чтобы он был его воспитанником, но все, кто его брал, не могли кормить его своей грудью: когда Ерахцау тянул грудь, то доводил (кормящую) до обморока (буквально: то ей сердечные подвязки ее оборвать намеревался), и приносили его обратно. А под конец Уацирохс (говорит) так:

— А я его приложу к своей груди, может быть, покажется у меня для него молоко, — и взяла его к себе. А как у Уацирохс могло не быть молока, и быстро вырастила его. Быстро сын Деденага Ерахцау в состоянии стал странствовать, и среди Нарты распространилась слава про него, что он зна-

менитый. Как Сослан мог не слышать о нем и заочно назвал его своим другом. Ерахцау тоже не знал Сослана, но заочно оказывал ему знаки дружбы.

Со слов Кертиби 26 окт. 1903 года.

11. Печальные дни Нарты.

Много печальных дней видели нарты, но ничто не сломило их бодрости сильнее чумы на скотину и голодного года. Однажды в Нарте наступила суровая зима, а вместе с этим на их скотине появилась злая чума и уничтожала животных поголовно. Скотины больше ни у кого не было; к кому она заходила, у того она не оставляла больше ни одной головы у ясель. Во всей Нарте остался один пестрый бык Субалци; а его Субалци перед чумой спрятал в подземных своих домах и кормил его, не выпуская наружу, водой и просом, носимыми во внутрь (т. е. в помещение, где содержался бык). Весной, когда прекратилась чума, Субалци тоже выпустил своего быка. Наступило время пахоты, и Субалци устроил от руки ярмо для своего быка, и таким образом вспахал и для себя и для тех нартвов, на которых был в состоянии, и засеял им семя.

Тогда наступили жаркие дни, и все выгорело: от земли не поднялось больше ни травинки! Наступила осень... Нарты съели свои запасы (буквально: свой старый хлеб), а нового хлеба не собрали и от голода пришли к гибели (буквально: смерти). Кто мог еще работать? Валялись по нихасам и зывали к богу. Никто не в состоянии был больше встать, до того дошла Нарта. А Сирдон украл единственного быка Субалци; шашлыками из него он насытил себя, а сам привязал к двум своим усам два *ахсарфамбала*; суке же своей проколол бок и привел ее, волочащую за собой свои кишки. на большой нартвовский нихас. А там Сирдон, будучи сытым, разговаривал свысока, дразнил людей; кишками своей суки водил по их губам; а сам брал языком то один ус, то другой и всасывал сок *ахсарфамбала*. За этим занятием увидел его великий нарт Урузмаг. Что он мог сказать ему и огорченный вернулся домой; сел быстро на свою точеную кровать, и золотая кровать под ним рассыпалась вдребезги.

— Что с тобой, из-за чего опять рассердился? говорит ему Ахсина. А он сказал ей:

— И из-за чего я рассердился? Нарты погибают от голода, валяются по нихасам, а бессовестный Сирдон водит по их губам кишками своей суки, и как я могу не сердиться?

— А если ты их так жалеешь, то у меня семь кладовых стоят полные всякими яствами и питиями, пригласи их и накорми их! Я спрятала их ради тебя для такого дня,— сказала Ахсина и повела Урузмага посмотреть свои запасы. Урузмаг тоже осмотрел их, обрадовался, высоко поднял свои густые черные брови и таким образом вышел на нартовский нихас. А потом приказал нартовским глашатаям:

— Прокричите: кто в состоянии еще ходить на ногах, те пусть идут к Урузмагу: для всей Нарты он устраивает недельное угощение!

Глашатаи прокричали.

Те из нартов, которые еще могли ходить, пришли и пировали в доме Урузмага целую неделю; а тем, которые не могли больше (ходить), посылали на дом угощение (буквально: их доли). (Из боязни,) как бы от жадности не пострадали голодные люди, Ахсина своей рукой давала им легкую кукурузную похлебку; а тем, которые не могли больше глотать, она давала кушать, (держа) в одной руке столик, а в другой ложку.

За неделю голодные люди подкрепились, в состоянии были уже ходить, и каждый стал промышлять, чем был в состоянии, для своей головы.

Таким образом Нарта спаслась от голодной смерти.

Со слов Колойты Баззе 8 окт. 1903 г.

12. Черная лисица Нарты.

Великие нарты постановили: „Мы не можем больше жечь ольховые дрова, а теперь кто завтра рано утром не отправится на Тагар-Тапан возить дубовые дрова, тот да будет под бойкотом!“

Утром глашатаи нижнего квартала Сибека, верхнего квартала Таразон оповестили всех (буквально: закричали на всех).

Нарты направились на Тагар-Тапан. Приготовили дрова; на ночь окружили себя кругом арбами, и выпал на них глубокий снег. Никто из них не мог больше пошевелиться. Посбрасывали свои дрова (с ароб). Со словами: как бы нам еще добраться до наших домов, они погнали впереди двух черных белорогих быков Урузмага. А толстопалочный Алмуталк был их погонщиком быков.

Выехали; а тем временем (буквально: так скоро) перед ними из глубокого снега выскочила черная лисица.

Алмуталк тоже соскочил за ней, и хвост лисы остался на золотистом снегу, а сама удрала.

Быки Урузмага тоже устали.

А у Адамаза, сына Аца, было два белых чернорогих быка, рожденных во время праздников Тотура, и их они пустили впереди, таким образом они доехали. Алмуталк не отвечал больше вопрошающему, не смеялся больше смеющемуся. Ахсина держала для него круглый стол, все-таки он не ел. А потом он рассказал, почему он не ел. Ахсина сказала ему:

— Эта лиса ведь была та, которую наши предки искали с молодых лет, теперь поешь пока, а потом найдем для нее какое-либо средство.

Ахсина снарядила быстро Урузмага, Хамица и Сослана. Отправились они и доехали до берега моря.

Они стали искать ее в морском колючнике; искали ее целую неделю и не находили ее; не было у них больше и продовольствия и сверх недели стали охотиться три дня, и лошади их от усталости стали.

Однажды утром Сослан встал рановато, и лисица вскочила недалеко от их шалаша. Они стали ее преследовать, и лошади их от усталости стали. Урузмаг стал ее преследовать на своем богатырском коне и настиг ее под Уарппом (Эльбрусом) и убил ее.

Нарты на ночь остались на месте и сильно проголодались (буквально: пришли от голода к смерти). Сослан наполнил три шампура мясом лисицы. Шашлыки были готовы, и Сослан обращается к Урузмагу и Хамицу со словами: „Поешьте!“

— Мы никак не можем есть мясо лисицы!

Отказались, и Сослан стал кушать сам, а потом и другие стали со словами:

— Все равно нарты съели мясо лисы, потому теперь безразлично!—Но все-таки друг другу наказали:

— Пусть никто ничего не скажет, а не то Сирдон не даст нам больше житья!

Утром выехали (обратно) и не ладили из-за лисьей шкуры. Урузмаг говорил так:

— У меня и конь потрудился, сам же я, ваш старший, а потому шкуре подобает быть у меня.

А Хамиц так сказал:

— А я-ваш средний, и у меня подобает ей!

Сослан же сказал:

— А я ведь прислуживал вам, как младший, потому у меня подобает ей!

Как бы то ни было, все-таки Сослан привязал ее за своим седлом.

Нарты прибыли домой и не могли поладить из-за шкуры. Спор их перешел к великим судьям Нарты. Из судей каждый держал сторону того, кого он любил. Ими вынесено постановление:

— Пусть лисья шкура достанется тому, кто из них расскажет лучшее сказание!

Урузмаг был старший, и право говорить первым принадлежало ему.

Нарты сказали:

— Говори, Урузмаг, твоя очередь!

а) Рассказ Урузмага.

Урузмаг сказал:

— Как мало я ни прожил, но самое чудесное произошло со мной следующее дело.

Отправился я один на охоту; пробродил и нигде ничего не нашел; не было у меня больше и продовольствия, все-таки сверх недели стал охотиться три дня. А потом ночлег свой принес в один дом. Сел в комнате и подумал про себя (буквально: сказал в душе своей):

— О, если бы у меня был костер!

Костер появился передо мной. А потом подумал так:

— О, если бы у этого костра очутился передо мной полный стол!

Стол появился передо мной, и я наелся (буквально: накормил себя).

— Эх, если бы у меня, в таком сытом состоянии, появилась постель!

Постель для меня появилась, и я лег спать.

А потом явилась какая-то женщина и легла на кровати у моих ног. Сон не шел больше ко мне; я приподнялся, и женщина промолвила:

— Эй, сытый мой гость, (будь) спокоен!

И второй раз так; а на третий раз я очутился около нее. Со словами: „Пусть не простит тебе бог!“ она взяла из-под изголовья войлочную плетть и провела ею по мне.

— Пусть будешь ты волом *Беенди* так, как это мне лучше!

Я превратился в быка.

Вья моя покрывалась ранами, а ум мой был еще при мне, и я не позволял больше на себя накладывать ярмо. А потом превратила меня в лошадь. Проработала на мне до тех пор, пока не покрылась ранами моя спина, а потом превратила меня в собаку. Стал я на нее работать в качестве собаки, сохраняя при себе человеческий свой ум.

Распространился слух о том, что я хорошая.

Однажды пришли к ней какие-то пастухи просить меня. Она отдала меня им. Они отвели меня с шелковой веревкой на моей шее. Они зарезали для меня косарт и положили его передо мной *на большой деревянной тарелке* (Sebur). Я тоже достал одну лопатку и ободрал ее, а потом и другую, таким образом насытил себя; а ночью стал у края стоянки, причем подо мной подостлали войлок. Тогда появилась стая волков. Я тоже погнался за ними и отрывал голову тому, кого я настигал; таким образом я спас стадо, и пастухи вернули меня обратно в шалаш с желтым бараном.

Второй раз отвели меня другие пастухи; они накинули мне на шею веревку из щетины. Я тоже порывался назад, и они били меня со стороны хвоста (буквально: били мне мой зад). Достигли места стоянки, и они дали мне холодное кушанье, а сами выгнали меня на край ударами палки.

Пастухи легли спать беззаботно в надежде на меня. Как могли не знать волки того, что я там, и выли с углов:

— Урузмаг, чтобы ты состарился бесславно из-за нашего страдания! Кто схватил нас за наши глотки? и кушанье-то пока дали тебе достойное тебя!

И я завыл к ним в ответ:

— Не бойтесь меня. идите сюда, грех ваш на вас самих!

Голодная волчья стая подошла и перерезала стадо овец, причем я сам ей помогал.

Утром пастухи избили меня, и в таком состоянии я вернулся обратно к женщине. Я не мог больше сидеть на одном месте. А однажды я приблудился к ворожее. А ворожея жила в бурьяне. Однажды я пришел туда; зашел в ее дом, и она сама не была там, а годового продовольствия у нее было три чурека. Я взял их и положил их под себя. А тем временем вернулась и ворожея и заголосила:

— Да останешься ты последним в доме! Если ты не собака, то что я тебе могу сказать? Если бы ты не съел годовой мой запас продовольствия, то можно было бы тебе сделать что-нибудь; а теперь что могу тебе сделать?

Я тоже встал, и когда ворожея увидела свои чуреки, то сказала:

— Иди домой и притворись хромым. А сегодня ночью залезай под кровать и, что бы она тебе ни делала, не вылезай больше оттуда. Визжи там и не давай ей заснуть. К утру она заснет и пока она не начнет выбрасывать изо рта раскаленные уголья, до этого времени не доверяй ее сну. А потом под ее изголовьем имеется войлочная плеть, и проводи ею по себе, а потом будет то, что угодно богу!

И я притворился тоже хромым так, как меня научила ворожея, и залез под кровать женщины. Всю ночь напролет не давал ей спать: визжал. Когда женщина устала, когда я это узнал, то и я стал спокойнее. Стало рассветать, и женщина заснула тоже крепко. Я тоже взял войлочную плеть, провел ею по себе и превратился обратно в того, кем я был. А потом провел по женщине со словами:

— Да превратишься в борзую собаку-суку так, как мне лучше! И она превратилась в борзую собаку-суку. Мои две борзые произошли от нее. А потом я ее превратил в кобылицу, и мой богатырский конь от нее произошел. Насколько я это правдоподобно говорю и рассказал, настолько справедливо, что шкура лисы моя, и отдайте ее мне!

в) Рассказ Болат-Хамица.

Болат-Хамиц сказал:

— У меня было две жены. Однажды они делали мне бурку из ста рун и пели про меня всякие песни: „Эта бурка будет такой счастливой буркой. что господин нашей головы отправится в Аварию; аварских красивых кумачей будет привозить полные свои походные сумы, а красавицу Аварии приведет себе в качестве третьей жены!“ Я притворился спящим и выслушал их, а потом сказал им:

— Да не простит вам бог! То, чего не было в душе моей, вы мне внушили!

Из Аварии я стал привозить кумачи, а потом засватал в жены красавицу Аварии. А женам не верилось. В конце концов, когда они убедились, что я ее веду (к себе домой), то быстро приготовили три соленые лепешки, выбежали на курган и взмолились о годовой ее болезни и о невыздоровлении, а затем, чтобы в годовой день была ее смерть (т. е. чтобы она умерла в годовой день болезни).

Красавица Аварии заболела дорогой; проболела целый год (буквально: до годового дня) и, когда узнала, что умирает, то сказала мне:

— От моих трудов на тебе ничего нет, но охраняй меня в течение трех ночей!

Дочь Аварии умерла; стал я ее караулить; набросил на себя большую шубу, а меч свой спрятал под ней.

Две ночи прокараулил, а на третью ночь приполз змей в отверстие двери склепа и как только он хотел схватить покойную, так я его ударил мечом.

Змей распался на две части, и передняя часть стала ползти и принесла какой-то бус. Две части она (т. е. передняя)

придвинула друг к другу, провела по ним бусом, и они пристали друг к другу.

Я вскочил и отнял бус и стал им водить по покойной, и покойная ожила. А потом на свою лопатовидную палку я надел череп и таким образом в склепе я составил о ней песню.

Тогда же вечером женщины вышли на „вечер накануне субботы“ и когда из склепа они слышали игру на фандуре, то бежали обратно. Люди пришли на чудо и оттуда над красавицей Аварии пропели второй раз алай. А двух жен я привязал к хвостам невыезженных лошадей, кости же их сжег.

Насколько это я говорю правдиво, сказал Болат-Хамиц, настолько справедливо отдать ее моему сыну.

с) Рассказ Сослана.

Сослан сказал:

— А я со своим аталычным братом отправился на охоту в Фас-Нарт-Хуза-дзагат. Охотились целую неделю и нигде ничего не нашли.

А потом сверх недели проохотились три дня и убили зайца. Принесли его на свое место (стоянки), убрали его. А потом я заснул, аталычный же брат мой наполнил шампуры мясом, изжарил их и воткнул их в муравьиную кочку. Заяц вскочил и убежал.

Сколько мог спать и я, и проснулся; спрашиваю своего аталычного брата:

— Где наш заяц, давай закусим чего-нибудь!

А он мне (отвечает) так:

— Вот я его положил изжаренным на муравьиную кочку, а он вскочил и удрал!

Как я мог поверить, и рассердился, много ли нужно голодному человеку (для этого), и убил его.

Когда я его хотел было нести (буквально: когда я сказал, понесу его...), то тело покойного оказалось на муравьиной кочке, и покойный ожил.

— Почему ты не дал мне возможности, в царстве мертвых ведь я за тебя сватал дочь Барастура!

— Тогда убей меня самого, сказал и я ему.

Рука его не могла подняться на меня, и я сам убил себя.

Вошел в царство мертвых и засватал за себя дочь Барастура царства мертвых. От нее у меня родился мальчик. А потом аталычный брат мой приволок меня к муравьиной кочке, и я ожил.

Свидетелем этому Сослан показал своего аталычного брата и сказал:

— А теперь эту черную лисью шкуру дайте ему на шапку!
Так как Сослан рассказал, ссылаясь на свидетеля, то великие судьи Нарты лисью шкуру присудили ему.

Махческ. Со слов Кертиби 26 сент. 1903 г.

13. Боряевы и Ахсартаккаевы.

Боряевы и Ахсартаккаевы были две фамилии и с самого начала жили друг с другом во вражде.

Обе фамилии бог натолкнул на враждебные действия друг против друга, и они жили, смывая кровь кровью; примирались; воспитывали друг от друга аталыков; из-за кровной вражды заключали брачное родство, а потом снова принимались друг за друга и таким образом ели мясо друг друга (т. е. уничтожали друг друга), не давали друг другу расти.

Боряевы людьми были больше, а Ахсартаккаевы, хотя числом (буквально: головой) и не были так многочисленны, но все-таки мужеством были сильнее (буквально: быстрее на бег) и заставляли их видеть тяжелые (буквально: злые) дни.

Однажды один из младших Боряевых, Курдалагон, воспитывал в качестве аталыка сына Урузмага Айсана.

Когда мальчик подрос, то стал причинять Боряевым неприятности, и те тоже сговорились убить его, но не находили его в удобном положении (т. е. не находили удобного времени, случая): Курдалагон не выдавал им его.

Тогда Боряевы вытащили к Курдалагону свой змеиный язык и обманули его.

А Айсана так любил своего воспитателя, что, когда вставал утром, то никогда не обходился без того, чтобы не забежать в кузницу к Курдалагону и не помочь ему закалять железо.

Это за ним знали Боряевы и выкопали там, где он сидел в кузнице после работы, яму: 12 локтей в одну сторону, 5 обхватов в другую, а сверху сделали ложное прикрытие.

В одно утро Айсана зашел в кузницу Курдалагона сказать доброе утро и присел на своем обычном месте. Место же его было прикрыто ложным прикрытием и обмануло его.

Таким образом Айсана провалился в яму.

Боряевы тоже набросали на него туда всякую гадость и таким образом заставили его там задохнуться.

А потом распространилась весть, что аталык Курдалагона Айсана пропал, и Ахсартаккаевы стали его искать.

Урузмаг, Хамиц и Сослан обыскали края неба и ничего не могли узнать определенно об его участии (не слышали определенной вести о нем), а под конец они прибыли к ворожее.

А она им сказала:

— Привяжите к шее суки Сирдона веревку и будьте в состоянии проследить за ней, а потом она его вам найдет.

Те тоже привязали к шее суки веревку и стали следить за ней (буквально: стали кружиться по ее следам).

Голодная сука тоже бежала то в одно место, то в другое место, а под конец вошла в кузницу Курдалагона и там она начала рыть место сидения Айсана.

Ахсартаккаевым даже не верилось, но все-таки там, где копнула сука, стали рыть и нашли труп Айсана.

Что им оставалось делать, и похоронили покойника, а сами стали угрожать Боряевым.

Люди вошли между ними посредниками и стали просить Ахсартаккаевых, чтобы они примирились. А больше всех просила их сестра их Удахеза, она была женщиной Боряевых (т. е. она была замужем за одним из Боряевых).

Когда Ахсартаккаевы поняли настроение народа, что их не оставят больше без примирения, то бежали к Канти-Сар-Хуандону и проехали мимо Боряевых, ударяя плетью своих коней.

Когда Удахеза узнала это, то прокляла их:

— О бог богов, мой бог! Куда бы то ни приехал мужчина из Ахсартаккаевых, пусть там оказывают ему собачий почет в течение всего года; чтобы в слове их не было веса; чтобы острая их шашка больше не рубила; чтобы меткое ружье их давало осечку; чтобы скаковой конь их больше не скакал, пусть будет путь их таким счастливым!

Ахсартаккаевы прибыли к Канти-Сар-Хуандону, и он не обращал на них никакого внимания (буквально: не поворачивал ничем в их сторону свое лицо).

Стали сидеть в кунацкой; в ожидании, что вот-вот теперь к ним выйдет, прошло около года. А в течение этого времени в Канте как могло не быть поминок, шестов, скачек, и первое право принадлежало Ахсартаккаевым потому, что они были гости. Те тоже почему не пробовали и говорить; и коня своего пускали в скачках; стреляли и в шест; и шашка их подобно этому, но нигде ни в чем не оказались годными. Когда прошли дни года, то пустили богатырского коня Урузмага в одной скачке.

Урузмаг наказал седоку, чтобы выехал на день позже (начала) скачки.

Тот тоже выехал так, как ему поручил Урузмаг; а потом стал их нагонять и вырывал кому ухо, кому хвост, кому гриву по мере того, как он их нагонял; таким образом прибыл на день раньше срока скачки.

Народ удивлялся ему: „Этот конь до сих пор не нагонял даже доли (т. е. не скакал так, чтобы получить приз), то каким образом теперь он опередил настолько, если седок его не причинил какого-либо зла остальным (не обошел остальных какой-либо хитростью)?“

А тот сказал им:

— Я выехал на день позже (начала) скачек, а об этом спросите, когда придут кони!

Действительно, поверили, когда кони стали прибывать без ушей, без хвостов.

На тех поминках во время заклания быка какой-то мужчина слишком размахнулся шашкой Хамица, и она отрубила ему его ноги.

Таким образом у Ахсартаккаевых дела их стали поправляться.

А однажды Сослан в кунацкой точил свой меч и говорил про себя:

— Завтра утром пойду с утренним приветствием к Канти-Сар-Хуандону и если и тогда не спросит нас, зачем мы прибыли, то испытаю тебя на его шее. Если ты его не отрубишь, то да останешься детям Кантовским для ножичков и на игрушки! Если я так не сделаю, то пусть бог заставит меня скитаться проклятым среди Нарты!

Эти слова кто-то подслушал и довел их до Канти-Сар-Хуандона.

Тот тоже испугался (буквально: того бог заставил испугаться) и на утро прислал к Ахсартаккаевым: Те тоже вошли к нему, и Канти-Сар-Хуандон спросил их о том, зачем они прибыли, что им надо.

А те сказали ему:

— Боряевы обидели нас, а теперь нам нужны войска.— А Канти-Сар-Хуандон им сказал:

— Идите и обратитесь к железным вратам черной горы по-хатиагски; они раскроются перед вами и до тех пор, пока вы не оглянетесь назад, войска будут идти за вами, а потом закроются; число же их мне скажете, чтобы я знал определенно, кто будет убит и кто вернется живым.

Выехали Ахсартаккаевы, и железные врата черной горы раскрылись перед ними.

Стали ехать, а следом за ними шли войска. Сколько проехали, бог знает, а потом Сослан не выдержал больше и

оглянулся назад. Одновременно с этим железные врата закрылись быстро, но войску не было больше числа и нельзя было никак определить количество их.

— Если не Ахсина-Сатана, то мы не найдем им никакого средства,—с этими словами Урузмаг направился к ней; прибыл в Нарту; рассказал ей свои дела.

Ахсина же сказала ему:

— Засни пока сегодня ночью, а утром будет то, что угодно будет богу.

Ночью Ахсина сшила трехрукавные кальсоны, а утром выстирала их и с восходом солнца повесила на плетень на видном месте.

В скорости Сирдон откуда-то появился и заметил кальсоны.

— Пусть будет рвать тебя печенью, Ахсина-Афсина Сатана, если тебе нужны трехрукавные кальсоны!? Войска Ахсартаккаевых составляют тридцать помноженное на тридцать тысяч, сверх этого сто, и среди них нет трехногого человека! А Сатана заранее стала шить трехрукавные кальсоны.

Сатана тоже доискивалась этого слова и передала его Урузмагу. Тот тоже вошел и готовый разговор передал Канти-Сар-Хуандону.

Войска тронулись в дорогу и осадили Боряевых. А впереди всех Сослан проехал мимо Боряевых, нанося плетью удары своему коню. От шума его плети у Боряевых попадала сажа их дома, и Удахеза выбежала на улицу со словами:

— А это ведь шум от плети Ахсартаккаевых, и откуда они явились?

Когда Удахеза увидела войска, то стала просить выдающихся нартов и таким образом успокоила Ахсартаккаевых (т. е. добилась примирения).

Борясвы и Ахсартаккаевы примирились на том условии, чтобы между ними была свадьба из-за крови; девушку должны выдать Ахсартаккаевы, а засватать должны были Боряевы, потому войско вернулось обратно. Срок невесты тоже наступил, и Ахсартаккаевы тоже сбрили Урузмага и выдали за них его (буквально: и послали им его, т. е. вместо девицы). Ночью жених лег на постели, а оружие свое положил около себя, Урузмаг же притворился прибирающим комнату вместе с той девицей, которая сопровождала его от Боряевых. Что произошло, (неизвестно), а потом жених заснул.

Урузмаг тоже вытащил их шашку и отрубил ему его голову, а девице пригрозил, чтобы она молчала, а потом изнасиловал ее.

А после этого он вынес труп и бросил его вниз головой в их отхожее место, а сам удрал. Когда он ушел, то и девица сообщила им:

— Счастливее этой невесты пусть никогда к вам не приходит: человека вашего он убил, меня же опозорил, выгляните наружу!

А после этого Ахсартаккаевы подослали к Боряевым:

— За смерть нашего человека мы убили у вас человека, а девица ваша в придачу! А теперь ваше мужество и вы сами!

Со слов Хадати Гамаза 23 окт. 1903 г.

14. Курдалагон.

У Курдалагона была красивая дочь и вместе с ней он отправился в *балл* на Кумскую равнину. Там они остановились в одном месте, и дочь говорит Курдалагону:

— Мир твой, мир твой, (благодать твоя, благодать твоя) клянусь твоим ангелом! Вон по Кумским равнинам по берегам моря едет один конь и несет 5 душ. Если не верится тебе, то посмотри и со своих наблюдательных пунктов!

Курдалагон тоже прикрикнул на нее, и девушка тоже замолчала. А сам взмолился:

— О бог богов, мой бог! Да наступит в этот момент такая погода, чтобы выпал глубокий снег, а он чтобы превратился в синий лед, и чтобы тот всадник приبلудился сюда к нам!

В тот же момент стало дуть, и выпал глубокий снег. Наступили за ним морозы, и снег оледенел.

Что прошло (неизвестно), а потом кто-то позвал Курдалагона:

— В вашем дворе гости и будьте нам пристанищем!

— Гость-божий гость, с этими словами приютили их.

А те оказались молодой человек необыкновенной красоты, а за седлом у него девушка, а та еще красивее его.

Обрадовались им; угостили их хорошо. А когда наступило время сна, молодой человек сказал:

— Постелите нам в одной комнате!

Постелили им, а ночью поставили к ним соглядатаев.

В предположении, что все (люди) успокоились, (т. е. заснули), девушка и молодой человек легли в одной постели, а другая постель осталась пустой.

А ровно в полночь у девушки родился златокудрых мальчик, и молодой человек сообщил Курдалагону:

— Да не будет стыдно, вон с моим товарищем что-то случилось!

Засветили; вошли к ней и младенца убрали (т. е. сделали то, что необходимо бывает в таких случаях). Песни и начало

песен во время качелей его почему могли не петь? таким образом пели и танцевали до утра. А в полдень лошадь ожеребилась жеребенком породы Саулох.

Девуца (т. е. дочь Курдалагона) как могла не обрадоваться тому, что слово ее исполнилось.

Курдалагон тоже понял ее и взмолился за нее:

— Пусть бог обратит тебя в полезную сторону для людей!

Что прошло, бог знает, а потом и мальчик, и жеребенок подросли, и муж и жена вспомнили свой дом.

Курдалагон дал им большие подарки и таким образом отправил их.

Махческ. 8 окт. 1903 г.

15. Войска крепости Гори.

Знаменитый нарт Елахсардтон жил в крепости Гори, и была у него красавица дочь, по имени Агунда. В девушку влюбился Сослан и стал ее сватать. По очереди он посылал в качестве сватов лучших нартов, но Елахсардтон не давал ему определенного ответа. Тогда это стало казаться Сослану обидным, и он заставил прокричать глашатая:

— Сослан собирает против крепости Гори войска, а теперь тот обязан штрафом рабом в шесть четвертей, кто не выйдет в его войско от каждого дома по одному человеку!

Войска стали собираться и не было им больше числа, столько собралось. А табунщик их был одинокий человек и не было у него такого, кого мог бы послать, кроме того мальчика, который родился в эту ночь, и он беспокоился (был озабочен):

— Итти на войну, но что мне делать со скотиной Нарты? Итти мне пасти стадо, но штраф Сослана, откуда я достану раба в шесть четвертей?

В таком состоянии над ним ночь уже не рассветала (т. е. мучился всю ночь). А к рассвету обращается к ним (т. е. к родителям) мальчик:

— Отец, чего ты беспокоишься? Я отправлюсь с войсками Сослана.

А отец его сказал ему:

— Если бы ты, Зимайхуа, был у меня в состоянии принимать участие в войске, то Арзамайхуа не был бы и бедняком!

Прошло некоторое время, а потом мальчик зевнул несколько раз и вырвал бока своей колыбели.

— Скорее, я голоден, — с этими словами обращается к своей матери. Та тоже быстро приготовила ему хлеб величиной с него самого в ширину и в длину.

Мальчик съел его и вырос вдвое и говорит своему отцу:

— А теперь, отец, я отправлюсь на войну. Если Сослан где-нибудь спешится, то я буду держать его коня за уздечку!

Мальчик отправился в дорогу и приехал к войскам Сослана. Подошел к Сослану, потянул его за полы и сказал ему:

— Сослан, и я хочу принять участие в твоей войне!

Сослан тоже прикрикнул на него:

— Нартовских молокососов не буду водить на войну!

И говорит ему мальчик:

— Если спешишься где-нибудь с коня, то разве не смогу хотя-бы поддержать твоего коня за уздечку, бери меня!

— А если конь мой оборвет у тебя уздечку, тогда?

— Тогда схвачу его за гриву.

— А если он вырвет у тебя и свою гриву, тогда?

— Тогда схвачу его за ухо.

— А если он вырвет у тебя и свое ухо, тогда?

— Тогда схвачу его за хвост.

— А если он вырвет у тебя и свой хвост, тогда?

— Тогда схвачу его за заднюю ногу.

— А если он вырвет у тебя и заднюю ногу свою, тогда?

— А тогда среди Нарты чтобы ты ездил на трехногом, безгривом, бесхвостом, безухом коне, и я буду терпеть это бесчестье!

Сослан задумался и сказал:

— Это не обыкновенный мальчик, — с этими словами взял его с собой.

Войска подошли к крепости Гори.

Сослан поручил своего коня мальчику, а сам пошел к сражающимся.

Когда Елахсардтон тоже услышал известие о войне, то запер двери крепости; из крепости Гори не вылетала больше даже птица.

Войска Сослана тоже сражались против стен крепости, но те оставались неизменными.

Зимайхуа наблюдал за ними с места стоянки лошадей, а потом нагнул к себе самое толстое во всем лесу дерево для шеста (т. е. годное для шестов) и привязал к его вершине коня Сослана за четыре ноги, голова его была привязана уздечкой кверху, таким образом он пустил дерево. Дерево подняло вместе с собой и коня. А сам мальчик направился и прибежал к Сослану.

Когда Сослан увидел его, то говорит ему:

— А где конь мой?

А тот ответил ему:

— Вон привязал его к дереву, не бойся за него нисколько, не убежит, он крепко привязан, а меня пусти сражаться!

Сослан тоже посмотрел и заметил своего коня на вершине дерева

Сказав: „Не с хорошим человеком я связался“, Сослан впал в раздумье. А тем временем мальчик не отстает от Сослана, чтобы он его пустил. Сослан тоже согласился.

Зимайхуа направился и наказал Сослану:

— Я отправлюсь сейчас на вершину черной скалы посреди крепости Гори и буду ее разрушать своей ногой, но Елахсартон пустит в меня одну из своих трех стрел; а та попадет мне в пятку, упаду с вершины скалы, и не допусти меня прикоснуться к земле, а перенеси меня через семь родников, после этого будет то, что скажет бог: и крепость Гори победим, и красавицу Агунду возьмем для тебя. Если этого не сможешь (сделать), то и я пропал, и дело твое не выйдет!

Как бы то ни было, Зимайхуа взобрался на вершину черной горы посреди крепости Гори и стал ее разрушать над ней. Он уничтожил один квартал вместе с разрушением скалы (обвалом скалы).

А тем временем заметил его Елахсартон, выстрелил в него, и в то время, как он поднял ногу, стрела попала ему в пятку, и мальчик подобно снопу скатился по скату скалы.

Сослан тоже разостлал на своих могучих руках черную бурку и таким образом поймал его, не допустив его до земли. Стал его нести и перешел через три родника; а тем временем повстречался с ним Сирдон в образе старика, с старым мешочком за плечом, граблями, сломанными вилами.

— Куда спешишь, старик? Спрашивает его Сослан.

— Нарты взяли крепость Гори и, может быть, там мне достанется что-нибудь, и спешу. А ты ведь похож на Сослана и куда ты еще идешь с покойником? Красавицу Агунду ведь увел сын Деденага Ерахцау.

Сослан не поверил и пошел дальше.

Когда ему оставалось перейти еще только через один родник, то Сирдон в образе старухи, скручивая веретено, повстречался с ним и удивился Сослану:

— Ведь ты—Сослан и что ты возишься с этим покойником? Нарты ведь взяли крепость Гори, а Агунду увел себе в жены твой незнакомый ровесник сын Деденага Ерахцау!

Сослан поверил словам женщины и оставил труп мальчика на одном кургане на бурке, а сам стал бежать и прибыл

к своим войскам, а те стоят себе спокойно, ждут известия от Сослана. Сослан тоже понял свою ошибку и повернул обратно, но застал мальчика мертвым: Сирдон бросил на него землю покойного. Он убедился в его смерти (буквально: от него он узнал свою надежду) и Сослан отпустил свои войска, а сам зарезал одного быка, выбросил его внутренности и вошел туда как раз между августом и июлем месяцем.

Таким образом он растянулся на берегу омута, откуда носили воду. Туша быка покрылась червями. Когда женщины, ходившие по воду, доходили до него, то били ему зубы ведрами со словами:

— Да съешь ты нечистоты проклятого, ты заставил нас испытать много несчастий!

— Сослан остался у водоемного источника мертвым под тушей одного быка и изъели его черви,—распространилась весть по крепости Гори.

Услышали это и Агунда и Елахсардтон.

Тогда Агунда сказала своему отцу:

— Проведай-ка его, действительно ли это Сослан!

Тот тоже прикрикнул на нее:

— Проведай его сама, бессовестная, разные несчастья из-за тебя он перенес, а я его не хочу проведывать!

— Эй-эй, если ты трупа его так боишься, то как ты должен был бояться его, живого, а за того, кто был настолько хорош, нужно было выдать меня,—и ничего ей больше он не ответил.

Как Елахсардтон мог быть спокоен и выслал к трупу:

— Идите и раскалите шампур докрасна и воткните его ему в пятку! Если шампур покажется из колена и если не пошевелится, то он умер, а не то смерти его я не поверю!

Вышли к нему и сделали так, как им поручил Елахсардтон. Сослан тоже вытерпел и не выдал того, что он был жив. Те, кого послал, вернулись к Елахсардтону и рассказали то, что видели. А Елахсардтон сказал им:

— Покажите-ка шампур!

Передали ему шампур; тот тоже понюхал его и сказал:

— Проклятый богом еще жив, обманщику нет смерти!

Это показалось так обидно Агунде, что засучила рукава на своих белых руках и подошла к нему издалека, причитывая и совершая обряд по покойнику:

— О, несчастный Сослан (буквально: чтобы ты сделался беднее, Сослан!)? В каких мучениях ты умер! Если бы я знала это, то бросилась бы за тобой даже в быструю реку! Умереть такой бесславной смертью ты не должен был!

Ударяя себя таким образом, она подошла к нему и приложилась к нему руками. Сослан тоже вытерпел и не пошевельнулся даже.

Когда Агунда вернулась, то Елахсардтон вышел к труп Сослана. Тот тоже подпустил его к себе, но не сдержался до конца. Когда он приблизился к нему, то не вытерпел больше и вскочил к нему. Елахсардтон тоже бежал обратно. Сослан стал его преследовать и нагнал его в тот момент, когда Елахсардтон сунул свою голову в дверь крепости Гори, и отсек ему своим мечом часть черепа, в таком виде он оказался за дверью (в крепости) и запер за собой двери.

Курдалагон зачинил череп Елахсардтона медью, и он жил в таком виде.

А однажды Сослан нашел его на безводной равнине и убил его.

Елахсардтон не мог больше терпеть жары своей головы, и растянулся.

Со слов Кертиби 18 окт. 1903 г. Махческ.

16. Шапка-невидимка Нарты.

Сын Аца, Ацамаз, отправился на берег моря на охоту по следу черной лисицы. А нарты к его возвращению взяли крепость Гори и разграбили (буквально: вынесли) все его богатства; а при дележе не могли поладить. Каждый из них (буквально: и один из них, и другой из них) так говорил:

— Я первым вошел в крепость Гори, а потому и дележ я должен производить (букв.: делящим должен быть я), и доля лучшего мне должна принадлежать!

Таким образом они ссорились и ни на чем не могли сойтись. Тем временем и сын Аца, Ацамаз, сколько времени пространствовал, бог знает, железные полы его износились до колен, а потом убил черную лисицу и таким образом возвратился домой. Говоря: „Нарты взяли крепость Гори, делят его богатства, а я остался без доли“! как мог быть не опечален сын Аца, Ацамаз. А нартская Уадзафтауа была его жена и сказала ему:

— Не печалься из-за этого, но иди, нарты из крепости Гори с собой взяли одну старуху, а теперь бросили ее нагой среди бурьянов и подойди к ней; а хвост этой черной лисы воткни в свою шапку и оставь его висячим, а сам снаряди старуху одеждой и хорошенько накорми ее, а потом будет то, что бог скажет.

Сколько времени нарты спорили из-за первенства и лучшей доли, бог знает, а под конец они обратились к той старухе, которую вывели с собой. К старухе стали подходить поодиночке знаменитые нарты и спрашивали ее:

— Кого ты видела вошедшим раньше всех в крепость Гори?

Та тоже отвечала и одному, и другому:

— Не видела тебя.

Таким образом никого больше не осталось из знаменитых нартов, а все-таки она никого из них не указала. Тогда нарты опечалились:

— Кто же в таком случае мог войти первым в крепость Гори? Скажем Ацамаз, но он ведь и не был с нами!

А под конец подослали к старухе Ацамаза. Она тоже сказала:

— Эй, да останется он вашим наследником, если кто-либо раньше этого человека вошел в крепость Гори!

Нарты удивлялись, но ничего не могли больше поделать и поручили сыну Аца производство дележа, и сказал он Сирдону:

— Полезай в яму и устрой для себя там потайные места: когда я начну делить, то буду бросать туда все, что ни увижу ценного, а ты прячь их.

Сирдон поверил и полез в яму. Сын Аца Ацамаз заставил засыпать его землею. Стал делить и разделил их (вещи) на части, а себе взял шапку-невидимку, веревку и старую подошву и удрал.

Нарты стали брать свои доли и выпустили Сирдона. А тот тоже пробовал остреем копья то одну, то другую и когда не нашел нигде ни шапки-невидимки, ни веревки, ни подошвы, то сказал им:

— Да радуют вас ваши доли, собаки-нарты! То, что было (ценного), унес сын Аца!

У шапки-невидимки была такая сила, что того, кто надевал ее, в сражении не брал меч, не брала (через него не проходила) пуля и не находил глаз врага. А веревкой что бы ни связал, в нем не бывало больше и веса пуха. А подошва превращалась в мост, через какую бы реку или через какое море ее ни бросали. Такими сокровищами были они.

Что оставалось делать нартам, и сокровища остались у сына Аца Ацамаза.

Со слов Кертиби 3 окт. 1903 года. Махчешк.

17. Дочь Адакезы Уадзафтауа.

У Адакезы была сирота-дочь, а имя ее было Уадзафтауа. По стройности и красоте не было равной Уадзафтауа.

Знаменитые нарты сватали ее наперерыв, но ни за кого не выходила; у каждого она находила недостаток.

Когда Ахсартаккаевы узнали это, то сказали:

— Какой она найдет у нас недостаток, а теперь засватаем ее за нашего старшего Урузмага.

Снарядили его; нартовские драгоценности: меч, шубу, их надели на него; посадили его на его большого богатырского коня и послали его сватать вместе с двенадцатью товарищами. Прибыли в село; остановились в одном богатом доме; а утром сказали свое дело своему хозяину.

Двух лучших из группы послали сватами к Адакезе, причем хозяин был им проводником. Как она могла не принять гостей хорошо. Поели, выпили, а потом изложили свое дело Адакезе. А она им сказала:

— Я согласна, но спросите мою дочь самое! У Ахсартаккаевых недостатков нет; ведь, боясь этих братьев, небо не смеет греметь, среди нартов ведь у них есть такая сила. Если они сватают мою дочь, я не ищу ей никого лучше, но у нее не осталось ни отца, ни брата и спросите ее самое.

Девушка выслушала их, она прислуживала им (буквально: стояла над ними), а потом сказала им:

— Правильно говорит моя мать: братьев Ахсартаккаевых ни в чем нельзя упрекнуть; и я нашла бы их достойными для своей головы, но из-за одного дела я их не достаиваю: когда собака состарится, то она уже не в состоянии бежать за борзыми; не может больше сблизить свои челюсти и не принимает больше участия даже в собачьей погоне. И Урузмаг подобен этому: он не в состоянии удержать свои челюсти, не принимает больше участия в общественной жизни, потому выйти за него замуж я не считаю для себя достойным.

Сваты вернулись и передали ответ девушки Урузмагу.

Как это могло быть ему не обидно, и он вернулся с поднятыми плечами и опущенной головой.

Распространилось по Нарте: „Уадзафтауа отказала Урузмагу!“

А после этого Ахсартаккаевы послали Хамица. Тот тоже поехал, заслал сватов, а ему в ответ она сказала:

— Не даром говорят: Хамиц Ахсартаккаев; как я могла бы не выйти за него хотя бы из-за его золотых зубов, но не

выйду за него: на его золотых зубах уже начинает появляться ржавчина, и я не в состоянии буду смотреть на это!

Вернулся и он, и вместе с новыми товарищами послал к ней сватов Сослан.

Сваты изложили:

— Урузмагу и Хамицу отказала из-за их старости, Уадзафтауа, но теперь Ахсартаккаевы ищут тебя для Сослана.

А она сказала:

— Я знаю то, что Сослан мужественный; хотя я его никогда не видела, но вести о нем доходят до меня: во всей Нарте нет знаменитее его. Но подобно воде на тарелке он непостоянен: ни слова, ни клятвы у него нет, и те, которые произойдут у меня от него, будут такими же бессовестными, клятвопреступниками, а потому клятва их настигнет их когда-нибудь. А туда, где я буду без потомства, добровольно не пойду.

Сваты передали ответ Сослану, и он вернулся домой с поднятыми плечами, с опущенной головой.

А после этого Ахсартаккаевы собрались и решили засватать ее за сына Урузмага Айсана. „А про него что она скажет? Нет равного ему по красоте; женщины, идущие по воду, от его вида падают в обморок, и как она не выйдет за него?“

Таким образом снарядили Айсана, послали его с двенадцатью товарищами.

Доехали, остановились в гостях, а на второй день взяли в качестве проводника своего хозяина и таким образом послали сватов к Уадзафтауа.

А она им сказала:

— Безусловно красивый мужчина Айсана, но он слишком женственен. До сих пор ведь живет среди нартов без имени, без подвигов, он не в состоянии будет прокормить и меня, а потому я не выйду за него.

Таким образом вернулся и Айсана.

А после всех послали к ней Батраза, сына Хамица, с двенадцатью товарищами. Сват рассказал подробно дела (т. е. подвиги) Ахсартаккаевых, хвалил и сына Хамица, Батраза. И Адакеза стала на их сторону.

Когда они кончили, то девушка обратилась к нему (т. е. свату):

— Вы сказали то, что хотели, а теперь и мне дайте право на одно слово.

Дали ей право, и она сказала:

— Сына Хамица, Батраза, нельзя ни в чем упрекнуть; в настоящее время нет ни одного среди нашей молодежи виднее его, но я за него не выйду: когда замерзает Волга, и на

ней играют нартовские дети (мальчики), то он превращается в черную лису, и уносит их по-одному, по-два под лед и высасывает таким образом у них их кровь из их пяток. Кто его знает? Может быть, рассердившись когда-нибудь и на меня, он съест меня; я этого боюсь и не выйду за него: кто пожелает собственной смерти?

Таким образом Уадзафтауа отказала и сыну Хамица Батразу.

А после всех пришел к ней сын Кантдза, маленький Сауай; он подослал к ней сватов.

А Уадзафтауа сказала ему:

— Зачем ты пришел, сын Кантдза маленький Сауай? Ведь сейчас я сама хотела к тебе итти. Ведь в Нарте в данный момент нет мужественнее тебя, но не выйду за тебя: твоя злая ведьма-мать стоит у верхней стены, связанная двенадцатью цепями, из горла выбрасывает раскаленные уголья, а на змею падают холодными льдинами, и если попадет на меня что-нибудь, то умру. Кроме того, что ты ей не делаешь, это мне что ли будешь делать (смысл: ухаживает за матерью плохо, а следовательно, и за ней будет ухаживать плохо)?

Сауай вернулся.

По Нарте распространилась молва:

— Ахсартаккаевы впятером сватали Уадзафтауа, и она ни за кого не захотела (т. е. всем отказала).

Тогда Ацаев Ацамаз запряг свою арбу и проехал быстро по улицам Нарты.

— В какую сторону?—спросили его.

А он сказал им:

— Еду к Адакезе: Уадзафтауа сватаю за своего сына!—и проехал.

— Как же? Выдали за тебя!—Шутили гордые нарты на нихасе.

Ацамаз тоже привязал свою арбу в тени башни Адакезы, а сам зашел в дом.

Усадили его; поставили перед ним кушанье. Тот тоже наелся, а потом сказал им:

— Я-сват, одинокий подобно вам человек. У тебя, Адакеза, есть единственная дочь, а у меня единственный сын, а теперь удостой свою дочь за моего сына!

А Адакеза сказала ему:

— Были сватающие ее, и я не дала ей совета, и теперь то же самое; спроси ее самое, вот она около тебя!

Ацамаз тоже говорит девушке:

— Я-из Ацаевых, а теперь удостой нас для себя!

А Уадзафтауа сказала:

— Да не будет стыдно, если я скажу что-нибудь: ты ищешь ответа, а потому надо что-нибудь тебе сказать. А теперь и я согласна, мать моя, чтобы я была у Ацаевых, а потому и ты будь согласна. Меня потому ты спрашивала, что знала мое настроение: я не вышла бы за того, за кого не захотела бы сама. А теперь мы согласны: божий родственник и наш родственник.

— Тогда не так: снаряди сейчас себя, и в дорогу!—сказал Ацамаз.

Девушка тоже снарядила себя быстро; верх тюфяка и другие постельные принадлежности положила под себя в арбу и выехали.

Под вечер Ацамаз вместе с Уадзафтауа проехал тихо мимо большого нихаса Нарты.

Таким образом она стала женщиной Ацаевых и до сих пор она живет здоровой (без болезни).

Как вы их не видели, так другого зла, другой болезни пусть не будет у нас (буквально: не придет к нам)!

Со слов Баззе Колойти 1 окт. 1903 г.

18. Сослан и сын Хамица Батраз.

Лучшие нарты собрались на Ахкема и спорили из-за первенства. Не сдавались друг другу. А потом стали препираться Сослан и сын Хамица Батраз: и один называл себя лучше, и другой, а друг другу не уступали. Нарты замолчали. А Сослан и Батраз направились к своей неродной матери Ахсине. Прибыли и спросили ее:

— Кто из нас лучше?

Ахсина поняла их препирательство и сказала:

— Хорошо, что из другой фамилии нет у вас соперников! А вы-то зачем препираетесь друг с другом?

Когда в конце концов они не уступали, то сказала им:

— Тогда тот, кто завтра к полудню вернется домой с лучшей добычей, да будет лучшим!

Сослан и Батраз сели на коней и выехали. Доехали до одной равнины. А там Батраз взял прямое направление, а Сослан свернул в сторону и доехал до одного кургана. Стрелюжил своего коня, а сам прилег с намерением поспать и услышал из кургана пение.

— Что ты такой?—говорит Сослан и обошел кругом кургана.

Дверь кургана открылась, и Сослан зашел туда. А там

наверху сидят мужчина и женщина на диване. А внизу танцевали молодые люди и девицы.

Сослан оказался посреди пляшущих (буквально: пляшущие захватили Сослана в свой круг).

— Живым приходи, Сослан!—приветствовали его.

Тот тоже попросил у них, говоря: „Дело мое скорое.“

Мужчина и женщина говорят:

— Тогда бери из них тех, кто тебе нравится!

Сослан тоже выбрал себе девушку и молодого человека, усадил их за своим седлом и не было еще полдня, как он прибыл к Ахсине.

А Батраз стал ехать и приехал к своим родственникам по матери в Аварию.

Прошло около десяти, семи лет, и люди стали говорить друг другу на ухо:

— Что? Сослан продал Батраза!

Тогда прибыл Батраз к Ахсине со ста арбами, полными дорогими кумачами, а вместе с ними еще сто молодых людей и сто девиц.

Как бы то ни было, дело их перешло к великим судьям Нарты. А те удалились в Фас-Нарт-Хуза-Дзагат. А там из судей каждый держал сторону того, кого любил, и таким образом Сослан и Батраз остались двумя одинаковых достоинств героями.

27 сент. 1903 г. Махчешк.

19. Сын Нокара Ахса-Будай.

Сын Нокара Ахса-Будай жил на вершине Уарппа (Эльбруса) и владел многими деревнями. Не было больше ни одной страны, кроме Нарты, которой бы он не покорил. Сын Нокара Ахса-Будай вздумал покорить Нарту и выехал на своем большом лошаке: вместо лошади держал лошака.

Когда Сослан услышал это, то под (разными) предложениями отправился в балц: Сослан был ненадежный человек. Как бы то ни было, Сослан остановился у Урузмага. Наступила ночь, и Сослан не позволил себе даже постелить в кунацкой, за исключением хадзара.

Ахса-Будай осаждал Нарту в течение долгого времени; ночью резал быка, днем быка, таким образом он их довел до изнеможения. Девушку не оставлял в правилах девушки; невестку не оставлял в положении невестки. Притеснял их во всем, и нарты дошли до последней крайности (буквально: не были больше в своей душе).

Ахсина в этот день взяла сына Урузмага; сделала для него деревянного оленя так, чтобы он мог бежать; а вместе с этим Ахсина сделала у него на одном боку улыбающееся солнце, а на другом боку—движущийся месячный луч; а между лопатками—черную звезду, и в таком виде послала его под Уарпп (Эльбрус); а ему самому наказала:

— Если жена Ахса-Будая увидит тебя где-нибудь, то не заворачивай к ней до тех пор, пока не попросит тебя хорошенько.

Айсана прибыл под Уарпп. А там жена Ахса-Будая сидит у края горы и прядет: целое бревно (*konhædæ*)—ее веретено; жернов—ее веретенное кольцо; толстая веревка—ее нитка, таким образом ее веретено достает до подошвы горы.

Айсана погнался за оленем, выстрелил в него, сделал метку, как это делает охотник; бросил мешочек на плечи и направился в путь. А тем временем заметила его женщина и говорит ему:

— Алдар-Хуар-Афсати—мой дядя; я еще выпрошу для тебя и вернись!

Когда он не возвращался, то призвала она имя божье, и Айсана вернулся. Женщина подняла его на веретенных кольцах на вершину горы. Когда там они поняли друг друга (т. е. когда сошлись), то вздумали убить Ахса-Будая. Женщина сказала:

— Ему, господину моей головы, нет смерти ни от чего, если не ударишь белое пятно на лбу его маленьким стальным кинжалом, находящимся вон в сундуке.

Айсана обратился к сундуку по-хатиагски; сундук открылся, и он достал кинжал. А потом женщина опустила его на веретенных кольцах на землю.

Айсана прибыл в тот момент, когда Ахса-Будай погнал нартов перед собой и сидел вместе с Ахсиной.

Он понял, что тот соблазнится им теперь, и взмолился к богу о том, чтобы между ними оказался большой ров.

Когда Ахса-Будай увидел Айсана, то погнался за ним, и между ними появился ров. Ахса-Будай свалился ничком в ров; Айсана тоже оказался расторопным и ударил его кинжалом в белое пятно посреди его лба.

Таким образом Ахса-Будай погиб там.

Нарты вернулись обратно, а Айсана пошел (букв. стал итти) и взобрался на вершину Уарппа.

Женщина приказала своему народу:

— Ахса-Будай победил Нарту и прислал, чтобы на жительство перешли туда.

Айсана женился на этой женщине, а народ вывел в Нарту. Для Айсана это было и первым подвигом и последним подвигом.

27 сент. 1903 г. со слов Кертиби.

20. Шуба Сослана.

Сослан вздумал прожить среди нартов (так, чтобы был) виднее всех и начал себе готовить шубу сначала из бараньих шкур, а потом из шкур молодых барашков, но богачи опережали его.

А потом вздумалось ему сделать шубу из человеческих бород. А это дело никто не в состоянии был сделать.

Сослан убивал человека, сдирал его бороду, таким образом он собрал на шубу из человеческих бород и стал думать: — Кто теперь сошьет мою шубу без изъяна?

А в одном месте сидели (т. е. не выходили замуж) три девицы. Сослан отнес к ним свой материал на шубу. Когда девушки осмотрели материал для шубы, то кто из них опознала бороду своего дяди, кто бороду своего брата, и стали думать, что им делать. А тем временем проходил мимо них нарт Сирдон и сказал им:

— Приготовьте эту шубу и сделайте ее без воротника, а хозяину ее скажите так: ничто к ней не подойдет на воротник так, как золотая борода сына Силы, Омара.

Шуба была готова, и девушки сказали готовый совет Сослану.

Как бы то ни было, а зима оказалась жестокой. К весне сена больше нигде не было, а трава еще не появилась, только земля Омара, сына Силы, покрылась травой.

Нарты пришли к гибели. Сослан собрал табун лошадей нартов и выехал в землю Омара, сына Силы, выдавая себя за своего батрака.

Донесли Омару, сыну Силы: „Кто-то пасет на твоей земле свой табун лошадей“.

Омар дивился:

— Кто силой может пасти на моей земле?—С этими словами направился к нему. Доехал до него и спросил его:

— Кто ты такой?

А он ответил ему:

— Я - батрак Сослана.

Омар сказал ему:

— Тогда ты будешь знать какую-нибудь из игр Сослана и покажи ее мне!

А он сказал ему:

— Я бываю на пастбищах (кошах), и ничего о нем не знаю.

В конце концов, когда он его не оставлял больше, то сказал ему:

— Одну его игру я знаю: он взбирается на ту гору, которая бывает выше, и оттуда бросается на каменистую землю; он ударяет тот камень, который бывает больше всех, своим лбом и превращает его в черную золу.

Попробовал и Омар так и сказал:

— Это никчемная игра! Ты меня обманываешь, Сослан так не играет! Ты мне не показываешь его настоящие игры, и я убью тебя!

— Тогда я еще знаю одну его игру, сказал он.

Он натравливает друг против друга двух жеребцов и тогда между ними он сует свою голову.

Омар попробовал опять и это и сказал:

— Сослан не так играет! Ты мне не показываешь его настоящие игры, как бы то это ни было!

Табунщик ему сказал:

— Я знаю еще одну его игру: в суровую зиму он отправляется в море, в течение известного периода он сидит там; море замерзает на нем крепким льдом, и все-таки он его ломает, вот это я еще у него знаю.

Омар, сын Силы, отправился к морю. А Сослан взмолился:

— О, бог богов, мой бог! Пусть настанет такой мороз, чтобы плевков не мог падать на землю, не оледенев!

Омар вошел в море. Настали морозы. Море покрылось льдом вокруг Омара, и он потянул его. Лед затрещал. Сослан сказал ему:

— Сослан сверх этого срока просиживал еще три дня!

Омар притих. А Сослан наполнил морские трещины всякой всячиной. А после трех дней сказал ему:

— Потяни теперь!

Омар попробовал потянуться и не смог больше вылезть (буквально: вытянуть себя). Тогда Сослан сказал ему:

— А теперь я—Сослан и твое мужество и ты сам!

Омар сказал ему:

— Сослан ты, оказывается, не своей силой, а своей хитростью!

Сослан тоже достал свой меч и провел им по шее Омара, сына Силы. Меч поскользнулся по шее Омара, как по льду. Сын Силы сказал:

— Не мучь меня, вон зарежь меня моим мечом!

Когда меня зарежешь, то опоясай себя мозгом моего спинного хребта, и моя сила перейдет к тебе. Сердце мое положи на свое сердце и будешь храбр подобно мне.

Сослан не смог принести его меча и приволок его рычагами. Таким образом хитростью он убил сына Силы Омара. Ободрал его бороду. А мозгом его спинного хребта он опоясал самое толстое буковое дерево в лесу. Буковое дерево распалось на две части. Сердце его он положил на большой камень, и камень превратился в пепел.

Таким образом Сослан выпас нартоvский табун лошадей и пригнал его обратно.

Из бороды сына Силы он сделал воротник для своей шубы и остался среди Нарты заметнее всех.

Со слов Кертиби 24 окт. 1903 г. Махчeск.

21. Нартовское зло Сирдон.

Урузмаг, Хамиц и Сослан отправились на охоту, а Сирдона взяли с собой в качестве младшего. Сирдон по дороге придумал предлог, говоря, что лошадь его не в состоянии итти. Сослан был младшим из группы и посадил его к себе (на лошадь) за седлом. Сирдон украл у него его огниво. А потом посадил его к себе за седлом Хамиц, и его огниво он украл. И с Урузмагом сделал то же самое.

Вечером они остановились на ночлег у одной опушки леса. Сослан бросил своих товарищей за устройством шалаша, а сам отправился с намерением поохотиться (буквально: говоря, я поохочусь). Вскорости он нашел оленя, выстрелил в него и убил его. Убрали его.

— Высечем огонь!—С этими словами они стали искать свои огнива и не нашли их больше. А Сирдон взобрался на вершину дерева набрать дров и смеялся над ними, говоря:

— А эти выехали на охоту!

А тем временем у одной горы показался дым и блеснул свет. Послали туда Сослана за огнем (буквально: просителем огня). Тот тоже дошел туда, а там тебе (оказалось) двенадцать великанов. Великаны завели Сослана к себе со словами: погрейся у огня, согрейся; посадили его наверху на диван и пустили под него безводный клей. Сослан прилип к стулу, и ниоткуда больше не показывался. Послали за ним Хамица. Хамиц прибыл тоже к свету, дал знать о себе, и вышли к нему великаны, завели его (к себе), посадили его ниже Сослана

и там приклеили его к стулу. Сослан тоже намеренно ничего ему не сказал.

— Как они ниоткуда не показываются? С этими словами Урузмаг отправился за ними сам.

Дошел до них и крикнул (буквально: крикнул во внутрь жилища):

— Ведь я послал вас просить огня и где вы пропали?

Великаны выбежали к нему; завели его во внутрь (т. е. в помещение); посадили его ниже его товарищей, пустили под него безводный клей, и он тоже прилип. А после этого Сирдон высек огонь; наелся мяса оленя, а потом привязал два *ахсарфамбала* к двум своим усам и в таком виде направился искать своих товарищей. Дошел до них. Завели и его (к себе) великаны.

— Садись!—приглашают его.

А Сирдон говорит:

— Не довольно ли того, что они сели кто младше, тот выше (т. е. не по обычаю, не по старшинству)? Вдобавок и я в их ряду! Они-мои алдары (князья), и я не сижу с ними в одном ряду, но наполняют бездонную сапетку для меня золой, и я сижу на ней. Посадили его на золу в сапетке; пускали под него клей, и он уходил в золу. Тогда Сирдон начал вертеться вокруг и натравил великанов на Сослана. Заставил их память Сослана хорошенько, а потом натравил их на Хамица; потом на Урузмага; таким образом он заставил (великанов) память их хорошенько; а потом натравил великанов друг против друга, поссорил их между собой, и они перебили друг друга. Когда те погибли, то Урузмаг, Хамиц и Сослан стали умолять Сирдона со словами:

— Избавь нас от этого позора каким-нибудь способом!

Сирдон тоже сел по близости к костру; жарил *ахсарфамбалы* на своих усах и сосал их губами. Как могли они не злиться на него?

И Сирдон говорит им:

— Я не знаю другого средства для вас, как отправиться за большой нартовской пилой, и ею отпилю от скамейки каждому по мере (т. е. то, на чем каждый сидит).

Стали его умолять, вытащили к нему свой змеиный язык:

— Не доводи до сведения Нарты о нашем позоре (букв.: не отнеси в Нарту наш позор), но да будет твоя милость, (избавь нас) каким-нибудь другим способом, какой есть у тебя!

Сирдон смиловившись (буквально: сломился); наполнил большой котел водой; нагрел ее и пускал горячую воду

под ними, таким образом он их освободил от цепей. Успокоились; наелись оленьего мяса, а потом стали злоумышлять против Сирдона и отрезали у него губу его лошади. Сирдон тоже (притворился), будто бы не узнал этого, так он решил ехать за ними и отрезал им хвосты их лошадей. Едут и сколько проехали (неизвестно), а потом говорят Сирдону:

— Что это такое, Сирдон, конь твой идет, улыбаясь?

А он им сказал:

— Он смеется над тем, что видит перед собой достойное смеха!

Осмотрели своих коней и нет у них больше хвостов!

— Что делать нам с нашим злодеем? Убить его, и нарты составят о нас песню; оставить его так, и не даст нам житья!

Думали. а потом пригнули одно дерево и привязали к нему Сирдона за его усы; а после пустили дерево, и оно подняло его вместе с собой. А сами уехали. К счастью, (буквально: как бог благодетель) проходил пастух с белым стадом овец, громко посвистывая. Сирдон тоже стал кричать:

— Не хочу, о боже, быть алдаром! Не соглашусь!

Пастух подошел к нему и спрашивает его:

— Кто ты, какого рода ты. на что ты не согласен?

— Кто я такой, сказал Сирдон. Нарты выбирают меня для себя алдаром. а я не соглашаюсь им. А потому, до тех пор, пока я не дам согласия, они не освобождают меня.

— Тогда сделай меня вместо себя, сказал пастух.

— Хорошо. сказал ему Сирдон; но, может быть, ты не выдержишь связанным таким образом?

— Выдержу! С этими словами он отвязал Сирдона, а себя заставил привязать там. Сирдон слез и сказал ему:

— Говори, что согласен!

Пастух тоже с дерева повторял, что согласен. А Сирдон взял его свирель и вместе с белым стадом овец направился, громко посвистывая, по улицам Нарты.

Нарты удивились его добыче, а Сирдон говорил им:

— Я получил их, как цену, за мясо от бедер Урузмага, Хамица и Сослана.

28 сент. 1903 г. Махческ.

22. Тизмуда и бесподобный танец нартов.

Нартовская красавица Тизмуда¹ была единственнойстрой семи братьев. Тизмуда была необыкновенной стройности и красоты. Как могло не быть искателей ее руки, но ни-

кто ей не нравился (буквально: никого она не считала достойным себя). Она заставила построить себе комнату на деревянной башне посреди семи дорог; поселилась там и через свою служанку (буквально: языком служанки своей) давала прозвища (указывала недостатки), не показываясь наружу, всем тем, кто проезжал по дорогам.

Сослан был нетерпелив и говорит так:

— Неужели и у меня найдет какой-либо недостаток?

И подослал к ней сватов. Тизмуда не посмотрела на него даже через свое плечо. Возвратился он с поднятыми плечами и опущенной головой на большой нихас Нарты и говорит собранию:

— Вон на берегу моря появилась коварная женщина; к людям не показывается, а сама всем тем, кто только проезжает по семи дорогам, дает позорные прозвища. А теперь пойдем к ней и убьем ее камнями, а не то она позорит нас всех (буквально: она режет нам головы)!

Лучшие нарты сказали:

— Нартам будет позорно идти туда из-за какого-то ребенка и бросать в него камни, но сам ищи какой-либо выход, если у тебя есть какое-либо средство!

С этого времени Сослан стал ее преследовать и не находил против нее никакого средства. А напоследок он обратился к ворожее. А та сказала ему:

— Я ничем не могу помочь тебе, но среди дремучего леса есть поляна, а посреди ее обвалившееся дерево, а под ним сидит еж, и спроси его, и он тебе скажет определенно.

Сослан стал скитаться по дремучему лесу и нашел ту поляну, которую ему указывала ворожея. Обыскал ее и остановился перед обвалившимся деревом и говорит:

— Кто обитатель этого места, выгляни к своему гостю! Где еж мог двигаться так быстро и вышел к нему с трудом после третьего окрика. Сослан рассказал ему, зачем он пришел. И еж сказал ему:

— Ни за что она не выйдет к вам, но скажи всей Нарте и пусть каждый положит на плечи то, чем работает, и в таком виде возьмитесь плясать и девицы, и женщины, и старики, и молодые посреди семи дорог под башней Тизмуды, а потом она явится к вам.

Сослан прибыл обратно в Нарту и сказал двум глашатаям:

— Прокричите: все те, кто в состоянии ходить, чтобы вышли завтра на средину семи дорог под башню Тизмуды и чтобы взяли за танец, каждый (имея) на плечах то, чем он работает!

Глашатай верхнего ряда Царазон, а глашатай нижнего

ряда Сибека вышли и прокричали. А на второй день вся Нарта собралась под башней Тизмуды, и все взялись за танец. Нартовские женщины пляшут, (имея) на плече кто корыто, кто грабли, кто вилы. Весть распространилась о неслыханном танце нартов по всему свету, и стали собираться на него. Черный великан Черной горы тоже вышел на этот танец, (имея) на одном своем плече большую скалу от черной горы, а на другом плече—от белой горы, и таким образом он взялся за танец. Сколько времени протанцовали (неизвестно), а потом Черный великан Черной горы встряхнулся, и скалы попадали (с него) и поранили некоторых из тех, кто был рядом с ним. И на второй день он опять пришел, но тогда случайно оказался рядом с Батразом, сыном Хамица. Батраз во время танцев наступил ему на ступню, и ступня черного всадника Черной горы осталась на месте. Великан рванулся, но Батраз тоже потянул его в свою сторону, и вывихнулась у него рука. Черный великан Черной горы горько заплакал и отправился в дом отца без руки и без ноги. Пожаловался своему отцу, а он ему сказал:

— Не говорил я тебе: не ходи на нартовский танец, кто-нибудь окажется сильнее тебя!

И на третий день Черный великан Черной горы опять вышел, и он повстречался с великим нартом Хумбаром. А тот в это время пахал ста плугами. Приветствовали друг друга, поговорили, и великий нарт Хумбар направился тоже на неслыханный танец нартов. Он повесил сто лемехов и сто резцов на двух своих плечах и в таком виде великий нарт Хумбар вошел, звеня ими, в неслыханный танец нартов. Когда Хумбар встряхнулся, то сто лемехов и сто резцов зазвенели на ста языках. Когда Тизмуда услышала это, то не выдержала больше и сошла с вершины башни. Как раз в этот момент очутился там и нарт Урузмаг: панцырь, шуба, нартовские драгоценности: меч и все прочее были на нем, в таком виде он сидел на белом богатырском коне; спешился с коня и взялся танцевать. Тизмуда тоже вышла на танец и выбрала (взяла) через плечо Урузмага. Тизмуда оказалась за Урузмагом; он отдал им своего белого богатырского коня при сговоре. Имея седло на своих плечах, Урузмаг направился срочно домой.

Разошлись с танца, и Ахсине донесли:

— Тизмуда выбрала через свое плечо Урузмага, и Урузмаг думает на ней жениться.

Ахсина тоже посмотрела с вершины башни и заметила в степи Урузмага вместе с седлом на плече. Она была опечалена и вошла (в комнату) и стала чесать шерсть на стозу-

бой ~~чесалке~~. А тем временем прибыл и Урузмаг, и Ахсина говорит ему, улыбаясь:

— Что это, наш господин? До сих пор ведь носил тебя твой конь, а теперь ты стал носить своего коня?

Урузмаг тоже рассказал ей, и расторопная женщина пообещала ему:

— Поспи, а потом я разбужу тебя так, чтобы ты поспел к сроку.

Урузмаг тоже был в годовой отлучке и от усталости от ходьбы пешком заснул. Ахсина обладала даром испрошения, и она превратила стены дома в месяцы и звезды (т. е. разукрасила их).

Сколько поспал, (неизвестно), а потом Урузмаг проснулся и говорит Ахсине:

— Снаряди меня, пора мне отправляться к сроку!

А она сказала ему:

— Разве не смотришь на небо, пока и полночи нет, поспи пока, а потом отправишься!

Таким образом она его обманывала (оттягивая время) и не дала ему возможности отправиться к сроку. Когда Урузмаг не прибыл к сроку, то с этого момента Тизмуда была свободна, и к ней стали опять прибывать женихи. Когда про это услышал сын Крым-Саухала Крым-Солтан, то вскочил на своего белого коня и направился сватать Тизмуду.

Во всю дорогу Крым-Солтан ехал один, джигитуя в обе стороны, и он производил впечатление ста всадников. Он доехал до башни Тизмуды, стреножил своего коня, зашел к девушке и сказал ей:

— Ищу тебя в качестве семьи, а теперь удостой меня для себя, я-сын Крым-Саухала Крым-Солтан, около Черного моря мои жилища и владения.

А она сказала ему:

— Я вышла бы за тебя, но не выйду ни за что!

Крым-Солтан тоже вышел и отправился в путь на своем коне. опять джигитуя. Тизмуда смотрела ему в след и велела его позвать обратно.

Крым-Солтан вернулся, и она сказала ему:

— Я согласна выйти за тебя, но отправляйся в колючник на берегу моря; там сидит черная лисица; убей ее; хвост ее воткни себе в свою шапку, чтобы я могла тебя узнавать, а сам приведи мне двадцать чеченских красавиц и двадцать ногайских молодцов, связанных в перемежку, тогда я буду твоей!

Крым-Солтан стал охотиться в морском колючнике и износил железные концы своей палки (нарукавники), его визан-

тийская (генуэзская?) суконная черкеска истрепалась; кровь сочилась из-под каждого волоска на ногах коня его, так долго он охотился, а под конец он нашел черную лисицу; убил ее; содрал с нее шкуру и хвост ее воткнул себе в шапку; в таком виде он отправился в набег против чеченцев и ногайцев. Из Чечни он похитил двадцать красавиц, а из Ногай двадцать молодцов; их он перевязал в перемежку.

Посланные в погоню из Чечни и Ногай сразились с ним, и обе погони нанесли ему крупные раны и мелкие царапины, все-таки он им не сдался и доставил он свою добычу под башню Тизмуда.

— Да не обрадуют тебя! А теперь я умираю,—с этими словами он повернул своего коня и насили доехал домой. Люди собирались вокруг него. Крым-Солтан метался в обе стороны. Тем временем Тизмуда велела запрячь коней в железную коляску и прибыла к нему. Когда она увидела его серьезную болезнь, то сказала людям:

— До сих пор я не показала людям своего лица, а теперь да не будет стыдно, дайте мне возможность увидеть Крым-Солтана!

Люди расступились перед ней в два ряда, и между ними направилась Тизмуда. Она увидела его раны и сказала людям:

— Если даже будет стыдно, то все-таки оставьте нас наедине!

Люди вышли. Тизмуда тоже разделась донага и прошла она между кожей и мясом Крым-Солтана, и он стал, как при рождении от матери (т. е. выздоровел).

Таким образом Крым-Солтан и Тизмуда и до сегодняшнего дня живут, как муж и жена.

Со слов Кертиби 24 окт. 1903 года. Махческ.

23. Насиран-алдар.

Насиран впервые получил подарок; а в подарок что он получил? Из шерсти белого барана он получил бурку, сделанную из отборных волос, а вместе с этим он получил предупреждение об удобном случае для угона табуна коней Токус-алдара. Насиран, одно войско больше другого, так собрал три войска. В его войске были стоголовые великаны, утренние ангелы, вечерние архангелы. Насиран-алдар подступил вместе со своим войском к морскому берегу. А Токус-

алдар жил по ту сторону моря. А море не давало дороги войскам Насиран-алдара, и Насиран-алдар сказал:

— Если в моем войске не будет кого-нибудь из моих передовых водителей Ацаевых, то дело у меня не выйдет (буквально: я не буду готов).

И сел он вместе с двенадцатью товарищами на коней и прибыл к Ацаевым:

— Кто из Ацаевых здесь? — дал он знать.

Вышла к нему какая-то женщина и сказала ему:

— Из Ацаевых здесь больше никого нет, кроме маленького ребенка вон в колыбели!

Насиран-алдар слез с коня и вошел с плачем к Ацаевым, ударяя свой лоб плетью (т. е. выразил соболезнование по поводу гибели всех Ацаевых, кроме ребенка). Потом сел на коня, ударил морду коня своею плетью (т. е. повернул коня своего ударом плети) и уехал. Женщина тоже вернулась в дом, и ребенок (мальчик) обращается к ней из колыбели:

— Кто это был, кто так сильно плакал?

А женщина сказала ему:

— Это был ваш аталык (воспитанник) Насиран-алдар, искал воина.

— Тогда, мама, возьми и меня (из колыбели), и я приму участие в походе (буквально: в войне), — сказал мальчик.

Как мать могла вынуть его (из колыбели). В конце концов, когда она его не вынимала, то он оторвал стенки колыбели в разные стороны своими плечевыми костями и сказал:

— Неужели от моего отца не осталось где-нибудь старого коня?

А женщина (т. е. мать) сказала:

— Вон в конюшне (буквально: в стойле, хлеве) увяз в навоз бслый конь Ацаевых, виднеются еще только его уши.

Мальчик направился в конюшню, схватил коня за уши, вытащил его и вычистил его. Потом спросил:

— Не осталось ли от моего отца какого-нибудь старого седла?

Указали ему, что они (т. е. вещи, не только седло) в сундуке.

Мальчик обратился к сундуку по-хатиагски. Сундук открылся и там оказалось (буквально: а там тебе) по-хатиагски сделанная уздечка, бабиагские семь потников (*æftaugitæ*), по-андусски изукрашенное седло. Надел их на коня, сел на него и проджигитовал посреди двора и говорит матери своей:

— Мать наша, как я джигитую и как я красуюсь на спине своего коня?

А мать его говорит ему:

— Так, как поздней осенью красуется иней на собачьем кале.

Мальчик слез с своего коня и огорченный сел в кресло, и кресло рассыпалось вдребезги, а сам обращается к своей матери:

— Приготовь мне пирожок длиной и шириной в меня.

Расторопная женщина принялась (быстро) и в тот же час приготовила пирог. Мальчик съел его (быстро), не проронив на пол ни одной крошки; а сам опять сел на своего коня и проджигитовал во дворе. Когда мать его убедилась (в том), что не останется, то сказала ему:

— Ты красуешься, мальчик, на своем коне (буквально: на плече своего коня) как раз так, как красуется солнце рано утром на горах и утренняя роса на весенней зеленой траве. а теперь счастливого пути (буквально: прямого пути).

Таким образом отправился сын Аца Ацамаз за Насиран-алдаром и на ночлег он остановился посреди дремучего леса (буквально: и ему его ночлег бог принес на середину черного леса). Сын Аца Ацамаз тоже принялся и (быстро) устроил для себя шалаш на 12 человек, устроил в нем 12 вешалок и столько же коновязей около шалаша; сам же еще для одного своего коня устроил ограду (т. е. живую изгородь) на 12 коней; пригнал стадо оленей; загнал их в ограду. Из их шкур он устроил мягкую подстилку. а мясо их развесил на чердаке, таким образом он развел костер в своем шалаше. По сторонам костра он жарил с треском (буквально: воткнул, приладил) шашлыки из мяса дичи, которым наполнил два шампура; так он остановился посреди дремучего леса.

Однажды Насиран-алдар посмотрел с наблюдательного пункта своего и над дремучим лесом заметил дым. Насиран-алдар направился вместе с двенадцатью товарищами проведать дым. Доехал туда, откуда выходил дым, и вышел к ним (т. е. к Насиран-алдару с товарищами) из шалаша сын Аца Ацамаз; помог им сойти с коней; двенадцать коней привязал он к двенадцати коновязям; на двенадцати вешалках повесил их оружие, а сам наполнил двенадцать шампуров мясом дичи и приладил их около пылающего костра. Шашлыки изжарились, и он заставил их съесть по одному шампуру, а сам спросил их:

— Наверное. вы меня не узнаете? Я—сын Аца Ацамаз.

Насиран-алдар обрадовался и взял его с собой в свое войско. Прибыли. Ацамаз сказал им:

— Я испытаю это море (т. е. попробует перейти его)!

И въехал он в море на белом коне Ацаевых. Море не намочило даже копыта его коня, в таком виде Ацамаз ока-

зался на том берегу. А там конь его фыркнул. Адамаз тоже нанес ему удары, говоря:

— Да съедят тебя собаки!

И конь проговорил к нему человеческим языком:

— Твой отец Ада не ездил на мне таким образом, но спрашивал у меня совета!

Адамаз понял его и вытащил к нему свой змеиный язык (т. е. стал его просить).

Белый конь сказал:

— Не езжай на мне к табуну коней Тогус-алдара в таком виде, но вот на берегу моря разводят клей в большом котле, отправься туда и попроси их, и деньги им дай и выкупай меня в клее (буквально: опусти меня в клей), а потом три раза изваляй меня в песке, три раза же в гальке.

А после этого, сторожами (охранителями) табуна коней являются волк с железной пастью, ястреб с железным клювом и жеребец с железной мордой. Сначала прилетит к тебе ястреб с железным клювом, и если ты не попадешь ему в белое пятно на лбу, то он причинит тебе вред! Тогда выйдет к тебе волк с железной пастью. И у него на лбу белый волос, и попади в него, а не то он съест нас. А для себя выкопай яму и спрячься там, а меня привяжи крепким арканом. Железный жеребец выйдет ко мне на передней ноге, и если ты окажешься мужественным, то непустишь меня, и мы набросимся друг на друга; сначала сразимся друг с другом копытами (буквально: ногами), а затем примемся (бороться) зубами. Когда железный жеребец начнет есть мою гальку, то я буду у него рвать (буквально: есть) его кожу. Когда же я примусь за его мясо, то он дойдет до песка; потом до клея; а я у него оборву его сердечные подвязки. А ты сиди наготове и отрежь у всех их уши!

Адамаз сделал так, как его научил конь. Сначала он купал своего коня в безводном клее, а потом извалял его в песке и в камне, а сам выгнал табун коней Тогус-алдара.

Стража табуна коней: ястреб с железным клювом и волк с железной пастью напустилась на него.

Адамаз тоже прицеливался в белизну на их лбах, убивал их, и прятал их уши себе в карман. А под конец прибыл к ним жеребец с железной мордой. Адамаз тоже имел на берегу моря яму и прыгнул туда (т. е. спрятался), и два коня стали сражаться. Сначала сразились копытами, а затем принялись друг за друга зубами. Пока железный жеребец рвал (буквально: ел) у коня Адаевых его круглый камень, его песок, он тем временем оборвал его сердечные связки, и жеребец растянулся. Адамаз тоже выскочил из ямы, отрезал его

правое ухо и сунул его в свой карман. А сам быстро сел на своего коня и пригнал табун коней к войску, переправил их по ту сторону моря, так что не дал утонуть даже и маленькому жеребенку. А потом Ацамаз вернулся обратно вызывать за собой погоню и доехал до ворот Тогус-алдара. А там народ сидит вкруговую на пиру. Ацамаз дал знать (буквально: подослал) к Тогус-алдару со словами:

— Твой табун коней угоняют!

Тогус-алдар не поверил:

— Наверное, это будет такой человек, который ищет еды и напитков, пригласите его и накормите!

Он не вошел на три приглашения. А в третий раз Ацамаз вошел. Наполнили для него три раза три стола, а потом Ацамаз вытащил уши и раздал их им по столам. Голову ястреба старшим, как долю старших, а уши волка и жеребца младшим, со словами:

— А это вам старшим доля старших, а младшим—доля младших!

А сам вскочил на своего коня и поскакал. Тогус-алдар стал его преследовать (буквально: гнать его). Когда Ацамаз узнал это, то подождал его на одном кургане.

— Будем сражаться семь дней,—с такими словами они дали друг другу нартовскую клятву. Таким образом они днем сражались, изрешечивали друг друга, все-таки никто из них не одолевал.

У Тогус-алдара была такая жена, что, когда он ложился на ночь, то он становился как при рождении от матери (т. е. поправлялся от ран). А Ацамаз, бедный, ложился, стелая. Сразились два дня, а под вечер третьего дня Ацамаз от тяжести стрел растянулся. Тогус-алдар привязал его к хвосту своего коня и приволок его в таком виде в свой дом. На ночь бросили под него какой-то войлок, который валялся обыкновенно в углу; а войлок оказался таким, на котором обыкновенно спала эта женщина (т. е. жена Тогус-алдара). На ночь Ацамаз лег спать на войлоке и до утра он излечился от своих ран. Стрелы попадали от его боков и образовали около него большую кучу. А днем он убил Тогус-алдара и вывез его жену себе в жены. К его возвращению войска разошлись, не подождали его больше: каждый отправился в свой дом. Ацамаз тоже отправился в свой дом с женой. И с Насиран-алдаром он остался жить в дружбе.

Махческ. Со слов Кертиби 25 сент. 1903 г.

24. Елахсардтон и Негор-алдар.

Елахсардтон и Негор-алдар были два любящих брата. А у них была единственная сестра по имени Агунда. А она была женщиной Асовых (т. е. была замужем за одним из фамилии Асовых). А у Асовых был такой белый конь, что если сажался на него вечером, то он делал три оборота по краям неба. Елахсардтон был бывалый человек и приехал к Асовым и выпросил коня для совершения путешествия.

Асовы сказали ему:

— Ты просишь у нас мясо нашей лошади, а мы дадим тебе даже его голову (т. е. могут его подарить ему),—и стали для него кормить коня водой и овсом на месте (т. е. не выпуская из конюшни).

Однажды Негор-алдар вышел на нартовский нихас, и там вели разговоры три молодых человека:

— Сможет ли кто-нибудь украсть белого коня Асовых?

Один из молодых людей сказал так:

— Не думаю! Это дело не удастся никому (буквально: не попадет ни в чью руку), если не удастся Негор-алдару!

А другой (сказал) так:

— Пусть не попадет в его руки ничего, кроме нартовских кур и индюков, гусей и уток (т. е. ему не удастся)! Если он не украдет белого коня Асовых, то что с ним (т. е. с конем) будет!

Слова эти запали в душу Негор-алдара (буквально: Негор-алдар слова эти принял в свою душу), и он вознамерился украсть белого коня Асовых. Однажды он приехал к своей сестре и сказал ей:

— Укажи мне, каким образом попадет в мои руки ваш белый конь, в противном случае должен отказаться от тебя; как от сестры (буквально: а не то, чтобы мы сделали дележ сестры и отказ сестры).

А Агунда сказала ему:

— Зачем ты так говоришь? Ведь наши старшие откармливают коня на месте сеном и овсом для Елахсардтона! Если это узнает твой любимый брат, то что он тебе скажет?

— Что бы ни было, а нельзя его не украсть, сказал твердо Негор-алдар.

Когда в конце концов она не находила против него средства, то Агунда сказала Негор-алдару:

— Прежде всего у нашего коня стражником является один родник. А он издает такой запах, что никто не в состоянии вытерпеть его запаха, и каким образом ты сможешь выпить из него? А во-вторых, кислое яблоко, мимо которо-

го нельзя пройти из-за его кислого запаха. Потом волк с железной пастью и ястреб с железным клювом. Если ты спасешься от них (минуешь их благополучно), то Тула и Тулабег его привратники, и они тебя все-таки убьют. Минуешь и их благополучно, то на дверях замок и каким образом ты его откроешь? Если и он откроется у тебя, то от двери к коню ведет узкий мост, и как только ты коснешься его, так он запоет по-петушьиному, и тогда уже нельзя тебя не узнать и не убить.

— Хорошо, это-ничего, сказал Негор-алдар и отправился обратно домой. Он стал готовиться и приготовил два тулупа из бараньих шкур, тушу барана, мешочек проса, (кусок) топленого сала, сто ключей и в таком виде отправился воровать белого коня Асовых. Стал ехать и доехал до родника. Запах его ударил в ноздри его коня, и он (т. е. конь) отнес его обратно на расстояние кабардинской десятины. Негор-алдар ударил его со словами:

— Да съедят тебя собаки, если ты дашь мне возможность напиться из этой несоленой воды!

Конь тоже перепрыгнул и миновал родник. Негор-алдар слез с своего коня, выпил из родника и сказал:

— Ох, ох, ох! Я еще не пил воды вкуснее (буквально: слаже) этой воды!

— Счастливого (буквально: прямого) пути тебе, кто удостоил меня испить (т. е. кто не погнушался испить этой воды),—так проговорил к нему родник.

Едет Негор-алдар, и конь его опять отнес его обратно. Тот тоже ударил его со словами:

— Да съедят тебя собаки, если ты не дашь мне возможности поесть этого сладкого яблока!

Конь пролетел мимо дерева подобно птице. Негор-алдар тоже быстро слез с коня и съел одно яблоко и сказал:

— Ох, ох, ох! Какой сладкий сорт фруктов!

— Счастливого тебе пути, кто удостоил меня отведать, проговорило к нему и дерево.

Едет он, едет, а тем временем напустились на него волк с железной пастью и ястреб с железным клювом. Негор-алдар тоже бросил тушу барана волку, а мешочек проса рассыпал ястребу.

— Счастливого пути! Асовы никогда не дали нам даже остатков от еды или остатков от пива!

Миновал их, и выскочили к нему привратники коня Тула и Тулабег. Негор-алдар тоже дал им по тулупу, и они дали ему дорогу. Доехал он до двери, он стал пробовать ключи и открыл ее одним из ключей. Потом он смазал мост

(буквально: размягчил мост); согревая сало, им смазывал мост; не издавал больше ни звука, так он его сделал, и вывел коня. Когда конь попал в его руки, то он исчезал под вечер и возвращался к утру с девушкой и молодым человеком (т. е. похищал их); а их он передавал своей сестре Агунде. Сколько времени над ним прошло, а потом возвратился Елахсартон и услышал про кражу коня Асовых. Искал его по краям неба (т. е. везде) и где он его мог найти, раз конь был у них самих! Тогда он спросил знахарку, а она ему сказала:

— Сегодня ночью сиди (сторожи) у большого нартовского моста, и конь твой попадет в твои руки!

Наступил вечер. Негор-алдар тоже отправился в набег. Ночью Елахсартон приехал к мосту; он там спрятался и стал выжидать. Как только стало рассветать, так Негор-алдар переезжал через мост, имея за седлом молодого человека и девушку. Когда он доехал до середины моста, то конь его отнес его обратно.

— Да съедят тебя собаки, если знаменитый нарт Елахсартон не дожидается тебя (буквально: не сидит перед тобой)!

Шустрый конь перелетел. Елахсартон тоже выстрелил в него, и Негор-алдар упал с коня. Елахсартон подошел и стал плакать, когда узнал своего брата. со словами:

— Ведь я съел своё мясо (т. е. погубил брата)!

Утром он поднял тревогу; собрались нарты; устроили для него медный гроб и не находили средства выпрямить руки покойника; что с ними ни делали, все-таки они оставались выпрямленными в разные стороны. Тогда вышла к нему Агунда, причитывая; девушек и молодых людей, похищенных им, вывела тоже всех с собой, кроме некоторой группы, которую спрятала у себя. У покойника выпрямилась одна рука по длине тела. А для другой руки не находили средства. Стали подзревать Агунду:

— У нее еще что-нибудь должно быть.

И нарты обратились к ней с упреком. Она тоже смутилась и вывела и других. Когда они вышли, то покойный выпрямил и другую руку, и похоронили его в медном гробу. А Елахсартон остался жить вместе с ними.

Махческ. Со слов Кертуби 1 окт. 1903 г.

25. Старый Уархаг.

В Нарте жил (буквально: был) старый Уархаг. Половина Нарты и из имущества и из людей принадлежала Уархагу.

А невесту себе Уархаг не сватал. Люди его собрались из-за него семь раз в семь суббот и сказали ему:

— Женись, Уархаг, а не то перейдем к богачу, подобному тебе!

Уархаг испугался и стал искать себе жену (буквально: запряг себя в сватание жены). Он пригласил двенадцать игроков на фандуре, и двенадцать—танцоров; двенадцать игроков на свирели, а двенадцать—танцоров, в таком виде он направился к Болат-Хамицу. А у Болат-Хамица была старая дева (буквально: сидящая у очага дева). Уархаг стал ее сватать. Подослал сватов к Болат-Хамицу, и что бы ни было, девушка отказывалась выходить за Уархага, говоря: „Как выйти мне за старика!“ Уархаг остановился со своими товарищами во дворе. Товарищи его веселились там, а сам он сидел посреди них и читал религиозные книги. Служанка прибежала к ней и рассказала ей (т. е. дочери Болат-Хамица):

— Что я видела? Что я видела в доме наших господ? А такого чуда я еще не видела: вон во дворе люди веселятся, а посреди них сидит какой-то старик и читает религиозные книги!

Старая дева посмотрела в окно. Уархаг повернул к ней страницу книги, и девушка упала назад в обморок. Сейчас же она подослала к своему отцу, Болат-Хамицу со словами:

— Я ни за кого не выхожу, кроме него!

Товарищи Уархага обратились ему в сопровождающих невесту и таким образом с пением алай-булай привели ее. Что над ней прошло, бог знает, и девушка забеременела. Уархаг стал считать ее дни. Когда наступило ее время, то родился у нее мальчик (никого он не допустил в качестве повитухи, кроме себя). Уархаг завернул его (ребенка) в конце полы своей шубы. От бога у него был дар испрошения и обратился с молитвой:

— О (бог) богов, мой бог! До тех пор, пока этот мальчик превратится в комок крови, да не будет ему смерти!

Дал ему имя: сын Уархага Субалци. Тем временем Субалци подрос, и Уархаг женил его на дочери подобного себе богача. Субалци отправился в недельную отлучку.

Однажды Уархаг вывел двух своих коней на водопой. В скорости повыше него стали три сына Соппара и намутили воду. Два коня потянули в разные стороны и удрали от Уархага. Уархаг сказал им (сыновьям Соппара):

— Если бы сын мой был здесь, то показал бы вам чудеса! (смысл: наказал бы их).

Три сына Соппара подъехали к нему и содрали со спины его ремни, а шубу изорвали на мелкие куски. Уархаг вер-

нулся домой, не разгибая спины. Ночью Субалци вернулся и дал знать в свою спальню. Жена его дала ему ответ:

-- До тех пор, пока тебе не открою дверь, сиди там!

А он ей ответил:

— Я сразился с войсками Айгеца и Агузна, они изрешетили меня, и я умираю!

Жена его открыла ему дверь; сняла с него его одежду, уложила его спать, а сама пролезла ему между кожей и мясом, и стрелы лука попадали со звоном. Благодаря этому, Субалци стал, как при рождении от матери, и принялся спрашивать свою жену:

— Почему не открывала мне дверь?

Жена сказала ему:

— Ты был в отлучке, а отец твой вывел двух коней на водопой, и три сына Соппара возмутили его воду. Гордые кони зафыркали и вырвались в разные стороны. Отец твой из-за этого рассердился и сказал им:

— Если бы сын мой был здесь, то показал бы вам чудеса!

Те взяли и из-за этого содрали с его спины ремни, а сами еще подошли к нему и изорвали ту шубу, над которой я работала с малых лет и до зрелого возраста.

Субалци оделся снова со словами:

— Мне нельзя здесь лечь спать!

И не повидавшись со своим отцом Уархагом, сел на своего коня и отправился всед за тремя сыновьями Соппара. В тот момент, когда они устроили на поляне Соппара шалаш, Субалци предстал перед ними и сказал им:

— Прошу вас, отдайте мне тот ремень, который содрали с моего отца!

Старший говорит младшему:

— Иди и убей (буквально: убери) собаку!

Младший выбежал и пустил в него стрелу. Стрела попала Субалци прямо в сердце, и застрял он в одном дереве. Субалци расколол своими членами дерево, а сам выстрелил в младшего сына Соппара и убил его.

Старший говорит среднему:

— Посмотри-ка (буквально: иди-ка), ведь брат наш ни где не показывается!

Средний выбежал и когда увидел брата своего убитым, то выстрелил в Субалци. Стрела попала ему прямо в сердце и вынесла его от одного дерева к другому и прикрепила его. Субалци потянул дерево своими членами и расколол дерево, прицелился в голову, выстрелил в него и убил его. Старший выбежал и когда увидел своих братьев, то выстрелил в Субалци. Стрела вынесла его через два дерева, а к третьему

пригвоздила. Субалци опять потянул дерево своими плечами и разодрал его, а потом и он выстрелил в него и убил его. Таким образом Субалци убил всех троих и сам он тоже ослабел и растянулся. Он был при смерти (буквально: играл своей душой), а смерти ему не было до тех пор, пока не превратится в комок крови. Весть дошла до царства мертвых:

— Болат-Хамиц, внук (буквально: племянник, сын сестры) твой страдает!

Из царства мертвых не было обычая выходить, кроме входа туда (т. е. оттуда нельзя было выходить, а входить можно было). Болат-Хамиц повернул носки своих чевяков в сторону пяток, таким образом он прошел в двери. Привратники проводывали и не находили следа наружу, кроме следа во внутрь. Болат-Хамиц прибыл к Субалци и сделал его снова таким, как (был) при рождении от матери. Тогда Субалци тоже вынес тот ремень, который содрали три сына Соппара с его отца, и прилепил к своему отцу. Таким образом и он выздоровел, и остались они жить до сих пор.

Махческ. Со слов Кертиби 23 мая 1902 г.

II. Сказания про Ахсак-Темура.

26. *Ахсак-Темур.*

Дигорцы и кабардинцы--народы, оставшиеся от нартов. Могушественнее же нартов в древности (буквально: в прежнее время) в наших горах не было. А у Ахсак-Темура были железные крылья, и днем он делал три оборота вокруг неба. Вся вселенная (буквально: все миры, народы) была в его руках (была ему подчинена). А под конец остались неподчиненными (непокоренными) наши горы, и он сюда направился с большими войсками. От нас он жил далеко и из боязни сбиться с пути (буквально: говоря, как бы я не ошибся по моей дороге), по мере продвижении его войск (буквально: как его войска продвигались) рабы его за ними шли, вырывая канаву. Прибыл он в Дигорию, и большинство народа было перебито в битве с ним, а остатки от них ни на что! не похожие, он увел с собой в Китай и из них там образовал отдельные села; сам же он поднялся на небо и вошел в образ звезды (т. е. превратился в звезду).

А перед страшным судом он опять спустится на землю и с теми народами, которые были ему подвластны (буквально: под его рукой), снова победит весь мир. В том войске будут и те люди, которых увел Ахсак-Темур из Дигории, и они будут сражаться против Дигории. Люди больше не будут различать ни родственника, ни брата, ни отца. У Дигории его счастье еще не пропало, и она одолеет войско Ахсак-Темура. Его войска разбегутся (рассыплются) в разные стороны, и Ахсак-Темур останется один с двумя своими жеребцами.

А после этого сразятся сын Тотрадза Алибег и Сослан. На их крик, на их шум будут собираться народы; от лязга своих мечей и оружия (буквально: uotæltæ-uoramæntæ, т. е. тормоза?!) не будут разбирать слова друг друга (т. е. не будут понимать друг друга). Небо будет плакать над ними; земля будет дрожать от жалости к ним; а люди будут смотреть на них через головы друг друга; тот, кому (т. е. в память кого) устроили скачки,—с своего коня; те, кому был поставлен шест

с мишенью, памятник, — с их вершины; а все остальные пешими. А после этого будут сражаться Ахсак-Темур и семь братьев. Потом земля заколеблется и мир погибнет (букв.: разрушится).

6 ноября 1903 г. Махческ.

27. Ахсак-Темур.

У одного хана был мальчик. Однажды этот хан послал своего сына на целый день пастухом козлят (т. е. пасти их целый день), и среди стада его козлят оказался заяц (буквально: бог привел зайца). Заяц выскочил и стал бежать. Темур тоже бросился за ним и поймал его за заднюю ногу и бросил его к козлятам. Таким образом заяц убегал, а мальчик ловил его и бросал его обратно в стадо; в таком состоянии наступил над ним вечер. А вечером Темур запер его вместе с козлятами в хлеве. Утром же во время выгона мальчик сказал своему отцу:

— Вчера один серый, безрогий козленок измучил меня, не хотел оставаться с козлятами.

— Который из них такой беспокойный? — спрашивает его отец.

Как только Темур открыл дверь хлева, чтобы погнать свое стадо, так на него выскочил заяц. Тот тоже бросился за ним и поймал его и показывает его своему отцу со словами: „Вот этот козленок!“

— Тот, кто мальчиком сейчас таков, позже будет чем-нибудь и отнимет у меня мое владычество, — и отец велел сломать ему ногу, а сам отдал его к кузнецу в ученье. Кузнец направил ему его ногу, и он стал работать у него. Темур стал хромым, и стали его называть Ахсак-Темуром. Как он мог не быть сердит на отца, и бежал он в абреки. Днем он прятался у той вдовы, которая была беднее, а ночью нападал на середину села и похищал оттуда девушку и молодого человека; у края села его настигала погоня и отнимала их у него. А как-то раз Ахсак-Темур остановился у одной бедной женщины. Та тоже приготовила пироги с сыром и положила их перед ним горячими. Ахсак-Темур не вытерпел больше к ним, брал из середины кусок и ел его, обжигая себе рот. Женщина смотрела на него долго, потом сказала ему:

— Если тебе и неприятно будет, мой гость, и то посмею тебе сказать: ты подражаешь еде Ахсак-Темура и тебе ничего так не удастся!

— А Ахсак-Темур как ест и что ему не удастся? — спросил ее Ахсак-Темур.

— Ахсак-Темур, когда он нападает, то нападает на центр села; похищает девушку и молодого человека; жители села бросаются в погоню, и на краю села отнимают их у него. Если бы он похищал с краю тех, кого он похищает, то пока село будет собираться в погоню, до тех пор он отдалится, и как погоня может его еще нагнать? Если бы и ты теперь ел с краю, то куски с краю более остыли, и тебе удалось бы что-нибудь. Пока будешь есть его (т. е. крайний кусок), до тех пор и средний будет остывать и до него дойдешь (буквально: догонишь его).

Эти слова Ахсак-Темур запомнил (буквально: положил себе в сердце), и после этого село его отца было опустошено (буквально: унесено): каждую ночь похищал двух. Он нападал на нижний край; похищал девушку и молодого человека; люди тоже бросались в погоню и не настигали его больше. А после всех осталась наверху села единственная сестра семи братьев. В одну ночь Ахсак-Темур напал на этот дом и похитил у них их сестру. Те тоже, семь братьев, бросились в погоню и стали его преследовать. Ахсак-Темур был звездой и поднялся на небо. А семь братьев тоже имели дар мольбы и появились за ним на небе. Когда он понял, что не оставят его больше, то бросил им их сестру, а двух своих жеребцов поставил по обеим сторонам своим. Средний посадил ее (т. е. сестру) за своим седлом, и до сих пор еще его преследуют. Пока наступит день страшного суда, до тех пор они его не нагонят (не настигнут). Потом после боя Сослана и сына Тотрадза Алибега будет их бой.

2 ноября 1903 г. Махческ.

28. Каким образом Ахсак-Темур прибыл в Дигорию.

Однажды войска шаха прибыли в Дигорию через Нижний (Dællag) перевал и остановились на пахотной земле (поселка) Ахсау. Ночью шах подослал несколько человек разведчиков (соглядатаев) к селу. Пробродили эти люди, а потом под конец заглянули в башню Алтанцака; а там тебе женщина готовит квас и когда она выжимала выжимки, то бросала их на костер, и они от чрезмерной своей сухости загорались подобно свече и в темную ночь заменяли собой лампу. Разведчики вернулись и передали эту весть шаху. Шах тоже испугался: „Если у них жены так сильны, то сами они ка-

кими могучими должны быть?" и с этими словами он повернул обратно.

Там, где провело ночь войско шаха, теперь на месте навоза от лошадей выросли большие грушевые деревья. Шах сперва победил плоскостные села, и когда он направлялся в горы, то была поздняя осень, и его войска сами и их кони наелись груш в (местечке) Кети.

А из горных сел он сначала осадил Ахсау и когда ничего не добился (буквально: в его руки ничего не попало), то вернулся по Дигорскому ущелью. А там на Камунтском выступе была башня. А к башне вел ложный мост. Войска шаха направились через мост; мост под ними провалился, и войска попадали с Нихатской кручи в реку Сонгутидон. А после этого нельзя было больше взобраться на башню; отборные из воинов шаха тоже попадали с кручи; а вместе с этим наступила еще зима, и шах отправился обратно через Кевонский перевал с теми, кто остался от его войска. Что произошло после этого, (неизвестно), потом стала распространяться весть про одного человека, Ахсак-Темур, что он сделался ханом над всем миром.

Однажды Ахсак-Темур услышал про то, как Дигория не подчинилась шаху. Вести про Алтанцака тоже доходили до него. Он собрал большие войска и вместе с ними он остановился у Дигорского ущелья. А сам он приехал один на белом своем коне в Ахсау. А в башне Георгиевых были еще три девушки (сестры). Он направился под селом через пахотные участки и повернул прямо к башне. Когда он доехал до речки Билагидон, то слез с коня своего и по подъему вел его за собой. Девушки как раз выглянули в этот момент и стали следить за всадником (буквально: смотреть на всадника), говоря, кто это будет. Так как всадник шел хромой походкой (т. е. прихрамывал), то в виду этого стали подозревать, что он должен быть Ахсак-Темуром. Тем временем всадник доехал до башни и остановился у девиц. Девицы тоже приготовили ему быстро dzikka (нечто в роде масляной каши из сыра и муки); поставили ее перед ним, и гость стал кушать из середины. Девушки тоже посмотрели друг на друга и засмеялись. Тот тоже говорит им:

— Над чем смеетесь?

— Ты ешь, как Ахсак-Темур, отвечает ему средняя девушка (сестра).

В таком случае это-я, и с этого времени больше никого не бойтесь! А средняя да будет моей женой!

Средняя сестра в тот же час вышла в другую комнату, стала прятаться, т. е., согласна, мол. А младшая говорит ему:

— Величие твое, величие твое, именем ангела твоего клянись, прошу тебя и прости мне, а теперь у тебя есть один недостаток: будет ли война, будешь ли нападать на страну, все-равно ты нападаешь на центр и не нападай больше на центр, чтобы дела твои шли лучше. Для каждого дела есть начало и конец, и ты тоже начинай с краю, будешь ли ты нападать на страну или будешь делать какое-либо другое дело, все-равно!

Ахсак-Темур запомнил слова девушки и с этого времени принялся (похищать, громить) за людей с краю. А местожительством избрал башню Георгиевых.

У него были крылья, и днем он делал три оборота по небу, а ночью прилетал в башню Георгиевых и там он с средней сестрой жили, как муж и жена. От этой девушки у Ахсак-Темура родились три сына: Мали, Бицо и Гардан. А от этих трех в Стур-Дигоре произошел род Георгиевых.

6 ноября 1903 г.

III. Сказания про Одинокого.

29. Сказание про Одинокого.

В одном селе жил бедный старик. Старик умер, и у него остались сын и дочь. Дочь скоро вышла замуж. Сын тоже вырос; он оказался доблестным (буквально: рожденным хорошо) и стал доставать добычу (буквально: бог направил на добывание скотины). Молодой человек (буквально: рожденный) отличился и своим трудом образовал село, а сам засватал дочь Хановых.

Когда бедный Одинокий в одну ночь спал в кунацкой (гостиной), то дали ему знать:

— Завтра утром, когда наступит время завтрака, у тебя похитят твою невесту, понадобится тебе голова мужчины, Одинокий (т. е. необходимо оказаться мужчиной)!

Молодой человек встал, вышел во двор, посмотрел во все стороны и нигде никого не заметил; вошел обратно и как только лег в постель, так снова дали ему знать:

— Когда наступит время завтрака, здесь будет убийца твоего отца, Одинокий!

В третий раз дали ему знать:

— Когда наступит время завтрака, здесь будет и друг твоего отца!

Растерялся бедный Одинокий; не знал больше, в какую сторону ему идти, кому что делать, и вошел к своей матери и рассказал ей свои новости. А мать ему сказала:

— Если угодно будет богу, то найдешь где-нибудь и убийцу своего отца, и друга своего отца. Смерть же и похититель невесты ничем друг от друга не отличаются, оба дела одинаковые и отправляйся за делом своей головы (т. е. на защиту своей невесты)!

Одинокий оседлал своего коня и уже было темно, как прибыл к Хановым; постучал в окно к девушке, и она тоже выглянула к нему.

— Девица, зачем ты нарушаешь свою клятву—?спрашивает ее Одинокий.

А девушка сказала ему:

— Если бы я нарушала свою клятву, то не послала бы к тебе вестника (буквально: человека)!

— В таком случае вылезай, я тебя отвезу!

— Так я не выйду, но отправляйся на перепутье семи дорог; тот, кто меня похищает, является и убийцей твоего отца и отомсти ему (буквально: возьми от него свою месть)!

Одинокий приехал на перепутье семи дорог и там стреножил своего коня. Когда наступило время завтрака, хан провожал по ней с двенадцатью товарищами невесту, так он проезжал. Бедный Одинокий поехал вместе с ними; нанес удар по шее хана, и он упал с коня, а сам бежал. Товарищи хана тоже бросили свою невесту в стороне от дороги на камне и бросились вслед за Одиноким. Когда они вытянулись в линию, то он (т. е. Одинокий) повернул обратно своего коня, проджигитовал по правой стороне их и проехал, отрубая им их головы; убиты были все тринадцать человек; привязал к их коням их вооружение погнал, их впереди себя; и дочь хана он усадил за своим седлом и в таком виде он вернулся домой. Друг его отца к возвращению Одинокого уехал недовольным. Когда Одинокий узнал это, то стал догонять его; нагнал его; умоляет его, просит его, чтобы он вернулся, но друг его отца больше его не слушался. Потом он сказал другу своего отца:

— Если хочешь, то разделим имущество моего отца на две части, а не то возьми то, что я достал в добычу в один день! Когда в конце концов Одинокий не оставлял его больше, то друг его отца вернулся и взял только то, что он достал в добычу в один день.

Таким образом Одинокий в один и тот же день отомстил за кровь отца, друга своего отца сберег подобно большой драгоценности, отослал его без обиды, и жену свою привел.

Что прошло, сам бог знает, потом Одинокий увидел сны:

1) семь волков похитили козу, а он будто бы погнал за ней; убил всех семерых; когда он сдирал кожу с седьмого, то он почувствовал боль в боку;

2) потом будто бы в их дворе мычали три бугая;

3) а три голубя щипали друг друга.

Одинокий рассказал свои сны своей матери, а та ему сказала:

— В этом селе похитят девушку, а ты отделишься вперед от погони; семерых убьешь; когда будешь раздевать седьмого, то железный наконечник стрелы вылетит, и от этого будет твоя смерть. А три бугая—твои три ровесника (товарищи). А три голубя—я, мать твоя, жена твоя и единственная твоя

сестра, мы все трое будем царапать себя, а не то, что нам остается делать?

В скорости семь абреков напали на село. Абреки похитили одну девушку. Впереди погони села оказался Одинокий; он убил всех семерых; он убрал доспехи шестерых; когда подошел к седьмому и остановился, то вспомнил свой сон и остановился, не решался больше к нему подойти. Девушка засмеялась и сказала Одинокому:

— Ведь ты не испугался живых, так чего же ты боишься мертвых?

Одинокий тогда осудил себя; не снес больше оскорбления девушки и подошел к покойнику; содрал с него его камзол; оттуда вылетел железный наконечник стрелы и попал в бок Одинокому.

Таким образом Одинокого настиг сон; домой еще был живым, а потом отделился от своего мира (т. е. умер).

Со слов Кертиби. Махческ.

IV. Сказки.

а) исторические сказки.

30. Хань и русские.

Русские с горами столкнулись (буквально: соприкоснулись) два раза; тогда в наших горах определенного алдара еще не было, а хань были в ту эпоху в силе, сила была в их руке. Русских победили хань, наложили на них дань; не оставляли у них больше красивых девушек и молодых людей, таким образом они довели их до изнеможения.

Тогда русский алдар (князь) спросил знахарку, (проживавшую) в нижней части села:

— Каким образом сломить мне силу ханов, ведь они не дают нам больше житья?

А она сказала:

— До тех пор, пока у русских из крови ханов не появится потомство и оно не в состоянии будет воевать, никакого средства против них не найдешь. А теперь враждой ничего не сделаешь, но подружись с ними и, может быть, и в твоём роде из их крови явится наследник.

Русский алдар стал стараться и завел дружбу с ханами. Однажды алдар пригласил к себе на угощение старшего (буквально: главу) из ханов. Он стал его угощать изысканными (буквально: красивыми) кушаньями и напитками. Он угощал

его в течение недели, а сверх недели задержал его еще на три дня. Когда днем наедались, то ночью алдар исчезал, а жену свою оставлял около главы ханов и поручал ей, чтобы она каким-либо способом соблазнила его. Хан не соглашался ни за что. Прошло над ним долгое время в доме русского алдара. Когда хан говорил, бывало, (что) теперь надо уходить, то алдар готовил огромное количество провизии, собирая своих подданных, и люди от мала до велика крутились, как волчки. В одну ночь наевшийся и напившийся хан не смог больше сдержать себя и сошелся с женой русского алдара. От этого женщина забеременела, и родился у нее мальчик. Когда мальчик возмужал, то стал беспокоить ханов, и между ними произошла битва, и он победил ханов. С того времени русский алдар сделался правителем над многими народами.

Теперь как раз второй раз столкнулась русская сила с нашими Кавказскими горами.

Когда же вернется к нам в третий раз, то это тогда будет конец мира.

Со слов Кертиби.

31. Эрзерумский охотник.

Эрзерумскому охотнику было дано от бога и в какой бы день он не вышел, он не возвращался обратно к старым своим родителям (буквально: к отцу и матери) без убитой дичи. Таким образом он их кормил мясом дичи. А однажды Эрзерумский охотник пробродил с утра до вечера и ничего не встретил. А под вечер он взобрался на одну высокую гору, стал оттуда наблюдать и нигде ничего не замечал. Бедный охотник впал в раздумье и вернулся с горы с поднятыми плечами и с опущенной головой. А в скорости (после этого) он заметил на скале золотое перо. Поднял его, и бог вложил ему в уста: „Это перо отнесу падишаху (царю)!“ Стал его нести и прибыл в Стамбул (Константинополь). А там он зашел к такому человеку, который был дружен и близок к падишаху, и рассказал ему, как он охотился и как он ничего не встретил; а под конец как он нашел золотое перо; как им он нашел (вспомнил) имя падишаха и как он его (т. е. перо) несет ему.

— Эй, солнце мое, сказал друг падишаха (наверное, был офицер, по словам рассказчика): не садись в арбу падишаха, трудно тебе будет. Лучше это перо отдай мне, а я тебе дам тысячу рублей.

— Нет, сказал охотник; то, чем я прославил (буквально: нашел) имя падишаха, ни за что не отдам.

Рано утром охотник зашел к падишаху и подарил ему перо. Падишах тоже поблагодарил его и обещал ему:

— Подарка твоего я не забуду.

Когда охотник зашел к падишаху, то друга падишаха стала ругать его жена, своего мужа:

— Погибни, погибни, кто не смог выманить его перо, тебе подобало быть вместо падишахского офицера солдатом. А теперь иди и скажи падишаху так: „Подарок твой—хороший подарок, но тот, кто принес тебе это перо, сможет тебе достать и ту птицу, на которой оно выросло, и если бы она была у тебя, то было бы хорошо, а не то нельзя показать это перо народу, как подарок, птица же везде приличествует!“

Офицер отправился и сказал падишаху так, как его учила его жена. Падишах тоже сказал: „Верно, ведь хорошо мне говорит!“ и с этими словами послал за Эрзерумским охотником. Охотник тоже, думая, что ему падишах хочет сделать подарок, с радостью прибыл и говорит падишаху:

— На что я тебе, падишах, вот я?

А падишах сказал ему:

— Доволен твоим подарком, но найди мне ту птицу, на которой выросло это перо, ее ты можешь достать!

— Никаким способом я ее не найду, падишах! Я странствую беспрерывно с младенческих лет, и никогда все-таки глаз мой не замечал подобной птицы.

— Нельзя не найти ее, а не то велю отрубить тебе голову!

Опечалился Эрзерумский охотник и вышел от падишаха с поднятыми плечами и опущенной головой. Дошел до дому и издали закричал к своим родителям (матери и отцу):

— Я отправляюсь на погибель своей головы, а теперь кормитесь тем, чем можете, я вам больше не сын (буквально: из меня для вас больше нет сына)!

Заплакали бедные старики, зарыдали; Эрзерумский охотник тоже без оглядки отправился странствовать. Сколько он странствовал, бог знает, а потом вышел на ровное поле у входа в одно ущелье. А в поле вдали заметил белый замок.

— Все равно пропащий я, а теперь направляюсь к этому замку! сказал сам себе Эрзерумский охотник и прибыл туда. Дал знать в замок, а там тебе (оказалось) три девицы и старик и старуха. Двое старших из девиц обрадовались со словами:

— Зять наш явился! Здравствуй, зять наш!

А младшая спряталась. И Эрзерумский охотник удивляется, поражается, со словами: „Что это, что за диво?“ Ночью как могли не угостить хорошо Эрзерумского охотника? А

утром, когда он собирался уезжать, то сказали ему мать и отец (т. е. родители девицы):

— Обе старшие тоже просватаны, а младшая выдана за тебя, бог удостоил ее за тебя, а теперь веди ее с собой!

Впал в раздумье Эрзерумский охотник; а под конец согласился вести свою невесту. Те тоже запрягли быков в арбу, наполнили ее всяким добром и отправили их. Девушка и молодой человек сели рядом в арбе, а погоняльщик быков впереди погоняет быков, так едет Эрзерумский охотник с своей женой. Что проехали, бог знает, потом Эрзерумский охотник глубоко вздохнул (буквально: из глубины души).

— Задержи, сказала девушка погоняльщику быков.

Тот тоже задержал быков. А потом девушка говорит своему мужу:

— Если сомневаешься в чем-нибудь и согласился против воли, то я не считаю для себя достойным это и чтобы в этот же час мы разошлись!

— Не из-за тебя я горюю! сказал Эрзерумский охотник; но печалюсь из-за одного дела: у меня нет ни брата, ни сестры, кроме старых матери и отца. А их я, будучи охотником, кормил мясом дичи. А однажды я отправился на охоту и ничего не встретил; а под конец нашел золотое перо. Бог внушил мне зло, и я отнес это перо падишаху. А теперь падишах говорит так: „Или найди ту птицу, на которой было это перо, или отрублю тебе голову!“ А в таком положении если тебя приведу, а ту птицу если не найду; если падишах меня казнит, а ты с моими старыми матерью и отцом если будешь страдать (мучиться), будешь испытывать тяжелые дни и если и для них ты явишься печалью сердца, боюсь я этого, а достоинствами своей души ты для меня слишком даже подходяща!

— В таком случае из-за этого не стоит печалиться: то перо перед тобой я положила. Отец мой—пророк и вместе с Уасгерги был в отлучке. Они увидели тебя во время охоты, и ты им понравился; они удостоили меня за тебя, и по их совету в тот вечер я бросила на твоём пути перо удода. И с тех пор я ожидала твоего появления. А удода и теперь еще вон в кладовой нашей, и я вынесу его, пусть бог не даст более трудного дела!

Как мог не обрадоваться Эрзерумский охотник, получив птицу? Прибыл домой вместе с невестой. Обрадовались и старые его мать и отец. А на второй день на рассвете отправился он к падишаху. Прибыл в Стамбул и заехал к знакомому.

— Ну, что-нибудь нашел? Спрашивает его офицер.

— Слава богу, нашел ее! Сказал Эрзерумский охотник.

— В таком случае отдай ее мне: даю тебе чистыми деньгами три тысячи рублей.

— То, чем я прославил (буквально: нашел) имя нашего падишаха, ни за что не отдам, и с этими словами занес ее к падишаху.

— Эй, мой муж, кто не в состоянии обмануть и одного человека и погубить его! Тебе подобало быть солдатом, — сказала жена офицера. А теперь иди, скажи падишаху: „Тот, кому удалось это дело, может пригодиться тебе еще в чем-нибудь; а теперь, на втором самом высоком выступе вершины Уарппа есть золотой источник, и если бы он тебе достал оттуда полный кожаный бокал (culuqidzag), то ты превратишься в такого молодого человека, каким ты был раньше“.

Офицер зашел к падишаху и сказал ему так, как его научила его жена. Падишах обрадовался: „А если есть такое средство, то это ведь хорошо!“ и с этими словами послал за Эрзерумским охотником. Охотник тоже предстал перед ним, радуясь, говоря: „На этот раз падишах сделает мне какой-нибудь хороший подарок“.

— Твои дары я не забыл, но ты, который смог достать эту птицу, сможешь подняться на вершину Уарппа и принеси мне оттуда из золотого источника на самом высоком выступе полный кожаный бокал (culuqidzag).

— Я не смогу этого тебе сделать! Я—бедный человек, нет у меня ни быка, подобно этому ни лошади, как я тебе доберусь до вершины Уарппа? А потом как я тебе взберусь на ее вершину, ведь и птица не в состоянии пролететь над ней!

— Нельзя ее не найти, а не то я велю тебе отрубить твою голову!

Заплакал Эрзерумский охотник и так направился обратно домой. Когда добрался до своего двора, то остановился вдали и обращается к своей матери и своему отцу:

— Я отправляюсь на погибель своей головы, не надейтесь на меня больше, а этого ребенка (т. е. жену) отправьте обратно в родительский дом!

Заплакали старые мать и отец. А жена его послала (сказать ему):

— Эту ночь проводи здесь, может быть, кто-нибудь из нас придумает какой-нибудь лучший исход (буквально: а, может быть, до утра бог вложит в душу одного из нас какой-нибудь лучший совет).

Эрзерумский охотник согласился с советом (буквально: с словом) жены, зашел в дом свой. Доблестная жена тоже не

оставила больше в селе красивой девушки и хорошего молодого человека (т. е. собрала девиц и парней), собрала их и устроила танцы. А на рассвете Эрзерумский охотник сразу заснул на мягкой постели. Сколько поспал, бог знает, а потом разбудила его жена и спрашивает его:

— Ну, что ты надумал (буквально: какое намерение запало в твою душу)?

— Ничего, кроме гибели моей головы.

— В таком случае не делай так, а отправляйся к падишаху, не бойся и скажи ему: „Я—бедный человек и у меня нет (ничего) такого, на чем я мог бы отправиться на гору Уарпп; у того офицера, который натравливает тебя на такие дела, есть от твоих наград на сбережении в казне много денег, и пусть он даст себе такой труд ради тебя и пусть купит вороного коня Еким-алдара, (который) живет между Черным и Азовским морями, а физический труд свой (буквально: труд души своей) для тебя и я не пожалею.

Эрзерумский охотник зашел к падишаху и рассказал ему так, как его научила его жена.

— А это такое дело, которое прилично! сказал падишах. Если ты переносишь физический труд, то он не должен пожалеть расхода из своего имущества.

Падишах велел призвать (к себе) своего офицера и приказал ему, чтобы он нашел для Эрзерумского охотника вороного коня Еким-алдара. Эрзерумский охотник вернулся домой, а офицер падишаха стал стремиться достать вороного коня Еким-алдара. Что прошло, бог знает, потом после тяжких трудов и препятствий (конь) попал в его руки и послал его Эрзерумскому охотнику. Эрзерумский охотник тоже сел (на него) и приехал к подножью горы Уарпп. А там он нанес своему коню три удара, и конь взлетел по синей скале подобно птице. На вершине горы он спешился с коня и из золотого источника набрал маленький бурдюк и привязал его сзади к седлу ремнями, а сам сел на коня и нанес вороному коню три удара. Конь тоже бросился по другой стороне скалы и спустился по черной скале, разбрасывая своими копытами (землю) подобно тому, как плуг в сырую погоду разбрасывает землю в обе стороны. Прибыл домой; а там он наполнил водой кожаный бокал (culuqidzag), а остальное оставил дома и отправился к падишаху. У Эрзерумского охотника ночлег был готов.

— Что-нибудь попало тебе в руки? спрашивает его офицер.

— Благодарение богу, сказал Эрзерумский охотник: достал то, что искал падишах.

— В таком случае падишах ничего хорошего не сделает для тебя, дай его мне, и я дам тебе миллион.

— Нет! то, чем я прославил (нашел) имя падишаха, ни за что не отдам.

И отправился он к падишаху. Падишах взял воду из источника, выкупался в ней и превратился в такого, каким он был в молодости; поблагодарил охотника со словами:

— Подарка (подношения) твоего не забуду!

Когда офицерская жена узнала про это, то сказала своему мужу:

— Тебе подобало быть солдатом, а не то, как ты не смог выманить у него воды! А теперь иди к падишаху и скажи ему: „Эй, если бы у тебя молодого, подстать тебе была в качестве жены младшая дочь солнца, то где можно (было-бы) найти равного тебе среди падишахов! А это тебе как не делает тот, кто тебе в состоянии исполнять эти дела!

Сердце падишаха взыграло, и он послал опять за Эрзерумским охотником. Тот тоже прибыл в Стамбул, в дом падишаха.

— Доволен твоими подарками, ты омолодил меня, а теперь достань мне еще младшую из трех дочерей солнца в жены!

— Я не смогу этого сделать тебе, падишах! Люди видят (т. е. свидетели), откуда я ее смогу достать?

— Нельзя не достать ее, а не то отрублю тебе твою голову!

Эрзерумский охотник вернулся с поднятыми плечами и опущенной головой и печальный (огорченный) сел сердито в кресло. Кресло распалось под ним вдребезги.

— Что с тобой? над чем печалишься? спрашивает его жена.

— А что со мной (буквально: что я делаю?) Падишах требует младшую дочь солнца себе в жены, и откуда я ее достану? Кроме гибели своей головы, у меня нет больше другого исхода!

— Ложись сегодня ночью, а завтра, может быть, какое-нибудь хорошее средство даст бог!

Наступил опять день (буквально: превратилась в день и эта ночь) и жена спрашивает Эрзерумского охотника:

— Ну, чтоты придумал?

— Ничего, кроме гибели своей головы!

— В таком случае не делай этого, но отправляйся к падишаху и скажи ему: „Я—бедный человек и на чем я поеду в дом солнца? А у того офицера, который натравливает тебя, имеется из твоих подарков бессчетное количество денег,

и пусть он приготовит мне такой корабль, в котором было бы двенадцать отделений, а в каждом отделении из них по двенадцати девушек и молодцов и пусть положит на каждого из них напитков и яств так, чтобы они не испытали нужды, а потом будет то, что угодно будет богу!

— Ты говоришь такое дело, которое годится, сказал падишах и приказал своему офицеру, чтобы он приготовил Эрзерумскому охотнику корабль. Офицер последние свои пожитки (остатки) потратил на корабль и снарядил его после тяжких трудов и препятствий.

Эрзерумский охотник сел в корабль и отправился. Сколько проехал, бог знает, потом доехал до края моря и остановил свой корабль. Когда солнце утром отправлялось из своего дома, то оно окунулось в море и ушло. Эрзерумский охотник сказал своим товарищам, и они вышли (высадились) на берег. А там они стали танцовать, плясать. Дочери солнца тоже смотрели на них издали. На второй день опять пляшут также. Дочери солнца тоже приблизились к ним больше. А на третий день девушки не выдержали и подошли к танцующим. Эрзерумский охотник положил перед ними много яств и напитков (буквально: наполнил место перед ними кушаньями и напитками). Люди принялись есть, пить. Эрзерумский охотник стал предлагать напитки младшей дочери солнца. Через некоторое время дочь солнца опьянела и свалилась. Когда это увидели ее сестры, то испугались и бросились бежать. Эрзерумский охотник посадил своих людей на корабль и прибыл в Стамбул вместе с дочерью солнца. И падишах сделал большие подарки Эрзерумскому охотнику вместе с воронным конем Еким-алдара, и до сих пор он (т. е. охотник) живет богатым, а тот офицер погиб от бедности.

Падишахи потому называются сыновьями главы шахов.

Вакац. 14 февр. 1903 г.

32. Алибег.

У одного человека было три сына; а вместе с ними у него были большие табуны коней и стада волов. Однажды другие три брата-великана напали и угнали скотину богача. Когда про это слышали старшие два его сына, то погнались за ними. Три великана и их взяли (в плен) и сделали (одного из них) табунщиком и (другого) пастухом. А Алибег еще был ребенком и играл с мальчиками. Однажды Алибег похитил альчики другого мальчика. Тот тоже заплакал и сказал ему:

— Если ты такой хороший (храбрый) человек, то ведь ты не знаешь, где находятся твои братья!

Алибег вернулся домой и спрашивает свою мать:

— Где находятся мои два брата?

А мать его сказала ему:

— Они пленены вместе с нашим табуном коней и стадом быков!

Тогда Алибег сказал:

— В таком случае мне нельзя больше жить без них! и с этими словами он отправился и привел из табуна коней жеребенка и трех барашков (годовалых). Он стал их откармливать. А через год он зарезал одного барашка, сломал ему его ногу, и она еще не уплотнилась. Тех, которые еще остались, он стал откармливать снова провиантом своей лошади (коня); по прошествии второго года он опять зарезал одного из них; сломал ему его ногу, и кость еще недостаточно была уплотнена. Барашка и жеребенка он вскормил третий год, а потом зарезал и последнего (буквально: другого), осмотрел его кость от ноги, и она оказалась из сплошного жира, и Алибег сказал:

— Вот теперь наступило время моего отправления, и конь мой готов! и с этими словами он плотно оседлал его; сел на него и обращается к своей матери и к своему отцу:

— Как я красуюсь на спине своего коня?

А они сказали ему:

— Как роса красуется в весеннюю жару на траве, так и ты красуешься на спине своего коня!

Алибег обрадовался и отправился на поиски (буквально: искать) своих братьев. Сколько он проехал, бог знает, а потом он нашел их в каком-то большом ущельи табунщиком и пастухом. Узнали друг друга и указали ему дом старшего своего начальника. Алибег заехал в его дом, а там тебе сидит женщина необыкновенной красоты по виду и стану.

— (Да будет) день твой добр, нана! обратился к ней Алибег.

— О, да насытишься солнцами (т. е. радостями) нана; заходи в дом; путник обыкновенно бывает голоден, съешь чего-нибудь!

Алибег вошел в дом. Женщина наполнила перед ним (стол), накормила его, потом сказала ему:

— А теперь спрячься: мой муж (буквально: господин моей головы) днем делает по краям неба три оборота, он съест (погубит) тебя!

Алибег выехал к мосту; для своего коня он там устроил яму и спрятал его там; зарезал одного быка; из него (т. е.

из его кожи) сделал ремни и ими он привязал себя к столбам моста и смотрит (т. е. ожидает); а тем временем один великан, сидя на вороном коне, имея на двух плечах двух черных соколов, едет и от его мрака все покрывается мглой.

Он доехал до моста, и конь его отнес его обратно на расстояние кабардинской десятины. Тот тоже ударил его (несколько раз):

— Да съедят тебя собаки, если ты боишься чего-нибудь! У меня ведь нигде нет врага, один только Алибег, а у него ведь пока молоко матери течет по губам (букв.: от его губ)!

Как бы то ни было, конь переехал через мост, и Алибег обращается к великану:

— Между кровником и кровомстителем нет разницы, а теперь стреляй в меня, бог создал тебя старшим!

Тот тоже выстрелил в него и промахнулся. А потом и Алибег пустил в него свою стрелу и убил его. Полез к нему, отрубил ему своим мечом его голову; доспехи его он привязал к своему коню, и таким образом он приехал во двор великана. Дал знать в комнату его жене:

— Хозяин твоей головы (т. е. муж) уехал в путешествие (странствие) и в качестве угощения (подарка) прислал тебе грузинское яблоко! с этими словами он подкатил к ней голову ее мужа.

Он отправился снова и доехал до другого великана; спрятался; а тем временем все покраснело, такой великан стал переезжать через мост. Когда он стал переезжать через мост, то два белых стервятника на его плечах стали бить его назад по губам; конь его зафыркал (захрапел) и отнес его назад.

— Да съедят тебя собаки, если Алибег не поджидает тебя! и с этими словами он его ударил несколько раз. Алибег выскочил к нему из-под моста, предоставил ему право (первого) выстрела, а потом убил его (буквально: убрал его).

Что прошло, (неизвестно), а потом все просветлело (буквально, мир просветлел, покрылся светом). Алибег тоже смотрит (и видит), что на совершенно белом коне едет белый великан, на двух плечах у него два белых голубя, а впереди его, играя, идут его белые быстрые собаки. Доехал он до моста, и голуби бьют ему назад губы его, а потом конь его зафыркал и отнес его назад. Тот тоже ударил его несколько раз:

— Да съедят тебя собаки, если Алибег не поджидает тебя (буквально: если Алибег перед тобой не сидит) и если ты его испугался.

Алибег тоже выскочил к нему из-под моста, предоставил

ему право (первого) выстрела, а потом убил его. А после этого Алибег вместе с своими двумя братьями погнался свой табун коней и свои стада быков. Что проехали, а потом наступил вечер и остановились на одном месте в степи. Как Алибег мог не быть усталым и сказал своим братьям:

— Вы пока охраняйте, а я сосну!

А они ему сказали:

— Оставь у нас свою шашку и спи, не бойся ничего!

Тот тоже отдал ее им и лег спать. Тогда бог вложил в сердце братьев злое намерение: они решили убить Алибега, но рука их не поднималась (буквально: а рука их не гнулась) и привязали его шашку у выхода (буквально: к двери) из шалаша, остреем в его сторону и подняли тревогу:

— О, Алибег! Скотину нашу угоняют!

Алибег спросонья вскочил, и шашка его отрубила ему обе ноги. Заплакал, застенал бедный Алибег.

— Несите меня с собой! с такими словами обращается к своим братьям, и те не обратили на него больше никакого внимания (буквально: не посмотрели на него больше и назад). Алибег остался в шалаше и умирал с голоду (буквально: от голода пришел к смерти). Ту птицу, которая пролетала над его головой, и ту дичь, которая пробегала мимо него, он стрелял, лежа, убивал ее, подползал к ней на четвереньках и съедал ее сырым; таким образом он жил.

Однажды он смотрит (и видит), что в лесу какой-то слепой великан сгибал деревья и так разбрасывал их в разные стороны, таким образом он дошел до Алибега.

— Что ты, что за диво ты? спросил его Алибег.

А он сказал ему:

— Я был младшим из своих братьев и был мужественнее их, и они выкололи мне мои глаза, и я теперь странствующую в таком виде!

— В таком случае мы пригодимся друг другу в товарищи! сказал ему Алибег: а мне мои братья отрубили ноги, и не могу больше ходить (буквально: и нельзя мне больше ходить).

Стали товарищами великан и Алибег. Великан брал Алибега на свое плечо, и таким образом кормились охотой, а вечером возвращались домой. Что над ними прошло, а потом к ним присоединился еще такой безрукий, которому братья его отрубили его руку. Стали жить они долго и вздумали они жениться. Алибег сел на слепого, а слепой взялся за полы безрукого, в таком виде они пришли во владение (буквально: на землю) одного хана. А тот хан выдавал свою дочь замуж, и был у него большой пир (буквально: большое

собрание). Группа (т. е. трое) зашла к пирующим и тот, кто смотрел, смотрел на них (т. е. все удивлялись им); когда же узнали, что они—женихи, тогда еще больше. Дочь хана тоже вышла смотреть на диво. А те стали у края танцев, и когда ханская дочь делала оборот (во время танцев), то Алибег схватил ее и усадил ее на плечо слепого. Бросились бежать; люди тоже некоторое время наблюдали за ними (буквально: смотрели на них), рассуждая:

— А что они будут делать?

Когда (пирующие) поняли, что они уносят ее, тогда погнались за ними, и разве они дожидались еще их? Удрали (исчезли). Прибыли на свое место, там девушку сделали (назвали) кто воспитанницей, кто сестрой, кто матерью, и таким образом они стали жить. То безрукий, то слепой оставались охранять место (жилье). А Алибег то на одном, то на другом отправлялся на охоту, вечером же возвращался с тушей оленя. Таким образом они кормили свою названную сестру мозгом оленьей ноги и оленьим салом. Что прожили, а потом девушка стала хиреть. Товарищи тоже спрашивали ее:

— Из-за чего ты так хиреешь? скучаешь ли по дому (буквально: дом свой вспоминаешь)? Но ничего определенного она им не отвечала. А к ней повадилась какая-то ведьма (chifxuar uosæ) и высасывала у нее из ее пятки ее кровь. А охраняющим дом чаще бывал слепой и как он мог ее видеть, а движение ее он узнавал и эту весть сказал Алибегу. Тогда стал ее охранять Алибег, и женщина пришла к ней, остановилась вдалеке и говорит:

— Кто у вас дома?

А девушка сказала ей:

— Никого!

Поклянись мне своими братьями, что никого у вас нет.

Девушке тоже было наказано, и она сказала:

— Да живет слепой, никого у нас нет! Да живет безрукий, никого у нас нет! Да живет Алибег, никого у нас нет!

— Женщина вошла и в тот момент, когда она высасывала у нее кровь из его пятки, (Алибег) ее поймал и сказал ей:

— Вот, тебя нсльзя больше не убить, если ты нас не превратишь в тех, как мы были!

А женщина сказала:

— В таком случае вы опускайтесь в мое горло, и вы превратитесь в тех, как были!

Алибег тоже сначала спустил в горло женщины слепого и через некоторое время вытащил его в лучшем, чем он был, виде; и безрукого так же. А после всех Алибег спустился сам

в горло женщины. А тем временем великаны ее держали, говоря: „Как бы она не сбежала у нас и не съела нашего спасителя!“ Женщина тоже долгое время не выбрасывала его (буквально: не выбрасывала и не выбрасывала). Алибег тоже и раньше как не боялся ее и вместе с собой взял перочинный ножик. Когда он понял, что стал целым (буквально: теперь я стал целым, т. е. выросли у него ноги), то он отрезал у нее связки сердечные. Убили женщину, а потом сказали:

— Ну, а теперь эту девушку пусть берет кто-нибудь себе в жены!

Алибег сказал:

— Слепой—старший, и ему полагается (т. е. он имеет первое право).

А те сказали:

— Нет, ты—наш младший, и тебе она полагается!

Потом Алибег сказал:

— В таком случае, если мы ее назвали своей сестрой, доставим ее в родительский дом! и с этими словами они доставили ее к хану. Как хан мог не обрадоваться, найдя свою дочь, и сделал им большие подарки.

Таким образом каждый вернулся домой. Когда Алибег вернулся домой, то люди стали собираться к нему. Тот тоже рассказал им дела своих братьев, а потом взял лук и сказал:

— Если то, что я говорю, было в действительности, то эта стрела лука вверх идет одна, а обратно пусть вернется парой и пусть застрянет в головах двух моих братьев, а не то пусть и обратно вернется одной и расколется мою голову!

Стрела ушла, а парой вернулась обратно и убила братьев Алибега, и люди узнали правоту Алибега.

Махческ. 5 октября 1903 г.

33. Сын хана.

У одного хана был единственный сын. Незадолго до своей смерти он завещал своему сыну:

— Если будешь жениться, то сумей себя охранять!

Сын испугался завещания отца, и боялся жениться. Те люди (народ), которые были под его властью (буквально: в его руке), стали натравливать против него друг друга. Сын хана испугался, устроил дом (комнату) под землей и тайно женился так, чтобы его не узнали люди. Что над ним про-

шло, бог сам знает, и у него родилось три сына и отдал их на вскармливание таким, на которых он надеялся (которым доверял). Когда воспитатели (буквально: кормящие) не в состоянии были больше прятать мальчиков, то вернули их обратно так, как это полагалось (по обычаю). У хана тоже не было больше другого выхода, и в тот день он показал (народу) и их мать.

Как люди могли не собраться у хана? Радовались мальчикам и жене своего хана. Когда женщину вели из подземной комнаты в дом, над собранием пролетел орел, налетел на нее, выхватил ее из их середины и унес. Радость людей перешла в горе.

Мальчики подросли и стали уже играть и вспомнили свою мать.

— Если не отыщем свою мать, то жить нам так не подобает! сказали мальчики.

Мальчики снарядили себя. Странствовали везде и нигде ее не находили. А потом в одной безлюдной (буквально: пустой) степи заметили белый замок и направились туда. А там была женщина: одну свою грудь она бросила назад через плечо, а другую—вперед, такая женщина.

— (Да будет) день твой добр, нана, и с этими словами они сунули ее груди себе в рот. А она сказала им:

— Если бы вы не сделали так, то было бы вам то, что было бы (т. е. расправилась бы с ними), а теперь что с вами мне делать?

Три мальчика рассказали ей про свое дело, и женщина эта сказала им:

— Где это удастся вам (буквально: где это в ваши руки попадется)? Это был толстошейный ногаец, а живет он на вершине Уарппа. А туда нельзя взобраться, и как в таком случае мать ваша попадет в ваши руки? Но даю вам шелковую нить и подойдите к подножию Уарппа; привяжите ее к концам своих луков, и если мужество ваше будет что-нибудь (т. е. если вы сумеете справиться), то вы ее прилепите к вершине горы, а не то грех ваш на вас самих!

Три мальчика подошли к подножию Уарппа; старший привязал шелковую нить к концу стрелы лука, пустил ее, и она вернулась обратно. Пустил ее младший. Сколько она шла, бог знает сам, а потом стрела вместе с шелковой нитью застряла у края горы Уарпп.

Мальчики стали взбираться по нити, и двое старших не в состоянии были больше, и вернулись обратно. Младший поручил им:

— Ожидайте меня до тех пор, пока не узнаете что-ни-

будь о моей смерти, (или) о моей жизни (т. е. что он жив).

А сам стал взбираться и оказался на вершине Уарппа. А там (оказалась) одна комната, и он вошел туда. А в комнате сидит женщина необыкновенной красоты по виду и стройности, умывая себя своими слезами (т. е. обливаясь своими слезами). Мальчик рассказал ей, зачем он прибыл, и когда узнали друг друга, то обрадовались. А потом женщина сказала ему:

— И я жена того человека, которого ты ищешь, и когда он женился на твоей матери, то выгнал меня сюда, и тут я страдаю одна, а мать твоя сидит вот в той комнате!

Мальчик зашел в комнату своей матери; увидел свою мать, а потом вернулся и с другой женщиной поняли намерение друг друга (т. е. сошлись).

Женщина сказала ему:

— Муж мой имеет тополевыя крылья; если он принесет что-нибудь, то свои крылья оставит снаружи и войдет внутрь, а не то будет прохлаждаться. Как только станет приближаться, так эти горы начнут алеть, а потом поднимется ураган. И этого не испугайся! А сам ты найди шашку среди тех доспехов, какие он взял в добычу; возьми ее (буквально: возьми ее к себе); спрячься за дверь, и если у тебя будет мужество, то сделаешь ему что-нибудь, а не то (в противном случае) и мы, и ты погибли.

Мальчик подошел к доспехам, стал выбирать и нашел шашку, *khældun* (кривая шашка); ударил ею наковальню и разрубил ее пополам. Взял ее себе и в таком виде спрятался за дверь в комнате. Ни урагана, ни алого цвета гор он не испугался. Ногаец прибыл; в тот момент, когда он прохлаждался на краю горы, мальчик подкрался к нему и ударил ему шашкой его шею. Ногаец упал (с горы) и разбился. А после этого все, что он нашел из имущества в доме ногайца, он стал спускать на шелковых нитях к своим братьям. Когда все имущество очутилось в их руках, то два брата оборвали шелковую нить и удрали. А мальчик остался на вершине Уарппа: не было у него выхода и больше плача, так он жил, страдая. Однажды отделился один из черепов тех, которых погубил ногаец, и сказал ему:

— Если бы ты похоронил меня (буквально: если бы ты меня присоединил к моей могильной земле), то я нашел для него (т. е. для спуска с горы) средство! Молодой человек уверил его, и череп сказал ему:

— У ногайца в расщелине горы привязан конь, а перед ним протекает золотой источник (родник). Приведи этого коня, а потом он найдет тебе дорогу, но от ходьбы будешь ус-

тавать, не уставай. Ханский сын стал итти по расщелине горы и дошел до него и вывел того коня, из золотого источника тоже вывез (воду) в кожаном мешке. Череп прикатился опять к нему и говорит ему:

— Вот в сундуке седло с *анусской* оправой, семь потников *бабиаских* и уздечка, по-хахиагски сделанная. Подойди и обратись к сундуку по-хатиагски, и он откроется тебе.

Мальчик взмолился к богу, и дверь сундука (т. е. крышка) открылась. И все снаряжение, в каком виде оно было, оказалось на спине коня. Мальчик тоже привязал череп к седлу, сел на коня, нанес ему три удара и по скале спустился, разрывая по колени землю. Череп—путеводитель его, так он доехал до владения одного хана. Когда череп прибыл на родину, то ожил, и оказалось, что это дочь того хана. Хан обрадовался им и выдал свою дочь за молодого человека. Стали жить.

Однажды молодой человек вздохнул и стал говорить:

— И я—сын хана, и мне хочется ехать домой!

А девушка сказала ему:

— Это хорошо, но хан будет тебе давать подарки и ничего не бери, кроме шапки-невидимки, нитки (веревки) и старой подошвы. Когда наденешь шапку-невидимку, то во время битвы тебя никто не увидит; что бы ни связал ниткой, в нем не будет больше и веса пуха; когда бросишь подошву через море, то она будет превращаться в мост.

Как научила его девушка, так поступил (буквально: выпросил) ханский сын. Что оставалось делать и хану, и дал их ему. Ханский сын обрадовался им:

— Каждый из них пригодится: что на подошву табунщику коней, что на шапку пастуху, а что на веревку дрововозу.

Молодой человек уехал вместе с ними. По пути море не давало ему дороги. Тот тоже бросил через него старую подошву, и она превратилась для него в мост. А за морем ему пришлось сразиться с войсками, и он надел шапку-невидимку. Никто его больше не видел, и он перебил все войска. Собрал их доспехи (снаряжение), перевязал их ниткой и в таком виде вернулся домой. А там высыпал к нему народ, и каждому удовлетворял его нужду, а потом рассказал свои дела и поведение своих братьев собранию народа. Потом для выяснения своей правоты он пустил стрелу лука и сказал:

— Боже, стрелу этого лука посылаю вверх одной и пусть

застрянет в голове того, чья была вина! Если была моя вина, то пусть вернется одной и расколется меня пополам! В противном случае, если меня постигла вина братьев, то пусть вернется парной и расколется их головы!

Лук вернулся двойным и убил двух старших, а младший снова стал правителем страны.

Махческ. Со слов Кертиби 15 окт. 1903 г.

34. Сказка о ханском сыне.

У хана был единственный сын.

Однажды, будучи молодым, сын хана вышел с своими ровесниками играть в альчики на льду. Вечером мальчики (дети) возвратились домой, а сын хана заснул (буквально: бог заставил его заснуть). В скорости после этого мальчик проснулся, а над ним сидит волк. Мальчик видит волка и боится встать. Когда волк понял это, то говорит ему:

— На этот раз да будет тебе прощено, а пощаде своей назначаю тебе срок до женитьбы!

Ханский сын уже был жених, но не смел (жениться) из-за слов (угрозы) волка. У молодого человека умер отец, и он остался один, и все-таки он не сватает и не сватает. Народ собирался из-за него семь раз в семь суббот, говоря, чтобы женился, и он ему не давал никакого ответа (согласия). А под конец согласился (буквально: уломался), не было у него больше выхода и засватал невесту, а сыграть свадьбу все-таки боялся. Что над ним прошло, а потом ханский сын сыграл свадьбу (буквально: привел свою жену) и вошел в свою спальню. А там девицы делали из теста разные фигуры животных*). Одна девица сделала из теста фигуру волка, и тесто превратилось в волка. Когда молодой человек снимал ноговицы, волк стал над ним:

— Вот до этого времени был наш срок, а теперь я съем тебя!

Ханский сын выскочил, запер за собой дверь и стал бежать по безлюдным степям. Тем временем и волк прогрыз дверь, проел, выскочил из дома, стал преследовать молодого человека и стал его настигать. А в скорости молодой человек заметил в чистом поле белый замок, добежал до него и закричал:

*) По древнему обычаю было так, что в вечер в честь невесты вместе с пирогами бывали разные фигуры животных из теста, а также фигура женщины с ребенком на руках. Этот обычай выявлял: приходящая (т. е. невеста) будет чадородной, а дети—счастливы на животных.

— О, кто тут есть, я—твой гость!

Оттуда выглянула к нему одна женщина и сказала ему:

— Я тебе ничего не могу (помочь), но старшая сестра моя живет дальше и иди туда!

А сама дала ему кусок гребешка со словами: „Если где-нибудь дойдешь до безвыходного положения, то брось его за собой!“

Молодой человек стал бежать отсюда, и волк тоже стал его настигать. Тогда молодой человек вошел в страх и бросил свой кусок гребешка. Вследствие этого между волком и молодым человеком очутился темный лес. Пока волк шел по темному лесу, молодой человек пробежал поля (буквально: отрезая поля) и прибыл к одному замку:

— О, кто здесь? Я—твой гость! С этими словами он дал о себе знать.

Оттуда выглянула к нему какая-то женщина и говорит ему:

— Да будешь ты гостем божьим, солнце мое! А помочь я тебе ничем не могу; старшая моя сестра живет дальше, иди к ней!

А сама вынесла ему два хлеба со словами: „Ты проголодаешься и бери их с собой. Кто знает, когда ты дойдешь до отчаяния, то выбрось их вслед за собой!“

Молодой человек взял хлеба и пустился бежать. Когда волк стал его настигать, то и молодой человек выбросил за собой два хлеба, и хлеба превратились в двух белых борзых собак. Собаки не подпускали больше волка близко к молодому человеку. А в скорости затем он опять заметил новый белый замок, добежал до него, дал о себе знать:

— Кто здесь, я твой гость!

И оттуда выглянула к нему одна женщина и сказала ему:

— Я тебе ничем не могу помочь; вон за морем живет старшая моя сестра, иди к ней! Вот тебе волосок; брось его через море, и он превратится тебе в мост, и через него перейдешь!

Ханский сын сделал так, как его научила женщина, и спасся по ту сторону моря со своими борзыми собаками. А потом поднял волосок, и мост провалился. По ту сторону моря молодой человек остановился отдохнуть вместе с борзыми своими собаками на одном кургане.

— Ох, ох, ох, апа!—с этими словами он вздохнул и растянулся во весь рост на кургане. Тем временем раскрылась дверь кургана, а оттуда вышла одна такая женщина, (которая) держала один свой клык на небе, а другой под землей (буквально: под небом).

— Если бы ты не сказал æпа, то было бы тебе что-нибудь, а теперь с сегодняшнего дня ты мне сын! сказала женщина.

— А ты мне мать! сказал сын хана, и так стали жить мужчина (т. е. ханский сын) и женщина. Ханский сын каждый день отправлялся на охоту и без туши оленя не возвращался (буквально: тушу оленя не пропускал), так он кормил женщину оленьим жиром и мозгом лани. Однажды женщина вышла на берег моря стирать белье и заметила по ту сторону моря златокудрого мальчика. А это был тот волк: он превратил себя в человека. Когда женщина увидела его, то он понравился ей: „О, если бы он был моим мужем!“ Когда волк понял это, то сказал ей:

— Если тебе так хочется, то в кармане твоего сына есть волосок, и брось его сюда через море, а потом будем жить!

Вечером молодой человек вернулся с тушей оленя, готовит женщине горячие шашлыки, а та не обращает больше к нему своего лица.

— Что с тобой (буквально: делаешь)? Спрашивает ее молодой человек.

А женщина сказала ему:

— Что со мной? Ты уходишь, а я здесь остаюсь одна и скучаю, а теперь оставляй хотя бы свой кошелек, чтобы я им забавляла себя (развлекала себя).

На второй день молодой человек оставил свой кошелек у женщины, а сам отправился на охоту. Женщина тоже достала волосок, бросила его через море, и волк перешел через мост. Волк-человек и женщина стали советоваться против молодого человека, каким бы способом его убить, и решили погубить его борзых собак: на месте лежания (буквально: болезни) выкопали ямы. А к вечеру волк спрятался в кладовой. К тому времени и молодой человек вернулся вместе с тушей оленя и со своими двумя борзыми собаками. Борзые собаки понюхали на местах своего отдыха (лежания) и легли отдыхать в других местах. И когда это им не удалось, то женщина сказала:

— Я соскучилась одна, а теперь между двумя горами есть золотая шуба: воротниками своими хлопает в ладоши, крестцовым местом своим пляшет, а лапами своими танцует, и достань ее мне, чтобы я ею забавлялась!

Ханский сын отправился и прибыл туда, где две горы сражаются, как два барана. Как только горы разошлись, так молодой человек вместе со своими двумя борзыми проскочил между ними и вынес золотую шубу, но борзые его собаки остались в горах (буквально: внутри горы). Заплакал молодой

человек, так он вынес шубу и принес ее к своей матери:

— Да не возрадуешься ты своей шубой, мои две борзые собаки из-за этого погибли!

Когда услышал это волк, то выскочил к нему, сел на его спину со словами: „А теперь куда от меня еще убежишь? хочу тебя съесть!“

Ханский сын тоже выпросил у волка:

— Прошу тебя, дай мне помолиться богу, а потом ешь меня!

Волк дал ему дорогу, и ханский сын стал молиться богу.

Во время молитвы над его головой пролетела ласточка, друг людей, и сказала ему:

— Молись своему богу, дверь горы открылась, и борзые собаки твои идут сюда!

Когда волк сел на спину ханского сына с намерением теперь съесть его, так его две борзые собаки предстали перед ним и потянули волка за его ноги в разные стороны, разорвали его на клочки.

Тогда ханский сын понял злые дела (действия) женщины и искрошил ее, как на мясной пирог. А сам собрал все, что нашел в доме ценного, и в таком виде вернулся домой и до своей смерти ханствовал над народами.

Со слов Кертиби. Махческ.

35. Елух.

На земле одного хана (т. е. во владениях одного хана) жил один умный охотник, по имени Елух. Если у хана бывало что-нибудь хорошее, то не съедал его без Елуха. А потом хан не предпринимал такого дела, о котором не спросил бы Елуха. А однажды Елух отправился на охоту и посреди черного леса одного ущелья он убил оленя. Коня своего вместе со своими вещами оставил наверху, а сам спустился в ущелье и убирал (т. е. свеживал) оленя. А в скорости с выступа приветствовал его какой-то всадник.

— О, да даст тебе бог много!

И Елух отвечает ему:

— Вместе бог нам дал, приближайся!

Нет, мне некогда, но вот эти вещи до сих пор принадлежали тебе, а с сегодняшнего дня чтоб принадлежали мне!

— Пощади меня (буквально: посмотри на божью пощаду), не убивай меня, не заставь меня жить живым с отруб-

ленной головой (т. е. с бесчестьем), на тебе нет, как говорится, ни зла, ни добра моего!

— Нет. а об этом я тебя больше не спрашиваю! и с этими словами всадник собрал вещи Елуха и удрал (исчез). Что оставалось делать и Елуху? Он вернулся домой. А люди как могли этого не узнать и стали говорить:

— У Елуха отняты его вещи!

Дошло и до хана, и тот тоже стал унижать Елуха. Сколько (времени) прожил он с такой обидой, а потом Елух вскормил коня и отправился на поиски своих вещей и прибыл во владение одного хана. А в село хана ему необходимо было переправиться через большую реку. А река была в разливе, и люди смотрели на нее с берегов. Елух направил своего коня к реке, ударил его несколько раз, и конь переплыл реку, рассекая (ее). В тот момент, как Елух выехал на другой берег реки, к реке вышла одна женщина и обращается к нему:

— Добрый всадник! или у тебя большая обида, или ты пьян, или же ты сумасшедший, в противном случае через эту реку ведь не перелетит даже птица, и как ты переехал через нее?

А Елух сказал ей:

— Ты узнала меня, доля моей матери, что у меня большая обида, а не то, как говорится. я и не сумасшедший, я и не пьян!

— Какая может быть у тебя необыкновенная обида? Открой ее мне (буквально: скажи), может быть, я смогу тебе помочь!

А тот сказал ей:

— Я был на охоте и в тот момент, когда я убирал тушу оленя, у меня похитили мои вещи, и я ищу их, а ты про них что можешь знать?

А та женщина сказала ему:

— В таком случае отправляйся, остановись у нас, а потом, если у тебя окажется какое-либо мужество и мне тоже дашь клятву, что не оставишь меня больше здесь, если (вещи) попадут в твои руки, то я их тебе укажу.

Елух тоже поклялся, и тогда та женщина тоже указала их:

— Твои вещи похитил у тебя наш хан, но они ни за что не попадут в твои руки, но сегодня ночью вызови его и вымани его за собой, и если в таком случае ты ему ничего не сделаешь, то против него не найдешь больше другого средства!

А сегодня ночью куда бы ты его ни вел, ни о чем тебя не спросит: обычай их не позволяет!

— В таком случае хорошо! И с этими словами Елук заехал в тот дом, который указала ему та женщина и остановился там. А ночью дал знать (т. е. вызвал) хана так, как его научила та женщина. Хан тоже вышел к нему, и Елук сказал ему:

— Едем со мной!

Что хану оставалось делать, и в рукаве своем спрятал револьвер, так они стали ехать. Когда они значительно отъехали от села, то у Елуха в рукаве его был кусок четырехгранной палки, и им он ударил шею хана, и хан свалился там. Елух бросился к нему и связал ему его ноги и руки, в таком виде он бросил хана на коня, повел его на поводу и той же ночью доставил его к себе домой. А брат этого хана (т. е. взятого Елухом в плен) был зятем того хана, которому подчинялся Елух (буквально: в чьей руке находился Елух), и жена его (т. е. брата, взятого в плен) была у своих родных на побывке (*xundægi badunmæ*). Прошло над ней (т. е. над сидением у родных этой женщины) около года, а потом женщина собиралась возвращаться домой, и к хану пришло большое число лиц приглашать ее. Накануне отправления (буквально: завтра отправляюсь, говоря) эта женщина стала обходить родственников и друзей хана. А под конец она вспомнила: „А ведь и Елух был другом моего отца, и его я должна проведать!“ Пришла к нему; разговаривали долго, а когда она уходила, то сказал ей:

— А теперь, сестра моя, скажи мне, какой подарок тебе нужен, и что ты выберешь (буквально: языком какое добро ты удостоишь, пожелаешь), то я тебе найду. А не то: когда ты будешь отправляться в дорогу, то проезжай через меня, и дам тебе подарок такого веса, какой ты везешь от всего народа (общества).

— Что за необыкновенный подарок будет? Ведь ты не подаришь мне в рабы того, кто отрезал голову моего деверя, или ведь ты мне не достанешь моего деверя (буквально: нашего господина ведь не приведешь)!

Женщина ушла под сомнением (в недоумении): „Какой подарок сделает мне Елух?“ Как хан мог не снарядить свою дочь, вместе с ней как могли не отправиться по двум ее сторонам люди? И в таком виде выехала женщина. Елух был по ее дороге, и она заехала к нему. Тот тоже вывел к ней ее деверя из кладовой и сказал ей:

— А вот это тебе от меня подарок, сестра моя! Не обессудь меня! Он похитил у меня мои вещи, а я его самого похитил, а теперь я дарю его тебе!

Люди рассмотрели его, и он оказался ханом, деверем

той женщины. Волосы его дошли до его плеч. Елук заставил сбрить ему голову, снарядил его конем, шашкой, ружьем и вместе с двенадцатью всадниками выехал вместе с ним (вслед за ним) и довел его до дому. А там хан и Елук сказали друзья (т. е. заключили дружбу) и расстались друг с другом с благодарностью. Елук тоже взял с собой ту женщину, которая выдала ему хана, и стал жить со своим ханом попрежнему одним столом (буквально: одной едой, одним напитком, т. е. вместе ели и пили) и одним советом.

Как мы их не видели, так бог да не напустит на нас другой болезни, другого зла!

Махческ. 20 окт. 1903 года.

36. Ханы и немой мальчик.

Жили в одном селе муж и жена. Нигде на свете не было богаче их: не было числа (буквально: конца) стадам их быков и табунам их коней. Муж оказался послушным на женские советы: слушающий женских советов—без всякого совета, (т. е. остается без всякого совета), а конец его кошачий наследник (т. е. останется у него от неразумных советов жены от имущества только кошка). Так и у этих мужа и жены не было детей.

Жена придумала и сказала своему мужу:

— Нет ведь у нас ни сына, ни дочери, а имущество наше большое, кому его оставляем? лучше будем есть и носить (т. е. будем расходовать на еду и одежду)!

Мужу понравился этот совет, и стал расходовать (тратить) свое имущество. Мужу и жене жизнь их бог удлинил (т. е. стали жить долго), и имущество их истощилось, а жена забеременела, и родился у нее сын. Муж и жена стали горевать:

— Имущество наше ведь мы съели и чем мы еще в таком случае будем кормить нашего наследника!

Мальчик стал уже ходить, но не говорит (буквально: своим ртом). Тогда жена сказала своему мужу:

— Имущества ведь у нас больше нет, а на что нам еще этот дурак? Давай, продадим его!

Муж согласился; сына своего стал предлагать на продажу. А у одного хана была хорошая дочь. Дочь эта от чрезмерных достоинств называлась Цитгин-Кизга (т. е. в переводе: достойная, славная дочь, девушка). Занесли мальчика к этой девушке. Цитгин-Кизга узнала достоинство (качество) этого мальчика и поставила его на ноги на половике из камыша

(dzegen), обложила его золотыми альчиками и сказала мужу и жене:

— Вот теперь берите то, что вам нужно: мальчика или золото и уносите его!

Муж и жена не посмотрели больше на мальчика даже с боку, собрали золотые деньги, а мальчик остался у Цитгин-Кизга. Девушка стала содержать немого, как звезду (подобно звезде). Мальчик возмужал. Девушка дала ему коня с быстротой хода тучи и урагана (буквально: товарища тучи и соходока с ураганом коня она ему дала).

Одному хану вздумалось странствовать. Вместе с собой он снаряжал с ног до головы (буквально: от их ног до их рук) сто всадников. А одеяние это он прислал пошить к Цитгин-Кизга. Цитгин-Кизга была с такими достоинствами, что она успевала шить одно (одеяние), пока с коня снимали поклажу. Таким образом она приготовила снаряжение (одеяние) ста всадников подобно (снаряжению) одного человека и прислала сказать устно хану:

— Проезжай через меня; и у меня есть немой мальчик, бери его с собой, и, может быть, он пригодится тебе в чем-нибудь, а не то продашь его!

Хан дорогу свою направил через Цитгин-Кизга; немой мальчик поехал вместе с ста всадниками хана. Что проехали, бог знает, а потом хан сказал:

— Вместе с немой пусть отправляется еще один из вас и пусть приготовят нам место (для стоянки) в роще, а мы поохотимся!

В то время, когда немой и его товарищ благородный прибирали место, набежал на них олень. Немой опередил, выстрелил в него, и олень пал; освежевали его. К вечеру и место было готово. Хан приехал и говорит:

— Кому бог дал?

Благородный сказал:

— Мне бог его дал.

Немой забурчал. Ночью хан послал немого в качестве табунщика коней. Немой пас коней до ужина, а потом устроил им ограду (живую изгородь) и загнал их туда, а сам бросился на своего коня и на рассвете вернулся вместе с табунном коней. Утром благородный посмотрел и когда увидел табун коней, то доложил хану:

— Счастье твое, хан, пригнало нам огромные табуны коней!

На вторую ночь опять послали немого в качестве табунщика коней. Тот тоже пригнал еще больший прежнего табун коней. Тогда благородный сказал хану:

— И оленя убил немой, и теперь табуны коней он пригоняет!

Люди хана рассердились; про себя они бурчали (ворчали):

— Мы нигде ничего не нашли, а дурак пригнал огромное количество скота, а теперь пусть или нас перебьет, или пусть мы его застрелим из ружья (расстреляем его), в противном случае нам не приличествует жить вместе с ним!

Хан сказал им:

— Мы так не поступим, но лучше отправимся куда-нибудь и убейте его во время какого-нибудь нападения!

Немой понял это и направился в рощу, сел под толстым буком и стал плакать. От жалости к нему бук раскололся на две части, и из него выпал *дала-фандур* (музыкальный инструмент в роде скрипки). Немой взял фандур, стал играть на нем, и он приобрел дар речи (буквально: бог заставил его проговорить). На второй день хан выехал со ста своими всадниками, и им повстречался один мужчина. Они намеревались напасть на него (буквально: говоря: „нападем на него“, так люди совещались), а немой им сказал:

— Бедняк едет по собственному делу, он не годится для вас в качестве добычи!

А после этого повстречался с ними один аробщик; немой не допустил их и до него. А в скорости они доехали до такого камыша, который был даже выше леса, и въехали в него. Немой оставил их там, а сам отправился, и пока его товарищи спали, он пригнал новый табун коней. А сам принялся и привязал спящих к их коням и в таком виде он загнал их в одну рощу. Тогда товарищи хана рассердились и сказали хану:

— Если ты не погубишь нам этого человека, то в таком виде мы с тобой больше не выедем!

Хан согласился на погибель немого и сказал своим товарищам:

— В одном месте есть большой камень, а под ним алмазами полно; во время поисков их погибло большинство людей, и я его пошлю туда, и оттуда он не вернется больше живым.

Товарищам хана этот план понравился, и передали ему свое решение. Немой тоже забурчал и отправился (в дорогу). Что прошло, а потом повстречался с ним какой-то человек, и спрашивает его немой:

— Где тут алмазы, где эта область (страна)?

А тот сказал ему: „Вот скоро ты дойдешь до костей тех, кто погиб во время поисков за ними, а алмазы находятся посреди них под большим камнем“.

Немой доехал до этого камня и наполнил две сумы (буквально: сумы-близнецы) алмазами; как только он их привязал к седельным ремням, к нему выскочила одна девица. Стали бороться друг с другом, и немой одолел ее. Немой выхватил у девицы с пальца кольцо, и девица исчезла в таком виде. Немой предстал перед ханом с сумами, наполненными драгоценностями, и бросил их перед ним. Еще больше рассердились от зависти (буквально: обожглись, сгорели) хан и его товарищи, и стали строить новые планы (буквально: советы) для гибели немого. Хан сказал:

— В одной местности я еще знаю гибельное место: две горы сражаются подобно баранам, а между ними есть золотая шуба: пошлем его за ней, чтобы он больше не вернулся!

Компания согласилась, и немого послали за этой шубой. Немой тоже отправился. Что же ему оставалось делать? Доехал до нее и во время расхождения гор друг с другом прыгнул туда, схватил эту шубу. Когда он бежал обратно, то горы сошлись и захватили заднюю половину его коня. Конь был убит там, а сам он взвалил на плечо седло свое и шубу, в таком виде повернул обратно. Шел, шел и дошел до одного кургана; а на нем он развалился (лег) отдохнуть (буквально: отпустить свою усталость) от усталости. Дверь кургана открылась, и немой вошел туда. А там тебе комната, наполненная золотыми алычиками. Немой смотрел долго (на них) и ничего не тронул, так он повернул обратно; а тем временем к нему выскочила одна девушка, набросилась на него, и они стали бороться. Когда немой стал одолевать, то девушка вырвалась и стала бежать. Немой тоже выхватил у нее из кармана носовой ее платок и спрятал его в свой карман. Вечер свой немой принес к одному армянину. Когда армянин увидел кольцо, то стал обвинять немого, что он украл его кольцо (буквально: говоря: „он украл мое кольцо“). Дело перешло в суд. Суд вынес (решение) немому:

— Если он найдет кольцо, похожее на это кольцо, то немой прав, и армянин за то, что обвиняет его ложно, должен дать ему из своего имущества (столько, сколько весит) поклажа лошака; если же не найдет (буквально: нет и не нашел), то немой—вор, и чтобы отрубили ему голову!

Суд вынес (объявил) свое постановление, и немой отправился искать пару к кольцу. Шел он долго, и бог привел его к одному народу. А они (люди) были страшно голые (т. е. плохо одетые), и немой спросил их:

— Что с вами (буквально: почему вы такие)?

А они сказали ему:

— Мы составляем две страны (два народа), а между на-

ми находится море. У нас есть хлеб (буквально: кушание), а у них одежда (ткань на одежду). До сих пор между нами ходил корабль, и так мы жили благодаря друг другу: мы удовлетворяли (буквально: находили) свою потребность путем обмена, а теперь что-то не дает ему больше хода, и вот мы дошли до этого состояния.

Немой велел им сделать корабль и сел в него. Корабль не двигается с места: что-то его держит. Немой бросился к морю и вытащил в руке наперсток. Корабль сдвинулся и стал ходить. Две страны не находили больше, какое благодеяние оказать немому (т. е. как отблагодарить немого); а потом он им сказал:

— Если вы в состоянии (буквально: если в вашей руке есть), то найдите мне кольцо, похожее на это, а больше мне никакой награды не нужно.

Где они могли найти для него такое кольцо, и немой оттуда тоже опять отправился (дальше). Шел, шел немой и в одной степи заметил белый замок.

— Что будет, то будет (буквально: что я был, то был), сказал немой и пришел туда. В замке было три золотых кресла, а никого живого (буквально: а движущегося никого). Этот дом не будет пустой! с этими словами он спрятался за дверь. А тем временем прилетел один голубь, сбросил свои крылья, и вошла с шумом девушка и села в верхнем кресле. Вслед за ней вошли еще две девушки в таком же виде и сели каждая в кресле. Девушки были три сестры и обнимали друг друга, от сильной радости при виде друг друга они падали в обморок; со дня рождения от матери они не видели друг друга, они были на разной работе и стали рассказывать друг другу каждая про свою работу. Старшая сказала:

— Я была обладательницей алмазов и жемчугов; на этом я погубила много (большинство) народа; со мной не встретился равный мне мужчина; а недавно пришел один мужчина; из моих драгоценностей он наложил целые поклажи; я тоже выскочила к нему, схватились друг с другом, и я насилу вырвалась от него (буквально: душа моя силой от него вырвалась), а кольцо мое попало в его руки. Если бы он был моим мужем!

А средняя сказала:

— Я была обладательницей золотых альчигов; из тех, кто приходил за ними, никого живым я больше не выпускала. А недавно (буквально: в один день, т. е. несколько дней тому назад) пришел какой-то мужчина, ничего он не тронул, так я к нему выскочила и ничего не смогла ему сделать; он выхватил мой носовой платок, а я сама насилу вырвалась (спас-

лась). Если бы он был моим мужем!

Младшая сказала:

— Я была обладательницей моря; я запретила двум странам (плавать по морю), разрушала их корабль; кто из них испытывал наготу, а кто голод. А однажды на корабль сел какой-то молодой человек, и я тоже не давала кораблю даже сдвинуться. Как он меня заприметил, бросился на меня и схватил у меня с пальца моего наперсток. Если бы он был моим мужем!

Когда они кончили свои разговоры, то молодой человек показался (явился к ним) им и одной (буквально: кому) показывает ее кольцо. другой—ее носовой платок, а третьей—ее наперсток.

— Нас бог дал тебе, сказали девушки, а теперь веди нас! Молодой человек сказал им:

— Погибну я, не погибну, это—надвое (т. е. неизвестно), я ищу такое кольцо. Может быть, мне отрубят голову, и того я не знаю!

Старшая сестра вынесла таких колец полный ящик. Немой тоже надел на десять пальцев десять колец. А потом эти девушки дали ему коня и сказали ему:

— Если мы тебе понадобится (то не пускай коня), а не то пусти его, и он доберется до места!

Немой доехал до армянина и взял от него согласно решения золото весом, как поклажа лошака. А оттуда он приехал к хану в рошу и бросил перед ним золотую шубу, а сам повернул обратно и вывел девушек. Старшую девушку он отдал хану; среднюю—благородному, а на младшей он сам женился, в таком виде он вернулся в свою страну с большим количеством скота. А после этого немой разыскал свою мать и своего отца; он сделал их богаче прежнего. А Цитгин-Кизга он взял себе в качестве второй жены: она купила его для себя в мужа. Немой с этого времени прожил правителем страны.

Со слов Кертиби. Махческ.

37. Бедные муж и жена.

Жили бедные муж и жена. У них была единственная дочь. Бедняк не забывал своего бога и молился ему и днем и ночью. Однажды и дочь и жена сказали мужчине:

— Вон за Урухом ведь есть большая молельня и почему ты туда не идешь?

Бедняк перешел через Урух, и текучая вода не намочила даже его ступни. Помолился он там около грешных людей и вернулся обратно, и Урух намочил его до пяток. И после этого он не уставал от своей молитвы; каждый час он не забывал своего бога. Однажды, в то время, когда бедняк молился, прошел мимо него медвеженок и сказал ему:

— Выдай за меня замуж свою дочь!

Он тоже, не подумавши ничего, сказал:

— Выдам ее за тебя!

Вечером бедняк вернулся домой, сел на стул, и стул распался под ним на четыре части. Жена его обращается к нему:

— Когда ты возвращаешься с молитвы, то ты ведь всегда садишься на этот стул, и он никогда под тобой не сломался, что же сегодня случилось с нашим стулом?

А муж сказал ей:

— Я помолился среди грешников, и это потому так. А вместе с этим я огорчен (сердит): вон там мимо меня прошел медвеженок и он спрашивал меня так: „Не выдашь ли дочь свою за меня замуж!“ И я ему дал, не подумавши, лово, что выдам (буквально: говоря, выдам).

— Не печалься из-за этого! Сказала ему дочь. Я встречусь с тем, что определил мне бог.

На третий день пришел к ним медвеженок, и они выдали за него свою дочь.

Медвеженок наказал им:

— Раньше года не проводывай ее!

А сам, как только очутился за селом, то превратил девушку в носовой платок и спрятал его в карман свой. По прошествии года бедняк шел на свидание с дочерью и дорогой увидел: один человек делал поклажу, пытался поднять ее и когда не мог ее поднять, то клал ее обратно и снова принимался еще накладывать на нее, а подять ее все-таки он был не в состоянии!

Это не хорошо! сказал бедняк и прошел мимо так, чтобы тот его не видел.

Идет (далее), и перед ним очутился один мужчина. А он выпускал сто овец к одному барашку, и все стадо не могло накормить одного барашка.

— И это не хорошо! С этими словами он прошел и мимо него.

Пошел дальше, а там множество людей устраивали стог, и он загорался из середины. Бедняк не посмотрел и на них, прошел мимо них. Тем временем он дошел до медвеженка, а он оказался таким человеком, что из комнаты наружу читал наставление. Бедняк вошел в комнату, и тот (медвеженок) об-

радовался ему и послал его вместе с мальчиком в свой дом, а вслед за ним и он сам пришел и сказал ему:

— Я потому засватал твою дочь, что ты верен богу.

А потом знаменитый муж спрашивал бедняка: „Видел ли ты по дороге этих людей?“

Он тоже сказал ему:

— Видел.

— В таком случае тот, кто не в состоянии поднять охапку дров, а все-таки еще накладывает на нее, не давал дров просившему их, а тот, у кого сто овец не могут накормить одного барашка, взяточник. Как молоко ста овец ничего не помогает барашку, так и взятка: если возьмешь и со ста дворов (домов), и то на нем не видно. А те, у кого загорался их стог—люди, работающие в праздник.

Бедняк пораздовался, а потом вернулся обратно домой.

Махческ.

в) Детские сказки.

38. Две мыши.

Полевая мышь и горская дигорская мышь заключили дружбу (буквально: сказали друзья). Полевая мышь говорит горской мыши:

— Пойдем, и я тебе покажу свои запасы!

Дигорская мышь отправилась и осмотрела ее запасы: орешки ее, яблоки ее, кукурузу ее, буковые орешки ее, фасоль ее, а потом сказала ей:

— А теперь идем и к нам, и я тебе покажу свои запасы.

Она привела ее и показала ей свои запасы: проса, пшеницы, фасоли, все, что было у нее спрятано на запас, а сама наказала кошке:

— Сиди у очага!

Пробродили обе мыши по углам дома.

Тогда горская дигорская мышь говорит полевой:

— Иди и поздоровайся (буквально: возьми руку) с нашей хозяйкой!

Полевая мышь тоже подошла к кошке, и кошка схватила ее за голову, задушила ее и разделила ее между своими детенышами.

А после этого и те и другие (буквально: оба запаса) запасы остались дигорской мыши.

Махческ.

39. Лиса и перепелка.

Лиса и перепелка были два нежных друга. Однажды лисе захотелось поест курятины, пирогов с сыром и лепешек, изжаренных на масле. Пробродили целый день и нигде ничего не нашли, а вечер настиг их под селом. А в скорости из села вышла группа женщин на „вечер под субботу“, имея под мышками полные деревянные тарелки. Перепелка говорит лисе:

— Ну, лиса, ты пока прижмись здесь около плетня, а я подойду к женщинам, притворюсь хромым, опущу одно свое крыло и в таком виде пробегу мимо них. Я знаю, женщины бросятся цепью за мной, положат свои тарелки, и ты сам и твое мужество, как нужно, так сделай, похищай их пироги с сыром!

Лиса согласилась. Перепелка направилась мимо женщин, прихрамывая.

— Вон перепелка, ловите ее (буквально: не отпускайте ее)! Она не может больше летать, находкой была бы для детей! С этими словами они бросили свои тарелки и бросились вслед за перепелкой.

Лиса тоже выскочила из-под плетня, съела все, что было в тарелках: кур, пироги с сыром, лепешки, изжаренные на масле, и удрала. А вечером пришли на свое место, и перепелка спрашивает лису:

— Ты теперь наелась, но какой ты религии: христианской или магометанской?

— Я—магометанка! сказала лиса, а ты делай то, что тебе нравится!

Сидят около костра, играют, а потом лиса говорит:

— Ты накормила меня, действительно, но если бы ты показала мне, что такое страх, то для меня не было бы на земле (никого) дороже-тебя!

— Хорошо, я могу напугать тебя, согласна?

— Согласна!

На второй день один хан выехал на охоту. Перепелка пролетела низко-низко мимо него. Ее заметили борзые собаки и стали преследовать. Она тоже направилась в сторону лисы. Когда лиса увидела их, то бросилась бежать; борзые собаки прыгают за ней, как журавли, и одна из борзых оторвала половину ее хвоста, так лиса насилу еще спаслась. Наступил вечер. Перепелка сидит высоко на ветке дерева, а лиса внизу греется у костра, охая, со стоном, с открытой пастью, с высунутым языком, еле дыша. Тем временем пере-

пелка заснула и упала с ветки дерева. Лиса тоже бросилась (к ней) и поймала ее, и, когда она намеревалась ее съесть, то перепелка сказала ей (буквально: когда она сказала, съем ее, тогда перепелка сказала ей):

— Друг мой, ведь ты себя называла магометанкой: не съешь меня, не сказав писималлах!

— Мисим-аллах!—С этими словами как только лиса раскрыла пасть, так перепелка вспорхнула и села на верхушке дерева.

Махческ.

V. Старинные (буквально: дедовские, отцовские) песни.

40. Тарион Тулабег.

И у Донифарса и у Дигории сила их еще была у себя (т. е. они были самостоятельны, независимы). Алдаров еще не было, а Донифарс и Дигория были во враждебных отношениях. В это время из Фарса (т. е. Донифарса) двое мужчин шли в лес. Дорогой перед ними очутился лучиновый чурбан. Один из мужчин схватил свой топор, (чтобы) ударить этот чурбан. А чурбан проговорил к нему с упреком:

— Не ударяй меня; отнеси меня к дверям того, кто враждебно настроен против тебя, и положи меня там!

Принесли чурбан и положили его у двери Чибиевых.

А там чурбан превратился в колесо Ойнона, и оно перерезало все спящее семейство, а потом проговорило:

— Есть ли еще из них где-нибудь что-нибудь?

— У Каировых их сноха!

Колесо Ойнона превратилось в бычка, и он шел в Кумбулта убить ее. В Кумбулта к нему вышла „Божья нога“ (хисаи ængæ) и швырнула его в Мастгом. Мастгом от этого разрушился. Сноха спаслась невредимой, без всякого ущерба. А после этого Божья нога дала ей во сне яблоко. От этого сноха забеременела. Родившийся оказался победоносным человеком. Тулабег сделался зрелым мужчиной.

Сын родился. Врата неба отворились. Гагуонская возвышенность потряслась до основания. Кобеккаев большой Айдар упал со своей кровати с точеными ножками и сказал:

— Хозяйка наша! Посмотри-ка, на дворе случилось какое-то чудо!

А та посмотрела (вышла на двор) и сказала: „Господин!

над Фасналом отворились врата небесные, да сделает это бог на добро стране!“

— Позовите Тариона Тулабега, пригласите и Дзанаева горбатого Дзаная!

Собрались Гагуаевы, думы думают:

— Кто будет этот новорожденный, кто его найдет?

А сами просят у бога:

— Боже, сделай его из Донифарса (т. е. пусть новорожденный окажется из Донифарса)! Если же он будет не из Фарса, то пусть он будет из Царгасовых: они подобно харесскому быку тяжеловесны и с нечистыми ляжками, и они нам ничего не сделают (т. е. неопасны). Миновав же их, ты сделай его из Абисаловых: они отважные, но короткорукые люди (т. е. храбры на словах, но не на деле)! Миновав же их, боже, ты сделай его из Тугановых: они мягкосерды, легко приручаемы, подобны (по кротости) баранам, народолюбивы, они народ, отзывчивый на угощение, и они нам не причинят никакого вреда. Из Кубатиевых ты, боже, не сделай его: они мягкоязычны (буквально: у них ватный язык) и жестокосердны (буквально: с сердцем с колючками).

Кобеккаев великий Айдар обошел Донифарс, и нигде не оказалось новорожденного. Послали Гагуаевы и в Стур-Дигор, и там подобно этому (т. е. не оказалось). А с Дигорией находились во вражде.

— Кто пойдет для нас в Дигорию, кто это будет, кто разведает про него для нас, если это не будет Тарион Тулабег, то кто это будет?

Тулабег оделся простовато: чевяки кожаные, старая шуба и пороховницы, в таком виде он очутился под Наром в Мацута. А там повстречались с ним с пением Каматские жители, (направлявшиеся) на ослах за дровами. Тулабег спросил возчиков дров:

— Что это, что вы поете? Ведь утренний северный ветер рассекает вам ваши груди, а вечерами блеск снега при ветре ведь выкалывает вам ваши глаза, то в таком случае из-за чего ваша радость?

А они сказали ему:

— У Кубатиева Тазарета родился сын, хромой Долчико; а его Никколовы берут на воспитание, а Дзануковы из-за него устраивают недельный пир. Там будут яства и напитки (питье), мы попадем туда и этому радуемся!

А жена Никколова Бабо была племянница Тариаевых, поэтому Тулабег зашел к ним. Бабо расставляет ушатые котлы на своем дворе.

— Да будут тебе на пользу труды твоего отца, кто вспомнил это (т. е. устроить поминки в память отца)!

— О, наш волк! Я не думаю о наших умерших (предках), но у Кубатиева Тазарета родился сын; его, если бог даст (скажет), как раз завтра утром берем на воспитание!

— Хорошо, и это хорошо! Зелень его вы увидели, но да не увидите его зрелости (т. е. видели рождение его, но до зрелости пусть не доживет)!

Второпях (по свежим следам) Тулабег оттуда пошел в Фаснал. Зашел в комнату Тазарета; обманул у ребенка его няню, вытащил его из колыбели и плачущим принес его в Донифарс, а там его он отдал Налдиевым. Донифарсцы решили убить ребенка. Тогда Налдиевы отнесли ребенка к Никколовым, а своего ребенка завязали в колыбели. Донифарсцы вместо Дохчику по ошибке убили ребенка Налдиевых, а впоследствии Донифарсцы узнали свою ошибку, рассердились на Налдиевых:

— А эти ведь едят собственное мясо (т. е. губят своих)! и с этими словами перебили всю фамилию.

Когда Тазарет услышал это, то сказал:

— Боже, сделай новорожденного таким, чтобы он завоевал Донифарскую крепость (уступ), а из железных ворот Кануковых чтобы он сделал для своего коня четыре подковы!

Недельный пир Дзаниуковых был готов. Вся Дигория собралась к ним со словами: „Завтра будем резать жертвенных животных (kosærttæ)!“ Украсили калач всем хорошим и лучшим, а под ним круглый стол полным полно. Вокруг него танцевали, а потом старались схватить калач, испытывали друг друга на том, кто его сорвет, и на этом (за него, за это) была назначена чаша (uasiatongæ). Тарион Тулабег в короткой своей шубе очутился (буквально: вырос) там вместе с ослом, (навьюченным) поклажей. Тулабег стал за дверью подобно галиатскому лучиноносцу (лучиновозу). Гордые люди выталкивали его со словами: „Станцуй!“ Тот тоже притворился неумеющим; танцевал для них смешные танцы и гордые люди смеялись над ним до упаду (буквально: лопались с натуги).

— Дайте-ка ему поесть, тогда он станцует лучше! говорили друг другу старики.

Дали ему пищу. Тулабег тоже, бедный, опорожнил круглый столик и питье тоже выпил. А после этого снова опять его вытолкнули танцевать. Он тоже тогда станцевал по краям столика, не шевельнув на столе ни одного куска. А во время последнего оборота он споткнулся как-будто нечаянно,

и поронял¹ лучины кругом, а сам бросился и сорвал калач, вместе с ним он прыгнул через отверстие за дверь в нижний этаж в хлев к их жертвенным животным. Люди погнались за ним и искали его вдали; а он в хлеве перебил жертвенных животных и разделил между ними черного осла. А утром рано увидели его в Сугдаскатта и пригрозили ему, а больше всего Абисаловы своей шашкой. Тулабег же растянулся на солнцепеке и говорил им так:

— Довольно, дней вашей жизни да будет много! Не трудитесь больше, и старшим и младшим вместе ведь я хорошо разделил, без доли никого не оставил, зачем вы кричите? Кого нужно, тех наделяйте; не затевайте ссоры между собой, а кому не следует, из тех никому не давайте доли по неволе!

— Кажется, волк наш что-то опять наделал нам, нужно нам проведать наших жертвенных животных!

Гонцы вернулись, проведали своих жертвенных животных и нашли всех хорошо приготовленными, зарезанными совместно с черным ослом. Эту обиду Дигория запомнила. В субботу Никкола так, чтобы в Донифарсе успели уйти на пир, Дигорцы постановили напасть на тех женщин и детей, которые останутся в Фарсе. Дигорское войско перешло (через Урух) в Хезанта, в Даллагкаде. Ночлег у войска был на берегу Уруха, над высоким обрывом. Тарион Тулабег услышал эту весть от дрововозов. Взял с собой одного товарища и очутился там. Когда он удостоверился в этом (в них), то сказал своему товарищу:

— Иди, дай знать Турменовым толстоглавым: бог дал нам в Даллагкаде стадо оленей! Затем оттуда зайди и извести Хагуаевых лысоголовых.

Тот тоже отправился и залез под камни (т. е. спрятался) и от сильного страха умер, а народу не дал знать ничего (т. е. ничего не сообщил). Над войском в Даллагкаде наступила ночь. Тулабег тоже поджидает их. Во время ужина войско решило:

— Когда народ завтра утром уйдет на пир, то зайдем к ним в их отсутствие и разгромим их!

Войска избрали берег обрыва за укрепление и легли там спать. Тулабег тоже подождал пока они заснули, а потом и он лег между ними. Он ложился повыше то одного, то другого и толкал его с берега со словами: „Ложись ниже!“ Таким образом он их побросал в Урух. Утром войска посмотрели и увидели свою гибель: очень сильно поределели и пришли к гибели (буквально: к убыли). Тулабег тоже показался им, и узнали его:

— Вот он, доля нашего шайтана! и с этими словами они обратились в бегство; тот тоже стал стрелять в оставшихся, а Абисалова большого Абисала он поймал и переправил его через Ахсинанта со словами:

— И у птиц даже бывает один гость (т. е. пощадил его)! Абисал Абисалов с равнины Морга, из-под грушевых деревьев узнал на другом берегу (Уруха) Тулабега в то время, когда он делил (между народами) оставшиеся от войска вещи, обнажил к нему свою шашку, замахал ею в его сторону и сказал:

— Подожди. (ужели) нигде тебя не найду, черное горе моему дому, попадешь в мои руки, тогда я тебе покажу!

Хромой Дохчико подрос и пошел войной на Донифарс, но так как он сосал их молоко (т. е. воспитывался у них), то сражения между ними не произошло. А под конец, каким-то образом, хитростью, с помощью воровства, хромой Дохчико достал из железных ворот Кануковых один гвоздь; из него он сделал для своего коня гвозди на подкову и постучал в могилу отца:

— Исполняя твое завещание, из железных ворот Кануковых я сделал четыре подковы для своего коня; пусть за гробом об этом не беспокоится больше твое сердце!

Потомство Тулабега: Каирон, Тулабег, Тотай, Сосо, Никко, Хацу, Кубади.

Это сказание я записал давно, а после этого пополнил в Донифарсе около Губади 8 июля 1899 года. А потом исправил его на нихасе в Донифарсе со слов стариков. Махческ 19 авг. 1899 г.

41. Сари-Асланбег.

Карадзаев Сафарали пустил на пастьбу в Таторс двух черных, с серебряными рогами, быков жены Сари-Асланбега. Там нашли их жители Донифарса, зарезали их. А за это оскорбление Сари-Асланбег решил пойти войной против Донифарса.

— Отомщу донифарсцам за обиду моих быков и наложу на них дань!

Проводниками войска из других местностей были Карадзаев Сафарали и Биев Муртазали, а из коренной Дигории Текоев, большой стрелок Ахмат. Войска Сари-Асланбега ос-

тановились в шалашах на Кахсатаусских лугах. Там они шептались про себя:

— Если послушать донифарских чертей, то рассказывают чудные рассказы: что от нас ожидают Кахсатаусские сифилитикоухие, охраняющие шалаши кобылицы? Ой, Кануковские женщины, проклятые волчицы! Если посмотреть их, то они пьют кровь войска Сари-Асланбега Кайтукина!

А в Донифарсе рассказывают рассказы:

— Свое зимнее пастбище употребим на летний выгон. Если будем бедны, то все-таки будем жить лучше Хулама и Безенги. Если будем плохи, то и тогда дани маслом тебе не измерим желудком овцы подобно Хуламу и Безенги. Этого не ожидай от нас, сын Кайтука!

Войско остановилось при входе в Дигорское ущелье. От пара из ртов коней их запушило вход в ущелье подобно туману. В полдень хозяйка (т. е. жена Есе) посмотрела с крыши башни и второпях сказала:

— Господин наш! При входе в ущелье осел туман, а над ним выются черные вороны. Что бы ни было, все-таки наступит опять плохая погода: движение тумана не к добру!

Кануков большой Есен поднялся (вышел) на вершину башни, на место наблюдения и посмотрел на вход в ущелье:

— По Северному (Dællag-нижний) перевалу едут трое всадников: кто такие будут, что такие будут, не знаю! Хорошо их не различаю! Если бы у меня были мои очки, хозяйка наша! Пригласите также Тотая Тариева.

Тотай пришел. Тотай отправился навстречу всадникам. А Есену подали наверх его очки. Тот тоже долго и пристально смотрел и сказал:

— Это не туман будет, а пар из ноздрей (буквально: из ртов) коней войска Сари-Асланбега. А впереди него не черные вороны будут, а три всадника: средний—Кайтукин Сари-Асланбег, притеснитель народа (буквально: людоед); слева от него—Бисв Муртазали сидит на большом коне кабардинской породы (tæran); справа—Карадзаев Сафарали сидит на мышеспинной полукровке кабардинской породы. Эй, наша хозяйка, они едут к нам, они-наши гости, к их прибытию необходимо им приготовить вечернее кушанье!

Пока Есен смотрел на них, Тариев притворился путником и дошел до всадников на равнине Морга и сказал им по-грузински:

— Прямой путь!

— Прямое дело твое (да будет)! сказали ему те тоже.

— Что ты, какого роду, куда идешь? Ведь ты грузин?

— Наш алдар Сари-Асланбег идет войной против Донифарса, иду в его войско.

— Если ты идешь в его войско, то что ты знаешь о подготовленности и неподготовленности Донифарса?

— Если бы я узнал Сари-Асланбега, то рассказал бы ему, что они могут и чего они не могут сделать!

А в таком случае Сари-Асланбег ведь я, а потому скажи мне о них определенно!

— Не верю вам: у нас наш алдар—Сари-Асланбег, и как я расскажу вам свои разговоры?

— Поверь мне богом: по правую сторону от меня—Карадзаев Сафарали, а сам я—Сари-Асланбег, по левую же сторону—Биев Муртазали.

— Дай мне свою руку, незнакомый мой алдар: я шел искать тебя.

— В таком случае благодарение богу, если и здесь еще у меня такие (сторонники), то там ему что-нибудь сделаю (т. е. думает расправиться с Донифарсом).

— Хорошо! Об одном деле тебя спрошу, мой алдар: почему Карадзаев Сафарали сделался твоим товарищем?

— Как донифарсцы огорчают биаслановых (т. е. кабардинцев), так они обижают и нас и, может быть, вместе с этим и я смогу отомстить им (буквально: моя рука до них достанет), сказал Карадзаев сын.

— А Биев сын зачем сделался твоим товарищем, мой алдар? Какую обиду от них он таит в своем сердце?

— А Биев сын потому стал моим товарищем, что не оставляют у него ни девушки, ни мальчика, и скотины подобно этому, и, может быть, он отомстит чем-нибудь; он тоже потому стал моим товарищем.

— Неужели так сильны донифарсцы? И Карадзаевых притесняют, и до Балкарии доходят, и кабардинцев убивают? Так ли сильны донифарсцы? ведь они составляют маленькое общество!

— А каким образом донифарсцы составляют маленькое общество? То, что находится от Дигорского перевала и до Грузинского, составляет Донифарс. А как Донифарсу не быть сильным: говорят, у них есть одна крепость Гагуонская возвышенность и там каждый имеет свой хлеб, нужное (для удовлетворения потребностей) в безопасности до черного дня (буквально: до дня необходимости). Ее же с двенадцатью дверями закрывают одними железными воротами внутри башни Канукова великого Есена. А у Есена есть такое замечательное ружье, которое пробивает семь жердей, вот такое ружье. А у нас где найдется такая драгоценность? И как же им не

быть сильными? И кто им что сделает, кроме Елиа? А потом у них есть один человек такой, что если ты его увидишь один раз, то в другой раз его не узнаешь больше. А он обо всем, что слышит нового, доносит в крепость, в Гагуонскую возвышенность. и передает их и народу. И как они еще могут не идти по известному делу и как им еще не быть сильными?

— В таком случае, иди со мной, мой алдар: я помогу тебе захватить начало истока их реки (воды)!

К тому времени войска остановились на равнине Морга и снарядили послами к великому Есену Канукову Биева Муртазали и Карадзаева Сафарали. А проводником им (был) из Задалеска Текоев сын большой стрелок Ахмат. Послы спешили с коней на нихасе Царвгун*). А там перед ними оказался большой Есен Кануков, незнакомый (им).

— Гости мои, приблизьтесь к кунацкой, сказал им большой Есен и ввел их в кунацкую, крытую каменными плитами.

Некоторое время они просидели, не говоря и не спрашивая ни о чем.

— Что нового у вас есть? Домосед (буквально: местный человек), в особенности же дигорец любит спрашивать о новостях. Что вы? Где вы были?—Есен опять их спрашивает. А они ему ответили:

— Укажи нам Канукова большого Есена, а потом расскажем тебе и новости наши и скажем тебе и дело наше (поручение наше).

А Есен вошел в дом (хадзар) свой и говорит:

— Хозяйка наша! Гости наши ищут меня и одежду мою мне (подай)!

Дали ему его одеяние. Тот тоже оделся, а шубу свою (тулуп) накинул на свои плечи и в таком виде он вышел к ним в кунацкую.

— Гости мои! На что я вам? Ведь я—Кануков большой Есен; где вы были?

А они сказали ему:

— К тебе едут гости, а мы тебе не гости.

— Какие гости?

— Едет Кайтукин Сари-Асланбег. Требуется от тебя дани. Девушка и мальчик, а это—его дань.

— Да прибудет он живым, но вы пока первые гости. Им нужно чего-нибудь! И тому также будет то, что (полагается) гостю: из проса Мисигонского сыроватый чурек, а из та-

*) Carvgun pñææ—место сблища на Масляной неделе, где приготавливают порох в течение этой недели.

торского молока соленый, черствоватый сыр, а сыворотка наша—ему для питья. Этим нужно чего-нибудь!

Есен исчез (скрылся) от них, вошел в дом и выслал им чашу густого пива со словами:

— Выпейте пока этой сыворотки!

После выпивки (т. е. после того, как они выпили пиво) Есен опять вышел к ним и спрашивает их:

— Ну, добрые мои гости, что нового? Зачем вы прибыли и зачем придет сын Кайтукин? расскажите про это мне подробно!

— Кайтукин сын едет получить дань за обиду своих быков.

-- Хорошо! И это ничего: ему самому вот эта пища, а коням его пастбище на общественной земле. Кто знает и, может быть, будет брезгать этим делом, то заставим его съесть белого нашего хлеба с мясом, а не то пирог, вскрываемый сверху, с медом. И если и тогда он нас не оставит, то посадим его в Козиевском нижнем хлеве со свиньями; если и тогда не успокоится, тогда отошлем (отправим), его по Южному перевалу мимо горы Ваза с большой бедой. Биев сын! А тебе-то что нужно? Если я совсем уж не в состоянии буду повредить тебе ничем, то все-таки из Дигорского ущелья не пропущу к тебе ни одного осла, и тогда что ты еще будешь жечь вместо дров, кроме кизяка? Карадзаев сын! А тебе, если угодно будет богу, то своими серыми кабардинскими конями взмущу исток твоей воды!

Вечером войска прибыли вместе с Тотаем и остановились в Донисаре в Мисигоне. Тариев Тулабега сын Тотай объехал войско, а потом приехал к Есену и сказал ему:

— Белоголовый орел снизился в Мисигоне. Говорим ему „ussi“, но он от нас не улетает. Говорим ему „citdzi“, он не подходит к зерну (т. е. и мира не заключает, и уходить не уходит).

А Есен сказал народу:

— Войско прибыло, а теперь пусть каждый сможет охранять себя, и сегодня ночью, и завтра пусть из крепости никто не выходит!

Ночью Есен зажег на четырех углах сторожевой башни четыре чурбана лучины, а сам при этом свете расхаживал в одном бешмете на крыше башни. А народ внутри крепости танцевал, хлопая в ладоши. Войска тоже смотрели на них сверху, удивлялись и подослали к ним лазутчиков (соглядатаев) на разведки, вместе с ним и Тариева сына. Тот какими-то способами передал Есену:

— Завтра утром рано я поднимусь на вершину холма, а

алдара пошлю к его основанию, я возьмусь нести за ним кувган, но кувган его передам ему самому, и тогда его надо караулить, и не пощади его тогда, чем ты только будешь в состоянии. Твое мужество и ты сам!

Соглядатаи вернулись обратно и сказали Сари-Асланбегу:

— Мы никогда не видели такого чуда: танцуют, поют; что над ними стоит войско, об этом и не думают даже.

Тогда Сари-Асланбег сказал Текоеву большому Ахмату:

— Если они настолько бесстрашны, то пусти на них хоть один раз грохот от ружья!

Текоев сын сказал, указывая на Есена:

— Я не убью его (буквально: в душу его не прицелюсь), но смотрите на чурбан лучины на стене башни!

Большой Ахмат нацелился в чурбан лучины у бска башни.

Выстрелил в него и свалил чурбан лучины. Народ этим был встревожен и сказал Есену:

— Есен! Ведь они начали бой. а нам что делать? Что бы ни было, все-таки белоголовый орел не боится того, что говорим ему „ussi“, не подходит и на то, что говорим ему „citz!“!

А Есен сказал им:

— Пусть не простит его ему бог! И крепость разрушается от собственного камня! Это—грохот от ружья Текоева сына, не бойтесь! Это—грохот дигорского ружья и ничего нам не сделает: ведь нога коровы теленка не убивает! Как раз завтра и мы пошлем к ним такого посла, и зерно ему выбросим и, быть может, придет к нам белоголовый орел!

Утром при восходе солнца Сари-Асланбег с кувганом вышел по естественной нужде. А Есен и Кобеккаев Айдарук сидели на вершине башни. Кануков Есен взял свое короткое мадзарское ружье и сказал:

— Смотрите! На жизнь его я не покушаюсь (буквально: в душу его я не целюсь), но заставляю его встать с места грязным, неподмытым; и он прицелился в его кувган. Кувган перед Сари-Асланбегом разлетелся вдребезги. Сари-Асланбег тоже встал и пошел на свое место неподмытый и оскорбленный. Вследствие этого войска сдвинулись с места и остановились в Чифтисаре. А оттуда Сари-Асланбег прислал к Есену послов.

— Себя самого, пищу свою, питье твое и военное свое снаряжение покажи мне!

Большой Есен положил (буквально: разложил) на круглом столе черствый чурек и соленый сыр, а густого пива чашу послал ему вместе с ответом:

— Вот тебе наша жизнь, пища наша и питье наше. Нашим запасом на один год можем тебя прокормить вместе с войсками три года. Если хочешь, то подходи поближе, а не то убирайся! А дани от нас не жди, Кайтукин сын! Поверь, жизнь наша от нашего гумна (буквально: тока). Удались от нас, а не то притащим тебя в нашу среду за ухо! Неужели Кайтукин сын, ты еще не узнал, что Таторс—гибельное пастбище для твоих быков с украшенными рогами! Карадзаев! А у тебя от вида твоего неприятеля побелели глаза твои и черная борода твоя! Карадзаев! Таторс постоянно полон нашим рогатым скотом. Если будешь искать (требовать) для Кайтукина то, что ему не удалось от нас, то восполни ему их сам своей женой! Если угодно будет богу, то своими серыми конями в силах еще буду мутить тебе истоки твоей воды! Биев! А тебе, по-моему, не подобает странствовать за алдаром!

Немедленно после этого Сари-Асланбег вместе с войсками уехал по Южному перевалу домой ни с чем.

Донифарс. 9 июля 1899 г.

42. Дзандзирак.

Черные каматцы, белые водой,
Поищите вашу Дзандзирак!
Она убита дубиной у вас;
Потащена она березовой хворостиной
В большой омут Голгазан.
Белые водой, черные каматцы!
Все фамилии вместе должны высказаться за нее!
Эта песня хорошо идет (приличествует) в Сугдаскатте.
Белые водой, черные каматцы!
Вы не ищите вашей Дзандзирак,
А то в большом омуте Голгазана
Текучая вода (быстрая вода) ее две черные косы
Развеивает в разные стороны.
Убийца ее—Буацаев сын Артуд,
Эй, эй, как ты ошибся!
Кто питает ко мне вражду,
Тот да убьет свою смуглую красавицу
По чужому наущению (буквально: по наущению чужого языка).

Со слов Кертиби 2 дек. 1898 года.

43. Песня про сына Уахатага.

А вон с вершины Белой горы раздаются выстрелы белого Елиа. Не выстрелы будут то белого Елиа, но выстрелы ружья сына Уахатага Хуймана. Это он уил на черной скале Черной горы белорогого черного тура и когда убирал (свежевал) его, то прибыл к нему убийца товарища Касполат.

— Да даст тебе бог много! с этими словами обратился к нему убийца товарища Касполат.

— Вместе бог нам дал его! отвечает Хуйман.

Тем временем убийца товарища Касполат притворился наблюдателем со скалы и стал удивляться:

— Вон ущелье наполнилось дичью, а ты занялся уборкой козленка!

Сын Уахатага тоже больше не выдержал, со словами, „где“, он стал осматривать (кругом).

Вон под обрывом в ущелье говорит ему Касполат; если ты их не видишь, то я воткну свой штык в твои полы и таким образом спустишься с сбрыва и посмотри!

В то время, как сын Уахатага маленький Хуйман смотрел с обрыва, убийца товарища Касполат вытащил свой штык, и бедный Хуйман слетел с сбрыва. Черная его собака завывала, завизжала и спустилась к нему, но Уахатага сын не был больше для жизни. Так он еще сказал:

— Пес мой! Будь моим кровомстителем и вестником о моей смерти!

Тот (пес) тоже завыл и прибежал в дом Хуймана. А там от места за дверью до угла она (собака) шла на задних ногах, а передними совершала обычай по покойнику и царапала себя, так она шла.

— Что бы ни было, а наш муж уже больше не в живых; недаром собака его пришла одна и воет,—с этими словами устроили погоню.

Впереди погони вышла эта черная собака и привела их к покойнику. Вынесли покойника. как и народ мог не плакать над ним? Тем временем убийца товарища Касполат идет с сильным плачем, ударяя колени свои, лоб свой. Как только он нагнул голову свою в дверях, так черная собака сына Уахатага набросилась на него и вырвала у него ножные вены. Люди не смогли больше отделить их друг от друга. Таким образом, собака съела Касполата и отомстила за кровь Хуймана.

Махческ. 12 окт. 1903 г.

44. Песня про пастуха Белой горы.

Под Белой горой, во владениях черного алдара, на скале Алхонау жил бедный пастух. А брат его был алдаром Черной горы за Урухом. Обоим опасности ниоткуда не грозило (буквально: не было), но все-таки на вершинах золотых наших гор они устроили жилища. Пастух Белой горы жил на скале Алхонау, а пастух Черной горы у камня Нимаян (т. е. у камня счета). Днем пастух пас свое стадо на землях черного алдара, а вечером пригонял его на место (где были хлевы). Когда приходило стадо, то мост его за ним поднимался, свертываясь. Таким образом скала Алхонау служила пастуху Белой горы вместо башни, а самодвижущийся мост давал ему дорогу в окружающие его местности во время возвращения его стада каждый вечер и выгона его каждое утро. Однажды по воле бога мост остался не снятым, и к пастуху прибыли двенадцать всадников-разбойников. Они стали его мучить со словами:

— Забавляй нас и угощай нас!

Бедный пастух тоже взял свою золотую свирель и заиграл к пастуху Черной горы:

— О, мой единственный брат! Ко мне прибыли в гости двенадцать всадников и что бы ни было, все-таки они будут не добрые гости! Они злоумышляют против меня! Наступил тяжелый день для меня, и в какую сторону что мне делать, а того я не знаю! Своих добрых советов не лишай меня!

И пастух Черной горы запел к нему на своей золотой свирели:

— Если этого еще не знаешь, то зачем ты еще присвоил себе Белую гору? Или почему ты занял владения черного алдара? Не бойся, мой дом! Тебе не подобает быть трусливым! Будучи таким трусливым, тебе не подобало и пасти на землях черного алдара! А теперь даю тебе совет старшего: „Посреди твоего стада пасется посвященный Уасгерги белорогий черный козел. Зарежь его им, угости их хорошо мясом, а от супа его не давай им, а тогда будет то, что угодно будет богу“.

Пастух Белой горы поступил так, как учил его брат: хорошо накормил их мясом козла, посвященного Уасгерги; а суп его, будто бы невзначай, толкнул ногой, и тот тоже разлился. Из двенадцати один был вещим (хæddzegun?) и вскочил и набросился на разлившийся суп и выпил, а другие остались без супа. Через некоторое время те одиннадцать, которые не выпили супа, умерли все, а другой бежал. А по-

сле этого пастух Белой горы опять взял свою золотую свирель и заиграл:

— Что мне делать, того я больше не знаю! Одиннадцать из разбойников погибли, а один из них спасся и бежал, чтобы забить тревогу, и, кажется, он не оставит больше меня в покое, он отомстит мне за своих товарищей; будет требовать от меня крови!

— И я знаю это! запел к нему обратно на своей золотой свирели пастух Черной горы; и для этого я тебе даю совет: съешь ту правую лопатку, которая осталась от того козла, а сам положи ее далеко от очага, через нее семь ведер воды пролей на мост, прокати через нее и семь камней, а после этого пусти свое стадо через мост. А потом будет то, что угодно будет богу!

Утром пастух Белой горы поступил так, как его учил брат, и за стадом своим спустился с обрыва. Тем временем из Кабарды прибыло целое войско, и Алхонау обвалился. Войска посмотрели и нигде ничего больше не находили. А вещей взял лопатку и смотрит в нее, а в лопатке показалось:

— Пастух перешел через семь гор и через семь рек!

Рассказал про это войску, а еще им сказал:

— Враг наш отдалился, и не нагоним его больше: перешел через семь гор и рек, вот судя по этой лопатке, а теперь пусть каждый ищет свой дом!

Войска вернулись домой, а пастух Белой горы остался невредимым в своем жилище.

Махческ 9 октября 1903 г.

45. Павшие в битве.

(Казачи из Дзарасте).

На Гарамонском поле ведь был бой.

Если бы в тот день вместо сына Дугуза

Был Тох Тургиев!

Казачи из Дзарасте отправлялись против черных чеченцев;

Бедные их матери, красивые их жены

Вслед за ними плакали.

Вода в Тереке несет ветки,

Ружье Дзабо Гажеева среди черных чеченцев ревет подобно быку.

С притеречного леса закуковала кукушка,

Ружье доброго Гасая Гулдиева

Заревело среди черных чеченцев.

Добрый Иналук Гокинаев испивал у черных чеченцев их
кровь.

О, если бы вон на Тереке еще была роща!

Гасай Гулдиев кричит:

-- О, если бы в сегодняшнем бою вместо всех казаков

Был со мной Тох Тургиев!

На берегу Терека камыш стоял, как колючка;

Длиннобородый Заурбек Слонов

В день сражения стоял, как молодая невеста!

Махческ. Со слов Инала Базиева и Сарабии Текоева 16 окт. 1903 г.

46. Песня про Дзанболата Дзагурова.

(Из-за религии).

Лучшая из стран — Гамоди,

А тот, кому он завещал,

Макоев Кубади.

На углу Аппатонов семь колючек,

От Дзанболата осталось беспризорными семь дочерей.

Царь наказывает своих людей силой Сибири (т. е.
ссылкой в Сибирь)

Дзанболат погубил свою душу из-за религии.

Хосроев Саукуй расстроил сход Дигорский из-за абаза.

Дзанболат умер в Сибири из-за намаза.

Магометанская религия славится Мединой и Ширазом,

Дзанболат погубил себя из-за религии и намаза.

Тот, кто составил эту песню, из их общества;

Дзанболат заплакал горько:

Мой семь дочерей остались сиротами!

Махческ. 16 окт. 1903 г.

47. Песня про красавицу Черной скалы.

Сын Уаза маленький Адамаз заиграл на своей золотой свирели к Черной горе. Он заиграл так красиво, что вон на равнине, (слушая) его пение, стали танцовать львы и лисицы. Черная гора заревела на него подобно черному быку. Белая гора заревела подобно белому быку. (Слушая) его красивую песню, белые ледники Белой горы тронулись кусками. Перед

дверью Черной скалы заиграл он три раза. Дверь Черной скалы открылась перед ним, и вышла к нему смуглая красавица Черной горы. Она тогда обняла его своими двумя белыми руками трижды:

— А теперь бог меня дал тебе!

Махческ. 14 окт. 1903 г.

48. Басилта.

О, Басилта, Басилта, добрые Басилта! Ой, ой!
О, да будет у вашей хозяйки сын!
О, ваш хозяин пусть убьет оленя!
Нам дайте полагающееся на Басилта!
О, ваш петух так говорит:
Ножку овцы, серую араку в серой бутылке,
В черном кувшине черное пиво!
Выдайте наши три лепешки!

49. Выгляните.

(Обращается к хозяину).

Выгляните, у порога вашего гости, дорогие гости!
Да будет утро ваше доброе!

50. Приходи живым.

(К гостям хозяин дома).

— Живым приходи, наш гость!
— Живи счастливо (буквально: хорошо), наш хозяин!
Гостю трудно угодить.
Тому, кто примет гостя хорошо,
Возместит бог,
Ой, да возместит!

51. Козел.

(Из охотничьих песен).

Вон на вершине горы пасется козел.
Того нам обещал бог,
Рано утром чтобы его он дал!

52. Стоветвистый олень.

(Из охотничьих песен).

Вон у входа в ущелье пасется стоветвистый олень.
И того нам обещал бог,
Завтра утром он нам его даст!

53. Счастливая семья.

Отправляется (из него) сто раз сто с топорами;
Еще одна сотня с tadzinæ'ми*) (мотыгами)
Лесной материал (бревна) его они обтесали в ущелье Зурн,
Жерди его спустили в ущелье Раст.
Стены его были украшены павлиньим пухом;
Пол его подметен шелковым платком и вуалью;
К нему с неба спущена цепь со ста звеньями,
с извилинами;
Над ним (был) дом для варки овцы;
А в нем—желтый баран, зарезанный как овца;
А под ним—с шипением шашлыки;
А вокруг (сидела) с шумом их семья;
У них хозяин их был ходоком в Раза;
Он приводил откуда быка, а откуда корову;
С Белой горы на него мычит подобно белому быку;
С Черной горы на него мычит, подобно черному быку;
Вода с каменистым дном ведь течет на него извилинами;
Владычица ветров ведь тогда сбрасывает скалы;
Тот тоже тогда надевает твердый ремень.
Не нужно его хвалить: самовосхвален он!
На небе его почуяла сорока,
А вон на равнине его укротил торговец Бадзиргон.

Махческ. Со слов Кертиби 2 ноября 1903 г.

54. Дива и чудеса.

Первый удар в потолок,
А я
Их лошади аласата и маласата.
Я покажу тебе
На Кумской равнине дива и чудеса.

*) Tadzinæ—инструмент, которым долбят или обтесывают дерево.

55. Песня про Мада-Майран.

(Про мать Марию).

Вон в поле идет невеста,

Ой, невеста, ой, алай!

У нее на одном плече светлые лучи солнца,

У нее на другом плече лучи луны, *[припев]*

У нее кормилица добрая Мада-Майран *[припев]*

У нее шафер святой Уасгерги, *[припев]*

У нее сопроводители (поезжане) невесты отец Ник-
кола, *[припев]*

Утренние ангелы и вечерние уацеллата, *[припев]*

Какое благословение было у этих людей, *[припев]*

И этой невесте пусть бог даст такое же счастье,
[припев].

56. Песня про Уасгерги.

(при отправлении невесты).

Да съедем твои болезни, высокий наш Уасгерги,
Сделай наш путь счастливым (буквально: прямым)!

57. Песня про Мада-Майран и бога отца.

(Во время рождения ребенка).

О, Мада-Майран,

О, бог-отец!

Чей дар он был,

Пусть будет живучим,

Чтобы ты дал живучие дары!

58. Песня про Уасгерги.

(Во время благодарения в доме).

Вон в поле

Утренние ангелы и вечерние уацеллата,

А посреди них был Уасгерги.

Какая благодать была у них,

Пусть такая благодать будет

И в этом собрании и в этом доме!

59. Песня про Науруза.

Пусть да не умрет у нас Науруз!
Науруз ведь обещал нам золотое ружье!
Чтобы он обрадовал нас утром,
Афсати ведь обещал нам
Своей свирелью стоветвистого оленя!

60. Пастух Щебеночного ущелья.

— Вот, наш пастух!
Не пускай в Щебеночное ущелье:
Сын Уаза Уазгери тебя похитит!
— Не бойся!
У высокого Уасгерги
Есть жертвенный желтый баран
Среди животных!

61. Песня про великого бога.

А мы великому богу молимся!
А мы у щедрых ангелов ведь просим!
Насколько верно просим,
Настолько верно даст нам его
Великий бог благодеяниями, ой, даст!

62. Песня про Никкола.

Его крылья—золотые,
Никкола ведь добр, добр!
Да съедим мы твои болезни, Никкола!
Добр Никкола!
Сказали мы ему это, сказали.
Наш Никкола добр, добр!
Пусть он обрадует нас утром,
Ой, наш Никкола, наш добрый!

63. Песня про Уасгерги и Никкола.

Помолимся, воспоем, ребята, к Уасгерги и Никкола! Они помощники бедняков.

Однажды какой-то возчик дров свесился со скалы над местностью Тагар, немного осталось ему, чтобы слететь с обрыва, взмолился:

—Уасгерги, Никкола, я под вашей защитой! Помогите мне, погибаю!

Тем временем с каким-то бедным путником на Кумской равнине повстречались двенадцать всадников, и стали они совещаться относительно него (буквально: решения и начало решений начали делать о нем): кто из них обращал его на покупку для своей жены на исподнюю, кто для себя на бурку, таким образом они посчитали его для себя за добычу. Бедный путник плакал, стenal со словами:

—Дайте мне еще дорогу помолиться!

Те тоже свернули его с дороги, смеясь (над ним), и над его одеждой бросали жребий. Тем временем бедный путник взмолился:

—Уасгерги, Никкола, я под вашей защитой! Вот гордые меня делят между собой живым, сжальтесь надо мной, погибаю!

Золотокрылый высокий Уасгерги смотрел с высокого наблюдательного пункта своего и не знал больше, в какую сторону ему итти. Тем временем явился к нему наш отец Никкола. Решили, чтобы направились: горный Никкола в сторону горы, а степной Уасгерги в сторону равнины. Таким образом они помогли и возчику дров и путнику и прислали их домой вместе с вещами (fonsæjdzagæj, т. е. с полным имуществом, невредимым).

Уасгерги и Никкола вот так помогают своим почитателям и над нами тоже сжалятся.

Махческ. 10 окт. 1903 г.

64. Уасгерги.

Песня Верхнего Гулара.

Иди впереди,
Охраняй нас назад!
Через высокий перевал
Сделай наш путь прямым (т. е. счастливым),
Высокий Уасгерги Верхнего Гулара!

65. Песня про Уасгерги.

Ну, да съедем мы твои болезни, добрый Уасгерги!
Из пяти братьев самый нежный сказал, добрый Уасгерги!

66. Уасгерги.

Ну, помолимся, вспоем к Уасгерги,
Мы—под его защитой, под его защитой, ребята!
Посмотри с высоты, взгляни,
Наш золотокрылый:
Вот бедные твои гости
Под твоей защитой, Уасгерги!
И гость под твоей защитой, Уасгерги!
И хозяин под твоей охраной, сидящий на вершине!
Если будешь итти впереди,
То охраняй нас назад!
Если будешь назади,
То накрой нас своим крылом!
Ну, прямой путь, прямой путь,
Золотокрылый наш праведный Уасгерги!
Посмотри на нас с высоты,
На равнине нас сохрани (буквально: застрахуй), сидящий на вершине,
Мы под твоей защитой!

67. Песня про Тотура.

А Тотур уничтожит наше зло,
Цалилойта и уалилойта
Ой, святой Тотур Загамский!

68. Песня про Алаурди.

Светлый Алаурди, табу тебе делаем (т. е. молимся),
Ой, табу, табу ему, ой, табу!
Ходи по золотым дорогам,
Ой, табу, табу ему, ой, табу!

Северное просо тебе на пиво,
Ой, табу, табу ему, ой, табу!
Южная пшеница тебе на лепешки,
Ой, табу, табу ему, ой табу!
Желтых баранов, красивых барашков будем резать
тебе в жертву,
Ой, табу, табу ему, ой, табу!
Неженатые молодые люди носители твоих лепешек,
Ой, табу, табу ему, ой, табу!
Незамужние девицы тебе готовящие лепешки,
Ой, табу, табу ему, ой табу!
Молодые невестки тебе носительницы воды,
Ой, табу, табу ему, табу!

69. Песня про Никкола.

Ой, Никкола, да будет тебе табу, мы тебе молимся,
Ой, наш бог, ой, наш друг, добрый Никкола!
Бедному народу ты всегда помощник,
Ой, наш бог, ой, наш друг, добрый Никкола!
Молимся тебе, просим и мы тебя, помоги нам,
Ой, наш бог, ой, наш друг, добрый Никкола!
В каждом месте уделяй нам своей милости
Ой, наш бог, ой, наш друг, добрый Никкола!
Однажды бедный народ ехал по морю в странствие,
Ой, наш бог, ой, наш друг, добрый Никкола!
Когда они доехали до середины моря,
Ой, наш бог, ой, наш друг, добрый Никкола!
Тогда настигла их большая буря,
Ой, наш бог, ой, наш друг, добрый Никкола!
Корабль их разбил им о камни,
Ой, наш бог, ой, наш друг, добрый Никкола!
Бедный народ погибал на этом месте,
Ой, наш бог, ой, наш друг, добрый Никкола!
Тем временем один бедняк из них взмолился,
Ой, наш бог, ой, наш друг, добрый Никкола!
Ой, Никкола, ведь мы на этом месте погибаем,
Ой, наш бог, ой, наш друг, добрый Никкола!
Да будет нас твоя милость, избавь нас,
Ой, наш бог, ой, наш друг, добрый Никкола!
Если спасешь нас, то устроим в честь тебя пиры,
Ой, наш бог, ой, наш друг, добрый Никкола!

Будем резать в честь тебя белых барашков, подобно
белым курам,
Ой, наш бог, ой, наш друг, добрый Никкола!
В этот час ангелы и архангелы,
Ой, наш бог, ой, наш друг, добрый Никкола!
Были все собраны перед богом,
Ой, наш бог, ой, наш друг, добрый Никкола!
Желтый баран на пир для них у него был зарезан,
Ой, наш бог, ой, наш друг, добрый Никкола!
Туда ведь услышал Никкола мольбу бедняка,
Ой, наш бог, ой, наш друг, добрый Никкола!
В тот же час он исчез из среды ангелов,
Ой, наш бог, ой, наш друг, добрый Никкола!
Опустился он на море к бедному народу,
Ой, наш бог, ой, наш друг, добрый Никкола!
Вывел он из моря бедных людей на сушу,
Ой, наш бог, ой, наш друг, добрый Никкола!
Из их корабля тоже ни куску доски ни ломаному гвоздю
Ой, наш бог, ой, наш друг, добрый Никкола!
Не дал пропасть, да будет ему табу,
Ой, наш бог, ой, наш друг, добрый Никкола!
Тем временем пир ангелов был готов,
Ой, наш бог, ой, наш друг, добрый Никкола!
Как только бог стал благословлять их лепешки,
Ой, наш бог, ой, наш друг, добрый Никкола!
Так и Никкола явился мокрый,
Ой, наш бог, ой, наш друг, добрый Никкола!
Спрашивают его: „Где ты был до сих пор Никкола?“
Ой, наш бог, ой, наш друг, добрый Никкола!
Рассказал им Никкола, где он был.
Ой, наш бог, ой, наш друг, добрый Никкола!
Из-за этого бог среди ангелов для Никкола
Ой, наш бог, ой, наш друг, добрый Никкола!
Выбрал благословенный ахсарфамбал, как долю луч-
шего.
Ой, наш бог, ой, наш друг, добрый Никкола!

— ■ ■ ■ —
Из песен труда.

70. Песня о просе.

Просо наше уродится,
А осенью веселее!

Маленькие ваши плуги хорошо снаряжены!
Во всякой стране все земледельцы
Да будут сыты во всякое время
Просом и пшеницей!

71. Вон в поле готовые плуги.

Вон в поле готовые плуги,
А среди них желтый, пестрый бык,
Это—твое жертвенное животное, высокий Уасгерги!

72. Цалилойта и уалилойта.

Цалилойта и уалилойта,
Ой, в действительности тебе цалилойта!
Ой, наши путники с хорошим имуществом,
С имуществом и с счастливым имуществом,
Ой, наши сохи хорошо снаряжены,
Хорошо и в действительности хорошо снаряжены! -
Наши пахари сыты просом,
Просом и ячменем сыты!

73. Песня про Хуарелдара.

Хуарелдар, Никкола, Уасгерги и Мада-Майран отправились вон в поле пахать. Уасгерги был держателем плуга; Никкола—водителем быков; Мада-Майран—носительницей семян; а Уацелла, покровитель хлебов, сеятелем семян; длинные борозды, широкие нивы они вспахали. Какое просо у них уродилось в тот год! Перепелка плясала под ним; арба ездил по нему. И в этом году пусть на наших нивах уродится такое просо!

74. Есть просо.

Птица изобилия пролетела,
есть просо, есть просо!
Она села на кучу на току,
есть просо, есть просо!

К ней вышла хозяйка,
 есть прссо, есть просо!
 И положила ее в свою полу,
 есть просо, есть просо!
 Занесла ее в кладовую,
 есть просо, есть просо!
 И положила ее в комнатном гнезде в пшеничной муке,
 есть просо, ееть просо!
 Эта пшеничная мука снимается сверху и снизу при-
 бавляется,
 есть просо, есть просо!
 Уасгерги и Никкола вместе странствуют, вместе си-
 дят,
 есть просо, есть просо!
 Они искали то, что полезно людям,
 есть просо, есть просо!
 Захотели они сделать соху,
 есть просо, есть просо!
 Они начали ее делать в неделю Тотура,
 есть просо, есть просо!
 В неделю Тотура сделано ярмо для нее,
 есть просо, есть просо!
 В неделю Тотура сделано ее дышло,
 есть просо, есть просо!
 В неделю Тотура сделано ее ginonæ*),
 есть просо, есть просо!
 В неделю Тотура сделаны ее tævgutæ*),
 есть просо, есть просо!
 В неделю Тотура сделан ее xumvæjnæg*),
 есть просо, есть просо!
 В неделю Тотура сделано ее железо,
 есть просо, есть просо!
 Зашли в Калардо,
 есть просо, есть просо!
 Завернули животных с загнутыми головами (т. е. оле-
 ней)
 есть просо, есть просо!
 И тянут они им в Калардо,
 есть просо, есть просо!
 Это—не скотина (т. е. от них пользы нет),
 есть просо, есть просо!
 И отпускают их,
 есть просо, есть просо!

*] ginonæ, tævgutæ, xumvæjnæg—части сохи.

Завернули кудрявых,
 есть просо, есть просо!
И их впрягли в нее,
 есть просо, есть просо!
Тянут они в чашу,
 есть просо, есть просо!
И эти не полезны народу,
 есть просо, есть просо!
И отпускают их.
 есть просо, есть просо!
Спустились к своим клыкастым,
 есть просо, есть просо!
Они тоже тянут к кучам,
 есть просо, есть просо!
И эти не будут полезны,
 есть просо, есть просо!
И отпускают их.
 есть просо, есть просо!
Родившиеся в неделю Тотура черные быки,
 есть просо, есть просо!
С белыми губами и белыми рогами,
 есть просо, есть просо!
И их впрягли в нее,
 есть просо, есть просо!
Длинные борозды, широкие нивы вспахали,
 есть просо, есть просо!
В тот год у них уродилось просо,
 есть просо, есть просо!
Перепелка плясала под ним,
 есть просо, есть просо!
Арба катилась по нему,
 есть просо, есть просо!
Они для людей—полезные животные,
 есть просо, есть просо!

Махческ. Со слов Аслана Гецати 10 окт. 1903 г.

75. Птица изобилия.

Птица изобилия пролетела,
 есть просо, есть просо!
Она села на ровном току,
 есть просо, есть просо!

Добрая хозяйка выбежала к ней,
 есть просо, есть просо!
Три лепешки на тарелке,
 есть просо, есть просо!
Полная бутылка пива,
 есть просо, есть просо!
Вместе с ними она улетела,
 есть просо, есть просо!
Она села на вершине Уарпп,
 есть просо, есть просо!
Там собрались вокруг нее ангелы и архангелы.
 есть просо. есть просо!
О жизни людей они там совещаются,
 есть просо, есть просо!
Для благополучия людей что нам придумать,
 есть просо, есть просо!
Из дерева сделали соху,
 есть просо, есть просо!
Спустились в лесок,
 есть просо, есть просо!
Привели ветвистоголовых оленей,
 есть просо, есть просо!
Впрягли их в соху,
 есть просо, есть просо!
Попробовали пахать ими,
 есть просо, есть просо!
Посмотрели, сказали,
 есть просо, есть просо!
Эти не годятся для людей.
 есть просо, есть просо!
Оттуда вылетела птица изобилия,
 есть просо, есть просо!
Улетела на вершину Курп,
 есть просо, есть просо!
Тотур устроил для нее плуг,
 есть просо, есть просо!
Рожденных в неделю Тотура черных быков,
 есть просо, есть просо!
С белыми губами и с белыми рогами,
 есть просо, есть просо!
Их в него запрягли;
 есть просо, есть просо!
Широкую ниву, длинную борозду,
 есть просо, есть просо!
Вспахали в течение недели.

есть просо, есть просо!
Эти проса так уродились,
есть просо, есть просо!
Что под ними плясала перепелка,
есть просо, есть просо!
А по ним катилась арба,
есть просо, есть просо!
Какое просо уродилось в тот год,
есть просо, есть просо!
И теперь уродится такое просо:
есть просо, есть просо!

Записано со слов Хадзимата Хадати; ему 70 лет; в 1922 году переселился из Вакаца в Дурдур.

76. Онай.

Онай скажите!
Сын солнца Акула,
У него мать его нартовская Сатана
Делала в течение недели бурку.
Она привела к ней красивых девиц и женщин,
Им она дала сто раз сто чесалок.
С какой дневной благодатью возникла та бурка,
Пусть и эта бурка появится с благодатью того дня!
Скажите онай!
Говорящий онай не раскаивается;
Мальчики ее—серые барашки;
Девушки ее—красные, желтые;
Господин ее (т. е. муж) в большой шубе в накидку;
Его белый бешмет с тонко пришитыми пуговицами;
А сама на похоронах опрятнее всех.
Кто не скажет этого,
Девушки той, мальчики той с кривыми ногами;
Господин ее с широкими ноговицами, с распоров-
шимися кожаными чевяками;
Одежда на нем на половину лохмотья;
А сама среди женщин болтлива,
С открытой пяткой!

Христианское. Со слов Найфонона Худалова 22 июня 1901 г.

77. Песня онай.

Ой, онай, онай, онай!
Знаменитая нартовская Сатана
Делала Урузмагу бурку из ста рун.
Из каждой фамилии она ведь пригласила по девице:
Девяносто девяти девицам она ведь
Дала по одному руну,

Ой, онай, онай!

Каждая из девиц ведь взяла свое руно;
Знаменитая нартовская Сатана ведь села среди них
И пела она им различные песни.

Ой, онай, онай, онай!

Знаменитая нартовская Сатана устала от ожидания
(буквально: вытаращила на них глаза).

Девуцы болтают, подобно весенним птицам,
И никто из них не понравилась Сатана.
А под конец она приводит единственную дочь
Алибега Алумбегова, красавицу Айсана.
Ведь бросает ей ее руно
И пропела ей всякие песни.

Айсана не проронила ни слова.

Бурка ведь готова,

И единственную (дочь) Айсана

Задерживает для своего сына Тайсана в качестве
невесты.

А после этого отправляет каждую девуцу
Домой на арбе,

Ой, онай, онай!

В недельный срок она посылает к Алумбеговым,
Приглашает их к себе в дом на угощение
И угостила их числом в 100 человек очень хорошо,
И после этого родство
Между Нартой и Алумбеговыми укрепилося.

Вакац. Записано со слов Калухти Елмарза летом 1926 г.

78. Выгляните (вторая).

Гости: Выгляните, выгляните!
У порога вашего гости,
И гости хорошие,

Хорошие гости!

Ой, (да будет) утро ваше доброе!

Хозяин: Ой, да придешь здоровым,
Ой, наш гость!
Младшие: Ой, да живешь долго наш хозяин,
А гостю трудно угодить, трудно!
Тому, кто примет гостя хорошо,
Бог до возместит это,
В действительности пусть возместит это!

79. Песня алай.

(Поют девушки и парни при отправлении невесты).

Алай, алай, ой, нартовский алай!
Вон по степи идет добрая невеста,
Алай, алай, ой, нартовский алай!
У нее на одном плече
Как раз добрые лучи солнца,
ой, нартовский алай!
У нее на другом плече
Как раз выточенные колыбели,
ой, нартовский алай!
У нее благословитель лепешек
Наш отец Никкола!
ой, нартовский алай!
У нее охранительница ее,
Ой, Мада-Майран,
ой, нартовский алай!
Ой, а невеста—друг людей ласточка,
ой, нартовский алай!
Она по отношению к своим хозяевам
Имеет доброе сердце,
ой, нартовский алай!
Она будет своего господина
Ублаготворять шелковым своим рукавом,
ой, нартовский алай!

80. Песня про Уасгерги.

Эй, Уасгерги,
Прямого пути, прямого пути, Уасгерги!
Ой, ой, да съедим твои болезни!

Ну и ну, золотокрылый,
Ой, ой, эй, и этот ребенок под твоей защитой!
Эй, и гости—под твоей защитой,
Высокий Уасгерги!
Ну и ну, наш хозяин под твоей защитой, Уасгерги!
Эй, прямого пути, прямого пути, Высокий Уасгерги!
Эй, да съедем твои болезни, Высокий Уасгерги!
Ну и ну, золотокрылый!

81. Песня матери.

Ой, нана, дочь твоя, разводящая утренний огонь,
Выходит замуж!
Ой, нана, дочь твоя, стелющая тебе вечером постель,
Выходит замуж!
Ой, нана, дочь твоя, убирающая утром твою постель,
Выходит замуж!
Ой, нана, дочь твоя, закрывающая вечерний твой
огонь,
Выходит замуж!
Ой, нана, дочь твоя, поддержка в острой твоей нужде,
Выходит замуж!
Ой, нана, дочь твоя, подметающая утром твои полы,
Выходит замуж!
Ой, нана, дочь твоя, приносящая тебе утром воду,
Выходит замуж!
Ой, нана, дочь твоя, поливающая утром тебе на ру-
ки воду,
Выходит замуж!
Ой, нана, ту, которую ты вскормила последним куском,
Сегодня уводит гордый парень
С пением алай—булай!

Со слов Шамиля Абаева.

82. Ридада.

Запевало: Ой, ой. ой,
Уа—рай—да,
Ой, уа—рай—да—ра!
Певцы: Ой, райда,
райда!

Ой, райда,
Уай, райдара,
Уа, счастливое добро!
Вторые певцы: Ой, райда,
Уай, дара,
Уа, счастливый день!

83. Алай.

(Поют девицы).

В счастливый и счастливый день!
Мы отнесем в дом
Друга людей ласточку,
А она будет такой, (которая)
Будет знать старшего, младшего!
А для семьи—масло, мед!
Среди соседей—ангел!
На ее плече лучи солнца
Выточенные колыбели на другом!
Семью семь матрацы,
Восемью восемь одеяла!
Свекру своему на черкеску,
Свекрови— на бешмет,
Нашим свекрам она несет!
На штрипки учкуры,
Или для револьвера золотой шнур,
Или мешочек (кошелечек), хәlin чайшку (?)
Мы будем раздавать младшим!

84. Алай.

В счастливый и счастливый день,
Уай, алай, уай, алай!
Без ветра мягкое солнце,
Уай, алай, уай, алай!
Друга людей ласточку,
Уай, алай, уай, алай!
Мы ведем дому,
Уай, алай, уай, алай!
Знающая старшего, младшего,

Уай, алай, уай, алай!
В доме масло, мед,
Уай, алай, уай, алай!
Среди соседей ангел,
Уай, алай, уай, алай!
А она будет такой,
Уай, алай, уай, алай!
Мы отводим в дом,
Уай, алай, уай, алай!
Счастливую и счастливую душу,
Уай, алай, уай, алай!
Семью семь матрацы,
Уай, алай, уай, алай,
Восьмью восемь одеяла,
Уай, алай, уай, алай!
Будет в сундуке невесты,
Уай, алай, уай, алай!
Доля свекрови и доля свекра,
Уай, алай, уай, алай!
Из белого шелка на бешмет,
Уай, алай, уай, алай!
Из тонкой шерсти на черкеску,
Уай, алай, уай, алай!
Для младших чудеса,
Уай, алай, уай, алай!
На штрипки, учкуры,
Уай, алай, уай, алай!
Из грубой шерсти—учкур,
Уай, алай, уай, алай!
Для револьвера его—золотой шнур,
Уай, алай, уай, алай!

85. Песня про Бута.

(из песен—памфлетов).

- а) Уайра, уайтау!
 Гуаздаров Бута,
 Уайра, уайтау!
 Был в Моздоке,
 Уайра, уайтау!
 Что он им привез?
 Уайра, уайтау!

Большие драгоценности:
 Уайра, уайтау!
В одном кармане
 Уайра, уайтау!
Только головку конопли,
 Уайра, уайтау!
В другом кармане
 Уайра, уайтау!
 головку,
 Уайра, уайтау!
в) Бута приехал
 Уайра, уайтау!
Из великого Моздока,
 Уайра, уайтау!
Его жена у него
 Уайра, уайтау!
Радуетя,
 Уайра, уайтау!
Теперь он мне привез
 Уайра, уайтау!
Полные свои карманы.
 Уайра, уайтау!
Бута опускает руку
 Уайра, уайтау!
В карманы.
 Уайра, уайтау!
Как он не привез
 Уайра, уайтау!
Больших драгоценностей
 Уайра, уайтау!
Полные свои карманы!
 Уайра, уайтау!
В одном своем кармане
 Уайра, уайтау!
Головку большой конопли,
 Уайра, уайтау!
В другом своем кармане,
 Уайра, уайтау!
 головку,
Уайра, уайтау!

VI. Колыбельные песни.

86. Жук.

Вон жук летит,
Не жук, а майский жук!
Люди попарно на лошадях.
Сирдон на ослице.
Дверь неба открылась;
Оттуда вышла желтая лошадь;
Не желтая лошадь,
А совершенно красная лошадь!
Кто завязывал хвост лошади?
Сирдон завязывал, крепко завязывал,
Но не мог этого;
Завязал его грубыми узлами,
Спрятал его под подушкой.
— Нартовский Сирдон, о Сирдон!
Дай мне одну свою стрелу!
— На что тебе моя одна стрела?
Что ты сделаешь одной стрелой?
— Убью ею оленя, убью свинью;
Приведу зайца за ушко;
Для нана из нее теплая шуба,
А для баба глубокая шапка!

Махческ. 21 окт. 1899 г.

87. Пойду в село.

Пойду, пойду в село!
По сельской дороге что мне найти?
Под кустом руно шерсти;
А внутри его гребешок;
Гребешок для нана;
Нана мне булочку;
Эту булочку суке;
А она мне черного щенка;

Злой щенок для пастуха;
Пастух мне желтого барана;
Желтого барана богу;
А бог мне мягкий дождик;
Мягкая роса праведной земле;
А она мне зеленую растительность;
От сока земли пестрая корова
Будет приносить ведро молока.

Махческ. 21 окт. 1899 г.

88. Кому дать чугунок молока?

Кому дать белое молоко?
Кто будет пить полный чугунок?
Дочери Гега чугунок.
— Нет, нет, мое солнце, не даю;
То, что делает дочь Гега,
Пусть делает злейший враг;
Она ноет и стонет,
Ищет готовую жизнь;
Она брезгает корытом,
Она ищет выточенные колыбели;
Она требует золотых повязок;
Не хочет она (ложиться) на войлок;
Она ноет и стонет;
Ищет готовую жизнь;
Не хочет быть завязанной в колыбели
И таким образом она лопнула.

Махческ. 21 окт. 1899 г.

89. Отрок (младенец).

Баюшки, баю,
Баю, баюшки, баю!
Полный чугунок молока
Я дам отроку (младенцу).
Он не капризничает,
Спит и в старой шубе;
Не плачет из-за хорошей жизни,
Несет дрова вязанками;

Подобно горцу, силен спиной;
Будь, отрок, широкогрудым!
Принеси вязанку дров
С треском из сухих берез!
Вязанка дров печке,
А она нам на расход на целый год
Запекшийся чурек, пылающий огонь,
Свет глаз и жизнь души!

Махческ. 21 окт. 1899 г.

90. Собачья ножка.

Твоя ножка, твоя ножка!
И собаке мы ее не дадим.
Будет ли приносить ею просо или пшеницу,
Пусть будет для благополучия жизни!
Как раз у нас дома
Ложно спрятана твоя ножка в яме проса;
Пусть стучает здоровой,
По твоему желанию без страха.
Пусть топает твоя ножка,
В ямах, наполненных пшеницей,
Пусть сможет, выдержит
Тебя занять вместо этого.

91. Шапочка.

Твоя, твоя, твоя,
Золотая твоя шапочка!
А из шелка твоя одежда
Вместе с алмазами и жемчугами;
Острая сталь— твоя защита,
Желтый булат—твоя шашка;
Крепкая башня—место твоего ночлега;
А углы полны всяким добром;
Кресло—твое сидение;
Пусть живет долго для нашей славы!
Глаза твои, подобно зрению ястреба;
Руки твои—на все небо;
Бока крепки, подобно горе;
Щеки твои гладки, подобно яйцу.

Сила твоя—равна силе медведя;
Сердце твое—волчье сердце;
Товарищ по скорости туче и урагану,
Да будешь ты счастливой душой для своей матери.
Махческ. 21 окт. 1899 г.

VII. Причитания (заплачки).

92. Заплачка (первая).

О, не насытившееся жизнью солнце, перед которым предстала жадная смерть, которое борется с ней! Когда пред ним предстает его ровесник, то хочется ему поиграть с ним. Так ведь он говорит: „Выздоровею я!“ Жестокая смерть об этом не спрашивает. Ведь он обещает своему высокому кормильцу-отцу: „Я сниму у тебя с твоего плеча твою косу!“ Это тебе ведь не удалось! О, да оставишь свои задушевные слова в своем сердце! О, бедный твой день! Наступило время танцев, но не дойдешь ты до своего убранства! О, у него его высокие кормильцы, мать его, отец его, остаются с плачущим сердцем, говорящими устами! Нежная его родительница так ведь говорит: насколько он вырос для своей смерти. настолько (рано) он умирает! Для себя она дает ложные надежды: он снимет мою кадушку с моего плеча; возьмет из моих рук мою метелку. Жестокая смерть ведь этого не ждет, мой день! Когда он выходит на край танцев, у него заболевает живот. „О, нана! живот у меня болит!“ В тот же час она стелит ему длинную постель, он умирает (исчезает)! О, нана! Какая ты бедная, какие надежды ты на него возлагала! О, бедные твои дни, черная его родительница! Когда его ровесники будут отправляться на работу; когда гордые парни проедут мимо черной (т. е. носящей траур), родительницы, тогда она падает на колени во весь рост, усталая от сидения! О, бедный одинокий! Одинокий беднее и леса и камня! Чем он беден? Если будет в доме, то снаружи (все) достойно плача (т. е. некому убирать); будет вне дома, в доме все достойно плача!

Махческ. 15 марта 1901 г.

93. Заплачка.

(вторая)

О, работающий много, не устающий! О, тот, кто знал много, кто работал много!.... О, тот, кто в день нужды был

кошелек денег; кто в день скота был покровителем скота Фалвара.... О, стоячая гора, движущаяся башня да содрогнется от основания! Тот, кто был широкоплечий, с тонкой талией, с красивым станом, сложен по волоску оленя!... Тот, кто странствовал ночью, как днем, да будет странствующий ночью—товарищем тучи! Да будет он на сером коне, подкованном серым железом! О, тот, кто построил высокие хоромы, низкие входы, из них кто ничего не видел! Черный сокол, желтый ястреб, да падет он с основания! О, какой ты бедный, как много ты бесцельно трудился! О, да останется твоя доля Дигории безпризорной! Хорошо выхоленный конь да исчезнет вместе с уздечкой! О, какой ты бедный! Тот, кто не женил своего сына, кто не выдал дочь свою замуж! О, какой ты бедный! Чтобы ты стремился к этому, да не достигнешь их!

Махческ. 16 марта 1901 г.

94. Заплачка

(третья)

О, какая ты бедная! Ожидала единственного; сидела с потухшей головой, с золой в руке, а сама, родивши двадцать, из двадцати жила со страхом для одного. Ночью спала с тревогой, а днем сидела с трепетом. Из шерсти одной овцы она делала мягкое сукно; для длинной ночи боялась рассвета (дня); для длинного дня боялась ночи от чрезмерного трудолюбия! О, работающая много, неустоящая! О, какая ты бедная! Булатные ножницы, египетские иголки да сломаешь на себе подобно стальной иголке! О, мягкое солнце без ветра, ангел семьи, да будешь пахать своими ногтями! Чтобы ты не видела ничего из больших своих трудов! О, какая ты бедная! Чтобы ты ожидала одного, его радости ты не достигла! О, бедный одинокий! Чем ты отплатишь за труды своей трудолюбивой матери? О, бедный одинокий, какой бедный ты был! Да не насытишься ты от странствования за своей белой барантой! О, да останется пастушья твоя палка воткнутой у края баранты! Да не сменишь мокрой своей шубы, да не бросишь! О, да останется в черном лесу твоя белая баранта без призора!

Махческ. 15 марта 1901 г.

VIII. Обычай *mærdæhdau*.

95. *Дадай*.

Вопленница:	Дадай!
Другие:	Дадай!
Вопленница:	Дададай!
Другие:	Дадай!
Вопленница:	Дададай!
Другие:	Дадай!
Вопленница:	Бедный одинокий
Другие:	Дадай!
Вопленница:	Да погибнет!
Другие:	Дадай!
Вопленница:	Очаг мой холодный!
Другие:	Дадай!
Вопленница:	Кожа моя снята!
Другие:	Дадай!
Вопленница:	Дададай!
Другие:	Дадай!
Вопленница:	Как я буду жить?
Другие:	Дадай!
Вопленница:	Как я буду ходить?
Другие:	Дадай!
Вопленница:	По черным лесам!
Другие:	Дадай!
Вопленница:	Подобно черной вороне
Другие:	Дадай!
Вопленница:	Буду скитаться!
Другие:	Дадай!
Вопленница:	Дададай!
Другие:	Дадай!
Вопленница:	Его дети,
Другие:	Дадай!
Вопленница:	Плача, пошатываясь,
Другие:	Дадай!
Вопленница:	Остались!
Другие:	Дадай!
Вопленница:	Ни одного приюта,
Другие:	Дадай!

Вопленница:	Ни одной улыбки
Другие:	Дадай!
Вопленница:	Нет для них!
Другие:	Дадай!
Вопленница:	Серые его камни,
Другие:	Дадай!
Вопленница:	За дверями,
Другие:	Дадай!
Вопленница:	Переваливаясь,
Другие:	Дадай!
Вопленница:	Смотрят грустно!
Другие:	Дадай!
Вопленница:	Дададай!
Другие:	Дадай!
Вопленница:	Улыбающееся его солнце
Другие:	Дадай!
Вопленница:	У порога
Другие:	Дадай!
Вопленница:	Под льющейся водой
Другие:	Дадай!
Вопленница:	Стоит с плачем!
Другие:	Дадай!
Вопленница:	Дададай!
Другие:	Дадай!
Вопленница:	Ох, апа!
Другие:	Дадай!
Вопленница:	Как ты будешь жить?
Другие:	Дадай!
Вопленница:	Гордая жена
Другие:	Дадай!
Вопленница:	Ведь уходит!
Другие:	Дадай!
Вопленница:	Широкий двор,
Другие:	Дадай!
Вопленница:	Тесная комната
Другие:	Дадай!
Вопленница:	Вместе с детьми,
Другие:	Дадай!
Вопленница:	Подобно дичи шайтана,
Другие:	Дадай!
Вопленница:	Будет кричать!
Другие:	Дадай!
Вопленница:	Дададай
Другие:	Дадай!

Женщины, приехавшие для выражения соболезнавания,

слезают на значительном расстоянии от дома, иде покойник, и становятся рядами по старшинству. Когда они доходят до ворот, то вопленица (буквально; женщина, умеющая причитать) начинает причитать, а другие плачут сильно. Они останавливаются посреди двора, плачут долю, а потом одна из них начинает „Дадай“ и заходят к печальным женщинам в комнату, по старшинству, ударяя себя по лбу и по коленям.

IX. Посвящение.

96. Посвящение (первое).

О, боже! И мертвого и живого ты создал и да будет тебе слава (tabu)! А ты, Цора, да будешь светел! Какое в царстве мертвых существует обыкновение, от того выпроси добра; охрани от зла, от дурного дела! От дара Барастура царства мертвых вот эти пусть стоят перед тобой! Летом они пусть у тебя не смердят, а зимой пусть не леденеют! То, что тебе дадут сваренным, пусть прибавляет к сырому изобилие! Пусть они у тебя будут сверху снимающимися и снизу умножающимися! До тех пор, пока на равнине будет вертеться колесо, а в горах катиться камень, до тех пор пусть перед тобой будет наполняться все больше и больше! Достойному доли дай долю, против воли никому не давай доли! Эта пища и питье пусть в таком виде стоят перед тобой! Да будешь ты с полным столом и с проливающимся бокалом! Да будешь светел! То, что тебе дали, пусть даст тебе вкус земли Египетской, Месопотамской! Там, где древесное масло пьют вместо воды, ладан жгут вместо свечи (ламп), да будет место твоего сидения! То, что на тебя потратили, да будет тебе посвящено и да стоит в царстве мертвых перед тобой, все больше и больше умножаясь! Да будешь светел! Покойницкая одежда твоя (да будет) белая, могила твоя светлая, путь твой—расчищенный; рот твой—всполоснутый, в таком виде да будет твое место перед Барастуром царства мертвых там, где находятся добрые святые! Да будешь светел! Да помилует тебя бог! Споспешествуй нам в урожайной ниве, урожайном сенокосе! Да будешь светел! Да сидишь ты в раю!

Махческ. Со слов Хохти Малцига 26 февр. 1900 г.

97. Дигорское посвящение.

Посвящающий: О, добрые люди, те, которые пришли из-за этого покойного, скажите светел!

Люди: Светел да будет, светел!

Посвящающий: Тот единый бог, у которого нет равного (буквально: товарища), мертвого и живого ты создал, потому и живые под твоей защитой и те, которые находятся в лучшем мире, под твоей защитой! Он был щедр, он был добрый человек, посвятите ему свой труд!

Люди: Светел да будет, светел!

Посвящающий: Могила его да будет светла; покойническая одежда его бела! Да пользуется возможностью есть, пить! Да будешь ты с полным столом, с льющимся через край бокалом! Пусть никто не превосходит его в силе, не одолеет его! Жадность его убита, жажда его утолена! Пусть ниоткуда до него не дойдет неприличное слово! Достойному доли дай долю! Против воли никому не давай доли! То, что сварено в память твоего имени, да будет посвящено тебе! К сырому прибавляй изобилие! До тех пор, пока в горах будет катиться камень, а на равнине будет катиться колесо, пусть стоят перед тобой чистыми! Пусть летом они у тебя не смердят, пусть зимой они у тебя не леденеют! Там, где древесное масло пьют вместо воды, жгут ладан вместо свечи, на этом почетном месте да будет твое местопребывание вместе с почетными, изнеженными и праведными! То, что тебе дают, пусть будет иметь для тебя вкус Месопотамской, Египетской пищи!

О, единый бог! Да будет слава тебе самому, единый бог! Как дом их ему посвящает, Барастур царства мертвых—владыка над царством мертвых, и в его руке что за закон, что за творчество есть, и от него пусть будут ему так посвящены! А теперь споспешествуй добру остающимся! Для тех, кто остался в доме, старайся об урожайной ниве и урожайном покосе! А тех, которые этих людей заставляют помянуть тебя, бог да удостоит в земной жизни праведной жизни!

О, добрые люди, да будет он светел! Скажите светел (т. е. помяните его)!

Люди: Да будет светел!

После посвящения посвящающий проливает на пол напиток и говорит: „Светел“, а потом посыпает пищу солью.

Записал со слов Цагаева Маюмета в Задалеске Базиев Георгий Иналович летом 1909 г.

Х. Заговоры (буквально: благословения глаза).

98. Заговор против скота.

Если скотина увидит водяную мышь, или если не в состоянии будет мочиться, то распухает и погибает, если не будет произнесен заговор. Так предполагает народ. Для того, чтобы скотина осталась невредимой, необходимо произнести заговор:

Над солнцем звезду я видела;
Из пасти змея лягушку я спасла;
Из своего рта я мышь вытащила.
На нихасе трое мужчин сидели,
Они—мои свидетели!
Насколько правдиво это говорю,
Настолько лекарством да будет
Той скотине, на которую я плюнула.

Лицо, произносящее заговор, говорит эти слова тайно, на скотину оно дует и плюет.

99. Заговор против скота.

(второй)

Во рту быка лист тает;
Во рту коровы соль тает.
Над солнцем звезду я видела,
Из пасти змея лягушку я спасла;
Увидела я у источника нашего (буквально: у места,
откуда берут воду) водяную мышь.
Насколько правдиво это я говорю,
Настолько эту скотину ее болезнь да освободит!

Лицо, произносящее заговор, плюет на скотину, дует и под ее ногами оно разматывает узлы из нитки, грубые узлы, узлы от болезни мочеиспускания. Народ верит, что если произносящее заговор лицо произнесет их усердно, или же, если оно завяжет эти грубые узлы, произнося эти

слова, и потом развяжет одним приемом, то скотина будто бы сразу выздоравливает: ее освобождает вздутие живота или же она намочится.

100. Заговор против сглаза ребенка.

Глаз матери, отца,
Глаз брата, сестры;
Глаз невестки, деверя,
Глаз соседа, близкого...
Я решетом воду носила,
Из песку я нитку вью.
Насколько ложно я говорю,
Настолько да исцелись от своих болезней!

И плюет она на ребенка, а кусок соли сует в огонь, и когда она (соль) трескается, то громко произносит:

„Глаз того, кто сглазил,
Пусть лопнет подобно ей!“

101. Заговор против сглаза ребенка.

(второй)

Глаз оленя, ухо оленя,
Глаз матери, отца, ухо...
Глаз гостя, остающегося (?)
Глаз соседа, общества!
Под Майраном семь девиц сидят;
Они из золота дуги делают;
Они дуги брови показывают;
Из масла шашлык готовят.
Как они ложны,
Так от болезни, от зла да будешь чист!
Глаз того, кто сглазил, в огне да сгорит!

Лицо, произносящее заговор, говорит эти слова на ухо ребенку тайно, нежно подувая и делая нежные плевки. А вместе с последними словами она сует в огонь кусок соли, и когда она трескается, то громко произносит:

Глаз того, кто сглазил тебя,
Пусть так же лопнет!

А после лицо, произносящее заговор, кладет ребенка на свою грудь и поет ему детские песни; таким образом ребенок засыпает.

Христианское. 14 июля 1920 г.

102. Заговор против сглаза ребенка.

(третий)

Ребенок воспринимает и глаз своей матери и своего отца, а не то воспринимает глаз своей сестры и своего брата, а потому, когда близкие ласкают своего любимого ребенка, то должны сказать следующие слова:

Глаз матери, отца;

Глаз брата, сестры;

Глаз соседа, гостя

Не воспринимай, осленок, щенок!

И пусть плюнет на ребенка и скажет:

Иш—аллах!

103. Заговор против сглаза ребенка.

(четвертый, со слов Мина)

Сафа, небесный Сафа!

Этот ребенок—под твоей защитой!

Глаз матери, глаз отца;

Глаз соседа—злой!

К этому ребенку злой глаз,

Злое сердце кто будет иметь,

Тот да скитается босиком по терновнику!

Пища его—овес, хлеб—из непросеянной муки;

Нива его—на скале;

Сенокос—над очагом!

К ним пусть носит воду решетом,

Пусть сожжет на острее топора!

А после этих слов пусть проденет три раза кусок соли через звенья надочажной цепи, говоря: „Сафа, небесный Сафа! Этот ребенок под твоей защитой!“ И пусть бросит кусок соли в жар и скажет:

Глаз того, кто сглазил,

Пусть также лопнет!

Христианское. 31 августа 1920 г.

XI. Детские игры.

104. Сухсун.

(Билилиу детских игр)

Кто заговорит, кто заговорит...
Вон был осел в горах с болячками;
У него на спине
Большой нарыв и прыщ были!
Осел упал с кручи!
Вот здесь он раздулся,
Издох!
Кто заговорит, кто заговорит,
Тот пусть откусит от прыща осла один кусок,
Из его супа сделает один глоток!
Тпуу! Сухсун!

Мальчики умолкают и стараются, чтобы кто-нибудь из них заговорил раньше или же засмеялся. Они, подобно немому, делают (букв.: показывают) различные смешные действия. Тот, кто ошибется первый, бывает виноват, и билилиу переходит к нему.

105. Фада—фаста (из детских игр)

Фада, фаста! След, веретено!

Во время этой игры дети оборачиваются друг к другу спинами; руками своими поднимают по очереди на спине друг друга и говорят: „фада. фаста, след, веретено!“

106. Агла, догла.

Дети [мальчики] садятся в ряд и выставляют свои ноги. Один из мальчиков берет палку и идет сверху вниз, ударяя [палкой] ноги, и говорит:

Агла, догла,	Койраг, кустун,
Ахседага, фариндага;	Товарищ оленя;
Полный, с сосцами;	Дорога, удар!

На кою падет последнее слово „удар“, у того бьет ногу. Тот, чью ногу ударит, должен встать с места; счетчик должен сесть ниже всех, а другие должны подвинуться (поменяться) со своих мест. А после этого новый счетчик снова начинает игру.

ОГЛАВЛЕНИЕ

I. Нартские сказания.

	Стр.
1. Ахсар и Ахсартак	3
2. Болат-Хамиц	6
3. Сказание о рождении Сослана и Сирдона	7
4. Пир Урузмага	8
5. Сослан и сын Тотраза Алибег	12
6. Смерть Сослана и Колесо Ойнона	15
7. Как Сослан отправлялся о царство мертвых	18
8. Рождение Батраза	19
9. Танец нартов	21
10. Сказание о Деденаге	28
11. Печальные дни Нарты	31
12. Черная лисица Нарты	32
13. Боряевы и Ахсартаккаевы	38
14. Курдалагон	42
15. Войска крепости Гори	43
16. Шапка-невидимка Нарты	47
17. Дочь Адакезы Уадзафтауа	49
18. Сослан и сын Хамица Батраз	52
19. Сын Нокара Ахса-Будай	53
20. Шуба Сослана	55
21. Нартовское зло Сирдон	57
22. Тизмуда и бесподобный танец нартов	59
23. Насиран-алдар	63
24. Елахсардтон и Негор-алдар	68
25. Старый Уархаг	70

II. Сказания про Ахсак-Темура.

26. Ахсак-Темур	74
27. Ахсак-Темур	75
28. Каким образом Ахсак-Темур прибыл в Дигорию	76

III. 29. Сказание про Одинокого	79
---	----

IV. Сказки.

30. Ханы и русские	81
31. Эрзерумский охотник	82
32. Алибег	88

	Стр.
33. Сын Хана	93
34. Сказка о ханском сыне	97
35. Елук	100
36. Ханы и немой мальчик	103
37. Бедные муж и жена	108
38. Две мыши	110
39. Лиса и перепелка	111

V. Старинные песни.

40. Тарион Тулабег	112
41. Сари-Асланбек	116
42. Дзандзирак	122
43. Песня про сына Уахатага	123
44. Песня про пастуха Белой горы	124
45. Павшие в битве	125
46. Песня про Дзамболата Дзагурова	126
47. Песня про красавицу Черной скалы	126
48. Басилта	127
49. Выгляните	127
50. Приходи живым	127
51. Козел	127
52. Стоветвистый олень	128
53. Счастливая семья	128
54. Дива и чудеса	128
55. Песня про Мада-Майран	129
56. Песня про Уасгерги	129
57. Песня про Мада-Майран и бога отца	129
58. Песня про Уасгерги	129
59. Песня про Науруза	130
60. Пастух Щебеночного ущелья	130
61. Песня про великого бога	130
62. Песня про Никкола	130
63. Песня про Уасгерги и Никкола	131
64. Уасгерги	131
65. Песня про Уасгерги	132
66. Уасгерги	132
67. Песня про Тотура	132
68. Песня про Алаурди	132
69. Песня про Никкола	133
70. Песня о просе	134
71. Вон в поле готовые плуги	135
72. Цалилойта и уалилойта	135
73. Песня про Хуарелдара	135
74. Есть просо	135
75. Птица изобилия	137
76. Онай	139

	Стр.
77. Песня онай	140
78. Выгляните	140
79. Песня алай	141
80. Песня про Уасгерги	141
81. Песня матери	142
82. Ридада	142
83. Алай	143
84. Алай	143
85. Песня про Бута	144

VI. Колыбельные песни.

86. Жук	146
87. Пойду в село	146
88. Кому дать чугунок молока?	147
89. Отрок	147
90. Собачья ножка	148
91. Шапочка	148

VII. Причитания.

92. Заплачка	149
93. Заплачка	149
94. Заплачка	150

VIII. Обычай mærdæhdau.

95. Дадай	151
---------------------	-----

IX. Посвящение.

96. Посвящение	153
97. Дигорское посвящение	154

X. Заговоры.

98. Заговор против скота	155
99. Заговор против скота	155
100. Заговор против сглаза ребенка	156
101. Заговор против сглаза ребенка	156
102. Заговор против сглаза ребенка	157
103. Заговор против сглаза ребенка	157

XI. Детские игры.

104. Сухсун	158
105. Фада-фаста	158
106. Агла-догла	158

Издания Осетинского Научно-Исследовательского Института Краеведения.

1. Известия Института. Выпуск 1-ый 1925 г. Ц. 3 руб.
2. Памятники народного творчества осетин. Выпуск I. Нартские народные сказания. Ц. 75 коп.
3. Материалы к экономической характеристике осетинской деревни:
 - 3 крестьянских бюджета сел. Зильги. Вып. I. 1925 г., ц. 40 коп.
 - 4 крестьянских бюджета сел. Христианского. Вып. II. 1925 г., ц. 40 коп.
 - 4 крестьянских бюджета сел. Ардон. Вып. III. 1925 г., ц. 40 коп.
 - 8 крестьянских бюджетов Горной полосы. Вып. IV. 1926 г., ц. 75 коп.
 - 6 казачьих бюджетов ст. Николаевской. Вып. VI. 1926 г., ц. 50 коп.Крестьянские бюджеты Сев. Осетии. Сборный выпуск 1926 г., ц. 1 р. 50 коп.
4. Земельные угодья Сев.-Осетин. Автономн. обл. Часть I. Плоскость. 1926 г.
5. Цейский курорт и сезонные наблюдения над больными в 1925 г., д-р Езеев.
6. Программа для собирания материалов по осетин. языку и устному творчеству. 1926 г. Г. А. Дзагуров.
7. Очерк по истории Осетии, ч. I. 1926 г. Кокиев Г. Цена 1 руб.
8. В стране нартов (осетинский марш). Зилга (осетинская плясовая) для фортепиано в 2 руки. В. Долидзе. Цена 40 к.
9. Известия Института. Вып. II. 1926 г. Цена 3 руб. 50 коп.

ЦЕНА 2 руб. 50 коп.

СКЛАД ИЗДАНИЙ:

**ВЛАДИКАВКАЗ, УЛ. СОВЕТОВ, 9, ОСЕТИНСКИЙ НАУЧНО-
■ ■ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ КРАЕВЕДЕНИЯ. ■ ■**

